

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2023 № 3 (29)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 3 (29). 2023

Published since 2016

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2023. № 3 (29)

Издается с 2016 г.

Редакция

Главный редактор

Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Екатерина Евгеньевна Дмитриева (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Алена Эдвартовна Исахаян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Маргарита Вадимовна Черкашина (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *М.Л. Андреев* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.А. Богомолов* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Ф. Кофман* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лоцилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *П.М. Лавринец* (Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Фоскарі, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна – Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская 25 а

Тел: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

Сайт: <http://litfact.ru/>

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

The journal is registered in The Federal Service for
Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296,
September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alena E. Isakhanyan* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Margarita V. Cherkashina (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia), *Mikhail L. Andreev* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Nikolay A. Bogomolov* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrey F. Kofman* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA, USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia), *Mikhail V. Stroganov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Pavel M. Lavrinets* (Vilnius University, Vilnius, Lithuania), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatinin* (University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi* (University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel), *Lazar S. Fleishman* (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schrubba* (Milan University, Milan, Italy)

Address: Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia

Phone: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

www.litfact.ru

Содержание

Литературный факт. 2023. № 3 (29)

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- А.Ю. Балакин.* «Георгики» Вергилия в переводе А.Ф. Воейкова:
История создания и забвения 8
- Приложение. Публий Вергилий Марон. «Георгики». Перевод А.Ф. Воейкова.
Подготовка текста А.Ю. Балакина и В.В. Зельченко 24
- Е.Н. Строганова, О.А. Карпова.* «Светоч».
Неопубликованный отклик на смерть Н.Д. Хвоцинской 91

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

- Н.Н. Акимова.* Переписка Ф.В. Булгарина и А.Ф. Воейкова 108
- А.И. Рейтблат.* Переписка Ф.В. Булгарина и К.Ф. Калайдовича 136

БИОГРАФИКА

- М.А. Перепелкин, О.В. Пелевина.* «Следуют пункты».
К истории взаимоотношений М. Горького с «Самарским вестником»
и Р.Э. Циммерманом 155
- Н.М. Солобай.* Неизвестные материалы об издательской деятельности
Есенина (1921 г.) 174
- Андрей Устинов.* Бурная жизнь Евгения Кумминга: в Москве (1918–1921) 186

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

- М.С. Макеев.* К вопросу о месте «Пролога» в тексте
«Кому на Руси жить хорошо» 230

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

- А.В. Геворкян, М.В. Строганов.* О правде и этике некролога:
В.Г. Короленко и М.А. Протопопов в 1904 г. 238
- Олег Лекманов.* «Левада» Владимира Нарбуто:
опыт дешифровки сложного стихотворения 266
- А.С. Акимова.* «Зажечь критическую мысль»:
дискуссии 1934–1935 гг. о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» 280
- О.И. Щербинина.* «Уплывало семеро романтиков». Первая поездка
группы советских журналистов в США эпохи «оттепели» 293

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

- С. Панов.* К рецепции немецкого экспрессионизма в СССР:
Неизданная статья П. Когана о И. Бехере 323

Contents

Literary Fact. 2023, no. 3 (29)

FROM CREATIVE HERITAGE

<i>Alexei Balakin. Georgics</i> by Virgil, translated by A.F. Voeikov: History of Creation and Oblivion	8
Addendum. Publius Vergilius Maro. <i>Georgics</i> . Translation by A.F. Voeikov. Prepared for the publication by <i>A. Balakin</i> and <i>V. Zeltchenko</i>	24
<i>Evgeniia Stroganova, Olga Karpova. The Torch</i> . Unpublished Response to N.D. Khvoshchinskaya's Death	91

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

<i>Natalia Akimova</i> . Correspondence of F.V. Bulgarin and A.F. Voeikov	108
<i>Abram Reitblat</i> . Correspondence of F.V. Bulgarin and K.F. Kalaydovich	136

BIOGRAFICA

<i>Mikhail Perepelkin, Oksana Pelevina</i> . "Points to Follow". On the History of Relations between M. Gorky and "Samarsky Vestnik" and R.E. Zimmerman	155
<i>Nina Solobay</i> . Unknown Materials about Esenin's Publishing Activity (1921)	174
<i>Andrei Ustinov</i> . The Stormy Life of Evgeny Kunning. Moscow, 1918–1921	186

TEXTOLOGY ISSUES

<i>Mikhail Makeev</i> . On the Place of "Prologue" on the Text of the Poem "Who Lives Well in Russia"	230
--	-----

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

<i>Armen Gevorkyan, Mikhail Stroganov</i> . On the Truth and Ethics of the Obituary: V.G. Korolenko and M.A. Protopopov in 1904	238
<i>Oleg Lekmanov. Levada</i> by Vladimir Narbut: An Experience of Deciphering a Complex Poem	266
<i>Anna Akimova</i> . "To Spark the Critical Idea": Debates on A.N. Tolstoy's Novel <i>Peter the Great</i> in 1934–1935	280
<i>Olga Shcherbinina</i> . "Seven Romantics Sailing Away": Soviet Journalists on the First Cultural Exchange Visit to the US during the Khrushchev "Thaw"	293

FROM SCIENTIFIC HERITAGE

<i>Sergei Panov</i> . On the Reception of German Expressionism in the USSR: Unpublished Article by P. Kogan about Johannes Becher	323
--	-----

Литературный факт.
2023. № 3 (29)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (29), 2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-8-90>
<https://elibrary.ru/IFLLAA>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Георгики» Вергилия в переводе А.Ф. Воейкова. История создания и забвения

© 2023, А.Ю. Балакин

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье реконструируются три этапа работы А.Ф. Воейкова над переводом «Георгики» Вергилия, предпринятого им «в соревновании» с переводами античной эпической поэзии А.Ф. Мерзляковым и Н.И. Гнедичем. Первоначально (около 1813 г.) Воейков переводил латинского поэта 6-стопным ямбом с перекрестной рифмовкой, во многом ориентируясь на французский перевод Жака Делиля (1769), считавшийся «образцовым». Но под воздействием инициированной эллинофилом С.С. Уваровым «полемики о гекзаметрах» Воейков примкнул к победившей точке зрения — о приоритетности передачи античного эпоса русским дактилическим гекзаметром, и переработал свой перевод, рассчитывая на успех и императорское благоволение, подобные тем, что снискала гнедичева «Илиада». Но несмотря на посреднические хлопоты В.А. Жуковского, Воейков никакой царской милости не удостоился. В конце 1810-х гг. он в третий раз кардинально меняет стратегию своего перевода «Георгики», стремясь к эквилинеарности и отказываясь от оглядки на опыт Делиля. Эта последняя редакция осталась неизданной и публикуется по архивной рукописи в Приложении к данной работе.

Ключевые слова: переводы поэтические, русский гекзаметр, «Георгики» Вергилия, А.Ф. Воейков, Ж. Делиль, С.С. Уваров.

Информация об авторе: Алексей Юрьевич Балакин — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7194-5461>

E-mail: balakin@inbox.ru

Для цитирования: Балакин А.Ю. «Георгики» Вергилия в переводе А.Ф. Воейкова. История создания и забвения // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 8–90. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-8-90>

Среди первых русских переводчиков Вергилия не было человека более случайного, чем Александр Федорович Воейков.

Он не знал латинский язык так основательно, как Гонорский, не обладал столь обширными познаниями в античной поэзии, как Мерзляков, его поэтический дар был гораздо более скромным по сравнению с Гнедичем или Жуковским. Однако ему первому удалось осуществить полный перевод на русский язык размером подлинника двух ключевых произведений античной литературы — поэм Вергилия «Буколики» и «Георгики».

1

В биографии Воейкова много белых пятен и темных мест. Собственно, вплоть до 1813 г., которым датируются первые подступы поэта к Вергилию, сведения о его жизни случайны и отрывочны.

Родился он, по-видимому, в 1779 г.¹, скорее всего, в Москве, хотя сам Воейков называл своей родиной Рязань². Образование он получил в Московском университетском пансионе, где учился с 1791 по 1796 г.; его сокурсниками были Василий Жуковский и братья Андрей и Александр Тургеневы. Возможно, к тому же времени относятся и первые литературные опыты Воейкова, но нам о них ничего не известно. Свидетельства о его учебе и о степени его компетентности в иностранных языках противоречивы. Благожелательный к Воейкову Е. Колбасин пишет, что он «был *первым учеником* Московского Университетского пансиона: имя его было записано на золотой доске пансиона. <...> Жуковский, человек чрезвычайно образованный, всегда завидовал его обширным сведениям, и в этом отношении, быть может, только один Карамзин, работавший над собою постоянно, был выше Воейкова» [7, с. 250]. Иную картину рисуют недоброжелатели Воейкова. Вот свидетельство Н.И. Греча: «Воейков имел природное остроумие и дар писать стихи, знал, [с грехом пополам], французский язык и более ничего»³. Ему вторит К.А. Полевой, утверждавший, что Воейков «был не образован, не знал ничего основательно, и не способен был ни заниматься, ни работать прилежно. <...> Воейков понимал французский язык, хотя говорил на нем плохо и с отвратительным акцентом; он прочитал не-

¹ См. его дневниковую запись, приведенную Е.Я. Колбасиным: «1836 г., августа 30, исполнилось беззубому Александру Федоровичу Воейкову 57 лет...» [7, с. 287]. Ср.: <Саутов В.И.> Петербургский некрополь. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. Т. 4. С. 731.

² См.: «На родине моей — Рязани / Приятней для меня, чем в Питере, Казани...» (Российский музей. 1815. Ч. IV. № 10/11. С. 9).

³ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л.: Academia, 1930. С. 633–634.

сколько книг, наслушался разговоров образованных людей — и этим ограничивалась вся собственная его образованность»⁴.

Окончив пансион, Воейков вступил в военную службу, в лейб-гвардии Конный полк, куда, согласно документам, был зачислен вахмистром еще в десятилетнем возрасте; в январе 1797 г. «произведен корнетом и по именному повелению переведен в Екатеринославский кирасирский полк», а в октябре 1801-го «по прошению уволен к статским делам»⁵.

Еще до формального исключения из службы Воейков обосновывается в Москве. В его доме около Новодевичьего монастыря собираются друзья-литераторы, знакомые по университетскому пансиону — братья Андрей и Александр Тургеневы, братья А.С., П.С. и М.С. Кайсаровы, В.А. Жуковский, А.Ф. Мерзляков, С.Г. Родзянко, С.М. Соковнин. 12 января 1801 г. здесь было провозглашено создание Дружеского литературного общества, которое хоть и просуществовало недолго, но оставило свой след в истории литературы. По-видимому, в ноябре того же 1801 г. собрания общества прекратились. Сначала на службу в Петербург уехал Андрей Тургенев, затем Москву покинули Андрей Кайсаров и Александр Тургенев. Однако дружеские вечера в доме Воейкова не были забыты. Как писал Ю.М. Лотман, «именно благодаря молодым спорам, искренности исканий начинающих поэтов Общество стало не только важнейшим событием в творческих биографиях его участников, но и вехой в развитии русской литературы» [10, с. 229]. Следует добавить, что в следующем 1802 г. Воейков и Мерзляков задумали издание своего журнала, приглашали к сотрудничеству Жуковского⁶, но проект не состоялся. Осенью того же года друзья уехали в Рязань. Как свидетельствовал современник, «А.Ф. Мерзляков, бывавши в гостях у А.Ф. Воейкова в сельце Малом, от Рязани на 8 верст отстоящем, переводил Освобожденный Иерусалим в беседке сада, подле которой впоследствии сделан памятник с надписью: *В обители дружкой родился Русский Тасс*»⁷.

Следующие десять лет — самый темный период биографии Воейкова, который можно реконструировать лишь по отрывочным

⁴ Полевой К.А. Сатирик Воейков и современные воспоминания о нем // Живописная русская библиотека. 1859. № 4. С. 28–29.

⁵ Формулярный список о службе бывшего ординарного профессора Дерптского университета Александра Воейкова. 1820 года // РО ИРЛИ. Ф. 31. Ед. хр. 35. Л. 1 об.–2.

⁶ См. письмо Мерзлякова к Жуковскому от 13 октября 1802 г. (Русский архив. 1871. Стб. 136–137).

⁷ Дамский журнал. 1826. № 12. С. 233.

свидетельствам. Какое-то время он живет в Рязани, принимая участие в литературных вечерах, проходивших в доме княгини Екатерины Александровны Волконской. Видимо, находясь в Рязани, Воейков дебютирует как поэт — посланием к М.М. Сперанскому, которое сразу принесло ему известность⁸. За ним последовали «К моему старосте», «К моим согражданам», «Послание к А.Н. В<оейковой>», «Послание к И.В. Л<опухину>» и другие стихотворения, поставившие Воейкова в ряд первых поэтов своего времени. Тогда же он начинает переводить поэму Жака Делиля «Садь», которая выйдет из печати значительно позднее, в 1816 г.

В то время он, по-видимому, еще не помышляет о переводах Вергилия, отдавая эту почетную обязанность своему другу Мерзлякову. Об этом свидетельствует стихотворный панегирик переводам Мерзлякова, напечатанный в 1808 г. под заглавием «Ответ приятелю, который убеждал меня учиться древним языкам»:

Конечно так, ты прав, мой друг любезной!
Узнать, как говорит Гораций и Платон,
Софокл и Теокрит, Вергилий, Цицерон
Приятно и полезно;
Послушался бы я
Совета умнова такова,
Необходимостью б то было для меня;
Когда бы не было у русских Мерзлякова⁹.

Здесь же примечание к этому стихотворению: «Мерзляков перевел Горациево послание к Пизонам о Стихотворстве, Вергилиевы Эклоги, лучшие места из Софокла и Еврипида, Аристотелю Пиитику, Теокритовы Идиллии и проч.»

2

Согласно свидетельству самого Воейкова, в Рязани он прожил двенадцать лет, однако, это едва ли не преувеличение¹⁰: какое-то время он проводил в Москве. В 1812 г. он находится при рязанском

⁸ Вопрос о принадлежности А.Ф. Воейкову стихотворений, опубликованных в 1797–1800 гг. в журналах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Иппокрена» за подписями «А. В.-в» и «А. Воейков», следует считать дискуссионным; см.: [13, с. 293–294; 9, с. 251–252].

⁹ Русский вестник. 1808. Ч. 2. № 4. С. 83.

¹⁰ Ср.: «Нижеподписавшийся родился в Москве, прожил 19 лет в Петербурге, шесть недель в Киеве, месяц в Одессе, семь месяцев в Царицыне, два месяца в Астрахани, 12 лет в Рязани...» (Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1835. № 76. 21 сент. С. 607).

гражданском губернаторе «по особо порученным делам», позднее переводится в действующую армию и участвует в военных действиях, за что позднее награждается медалью. После Воейков путешествует по Волге, больше полугода живет в Сарепте, доезжает до Астрахани. Сохранились фрагментарные дневниковые записи Воейкова этого времени: там он время от времени упоминает о своих литературных занятиях, но о переводах Вергилия речи пока не идет¹¹. Тем не менее к этому времени он уже начинает задумываться о переводах римского классика и в том же году публикует статью «Об описательных и дидактических поэмах, и в особенности о Вергилиевых “Георгиках”»¹², представляющую собой по большей части компиляцию фрагментов из предисловия Ж. Делиля к его переводу этой поэмы. Заканчивается она следующим пассажем:

Утвердительно сказать можно, что переводы знаменитых писателей более самых сочинений приносят языку пользы. Они, сближая нас с понятиями других народов, знакомят с способом выражать их, и нечувствительно переносят в наш язык тысячу оборотов, картин, выражений, которые прежде казались ему чуждыми; но которые, сближаясь по сходству, сперва делаются терпимы, а потом красоту составляют. Те, кои пишут на своем языке, употребляют обороты и выражения уже принятые, бросают свои идеи в старые и часто даже стертые от времени формы. Писать на своем языке, значит, если смею так выразиться, истощать собственное сокровище; переводить, значит обогащаться сокровищами чуждыми. Переводы для языка то же, что для ума путешествие¹³.

В конце 1813 г. Воейков получает приглашение Жуковского посетить его в селе Муратове, где тот оправлялся от полученной на войне раны. Хозяйкой Муратова была родственница Жуковского Екатерина Афанасьевна Протасова, с ней жили две ее дочери — Александра Андреевна и Мария Андреевна; первая из них вскоре станет женой Воейкова. К этому времени относится первое свидетельство того, что Воейков начал работу над переводом латинского классика. 6 января

¹¹ См.: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 25. № 95. Л. 140–141 об.

¹² Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. 1812. Ч. 3. С. 51–69; перепечатано: Сын отечества. 1821. Ч. 72. № 36. В комментариях к изданию переписки Жуковского и Вяземского ошибочно сказано, что в этой статье якобы началась публикация отрывков перевода Воейкова из «Георгик» (см.: [8, т. 1, с. 489], коммент. В.С. Киселева).

¹³ Это дословный перевод Делиля; ср., например: *Les Géorgiques de Virgile / traduites en vers français par De Lille: Édition à laquelle on a joint le texte latin avec les notes et les variantes*. Paris: An II de la République, [1794]. P. 47–48.

Жуковский сообщает Вяземскому, что перечитывает с Воейковым «начало его перевода Вергилиевых “Георгик”» [5, т. 15, с. 194]. По-видимому, тогда же Воейков сочиняет шуточное стихотворение «Дом сумасшедших», где в обращенных к себе строках также свидетельствует о том, что начал переводить Вергилия:

Тот Воейков, что Делиля
Столь безбожно исказил,
Истерзать хотел «Эмиля»,
И Вергилию грозил... [3, с. 52]

Вскоре в печати появляется первая публикация переводов из «Георгик» — заключительные 77 строк второй книги, и это шестистопный ямб с перекрестной рифмовкой¹⁴. Но затем случается событие, заставившее Воейкова пересмотреть свои переводческие принципы. 10 мая 1814 г. в Петербурге состоялось знаменитое заседание в «Беседе любителей русского слова», где произошла полемика по поводу возможностей русского гекзаметра между С.С. Уваровым и Н.И. Гнедичем, с одной стороны, и В.В. Капнистом — с другой. Если первые утверждали, что древний эпос на русский язык нужно передавать исключительно гекзаметром, то второй ратовал за так называемый «русский размер». Материалы этой полемики будут опубликованы только через год, но в № 23 «Сына отечества», вышедшем 4 июня, был помещен развернутый обзор (подписанный А.Т.), главным выводом которого было то, что мнение Уварова и Гнедича более справедливо:

Г. Уваров основывается на том правиле, что экзаметр есть стих, состоящий из шести стоп, из коих первые пять полные дактили, а шестая дактиль усеченный (т. е. *спондей* или *хорей*) и по сей причине полагает, что нимало не противно свойству экзаметра оканчивать оный хореем, и что Русские экзаметры г. Гнедича правильны во всех отношениях, тем более, что у Гомера и Вергилия многие экзаметры кончаются хореем, а не спондеями. Притом изложил он мнение свое, что авторов должно переводить размером подлинника, для того, чтоб передать другому народу и дух и форму их, вовсе между собою нераздельные, и что Гомер в Русском зипуне так же несносен, как во Французском шитом кафтане¹⁵.

¹⁴ Воейков А.Ф. Отрывок из Вергилиевых Георгик // Вестник Европы. 1814. № 7 (апрель).

¹⁵ Сын отечества. 1814. Ч. 14. № 23. С. 155.

Возможно, об этой полемике Воейков узнал не из журнала, а от своих петербургских корреспондентов¹⁶. Как человек честолюбивый и прислушивающийся к мнению сильных мира сего, к которым, несомненно, принадлежал Уваров, Воейков бросает переводить «Георгики» рифмованным ямбом и заново начинает свою работу — переводя уже гекзаметром. Впоследствии он так вспоминал о своем «обращении» в послании к Уварову:

И восхищенный Вергилием и ослепленный Делилем,
Юноша дерзкий, я перевел половину «Георгик»,
Мысля, что рифмой и новым и лучшим размером украсил
Песни Вергилия, коим в сладости нету подобных.

Честь и слава тебе, Уваров, славный питомец
Эллинских муз и германских! Ты, испытательно вникнув
В стопосложение греков, римлян, славян и германцев,
Первый ясно увидел несовершенство, и вместе
Способ исправить наш героический стих, подражая
Умным германцам, сбросившим иго рифмы гремушки.
Освободившим слух свой от стука ямбов тяжелых.
Я устыдился, бросил в камин свое земледелье;
Начал поэму сию и новым, и, сколько возможно
Мне было, к метру латинскому самым ближайшим размером¹⁷.

Тем не менее, перевод Делиля по-прежнему служит ему текстом-посредником¹⁸, из которого он обильно черпает развернутые сравнения и обороты, отсутствующие у Вергилия¹⁹.

¹⁶ Обоснование этого предположения см.: [3, с. 56].

¹⁷ [10, с. 282–283]; впервые: Вестник Европы. 1819. Ч. 104, № 5. С. 15–24; помета: *1818 года. Девят.* По наблюдению историка русского гекзаметра Роберта Бёрджи, это стихотворение по большей части является метрической парафразой статьи Уварова «Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре» (Чтение в Беседе любителей русского слова. 1813. Чтение 13. С. 56–68), которая открыла полемику о русском гекзаметре; см.: [16, р. 109–110].

¹⁸ На это намекнул знаток античной поэзии И.М. Муравьев-Апостол в письме к издателю журнала «Сын отечества», указав на две ошибки переводчика (см.: Сын отечества. 1817. Ч. 38. № 22. С. 113–115; подпись: Вахк Страбоновский). И хотя письмо Муравьева было сопровождено ответом издателя журнала Н.И. Греча, где содержался весьма комплиментарный отзыв о Воейкове-поэте («Переводчик Вергилиевых Георгик и Энеиды есть один из лучших наших стихотворцев...») — Там же. С. 116), тот счел необходимым ответить своему критику в самой грубой форме (см.: Вестник Европы. 1817. Ч. 96. № 22. С. 155–157).

¹⁹ Подробнее о принципах и методах Воейкова как переводчика см. в примечаниях В.В. Зельченко к готовящемуся в издательстве «Литфакт» полному собранию его переводов из Вергилия.

В 1815 г. Воейков переехал в Дерпт, где получил место профессора местного университета. Там он проживет пять лет, закончив за это время вторую редакцию «Георгик». О своих ночных бдениях над Вергилием он так вспоминал в «Послании к друзьям и жене»:

Отгнавши негу, лень и сны от ложа прочь,
 Я встрепенувшись бегу в свой одинокий
 И молчаливый кабинет...
 <...>
 И, окруженный тьмою,
 Уединеньем, тишиною,
 С согласия Харит и Муз
 И вопросив Дашкова вкус,
 Россиянам усыновляю
 Вергилия, экзаметр и спондей...²⁰

В то же время Воейков пишет дидактическую поэму «Искусства и науки», где содержится высокая оценка Вергилия-поэта:

Вергилий сладостен, как флейта, как свирель,
 Как соловьиная в лесу дремучем трель.
 И кто с Дидоною не сострадал в несчастье?
 Кто в Евриаловой судьбе не брал участие?
 Изображает ли Вергилий бурю нам:
 Гремит из края в край гром грозный по громам;
 Ночь в полдень! молния за молниею с блеском!
 Натруженный корабль со скрыпом, с страшным треском
 То мчится выспры стрелой — и там висит во мгле;
 То погружается в разинутом жерле!
 К Циклопам ли ведет, кующим громы яры:
 Шум слышится мехов и молота удары!
 Живописует ли, как борзый конь бежит:
 Дол стонет, пыль столпом от топота копыт!
 К единоборству ль вождь против вождя несется:
 Щит сгрянулся с щитом и меч с мечем сечется!
 Орфей ли сходит в ад: Плутона умягчил;
 Но, ах! в тот миг, когда на свет уж выходил...
 Стал, оглянувшись он... и нету Евридики!
 Как жаль, что сей Певец, столь сладкий, столь великий,

²⁰ «Арзамас»: Сборник: в 2 кн. М.: Худож. лит., 1994. Кн. 2. С. 330.

Рабом нередко вслед идет другим певцам,
Когда бы лучший мог пример оставить сам²¹.

Воейков оставил и теоретические размышления о свойствах гекзаметра. Этому посвящена большая часть упомянутого послания к С.С. Уварову; о том же он писал в письме к П.А. Вяземскому от 15 апреля 1820 г.:

Теперь, как Педагог и Педант, начну разглагольствовать об гекзаметрах. Ты пишешь: «Гекзаметры в Аббадоне, по моему уху, лучшие из русских. Они так хорошо, так достаточно исполняют уху». Не уж ли тебе не нравятся мои гекзаметры в послании к Сергею Семеновичу Уварову? Стихи Жуковского не потому хороши, что гекзаметры, а потому что Жуковского; пламень воображения, благородство мыслей, чистота чувствований, свежесть и блеск красок, сила, смелость, — вот, где надобно искать их превосходство перед гекзаметрами Амфитеатрова, Аполлонского, Филомавитского и Гонорского. Хороши или дурны мои стихи; но это настоящие, чистые, древние гекзаметры; я пишу это к тебе не краснеясь, потому что это не самохвальство, а чувство своего достоинства<sic!>, которое лучше притворного смиренства и основано на доказательствах. Отрывок Жуковского из Мессияды переведен не гекзаметрами, а дактило-хорейми; а пословица говорит: калитка и ворота — большая разнота; чулан и горница — великая разница.

Гекзаметр, или эпический стих Гомера, Виргилия и Тасса есть полнейший, разнообразнейший, делимейший и способнейший к звукоподражанию (*harmonie imitative*).

Полнота его состоит в том, что он имеет 17, 16, 15, 14 и никогда не меньше 13-ти слогов.

Разнообразие есть свойство, отличающее гекзаметр от всех других стихотворных размеров. Он имеет до 32 вариаций и до 16 разных цезур. Вот как Виргилий, сладкогласный певец Дидоны, Низоса и Эвфиала и Орфея, изменяет свои гекзаметры. Это начальные 15-ть стихов его Георгик, совершеннейшего его творения. <...>

Нередко и 5 стопа дактилическая переменяется на спондей. <...>

Об *делимости* и говорить нечего: стих, заключающий 17 слогов, без всякого сомнения делимее Александрийского, состоящего из 12-ти.

²¹ Воейков А.Ф. Отрывок из II песни поэмы «Искусства и науки» // Вестник Европы. 1818. Ч. 102. № 24. С. 250–251. Полную публикацию этой поэмы и историю ее создания см.: [2, с. 146–230].

Способнейший к звукоподражанию. Ясно, что 12-ти сложный стих, из одних ямбов составленный, не может заключать в себе столько переходов снизу вверх и сверху вниз по лестнице звуков, сколько 17-ти сложный из дактилей, спондеев и хореев.

Вещи в Природе бесконечно разнообразны; движения неисчислимо разнозвучны и одновременны; но ты согласишься, что 17-ью слогами лучше, нежели 12-ью выразить скорость, медленность, легкость, тяжесть, тихость, громкость, шероховатость, гладкость, твердость, мягкость, грубость, плавность, нежность, протяженность и краткость. <...>

Вижу отсюда, что ты качаешь буйною головкою в знак сомнения и спрашиваешь: полно, есть ли в русском языке спондеи? Я вытягиваюсь, как старый драбант, подхожу к тебе ближе, прикладываю правую руку ко лбу в знак уважения, и топнув ногою, начинаю читать...

Далее Воейков приводит несколько примеров спондеев у русских авторов (Державина, Дмитриева, Востокова, Жуковского), затем продолжает:

А следующие слова: по́днѣл, прѣвѣт, прѣдвѣзвѣщает, по́лнѣба, прѣзнѣк, по́лслѣва, прѣстѣп, прѣдѣдет, — прѣдмет, не уже ли об одном ударении? По какому праву по́л нѣба, пред идет, будучи написаны порознь имеют по ударению на каждом слоге, а слитые вместе теряют одно ударение?

Но ты высываешь язык, дразнишься, я замолчу; однако прошу тебя подумать²².

Однако практическое применение гексаметра Воейковым вызывало у современников критику, граничащую с иронией. «Не принимая в соображение свойств русского языка, которого просодия основана единственно на ударениях, — писал позднее М.А. Дмитриев, — Воейков желал отыскать в ней долгие и короткие звуки, которых нет, и потому печатал иногда свои гексаметры, ставя на слогах знак слога долгого, посредством чего он находил и небывалый у нас спондей. Само собою разумеется, что такая неестественная натяж-

²² РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1602. Л. 14–16. Схожие суждения Воейкова о гексаметрах частично процитированы, частично пересказаны Н.Ф. Остолоповым в его «Словаре древней и новой поэзии» (Ч. 1. СПб.: В тип. Императорской Российской Академии, 1821. С. 321–333) с указанием: «Сим рассуждением обязан издатель самому А.Ф. Воейкову, ибо оно нигде еще не напечатано» (Там же. С. 333).

ка, противная натуре языка, не могла ему удасться и произвести последователей»²³.

3

Гекзаметрические переводы из «Георгик» Воейков начал публиковать в августе 1815 г., публикации продолжились и в 1816 г. Все их он датировал 1812-м г., временем своего путешествия по России: 20 августа 1812, Харьков²⁴; 24 августа 1812, Екатеринослав²⁵; 5 сентября 1812, Таганрог²⁶; 12 сентября 1812, Воронеж²⁷; 17 сентября 1812, Тула²⁸; 20 сентября 1812, Калуга²⁹; 27 сентября 1812, Леташевка³⁰. Однако, как мы показали выше, есть все основания считать эти датировки фиктивными. Напомним, что только в 1813 г. Воейков начал переводить «Георгики», причем шестистопным рифмованным ямбом, а приверженцем гекзаметра стал лишь в следующем году. Кроме того, эти датировки недостоверны не только в абсолютном, но и в относительном аспекте: так, согласно Воейкову, несовершенный амфибрахический перевод начала первой песни (I, 1–146) отделен всего четырьмя днями от дактилических опытов, выполненных уверенной рукой и стоящих на другом уровне стихотворной техники. Видимо, таким жульническим способом он хотел застолбить за собой мнимый приоритет в употреблении русского гекзаметра для переводов античных авторов, поскольку первые гекзаметрические переводы Гнедича из «Илиады» были опубликованы только в 1813 г. Отчасти ему это удалось: в сознании современников Воейков и Гнедич встали рядом. Так, харьковский филолог Разумник Гонорский писал в статье «О русском экзаметре»: «Желательно, чтобы по крайней мере древние (для перевода которых преимущественно и нужен экзаметр) были у нас переведены стихами сего рода. Таким только способом можно дать лучшее понятие тем, кому неизвестны греческий и латинский языки. От гг. Гнедича и Воейкова мы с нетерпением ожидаем

²³ Дмитриев М.А. Московские элегии: Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М.: Моск. рабочий, 1985. С. 274

²⁴ Вестник Европы. 1815. Ч. 82. № 16 (I, 1–146).

²⁵ Там же. 1816. Ч. 87. № 11 (I, 147–334).

²⁶ Там же. 1816. Ч. 87. № 10 (I, 351–514).

²⁷ Там же. 1816. Ч. 87. № 9 (III, 1–112).

²⁸ Труды Казанского общества любителей отечественной словесности. Казань: В Ун-тской тип., 1815. Кн. 1. С. 267 (II, 1–108).

²⁹ Вестник Европы. 1816. Ч. 90. № 21 (III, 284–413).

³⁰ Там же. 1816. Ч. 89. № 19/20 (III, 414–566).

сего удовольствия; они преимущественно, как это можно видеть из их опытов, избрали для себя сие поприще»³¹.

В 1817 г. Воейков закончил свой перевод и стал хлопотать о том, чтоб представить его императору Александру I и, соответственно, получить какое-нибудь благоволение — орден или хотя бы перстень. Разумеется, посредником выступил Жуковский, который уже к тому времени полностью охладел к своему бывшему другу, но помогал ему ради его жены Александры Андреевны. 24 февраля он писал Александру Тургеневу: «À propos о Воейкове. Получил ли ты от Кавелина список его “Георгик”, и решился ли что-нибудь сделать по моей просьбе? Ты не для одного меня должен похлопотать о Воейкове. <...> ...Воейков, как русской поэт, достоин всякого одобрения. Он имеет истинное дарование и с этим дарованием соединяет трудолюбие постоянное. До сих пор его перевод “Садов” есть, без всякого сравнения, лучшая поэма на русском языке. Перевод Virgiliевых “Георгик”, при всех недостатках, которые можно в нем заметить и которые он со всем усердием старается из него выгнать, есть также важное произведение русской поэзии; он хочет *посвятить себя* Virgiliю. Он стоит поощрения уже и за один этот план. Но этот план отчасти исполнен³². Кто ж откажет ему в праве на внимание государя?» [5, т. 15, с. 534]. Свою просьбу он повторяет и в конце марта, благодаря Тургенева за хлопоты: «За Воейкова благодарю сердечно. Ливен³³ уже сказал ему, что получил от тебя книги. Не оставь же этого дела недоконченным. Когда возвратится Ливен в Петербург, заставь его подать книги министру, а сам работай и помни: нам надобен не подарок, а крест. Если крест дан Гнедичу за *недоконченную* “Илиаду”, то как не иметь его Воейкову за *доконченные* “Сады” и “Георгики”. Ты можешь хлопотать со всем усердием, ничего, кроме справедливого, от тебя не требуется» [5, т. 15, с. 538]³⁴. С тем же

³¹ Гонорский Р.Т. Опыты в прозе, с присовокуплением двух сонетов, двух романсов и одной фантазии. Харьков, 1818. С. 63–64. Гонорский был также автором пространной, но оставшейся незаконченной рецензии на публикации фрагментов «Георгик» (см.: Гонорский Р.Т. Нечто о переводе Virgiliевых «Георгик» русскими гекзаметрами // Украинский вестник. 1817. Кн. 2. С. 152–181; Кн. 4. С. 51–69). Ср. мнение Роберта Бёрджи, назвавшего Воейкова следующим гекзаметристом после Третьяковского, и утверждавшего: «В течение второй половины 1812 г. Воейков перевел значительные отрывки из “Георгик” Вергилия, которые не публиковал до 1816 г. ...» [16, р. 92].

³² В первой публикации «...отчасти уже исполнен» (Русский архив. 1867. Кн. 5/6. Стб. 817).

³³ Граф К.А. Ливен был попечителем Дерптского учебного округа.

³⁴ На это письмо Тургенев ответил 18 апреля: «Скажи Воейкову, что лучше дожидаться сюда Гр.<афа> Ливена. Но если он захочет и оттуда представить книги его министру, то еще лучше. В таком случае предвартите меня» [15, S. 369].

он обращался и к Д.А. Кавелину, бывшему в то время директором Главного педагогического института³⁵.

Тургенев не особенно старался повесить крест на шею переводчика «Георгик»: еще в марте он отправил Воейкову письмо, где содержались ироничные, оказавшиеся пророческими строки: «*Александр* хоть царь и отец; но не дает чинов за овец!». Воейков ответил эпиграммой, из которой следует, что он рассчитывал получить за свой перевод орден св. Анны:

Когда Георгий на коне,
Владимир часто на корове,
А Невский Александр на дедушке Ш<ишков>е,
Повисла Анна на Х<востов>е,
(Чего не воображал он даже и во сне!),
То не просить, а *требовать* я смею,
Чтобы проказница мне бросилась на шею:
Вергилий мой посол за нею!³⁶

Однако усилия влиятельных друзей были напрасны: Воейков не получил за свои труды ничего. Этот отказ мстительный переводчик Вергилия, очевидно, воспринял очень болезненно и на всю жизнь затаил неприязнь к Гнедичу, труды которого были оценены императором выше, чем его. Так, спустя двадцать лет, уже после смерти Гнедича, он не упустил возможности уязвить его в примечании к рецензии на «Ундину» Жуковского, опубликованную в редактировавшейся им газете «Русский инвалид»: «*Гнедичев* экзаметр однообразен, не имеет ни гармонии, ни мелодии. После него можно еще несколько раз смело переводить *Гомерову* Илиаду. Тех, которые в этом усомнятся, мы попросим сравнить гексаметры *Гнедича* с сладкозвучными, великолепными гексаметрами Жуковского, в его Гальционе и отрывках из Илиады, напечатанных в альманахе *Северные Цветы*, на 1829-й год *Дельвихом* изданном»³⁷.

³⁵ См. письмо Кавелина к Жуковскому от конца февраля – начала марта 1817 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 110; и примеч. Р.В. Иезутиной, с. 111).

³⁶ РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 3. Ед. хр. 36; дата: 12 марта 1817.

³⁷ Русский инвалид. 1837. № 82. 2 апр. С. 331. Не стоит удивляться в целом благоприятному отклику Воейкова на вышедший в 1821 г. отдельной книгой перевод «Георгик», выполненный С.Е. Раичем (Вергилиевы Георгики. Перевод А.Р. ... М.: В тип. Августа Семена, 1821. 181 с.; *Воейков А.Ф.* Разбор Вергилиевой поэмы «Георгики или о земледелии», переведенной с латинского на русский язык г. Раичем // Сын отечества. 1821. Ч. 72. № 39. С. 258–275; № 40. С. 309–321; Ч. 73. № 45. С. 218–223; № 46. С. 267–272): он не увидел в Раиче конкурента, поскольку

Видимо, неудача с получением царской милости заставила Воейкова вновь пересмотреть свои переводческие принципы и снова засесть за работу. К началу 1820-х гг. он заканчивает третий перевод «Георгик», выполненный уже почти без оглядки на Делиля. От прежнего в нем остаются лишь отдельные фрагменты, которые, очевидно, сам переводчик считал наиболее удачными. Сам же перевод максимально ориентирован на латинский подлинник и по возможности эквилинеарен³⁸. Таким же образом Воейков перевел начало «Энеиды»³⁹, а вот переведенные позднее и снабженные примечаниями «Буколики» во многом зависят от французского прозаического перевода, выполненного в 1743 г. П.-Ф.Г. Дефонтенотом⁴⁰.

4

Почти до самой смерти Воейков не оставлял попыток издать свои переводы из Вергилия отдельной книгой⁴¹. При этом он не хотел вкладывать в издание собственные средства, но искал способ выпустить их за казенный счет — подобно тому, как была издана гнедичева «Илиада». Еще в 1819 г. Воейков был избран в члены Российской академии по предложению ее президента А.С. Шишкова, который, представляя его кандидатуру, писал, в частности, так: «Преложение его стихами двух знаменитых творений, а именно Виргилиевых *Георгик* и Делилевой поэмы *Сады*, тажеж и многие собственные его

его перевод был осуществлен александрийскими стихами. О статье Воейкова, большая часть которой представляла собой выписки из рецензируемой книги (что станет потом фирменным приемом Воейкова-журналиста), с возмущением писал П.А. Вяземский к А.И. Тургеневу 23 ноября 1821 г.: «Хороша критика Воейкова поэме Раича! Это грабеж: целиком дерет из него и только. И чем кончат: определением присутственного места, то есть, без всяких доводов, оговоров, а так в силу *быть по сему*: “Воейков”. И зачем назвал он свою критику: “Разбор поэмы”; лучше: *Набор поэмы*. Ненавижу это шарлатанство Гостинаго двора в литературе!» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 2. С. 229).

³⁸ В своей записке «О сочинениях и переводах А.Ф. Воейкова, члена Императорской Российской академии», составленной 24 июля 1824 г., он указывал: «Все творения знаменитого Римского Поэта переведены стих в стих и метром подлинника» (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 960. Л. 1).

³⁹ Вестник Европы. 1817. Ч. 92. № 7.

⁴⁰ Этот перевод был полностью опубликован в 1821–1826 гг. в журналах «Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете» и «Новости литературы», а также газете «Рецензент» и «Невском альманахе» (подробнее см.: [1, с. 270–271]; ряд публикаций здесь не учтен).

⁴¹ Во многих авторитетных изданиях ошибочно упоминается издание «Эклоги и Георгики» в переводе Воейкова, якобы вышедшее в Петербурге в двух частях в 1816–1817 гг. (см., в частности: [12, с. 456], статья А.М. Пескова; [11, с. 379], коммент. Г.Е. Потаповой; [5, т. 1, с. 674], коммент. О.Б. Лебедевой; [5, т. 15, с. 964], коммент. А.С. Янушкевича). Эта ошибка основана на некорректной трактовке сведений из автобиографии Воейкова (см.: РО ИРЛИ. Ф. 31. Ед. хр. 37).

сочинения показывают в нем человека трудолюбивого, одаренного талантами и в русском языке искусного, а потому и полагаю я, что академия избранием его как ему окажет должное, так и в нем приобретет полезного себе сочлена» [14, с. 85].

Воейков активного участия в делах Академии не принимал, но в 1833 г., вскоре после смерти Гнедича, напомнил о себе, предложив издать за академический счет свои переводы. В ответ на это Академия предложила ему представить свои переводы для рассмотрения и оценки; провести, так сказать, предварительное рецензирование. Честолюбивому Воейкову это предложение показалось оскорбительным. 6 февраля 1834 г. он писал непременно секретарю Академии П.И. Соколову:

Перевод Илиады *Гнедича* не был предварительно рассматриваем в российской академии: справедливо ли же мой перевод *Виргилия* подвергать оному?

Предложение Гнедича требовало бы быть прежде рассмотрено, а потом уж одобрено к напечатанию на иждивении академии: поелику тогда уже существовал перевод некоторых отрывков сей поэмы В.А. Жуковского, превосходнейший *Гнедичева*. Между тем как таких переводов из *Георгик* на русском языке нет еще.

Снисходительное великодушие господ членов российской академии устранило сию неприятность для знаменитого своего сочлена. <...>

Вместо же того, чтобы обсуживать мой перевод в общем академическом собрании, не полезнее ли будет, по получении мною согласия академии на печатание оного на ее иждивение, составить комитет из действительных членов: Владимира Ивановича *Панаева*, Михаила Евстафьевича *Лобанова* и Бориса Михайловича *Федорова*, известных изящным вкусом и отличными стихотворениями? Я надеюсь, что они не отрекутся сделать мне честь сию. В сем комитете мы — с латинскими и немецкими *Георгиками* в руках — прочитаем сперва десять эклог, а потом четыре песни поэмы *Земледелие*; я же постепенно буду исправлять все по их замечаниям, и по мере того препровождать в типографию императорской российской академии для печатания [14, с. 86–87].

Академия согласилась с выбором Воейкова, но предложила рассматривать его перевод официально; переводчик же счел, что эти условия «тягостны и унизительны». Изображая смирение, он ответил: «Пусть Эклоги, *Георгики* и *Энеида*, которую также переложил

я с латинского, стих в стих и часто даже размером Вергилиевым (где у него подражательная гармония)⁴², покоятся у меня в шкатулке до благоприятнейшего времени» [14, с. 88]. Академия однако проявила упорство и в третий раз просила Воейкова прислать его перевод, на что получила отказ. «На почтеннейшее отношение вашего превосходительства от 16 апреля за № 53, — писал Воейков Соколову 12 мая 1834 г., — имею честь уведомить вас, — для донесения императорской российской академии, — что если б я был *посторонний* сочинитель или переводчик, то, может быть, и согласился бы исполнить волю академии; но как я *действительный* член ее, то не могу принять условий, ею мне предписываемых. Я чувствую всю высоту моего звания, — и не унижу оно: потомство взыщет с меня за несовместную уступчивость» [14, с. 89]. Возможно, именно этот конфликт стал причиной тому, что в «Доме сумасшедших» появилась очень резкая строфа о Соколове⁴³.

Таким образом, заключительная, третья редакция воейковского перевода «Георгик» выпала из поля зрения историков литературы; о ней не упомянуто даже в недавней «Истории русской переводной литературы»⁴⁴. Ниже печатается эта редакция перевода по авторизованной копии, выполненной, вероятно, в начале 1820-х гг. и сохранившейся среди бумаг душеприказчика Воейкова М.М. Попова⁴⁵.

⁴² Неясно, в каком объеме Воейков перевел «Энеиду»: кроме названной выше публикации «Вестника Европы» (см. примеч. 39 к данной статье), никаких следов дальнейшей работы над текстом до нас не дошло.

⁴³ Черновой автограф этой строфы см.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1186. Л. 12 об. Однако, в авторизованные или восходящие к ним списки «Дома сумасшедших» строфа про Соколова не попала; см.: [4].

⁴⁴ См.: [6, с. 654–656] (автор раздела А.В. Волков).

⁴⁵ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 500 (Первый перевод Вергилиевых «Георгик»). Бумага 1818 г., список (кроме л. 1–1 об.) выполнен той же рукой, что и список первых двух частей поэмы «Искусства и науки» (о его датировке см.: [2, с. 161]). Правка Воейкова на л. 9, 9 об., 10, 10 об., 12, 33 и 37; кроме того, им пронумерованы строки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публий Вергилий Марон. «Георгики»
Перевод А.Ф. Воейкова¹
Подготовка текста А.Ю. Балакина и В.В. Зельченко

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

- Что виной изобилия нив, под какими звездами
Землю плугом взрывать, Меценат! виноградную лозу
С вязом младым сочетать, ходить за быками,
Стада пастырем быть и пчел разводить домовитых,
В песнях я дам наставленья. Вы, лучезарны светила,
В стройном чине ведущие год по лазурному своду!
Либер и щедрая мать Церера, желудь Хаонский,
Вам благодеющим, в тучный клас превратился; вы гроздий
Найденных сок примешали в чаши с водой Ахелоя!
- 10 Вы, божества, земледельцев хранители, легкие фавны,
Вместе ко мне поспешите, и фавны и девы-Дриады —
Ваши дары я пою! Ты, тяжким ударом трезубца
Длинного в землю создавший коня, который и ржет и трепещет,
Мощный Нептун! Ты, хранитель лесов, кому на богатом
Острове Цее триста тельцов оснеженных пасутся,
Сам прииди, оставя родные рощи Лицея,
Пан, страж агнцев! Если Менал тебе мил, то будь мне,
Бог Тегейский, доступен! Сотворшая мирну оливу
Ты, о Минерва! ты, юноша, плуг кривый изобретший!
- 20 С вырванным ты, Сильван, молодым кипарисом из корня!
Боги, богини полей, холмов и долин плодоносных,
В диких полях незасеянных нам дающие жатву,
Нивам засеянным дождь благовременный льющие с неба!
Ты же, хотя и сокрытое, место в совете бессмертных,
Цесарь, займешь: градов ли будешь надежный хранитель,

¹ Печатается по авторизованной копии: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 500. Явные ошибки переписчика исправлены без оговорок, конъектуры заключены в угловые скобки. Орфография подлинника частично сохранена; пунктуация модернизирована в тех случаях, когда она затрудняла восприятие текста.

- Свыше о них промышляя? вселенной ли правя,
Жатвы, времен годовых и погоды могущий податель
Будешь и матерним миртом скрании ты увенчаешь?
Бог ли безбрежного моря, один мореходцев обеты
30 Приемлешь<sic!> и крайнего острова Туле станешь владыкой?
В зятя ль Фетидою избран, все воды в вено получишь?
Или, созвездие ново меж звезд удивленных, прибавишь
Месяц в году и близь Эригоны блистать пожелаешь?
Знойный тогда Скорпион клешни отодвинет далеко,
Праведно в небе тебе уступая великое место!
Что б ты ни выбрал (Тартар тебя не имеет надежды
Видеть царем; ты не можешь питать столь жестоких желаний;
Пусть Елисейским полям удивляются греки и зову
Матери внять Прозерпина, пленившаяся их красотой, не хочет),
40 Будь мне вождем, улыбнись начинаниям смелым и сжался
Над земледельцами; в путь, доселе неведомый ими,
Мы поведем их: заране обеты внимать приучайся.

- Ранней весною, как с гор оснеженных вода покатится,
Как разрешит зефир согнившие глыбы сухие,
В пыльной земле пусть сошник засверкает, и вол работающий
Громко взревет и потащится по полю с плугом тяжелым.
Нива сторичным плодом наградит за труды селянина,
Дважды терпевшая зной и дважды терпевшая мразы;
Рухнут анбары под бременем тяжким пшеницы и жита.
50 Прежде чем плугом кривым раздирать незнакомую землю,
К ветрам ты применись, наблюдай перемену погоды,
Лучшее средство возделатъ узнай и обычаи места.
Почва одна способна к тому, другая к другому;
Здесь виноград крупнее, тут пшеница богатей,
Там плоды изобильней, тут зеленеют без сева
Травы. Видишь ли, Тмол посылает нам ароматы,
Индия кость слоновую, Савва бесценное мирро,
Понт струю бобра, нагие Халибы железо,
Славный Эпир готовит коней для торжеств Олимпийских?
60 Вечен природы устав: она особенным даром

Каждый край земли наделила, в первое время
После потопа, как мир опустелый, камни посеяв,
Девкалион заселил человеками, крепкими сердцем.
Кряж плодоносный в первых месяцах года волами
Сильными должно глубоко взвorchать и сочные глыбы
Долго на солнечном зное пыльного лета оставить.
Кряж истощенный и бедный, напротив, оставить в покое
Лучше до восхода Арктура и плугом взрыть неглубоко:
Чтобы в первом семях не губили вредные травы,
70 Чтоб в последне<м> хранилась потребная добрая влага.

Ниве по жатве богатой да будет лето покоя:
Отдых опять обновит ее изнуренные силы.
Круг совершившим звездам, сей пшеницы желтые зерны,
Где ты срывал лишь горох, щелухою гремющий,
Или бобов легкие стручья, где видел лишь горьких
Ягод лупина звенящую тонкими стеблями рощу.
Лен, овес, мак, тяжким Леты сном напоенный,
Землю, на коей растут они, совсем истощают;
Но облегчает ей трудность работы отдых урочный.
80 Тучным наземом усыпь, не стыдись, изнуренное поле,
Или густо покрой его нечистой золою.
Сев переменный также есть отдых: терять уж не нужно
Выгод тогда, паровое поле гулять оставляя.

Столь же полезно огонь подложить на тощее поле
И сжигать трескучим пламенем легкое жниво:
Пламень или откроет в земле сокровенные силы,
Или питательный тук извлечет из нее и задушит
Свойства дурные, или изгонит вредную влажность;
Или, расширив тайные входы, откроет дорогу
90 Жизненным сокам к нежным и тонким волокнам кореньев;
Или, верхний слой отвердя и разверстые жилы
Сжав, заключит с боязнию<sic!> входы, которыми наглый
Ветр, зной, дождь, мраз в лоно земли войти порывались.

Кто разбивает граблями глыбы ленивые в поле,
Кто боронит, тот плодородие нив облегчает;
И не погибнут труды его, свыше Церере смотрящей.
Также того, кто поднял высоко хребет своей нивы,
Новы бразды поперечные плугом проводит и, глыбы
Вздутые все раздробив, принуждает к щедрости землю.

- 100 Влажного лета и ясной зимы себе умоляйте,
О земледельцы! пылью зимы веселится пшеница,
Поле добреет: зима виной, что Мизиец гордится
Жатвой и Гаргар сам удивляется нив урожаю.

Как похвалю земледельца, который, посеяв, осмотрит
Ниву и в пыль разбивает глыбы скипевшейся глины;
Тонкими нитями воду из ближней реки к ней проводит;
Вот, на палящем жару умирающи травы увидя,
Он с вершины горы ключевую приводит поспешно
Воду; ключ живой, меж камней шумно журчащий,

- 110 Падает вниз и жаждущей ниве приносит прохладу?
Как похвалю я того, кто, боясь, чтоб не пал под тяжелым
Класом стебель, дает полей роскошную зелень
Стаду, тогда как едва застиляет черную пашню;
Кто очищает нивы от вредной влаги болотной
Или от тины, котор<о>ю, берег позабывши в разливе,
В непостоянные месяцы года река очерняет
Ниву и луг, а рвы наполняет смрадною влагой?

Часто гибнет работа волов и труд человек;
Труд неисчетный, с которым они обработали ниву!

- 120 Нивам — гусей, журавлей из Стримона пагубна хищность,
Горькие травы и тень вредоносны. Сам Зевс поселянам
Труд облегчить не хотел и, первый искусством
Землю возделав, заботами дух возбуждая человек,
Царь — под собой закоснуть не дозволил в праздности тучной.

Прежде его ни один человек свободного поля
Плугом не взрыл, ни один не ведал границ и раздела:

- Общее все! вообще плоды собирали и ими
Щедро снабжала земля без всяких забот и усилий.
Зевс изострил ядовитой змии шипящее жало,
130 Тихое море взмутил, волков устремил на добычу,
Скрыл огонь и мед отряхнул он с листьев древесных;
Зевс иссушил ручьи вина, протекавшие всюду.
Но размышленье и опыт с веками пришли, и искусства
Мало помалу открыли промышленность снова:
Брызнул огонь из кремня, и нашлась меж травами пшеница.
В первый раз увидели ольху дуплистую реки;
Кормчий звезды исчислил, нарек их Плеяды, Гиады,
Светлую дочь Ликаона созвездьем Медведицы назвал.
Лес тенетами обставлен, птицам силок уже брошен;
140 Дикого зверя в дубраве с лаем псы осадили;
Уда в реку, и в море закинута влажная мрежа;
В лад по железу бия, стучат ковачи молотами;
Зубы пилы, зацепляясь, скрипят и древа раздирают
(Древле с трудом человеки клиньями их рассекали!);
Так трудолюбие все побеждает, над всем торжествует;
Мать всех полезных изобретений есть нужда.
- Плугом железным всех прежде Церера людей научила
Землю взрывать, когда желудей и диких плодов уж в священных
Рошах не стало и смертных питать отказалась Додона.
150 Скоро и около жита надобно стало трудиться:
Ржа пожирать устремилася стебли, волчек безболезный
Вырос, жатва заглохла на ниве; колючая роща
Терний царствует между блистающих класов,
Гибельный куколь и дикий овес, истощающий нивы.
Будь неусыпен, граблями землю тревожь беспрестанно;
Стуком птиц пугай, блестящей с нивы косою
Тени гони и моли богов об дожде благодатном;
Или, скирдам соседа завидуя, вынужден будешь
В лесе, дубы потрясая, с древ желудями питаться.
- 160 Время исчислить подробно орудия жителей сельских,
Столь облегчаючи жатву, посев, молотьбу земледельцам:

Острый сошник, тяжелый плуг, из дуба согнутый,
Трудно возимый снаряд колесниц Элевзинской богини,
Дровни, каток, борона, неровная весом, орудья
Разного рода, Целеем изобретенны, из гибкой
Вербы кошницы и веяльница таинственна Вакха.
Все сие приготовь заранее, ежели хочешь
Ты достоин быть земледельца божественной славы.

170 В роще срубленный вяз и согнутый силой основу
Плуга кривого тебе, рукоять к нему образует;
В восемь локтей длиною приладь вязовое дышло;
Снизу ж к оралу с двумя хребтами две палицы светлых;
Легкую липу сруби на ярмо для волов и высокий
Бук на правило, которым плуг поворачивать сзади.
Все сие древо повесь на очаг, чрез дым искушая.

Множество правил старинных и мелких с пользой напомнить
Я здесь могу, если тебе их слушать не скучно:
Ток ли желаешь иметь на гумне? приготовь же ты место;
Гладко и ровно катком укатай и вязкою глиной
180 Щели замажь, чтоб трава не могла прорости сквозь расселин.
Бойся привлечь на гумно беспечностью гибель: нередко
Домы и житницы строит малая мышь под землю;
Там слепые кроты вырывают норы и отнорки;
Часто в трещинах жаб находят, в сырости разных
Гадов; там собирающий груды пшеницы и жита
Хлебный червь, муравей, запасающий к старости зерны.

Будь наблюдателен! если увидишь миндальное древо
Цветом душистым одетое, если тяжелые ветви
Вниз опустило и много плодов на нем завязалось,
190 Радуйся жатве богатой, цепам тут довольно работы!
Если ж богатое тенью, скудно цветами, то будешь
Бить на току без пользы снопы: в них пустая солома!
Часто видал я селян, пред севом зерны кропящих
Влагой селитрянной, черным густым отстоем елея:
В самом деле разбухнет зерно: обманчивый призрак!

- Часто на легком огне семена обмывают водою,
В лоне земли помогая росткам разверзаться: все тщетно!
Часто видал я, мелеют самые крупные зерны,
Если не выберешь лучших семян ежегодно для сева.
- 200 Мнится, рок осудил, чтоб все здесь клонилось к упадку:
Смертный есть кормчий, заботливо челн направляющий к цели
Против стремления быстрой реки, колыхаем волнами:
Руку ль опустит, усталый? вмиг увлечен быстрину!
- Звезды вожди поселян: им Медведицы блеск лучезарный,
Светлый небесный Дракон и золотая звезда Козерога
То ж, что пловцам, летящим в отчизну по бурному Понту
Иль по проливу Абидскому, славному множеством устриц.
- Светлым Весам часы и дни уравнившим,
Свету и тьме пополам круг наш земный разделившим,
- 210 Сей ячмень: вот работа волам и селянам, доколе
Поздние хлынут дожди и солнце к зиме поворотит.
В это же время сей лен, мак Церерин, и рыхло
Их запаши, не давая отдыха плугу, доколе
Сеvu погода благоприятна и тучи нависли.
Сев бобов весною; тогда и трилиственник можно
Также браздам поверять. За пшеном труды годовые
Снова начнутся, как белый Телец золотыми рогами
Году врата отопрет и созвездие Пса закатится.
Если же, в землю бросая пшеницу и крепкое жито,
- 220 Ты предпочтительно требуешь тучных колосьев от нивы,
Дай, чтоб Плеяды, поутру всегда заходящие, скрылись,
Дай, чтоб венец Ариадны до солнца потухнул;
Прежде того не бросай семян: их принять не готовой
Ниве не в пору верить и года надежду.
Многих, прежде заката Май сеять начавших,
Рослое жниво за скорость пустой шелухой наградило.
Срок настоящий для сева презренных бобов, для гороха,
Срок чечевице Египетской, если ее ты не презришь,
Светлый закат Воота укажет: тогда начиная
- 230 Сеять, до самой ты половины зимы продолжай без боязни.

- Вот для чего на двенадцать частей разделенный звездами
Путь золотое светило проходит и правит вселенной.
Боги климаты земли отделили пятью поясами:
Первый в середине всегда сожигает пламенным солнцем;
Два на краях земли, и справа, и слева, покрытых
Льда голубыми громадами, мраком туч дожденосных;
Два между хладом и зноем даны богами в жилище
Слабым смертным. В середине солнца путь лучезарный
Косвенно мимо ряда созвездий всех пролегает.
- 240 Мир к стороне гор Рифейских и скифских пределов
Выше, а в Ливии к югу приметно становится ниже.
Сей полюс всегда нам открыт, другой под ногами
Нашими — виден мрачным Стиксом и тенями ада.
Там огромный Дракон, подобно реке изгибаясь,
В светлых извилах своих заключает созвездья Медведиц,
Низко висящих, боящихся быть поглощенными морем.
Там, по мнению многих, или безмолвие ночи
Вечной и тма распростерта густая черной завесой;
Или Аврора, от нас удаляясь, там день зажигает
- 250 И поутру, как мы коней востока слышим дыханье,
Там зажигает светильник свой Веспер на западе новом<sic!>.
Так по небу, хотя и сомнительно, бурю и ведро
Может узнать земледелец, срок для посева и жатвы,
Срок треволненное море легкими веслами пенить,
Срок выдвигать окрыленные флоты из пристани тихой,
В дебрях высоких ссекать величавые, стройные сосны.
- Мы не вотще созвездий восход и закат наблюдаем,
Так как и год, на четыре части равно разделенный.
Если холодный дождь и удержит оратая дома,
- 260 Он совершает прочнее и лучше то дело, которым
В ясные дни поспешил бы: плуга точит железный
Зуб притупившийся, чолн из дуплистого дерева долбит,
Стадо клеймит и хлеба число замечает на бирке,
Колья острит для забора, готовит вилы двойчатки,
Ставит подпоры для гроздий своих из ив Америкских,

Или из гибкой красной вербы сплетает кошницы,
Жарит хлебные зерна и мелет их жерновами.
Есть работы, которые в праздники нам позволяют
Самый закон и приличность: ручки проводить ни в единой
270 Вере нет запрещенья; плетень заплетайте вокруг нивы,
Птицам ставьте силки, сжигайте иглистый терновник,
Стадо блеющих овец купайте в целительной влаге.
В праздник погонщик хребет осла ленивого маслом,
Овощем или плодом нагружает и, возвращаясь,
Камень жерновный иль черную смолу из града привозит.

Ход луны означает щастливые дни для работы;
Бойся пятого дня: Эвменид и Орка рожденье
Видел сей день; земля изрыгнула с преступным усильем
Цея, Тифея, Япета; братьев, которые в грозном
280 Буйстве небо себе покорить поклялись — и трижды
С страшным усильем горы катая, на верх Пелиона
Ставили Оссу, на Оссу лесистый Олимп громоздили.
Трижды громами Зевс рассыпал взгроможденные горы!
Благоприятен семнадцатый день сажению гроздий,
Тканей основе, волов укрощенью; девятый погибель
Хищникам ставит; но путникам он покровитель в дороге.

Многие в хладную ночь работы идут успешней;
Многие утром, восточной звезде рассыпающей росу.
Луг и солому подкашивай ночью: коса посекает
290 Легче и жниво и травы холодной росой окроплены.
В зимний вечер трудятся селяне при свете лучины,
Бодрствуя долго, ножом заостряя сосновую светочь;
Их подруги песнями длинное время и скуку
Им услаждают, частым бердом ткань прибывая
Или на легкий огонь поставя сок виноградный
Сладкий и ветвью снимая с котла кипящую пену.

В летний полдень ссекает серп красно-желтые класы,
В летний полдень высуша<ю>т их и молотят цепами.
Сей и паши без одежд! земледельцы праздны зимою:

- 300 В хладное время года плодами трудов наслаждаясь,
Часто заводят пиры, угощают друг друга взаимно;
К радостям их зима приглашает, гонит заботы.
Так мореходцы с восторгом корабль в желанную пристань
Вводят и в радости сердца корму венчают цветами.
Мы и зимою находим работы: желуди с дуба
Рвем, багряные ягоды с лавра, оливы и мирта,
Сеть журавлям расставляем, рогатым еленям тенета,
Чуткими псами ловим зайца с большими ушами,
Серн то стрелой достигаем, то Балеарскою пращей
- 310 Рек по хрупкому льду, по глубокому вешнему снегу.

- Вспомнить ли здесь об ненастных звездах, об бурях осенних?
Вспомнить ли быть осторожну, как день становится меньше,
Лето сносней, как весна дождливая рухнет
С неба на класы, высоким стоящие лесом, и зерны
В класах на стебле зеленом, млеком напоенны, тучнеют?
Часто, когда уж жнецов земледелец в желтое поле
Жать выводит, когда уж ссекают ломкие класы,
Вдруг набежавшие ветры сшибаются с шумом, я видел,
В битве высоко из корня глубокого спелую жатву
- 320 Вырвав, на воздух бросают, и с черными вихрями буря
Мчит и солому, летящую врозь, и легкие стебли.
Часто также громада вод скопившихся, небо
Страшно вокруг застилая черной дождливою тучей,
С тучей из моря встающей столкнувшись, падает сверху:
Ливень работу волов и зелень веселую жита
Кроет водой, наполнены рвы, поднимаются реки,
С шумом морские валы закипели в мутных проливах.
Зевс, облеченный бури и полночи мраком, перуны
Мещет из светлой десницы: от грозного треска перунов
- 330 Мир трясется, звери скрываются в норы, и смертный
В сердце упавшем чувствует ужас. Юпитер горящим
Главы Атоса, Родопа или Цера<в>нии громом
В прах рассыпает: ветры сильней и дождь проливнее.
Громко ропщут леса, и брега отдаленные стонут.
-

- Будь осторожен противу бурь, наблюдай неослабно
Путь луны и планет, и в какой небес полосе свой
Круг совершает хладный Сатурн и блестящий Меркурий.
Чти вопервых бессмертных богов, ежегодно великой
Жертвы Церере ты приноси, когда на лужайках,
340 Зиму сменив, младая весна улыбается светло.
В вешние дни овцы тучнее, сладостней вина,
Сон приятней тогда, и рощи сенистей.
Юность сельская вся пусть сберется на праздник Цереры,
В дар ей меда соты, млеко и сладкие вины;
Жертву трижды вокруг засеянных нив да обводят,
Пусть за нею весь хор и плески селян восхищенных,
Гласом громким зовущих под кров свой Цереру, и прежде
Нежели острый серп засверкает над спелою жатвой,
Ветвью дубовой чело сей богини пускай увенчают,
350 С пеньем нескладным стихов и с сельской нестройною пляской.

Заблаговременно нам возвещать чрез известные знаки
Дождь, зной, дуть готовые хладом ветры желая,
Сам Зевес каждый месяц луне означать заповедал
Время, когда успокоятся южные ветры, чтоб, видя
То, земледельцы стада свои ближе к загонам держали.

- Скоро близость ветров узнаем по вздутому морю
В тесных пределах, по шуму глухому гор на вершинах.
Шум взбушевавших валов, далеким вторясь отзывом,
Брег возмущает, и ропот громче и громче по рошам.
360 Уже в круглый бок корабля сердитые волны
Хлещут, когда, из кипящая хляби вынырнув, к берегу
С краком нырки улетают, когда на поморье песчаном
Промеж собой играют гагары и цапля, с знакомых
Блат поднимаясь, высоко за облака залетает.
Также нередко, ветров предтеча, звезда с быстротою
Падает с неба и следом во мраке ночи далеко
С белыми искрами длинный хвост влачит за собою.
Легкая часто солома и листья сухие кружатся;
Часто перья и пух по воде носимый увидишь.

- 370 Если суровый Борей гремит громами, и если
Домы Зефира и Эвра трясутся, то полны водою
Рвы затопят поля и в море пловец поспешает
Влажные свить паруса. Никогда и беспечный внезапно
Бурею не был застигнут; ей из долин восстающей,
Вот поднялись журавли; вот, в небо глаза устремивши,
Жадно телица вбирает ноздрями широкими воздух;
Ласточки, быстро мелькая, над озером светлым щебечут;
Жалко квакают¹ в мрачном блате лягушки,
Часто в гнезде муравьи переносят яйца глубже,
- 380 Узкой протоптанной ими тропой; огромная в море
Радуга черпает воду, и враны густою станицей,
Пажить оставя, с страшным шумом машут крылами.
Стаями разные птицы морские, живущи в Азийских
Тучных, цветистых лугах, на Каистрских приятных озерах —
С крыл изобильно плещут друг в друга блестящую росу;
То главу против волн, то бегом по поверхности водной,
То без цели в воде окунаются желая, ныряют.
Гласом нескладным громко дождь призывает ворона,
Вдоль одна по сухому гуляя песчаному берегу.
- 390 Девы, за прядей сидящи с лампадой, смотря, как светильня
Искры с треском бросает, как копать на ней остается,
Знают заране, что будет дурная сырая погода.

Те ж несомнительны знаки, кои тебе предвещали
Бурю и громы, другою чредой возвещают об ведре:
Звезды тогда в эфире ярко играют, и блещет
Ярко луна, как будто от Феба лучей не заемля;
Тонких, подобных руну облаков ветер не разносит;
Лебедь, Фетиды любимец, не хочет развертывать боле
Крыл, белизною блестящих; тучные свиньи не треплют

400 Желтых, спелых снопов, не кидают, ломая, солому.
Тихо сходят туманы с гор и ложатся в долинах;
Солнца закат наблюдающей с крова иль башни высокой,
Поздны вопли печальной совы не терзают уж слуха.

¹ Воейковым начата правка: В блате, в реке

- В чистой влаге воздушной летая, высоко готовит
Низос за пагубный волос багряный Сцилле погибель;
Сцилла прочь улетает, эфир рассекая крылами.
Низос с ужасным шумом, пощады не знающий, лютый,
Мчится за нею..... но подлетает лишь близко —
Сцилла вспорхнет, быстрее эфир рассекая крылами.
- 410 К ясной погоде трижды или четырежды враны
Черные каркают громко и часто, в гнездах высоких
Против обычая между собой разыгравшись нежно,
В листьях шуршат и шумят, и мнится, что после ненастья
Смотрят на малых птенцов веселей и с сладостью новой.
Я не поверю, чтоб свыше богами был им ниспослан
Разум иль дар предузнания высший самого рока,
Лучше поверю, что буря, движение воздуха, влажность
В мире всему другое дают направленья. Юпитер,
Воздух редкий сгущая, густой разрядив, применяет
- 420 Самый даже инстинкт и самое сердца движенье.
Вот причина молчания, ветрам тучи нагнавшим,
Птиц и животных; но солнце взглянуло — и птицы запели,
Резвятся овцы в лугах, и весело каркают враны.
- Если солнца и лун, за ним катящихся, будем
Ход наблюдать, то завтрешний день никогда не обманет;
Мы не поверим ложным предвестиям ясных ночи,
Видя новый месяц, лучи собирающий вместе;
Мрачный воздух густой, потемняющий рог ее светлый,
Жди, селянин и пловец: готовится страшная буря!
- 430 Если ж девический лик покроет стыдливость румянцем,
Ветры повеют; от ветров багрова луна золотая.
Если ж в четвертый день от рожденья на темной лазури
Блещут острые роги ее немерцающим светом и ярким,
Верь сему признаку: он не обманчив! будет погода
Ясная весь тот день и весь месяц без туч и без ветра;
Гибели в море пловцами избегшими свято на бреге
Главк, Мелицерт, Панопея увидят свершенны обеты.

Также всходящее солнце и в волны катящееся моря
Скажет погоду: за солнцем следуют верные знаки

- 440 Рано, как звезды уж тухнут, и поздно, как звезды восходят.
Ежели солнце всходящее в пятнах различных увидишь
Или пол-лика его облаками задернуто будет,
Бойся дождей: уже мчится порывистый южный
Ветр, и древам, и стадам, и посеву столь вредоносный.
Ежели днем из густых облаков преломленные мешет
Солнце лучи и тускло и слабо, и если Аврора
Одр покидает Тифонов шафранный бледна и печальна,
Листья тогда не укроют кистей винограда в наливе;
Скоро, ах! будут побиты градом, стучащим по кровлям.
- 450 Но совершившего путь и сходящего тихо с Олимпа
Знаки верхней несравненно; тогда на круге великом
Солнца, часто меняясь, являются разные краски:
Синия дождь означает, багровая ветров предвестник.
Если увидишь синие пятна с багровыми вместе,
Знай, что слинные так от ненастья воздух и воды
Вскоре увидишь: в свете никто не заставит
Ночью меня в такую погоду отчалить от берега!
Зря на востоке и западе солнца круг лучезарный
Ясно сияющий тщетно бродящих туч ты боишься:
- 460 Скоро леса Аквилон закачает — и тучи разгонит!
Верь наконец, все, что поздний Веспер приносит, где тучи
Ясные Норд соберет и что Юг приготовит,
Солнце верхней всех знаков предскажет. О солнце! в обмане
Смеет ли кто тебя обвинить? ты об тайных убийствах,
Бунтах и бранях таящихся нам возвещаешь!
Ты, когда Цесарь угас, об Римлянах жалея, покрыло
Лик свой печальный кровавой завесой, и в страхе преступный
Род человеков видел уж вечную ночь над собою.
- В оные страшные дни и земля, и великое море,
- 470 Псы нечистые, птицы зловещие гласом печальным
Знак подавали. Этна во гневе горнила циклопов,
Зрели мы, в недрах своих уж не раз устремлялась разрушить,
Клубы огня и растопленны камни в вихрях кидала.
На небе слышали грозные звуки оружий Германцы;
Снежные Альпы тряслись на гранитных своих основаниях;

В мраке священных вечно безмолвных лесов раздавался
Глас, приводящий в трепет бесстрашных. Бледные тени,
Дивные призраки в полночь бродили; звери вещали;
Реки уже не текли; земля растворилась, и в храмах
480 Пот на меди проступил и кость прослезилась.
Ярым вихрем помчавшись, в свирепом стремлении рощи,
Нивы, поля царь рек Эридан затопил и пастушьи,
Гибельный, кущи унес и стада. И жрец, созерцавший
Внутренность жертв, трепеща, предвещал нам близкую гибель.
В кладязях воды, о ужас! в кровь превратились, и волки,
Рыская в полночь, выли по стогнам градским непрерывно.
Нет, никогда не падало с ясного неба столько перунов
Раз за разом, и столько вдруг комет не пылало.

Все предвещанья сбылися: дважды в полях македонских
490 Ярая сеча кипела, и Римляне-братья мечами
Братьев терзали родными; дважды позволили боги
Землю сию утучнить благородною Римскою кровью.
О, без сомнения время настанет, когда земледелец
Тамошний, нивы браздя искривленным плугом, отроет
Ржавчиной длинные копыя сожранны или, ударив
Звонко тяжелыми граблями в шлемы пустые, увидит
Там с удивленьем великие остовы в древних могилах.

Боги отечества, здесь рожденные, Ромул и Веста
Матерь, хранители Тибра Этрусского, Римских чертогов!
500 Юноше в бурное время быть избавителем нашим
Вы допустите! давно мы нашею кровью омыли
Лаомедонтова рода деянья клятвопреступны.
Уже давно ревнивое небо с жалостью, Цесарь!
Смотрит на землю, где дорожишь ты триумфами столько
В веке, в котором столь часто смешаны правый с неправым,
Брани весь мир потрясают и зло в стольких образах видим.
Нет для плуга отличий; нивы заглохли, селянам
В бой увлеченным; серпы перекованы в острые копыя.
Уже Евфрат и Германия хлынуть войною готовы;

510 Уже союзы забыты, клятвы расторгнуты, грады
 Битвами дышат — и Марс кровожадный свирепствует в мире.

Так, когда ярые кони, взыграя, умчат колесницу
 Вон из ограды, тщетно возница бразды напрягает:
 Кони несутся, не слыша вождей и знакомого гласа.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Прежде я пел земледелье, влиянье созвездий,
 Ныне, Бахус! тебя я пою, и вместе с тобою
 Дикие рощи, кусты и растущую трудно оливу.
 Гроздий родитель, гряди, у нас холмы и доли твоими
 Полны дарами; здесь для тебя осыпала осень
 Грезнами лозы и пена сикера бьет из покалов!
 Гроздий родитель, гряди и, снявши котурны, в багровом
 Токе, из грезнов текущем, омой божественну голень.

Ты же, начало труда моего ободривший вниманьем,
 10 Ты, красота моей лиры и лучшая часть моей славы,
 О Меценат! днесь на полных парусах пустимся в море!
 Я не надеялся б все описать и обнять все предметы,
 Если б имел я сто уст, сто языков и из меди
 Скованну грудь. Прииди, мы в челне вокруг берегов облетаем,
 Землю на миг из глаз не теряя. Вымыслов красных,
 Отступов длинных, столь утомительных, здесь не услышишь.

Образ различный Природа деревьям дала при созданье:
 Много дерев без всяких людских трудов и стараний
 Сами растут на свободе, брега и поляны далеко
 20 Сенью склоненных ветвей покрывая: так гибкая верба,
 Тополь, ракита, с посеребренной зеленью ива.
 Много дерев восстает из семени, скрытого в землю:
 Так высокий каштан, так в Зевсовых рощах всех высший
 Явор ветвями, и дуб, за оракула Греками чтимый.
 Много от корня дерев выходит частою рощей:
 Так вяз, вишня и даже лавр Парнасский, который

Кроется в летах молодых под огромною матерней тенью.
Так природа древа созидает: священная роща,
Лес и кустарник так под надзором ее зеленеют.

- 30 Опыт открыл человекам многие новые средства:
Сей, отделяя отпрыск от нежного матери тела,
Тот, расколов на четыре клина пень плодоносный
Доброго древа, просто сажают в рыхлую грядку.
Сей, пригнув живые сучки, засыпает землею —
И возрастают, как новые, плети на матернем лоне.
Корни многим деревьям не нужны: вершины и сучья
Верхние их заострив, <земле> поверяют с надеждой.
Большее чудо скажу: от колá сухого, без корня,
Ветвей и листьев растет, осеняясь бодро, олива.
- 40 Часто мы безнаказанно видим на древе чужие
Ветви, часто срываем с яблони грушу и часто
Красные сливы с кизила, вместо плодов его жестких.
Вот для чего, земледельцы! вникайте в свойство растений;
Грубый вкус плодов усладить умеете искусством;
Да не останутся праздными ваши нивы: оденьте
Гроздом Исмар и Табурн осените оливой.

- Сами собою древа восстающие в воздухе светлом
Неплодоносны, я знаю; но крепки и жизнью полны;
Их воспитатель Природа. Если ж привьешь плодови́тый
- 50 Сук, пересадишь на кряж удобренный, в готовую яму,
Дикость их скоро исчезнет, и скоро труд неусыпный,
Преобразя, покорит и их благотворным уставам.
То же с бесплодным отпрыском, древа при корне растущем,
Если его ты посадишь в поле, открытое солнцу;
Если же нет, он заглохнет под матерней тенью, отнявшей
Солнце и росу, плоды его иссушившей и соки.
Семена павшу на землю, оно разверзается тихо,
Внуков наших покрыть обещая тенью своюю.
Яблонь от семени скоро забудет приятные свойства,
- 60 Грозды родят мелкие ягоды в добычу птицам.

В самом деле за всяким древом нужно хождение;
 Ровно сажай их и прямо: труд за успехи порукой.
 Пень производит оливу, грозд от череньев родится,
 Мирт Пафосский от ветви здоровой, посаженной в землю.
 Ясень высокий, орешина крепкая, дуб, посвященный
 Зевсу, древо тенистое, коим венчают Геркулла,
 Стройная пальма и с бурями в море борющаяся сосна:
 Все на семянной гряде получают сперва воспитанье.
 Но к безобразной ежёвке привитый орех превосходен;
 70 Явор бесплодный вкусные, крупные яблоки носит.
 Бук осыпан каштанами зрим, и груши цветами
 Ясень седеет; под вязом желудь кабан разгрызает.

Образ, как прививать, двоякий: в глазок и под кожу.
 Первое: сделав разрез на зеленой коже древесной,
 Где надувается почка, и разорвав перепонку
 В самой середине, в глазок влагают от чуждого древа
 Отпрыск — и он привыкает питаться чуждою влагой.
 Средство другое: ссечь<sic!> вершину и, скважину сделав
 Острым клином на гладкой поверхности древа, влагают
 80 В оную сук благодатный — и скоро великое древо
 К небу щастливые сучья свои простирает широко,
 Новою сенью гордясь и чужим плодам удивляясь.

Древ различные роды: есть разные крепкие вязы;
 Ив, лотосов, древ кипарисных на Иде священной,
 Тучных олив и род и образ многообразен:
 Продолговаты и круглы оливы, черны и горьки.
 Яблоков также бесчисленность разных и видом и вкусом.
 Есть Крустумские тяжкие дули, есть и Сирские груши.
 Рвем ли мы с наших древ виноград одинакий
 90 С тем, который срывают Лесбийцы с гроздий Метимны?
 Есть Тазийский грезн и белый Мареотидский;
 Те разводить на легкой земле, а другие на жирной.
 Грозд Псифийский вкуснее вареный, также Лагейский:
 Ног лишают они и язык лепетать заставляют.
 Есть багряный и ранний. Кто <P>етийские вина

- Может достойно в стихах похвалить? но неравны с Фалернским!
 Грозд Амминийский крепостью славен; но много уступит
 Тмольскому, также Фанейскому грозду — царю винограда!
 Славен мелким Аргос виноградом, с ним никакие
- 100 Грозды не равны ни в изобилии, ни в долголетиях.
 Вас ли, красу и честь пиров у бессмертных и смертных,
 Родские ль вина, могу умолчать? Бумастьские ль грезны?
 Но невозможно исчислить все роды различные гроздий,
 Так как нельзя упомянуть их разных названий;
 Мы не входим в такие подробности: легче возможно
 Счесть песчинки в Ливийских пустынях, носимые ветром;
 Легче возможно узнать, сколь велико количество в бурю
 Волн раздробляется с шумом о брег Ионийский гранитный.
- Все растенья на всякой земле родиться не могут:
- 110 Ива любит прохладные реки; ольхе во благе
 Тучном приятно, ясену милы камни утесов;
 Мирт на бреге озер и морей всегда веселее,
 Грозд на покатых холмах, а тис на морозах и ветрах.
- Взором окинем мир, покоренный трудом земледельцев;
 Взглянем в жилища восточных Арабов и пестрых Гелонов!
 Каждое древо имеет отчизну: в Индии только
 Черный эбен, в щастливой Аравии ладан родится.
 Что я скажу об стране, где из древ истекает ритина,
 Или об той, где прекрасный вечно акант зеленеет?
- 120 Что об лесах Эфиопских, руном белеющих нежным,
 Или об Се<rc>ких, где гребнем волну с древ собирают?
 Что об Индейских лесах, по берегу дикого моря
 Край света гордо стоящих, которых высокой вершины
 Лук тугой наляцаючи сильно крепкою мышцей
 Жители Ганга не могут достигнуть пернатой стрелою?
 Мидия носит горький плод, неприятный для вкуса,
 Но всех лекарств действительней против яда, и если
 Мачиха страшная в злобе сосуд заражает из зелий
 Выжатым соком и адских слов наговором преступным: —
- 130 Шлют на помощь сей плод — и он черный яд прогоняет.

Древо сие величаво и сходно с божественным лавром;
Лист и образ один, и если б не запах различный —
Лавр настоящий! цвет его крепок на ветвях, и листьев
Вечно зеленых ни ветер оборвать, ни буря не в силах;
Цвет — уста окуряет; сок — грудь старцев врачует.

- Но Мидийские славные рощи, богатые земли,
Ганг, величавый красавец, и Герм, по злату текущий,
В славе не равны с Авзонией; Индия, и Бактриана,
И благовонной ритиной Панхая богатая в царствах.
- 140 Пусть не пахали волю, из ноздрей извергаючи пламя,
Нив ее тучных, не заседали зубами дракона,
Серп не сжинал с ни<х> ни шлемов, ни с копьями ратников грозных;
Но Массийский грозд на холмах, пшеница на нивах;
Рощи оливы подносят, доли пестреют стадами;
Конь воинственный гордо копытами пажити топчет;
Белое стадо и тучный бык, величайшая жертва,
Часто, Клитумн! священной твоею влагой омыты,
Вводят в триумфе и лаврах Римских вождей в Капитолий.
Здесь беспрестанно весна и в чуждых месяцах лето;
- 150 Дважды в году рвем плод с древ, дважды ягнят получаем.
В наших пространных лесах кровожадные тигры не рыщут,
Львы не рыкают; здесь не обманет несчастных,
Рвущих ее, аконита, и змий, сверкающий жалом,
Перегребая песок, в огромные кольца не вьется.
Сколько градов велелепных, сколько чудесных чертогов,
Зданий, повешенных хитро на скользких, отвесных утесах;
Рек, у подножия древней ограды быстротекущих!
Можно ли мне позабыть здесь об верхнем море и нижнем?
Иль не сказать об великих озерах: Ларийском безбрежном,
- 160 Грозном Бенакском, как море вздувающим волны?
Пристани ль здесь опишу? на Лукринском ли озере крепкий
Юлиев сток и оплот, об который бурные волны
С ревом дробит океан; но не сломит; сток, чрез который
Вместе с Тиренским проливом сливаются волны Аверна?
В жилах Авзонии медь и серебро рекой протекают;
Чистого злата руда из гор лиется обильно.

- В ней обитали бранные Марты, Сабинская юность,
 В ней копыеносные Вольски, привыкшие к ранам Лигурцы.
 Здесь родились великий Камилл, Деций и Марий,
 170 Бранные здесь Сципионы, и ты, о Цесарь великий!
 Днесь победитель на дальних Азийских берегах, отогнавший
 Прочь от Римских твердынь Индейцев женоподобных.
 Мир тебе, край благодатный Сатурна, плодами богатый,
 В плодах<sic!> великих обильный! я для тебя об искусстве
 Древнем начну, вкусив священной воды Геликона,
 В Римской столице Аскрейскую песнь об сельских работах.
- Днесь покажем разные роды земель и их свойства,
 Разный их цвет, плодотворные силы каждой особо.
 Скажем, вопервых: упрямое поле, бесплодные холмы,
 180 Кряж каменистый, смешанный с глиной, одетый кустами,
 Древу живому Паллады приятен. Хочешь ли знаков?
 Рощи диких оливок растущи по камням и глине,
 Кряж, лесными плодами осыпанный — верные знаки!
 Тучное, сладкою влагой животворимее поле,
 Все под густую травой, родящее множество ягод;
 Кряж, какой меж раздвинутых гор в долине широкой
 Видим, биющим с вершины утеса ключем освеженный,
 С гор, удобренных туком, полдневному солнцу открытый,
 И тальником, неприятелем плуга кривого, <>,¹
 190 Обогастит тебя Вакховым даром и пенной рекою
 Сок виноградный проль<e>т; поле — даст крупные грез<н>ы;
 Дол — драгоценные вина, какие в чаши златые
 В честь богам возливаем, тогда как играет на лютне
 Тучный Тосканец — и жрец вопрошает внутренность дымную жертвы.
- Хочешь ли ты волов, ягнят и козлов, огородам
 Вредных, стада разводить? преселись в Тарент плодоносный;
 Или ищи себе паств, подобных прекрасным долинам,
 Днесь похищенным у Мантуи бедной; долинам, где белый
 Лебедь играет на берегу реки, роскошно извитой;
 200 Стадо найдет там ясные воды и тучные травы;

¹ Очевидно, в конце стиха переписчиком пропущено слово (напр., «поросший»).

- Сколько стада трав в длинный летний день истребляют,
Столько росистая краткая ночь возвращает богато.
Хочешь ли лучше быть земледельцем? черный и тучный
Кряж, который под плугом кривым рассыпается мелко,
Ты выбирай: хвала искусству, если подобный
Хитро умее<шь> составить! не вышлет тебе никакое
Поле столько скрыпучих возов, тащащихся тихо с снопами.
Нивы — сокровище, где селянин раздраженный срубает
Лес ленивый, столь долгое время бесплодный, и с корнем дерева
- 210 Вон рвет: птицы, приют свой оставя, взвились на воздух,
Гнезды их в прахе — и плуг облеснул уже дикое поле.

- Труд потеряешь напрасно над холмом, усеянным крупным
Хрящем; он тощ, он для пчел едва производит
Светлой росой размарин окропленный. Столь же бесплодно
Мергель родящее поле: там черные змии находят
Сладкую пищу, и в трещинах камней глубокие норы.
Поле, из коего пар поднимается тонким туманом,
Кое и пьет и опять извергает воздушную влажность,
Где не съедает ржа сошника и зелены травы,
- 220 Вяз с виноградной лозой сочтает, наедит
Масла, стадо насытит и плугу будет покорно.
Столь превосходной землею владеет Капуя;
Столь изобильные вид<им> в соседстве Везувия холмы;
Столь богаты равнины Ацерна, жителей коих
Часто Клан принуждает искать спасения в бегстве.

- Ныне узнать земель различные свойства и силы
Средство открою: легче ль и реже, или тяжеле и гуще.
Ибо тяжелая житу, легкая грозду приятней;
Ищет Церера густой, и рыхлую Вакх избирает.
- 230 Прежде отмеряй место глазами и яму глубоко
Вырыть вели в земле матерой, и не медля обратно
Все потом помечи туда заступом вынуты глыбы;
Ходя по н<и>м, землю стопами утаптывай крепко:
Если земли неостанет, то рыхлый кряж пред тобою.
Если ж, напротив, яму наполня, останутся глыбы —

- Признак густого и твердого кряжа; сей тамо жито,
Пару волов в плуг крепкий впрягай: взрывать его трудно!
На соленой и горькой земле ничего не родится;
Кряж несчастливый: ни труд, ни старанье его не исправят!
- 240 Грозды свой род и плоды свое имя здесь забывают.
Землю такую легко распознаем: снимите
С дымного вы чердака сплетенну из вербы кошницу
Или воронку; наполните сею худою землею;
Сверху потом на нее наливайте чистую воду.
Трудно вода найдет себе в землю дорогу — и крупной
Капля за каплей цедаясь сквозь скважин сосуда, покажет
Вкусу и горечь и соль: мучительный опыт для вкуса!
Самые верные признаки тучной земли здесь открою:
Если взять ее в руки, то никогда не отстанет;
- 250 Но, как смола, прилипнет к перстам, растираяся мягко.
Влажная та, на которой трава высока: вредоносы
Силы ее плодотворные: бойся ее изобилья;
Часто обманчива класов веселая прелесть!
Легкую или тяжелую землю вес обнаружит;
Цвет же различный земель узнаем по первому взгляду.
Хлад земли вредоносный открыть несравненно труднее:
Тис заразительный, сосна и плюща черные пряди,
Там растущие, хладного кряжа единственный признак.
- Сообразя все сие, не забудь ты задолго прежде
- 260 Землю сушить, чтоб глыбы в браздах не стояли горами;
Прежде хребет взвороченных глыб обратить к Аквилону;
После садить уж веселую лозу: перекипевший
Кряж есть самый лучший, ветер, хлад, мраз и прилежный
Труд вертоградяря в нем развернут плодородную силу.
Многие тщатся избрать не только с точностью землю
Или искусством составить подобную в свойствах и силах
Той, из которой переселяют младые растенья,
Чтобы не дать им заметить разлуку с кряжем родимым;
Но на коре означают прилежно, какую страну
- 270 Прежде юное древо стояло к знойному солнцу,
Как хребет обращало хладному севера небу:
В возрасте нежном младенчества действует сильно привычка!

Прежде изведай, в равнине или на холмах покатых
Грозды родятся крупней и обильней: если ты избрал
Кряж плодоносный равнины, то чаще, на скате же холма
Реже садить должно лозы прямыми рядами и в равном
Куст от куста расстоянны. Весь виноградник в куртины
Равносторонние ты раздели; подобно как часто
К брани великой готовясь, свернутый густо когорты
280 Вдоль развернет легион: воинство в поле открытом
Станет, примкнувши дружина к дружине; волнуется светлой
Медью земля, и еще несмешанные в сече кровавой,
В битве сомнительной, рати ярый Марс озирает.
Вот образец! так устрой виноградник и все промежутки
Равными сделай, не столько для вида, сколько для пользы:
Равную силу тогда земля даст каждому корню;
Каждое древо может свободно ветки развесить.

Может быть, спросишь: сколь глубоко выкапывать ямы?
Я поверяю смело брозде виноградные лозы;
290 Глубже другие древа, и совсем зарываю корни;
Но несравненно глубже всех дуб, столько ж всходящий
К небу главою, сколько во ад нисходящий корнями.
Тщетно хотят его опрокинуть зимние вьюги,
Ливень и ветры: он, неподвижный в долгие лета
Жизни, видит многих людей пролетевшие веки;
Он, распростерши над целой поляною крепкие сучья,
Сам величаво стоит посредине под тенью широкой.

Дол, обращенный к западу солнца, не место гроздий;
Бойся оставить орешину между лоз виноградных;
300 Верхних сучьев от древа не должно брать для рассады
(Ветви, растущие ближе к земле, ей приятнее дальних!);
Корни молодые лоз осторожнее заступом трогай:
Можно легко их поранить! гони из винниц оливу:
Часто беспечный пастух, расклав огонь у подошвы
Древ, потушить его забывает, и пламень, закравшись
Тайно сперва под кору смолистой оливы, объемлет

С треском весь пенъ, до<х>одит до листьев, стремится по сучьям,
К ветви от ветви восходит к вершине, к древу от древа
В дыме бежит, разливается огненным морем по роще.
310 Если ж, к несчастью, в то время вихрь налетит и погонит
Тучи дыма с главнями, то нет ни малейшей надежды!
Грозды твои не воскреснут от пней обгорелых и землю,
Срезанны, зеленью вновь не оденут! виновница стольких
Бедствий олива переживает одна сию гибель.

Бойся советов благоразумных писателей, кои
Землю, скрепленну дыханьем Борea, пахать заставляют:
Мраз заключает лоно земли и, семени брошенну, череп
Льдяного кряжа не даст проникнуть слабым кореньям.
Лучшее время грозды садить румяной весною,
320 Как к нам белый аист, враг длинных змий, возвратится;
Также при первых осенних морозах, лету минувшу,
Но колеснице Феба пределов зимы не достигшей.

Лес весною с листьями, роща весною приятна;
Требует лоно земли семян, разверзаясь весною.
Бог всемогущий Эфир тогда в дожде изобильном
В страстное лоно супруги нисходит и в сладком союзе
С телом великим ее прозябенья питает.
В частых кустарниках пение птиц тогда раздается;
В срочные дни стада пылают жаром Венеры;
330 Нива зачешная в чреве раждает; зефиры в дыханье
Теплом утробу земли разверзают; нежная влага
Травы живит, и лужайки без страха вверяются солнцу
Новому; лозы растут, не бояся южного ветра
Или дождя, на них устремленного северным ветром —
Смело и пышно весной распуская листья и почки.
Нет! при создании мира весна облеснула улыбкой
Первою; дни не могли другою чредою катиться:
Я не поверю. Весна светилу великому в небо
Путь отворила, и Эвры зимой не дышали, тогда как
340 Впервые звери светом вздохнули, как поднял из праха
Род человеков железный главу и тогда как

Дикие звери в леса и звезды посланы в небо.
Нежность творений тогда не стерпела б суровой погоды,
Если б меж холодом и зноем не тихий весны промежутки;
Если б не облило теплое небо землю младую.

Сверх того, какого бы рода кусты ни садил ты,
Тучным наземом, землей покрывать их рачительно должно.
Раковин, камней на них на <нос> и, вбирающих воду:
350 Между ними проходит вода, провевает прохладу
Воздух, и корни силу берут. Вертоградарям добрым
Способ известен ростки покрывать черепами сосудов
Глиняных битых. Это им от дождей охранитель,
Также тогда как от жажды земля разверзается летом.

Лозам посаженным в грядку, осталось заступом чаще
Землю прибрассывать к корням, двузубыми вилами грядку
Чаще тревожить и между рядами лоз осторожный
Плуг проводить прямою чертой на волах непокорных.
Легкие трости, или прутья высокие, или
360 Копья вязовые в грядку втыкай и двурогие вилы,
Чтобы лозы на них могли опереться, привлекли
Ветр презирать и на вяз по ступеням ветвей взбираться.

Лозы, вышед из детства, пускают отпрыски новы:
Нежность их пощади, и в то время как радостно кверху
Быстро восходят побегу, как будто вождям попущенным,
К ним да не смеет касаться железо; изредка только
Там и сям обрывай руками листья густые.
Но тогда как, обнявши крепко ветвями подпоры,
Выше их встанут, кудри им обстригай и обрезывай сучья:
Прежде железа боявшись, ныне яви без пощады
370 Власть над ними и ветвей умерь излишнюю роскошь.

Крепкий плетень кругом заплети от стад в оборону;
Ведай, что вред и малейший губит юные листья.
Кроме ужасного холода и сильного летнего зноя,
Дикие буйволы, козы, идущие в стаде за ними,

Лозы твои оскорбляют, овцы и алчные кравы.
Нет, им не столько губителен белый сжимающий иней,
Страшный жар, раскаляющий камни, на них проливаясь,
Сколько губительно стадо, в язве надкушенных сучьев
И на разрезе коры убийственный яд оставляя.

- 380 Это прямая вина, не другая, что Вакху приносят
В жертву козла: старинные игры явились на сцене;
Кто остроумнее, тот получал на распутьях и в селах
В дар козла у Афинян; прыгали там вокруг веселых
Чаш на лугу чрез мехи козлиные, вспрыснуты маслом.
Мы, потомки Троян, Авзонцы, следом за ними
Вслух читаем стихи нескладные с хохотом громким,
Древ из коры в безобразно обделанных страшных личинах,
Вакх! тебя призывая, веселыми песнями славим;
В честь тебе легкие ставим качели в рощах сосновых.
- 390 Вот виноградом унизаны лозы богато, плодами
Полны глубокие доли, в рощах дремучих поляны:
Все цветет, куда сей бог главу обращает!
Грянем же Вакху гимны праотцев наших, наполним
Хлебами чаши, козла за рога повлечем на закланье
Пред олтарем вечноюного бога гроздий! изжарим
Тучную внутренность мы на рожнах из ореховых сучьев.

- Кроме тех, об которых сказали, от нас попечений
Требуют лозы особых: надобно нам ежегодно
Трижды, четырежды взрыть вокруг их землю, дробить беспрестанно
- 400 Граблями глыбы и лоз обрывать излишние листья.
Круг годичных работ совершившим селянам, уж новый
Год, тем же следом идя, призывает их к новым работам.
Только что лозы сбросят поздние листья и только
Хладный северный ветер оборвет украшение рощей,
Уже тотчас наступающий год на себя земледельца
Взор обращает; уже с кривою косою Сатурна
Он виноградник обходит, листья подстригает и пряди.
Первый землю ты взрой, первый сожги ты сухие
Лозы и первый под кровлю колья смечи; но последний

410 Свой виноград обрывай. Дважды тень нападает на лозы;
Дважды в году заглушают их вредные травы густые;
Тяжко и то и другое. Хвали виноградник обширный,
Сам обрабатывай малый! Тогда иглистый терновник
Рвут по лесам, по берегу рек растущие трости,
И никакого труда ивняк не стоящий режут.
Уже подперты лозы, ножи садовые праздно,
Колья в последний остря для лоз, поет вертоградарь;
Но и тут должно землю бросать и взрывать, и бояться,
Ждя бурь каждый час за спеющий плод винограда.

420 Но никакое старанье беспечной оливе не нужно,
Заступ и вилы, терзаючи землю, здесь бесполезны:
Корни пустив единожды, ветры изведавши, к небу
Полная жизни взбегает, ежели граблями взроют
Землю вокруг; и богата плодами, ежели плугом.
Будь воспитатель оливы, древа, любезного миру!

Также и яблонь, в корне почувствовав крепость и силу,
Очень скоро встает, до звезд главу подымая
Собственной внутренней силой, не требуя помощи нашей.

Но от того не менее лес блистает плодами,
430 Дикая роща как кровь ягоды алые носит,
Вкруг обстрижен цитиз, в лесу высоком лучина
Срублена, свет и тепло дающая ночью, а люди
Все не хотят их садить и малейшее дать им признание!

Что продолжать об великих предметах? ива и верьба
Стаду листья свои, а пастырю сень предлагают,
Нивам под жатвой плетень и мед пчелам домовитым.
Как приятно зреть на Циторе волнуемы буки,
Сосны в Нариссе! какое приятное зрелище — поле,
Где не надобно плуга, ни тяжких трудов человека!

440 Даже бесплодные дебри вершин Кавказа полезны,
Эвры где с свистом и скрипом, качая, ломают деревья:
Разный плод их деревья разные носят; из сосен

- Их корабли, кипарисов и кедров их дома.
Обод, спицы, оси и крыши к телегам оттуда
Для земледельцев; огромные кормы для мореходцев.
Связями гибкими ивы богаты, вязы листьями;
Мирт несгибаемый нужен для копий, кизил для различных
Бранных снарядов; тис Итурийский сгибается луком.
Легкая липа и бук на токарном станке получают
- 450 Образ и долбятя острым железом на разную утварь.
Легкая ольха, в челнок превращенна и послана в воду,
Быстро преплавает Пад; дуб под крепкой корою,
Или в дупле пустом и обширном пчел сокрывает.
Что принесли нам равно полезного Вакховы грозды?
Часто Вакх преступлений виновник: он разъяренных
В пиршестве предал смерти Центавров <P>ета и Фола,
И угрожавшего чашей широкой Лапитам Гилея.
- О земледелец, стократно блажен он, ежели цену
Благ своих знает! далек он от шума оружий;
- 460 Нива родная и сад дают ему снеди простые;
Нет у него с переходами длинными пышных чертогов,
С хитрой резьбой позолоченных врат, которые с шумом,
Утру проснувшись на холмах, льстецов извергают волнами.
Нет у него Коринфских столпов и мраморов белых;
Он не одет ни в парчу, ни в багряные Сирские ткани,
И не вкушает за трапезой пряных брашен заморских.
Но в замену надежный покой и жизнь без коварства;
Прочными благами он обладает в сельском поместье;
Отдых имеет в пещерах, озера с проточной водою,
- 470 Стадо быков ревущее; древо, под коим вкушает
Сладостный сон. Там обитель зверей, дремучие рощи;
Там довольная малым, к трудам обыкшая юность,
Там святыня богов, к отцам уважение; в скромной
Хижине сельской Фемида последний ночлег свой имела.
- Музы, с младенчества ваш почитатель, в сердце питал я
Жар благородный, к вам и теперь с мольбою: откройте
Мне таинственный ход светил по небесному своду!

- Музы, почто лик луны то ущербный видим, то полный?
Что потрясает землю и солнце без туч помрачает?
- 480 Силой какою без ветров море гонимое к берегу
В час урочный стремится и в час отступает урочный?
Что заставляет зимнее солнце столь быстро скрываться,
Зимнюю звездную ночь столь долго медлить на небе?
Если ж, вокруг сердца лежащему хладу, не в силах постичь я
Тайны природы, то петь мне дозвольте об речках в долине,
Рощах безвестных и милых! где вы, равнины Тайгета?
Кто мой вожатый будет на Гем благовонный? Примите
Странника вы, о долины Темпейские! в сень ваших рощей,
Ветви повесьте над ним и укройте от бурь и заботы!
- 490 Щастлив мудрец, познавший чертеж пространной вселенны,
Силы ее и пружины! Щастлив твердый в временах
Рока, хладно внимающий шум Ахерона скупого!
Щастлив не меньше сельских богов смиренный любимец;
Пана, старца Сильвана и Нимф, его сестр, почитатель!
Пурпур царей и пукі народа он хладнокровно
Видит; междоусобных раздоров и браней он не заводит;
Воплей воинственных Дака, от Истра восставших, не слышит;
В пренях Сената, в падении царств не приемлет участия.
Он не жалеет об бедности, он незавидлив к богатству;
- 500 Он овощами простыми за трапезой сельской доволен,
Он не знаком с железною строгостью наших законов,
С ябедой наших судилищ, с хранилищем писем народных.
Сей незнакомое море волнами роет, а этот
Грудью встречает копье, к царям вползает в чертоги;
Сей покупает гибелью града, нещастьем Пенатов
Право на пурпуре спать и пить из чаш драгоценных;
Тот обладатель сокровищ, стражем бессменным у злата;
Тот онемел на кафедре народной; рукоплесканьем
В ложах (плески удвоены от Плебеян и Сената!)
- 510 Сей оглушен; те веселы, облиты братнею кровью;
Здесь же меняют дома на ссылку и, теремы предков
Кинуты, ищут чужих богов и чужой отчизны.
-

- Жизнь земледельца иная: он с острым плугом на ниве;
 Он годовую работой отчизну и маленьких внуков
 Кормит; для крав и рабочих волов промышляет запасы.
 Он от трудов не престанет, доколе не узрит согбенных
 Ветвей древесных под тяжестью спелых плодов, и доколе
 Житом не полон анбар, и подвал вином не уставлен.
 Придет зима — и в тисках уж оливы, и цедится масло;
- 520 Свиньи в загон, желудями упитанны, идут; подносит
 Лес на кустарнике ягоды, осень плоды предлагает;
 Спеют грозды на кряже камнистом, палимые солнцем.
 Но обвилися вокруг шеи милые дети, целуя;
 Страж его дома невинность; млеко из сосцов наливают
 Кравы в удойник — и между тем, разыгравшись на дерне,
 Бьют козлы соперники крепко друг друга рогами.
 Придет ли праздник? он, возлежа на лугу, торжествует;
 Огонь пылает в середине, гостей увенчаны чаши.....
 Вах! он тебя призывает; пастырям стада высоко
- 530 Цель для метания быстрых копий он ставит на вязе;
 Крепких мужей для сельской борьбы от одежд обнажает.

- В древности образ жизни такой наблюдали Сабинцы;
 Так Рем с братом; так возрастала Этрурия в силах.
 Так, земледелие чтя, святынею Рим знаменитый
 Семь холмов заключил во единой ограде и славой
 Все града превзошел. Так прежде Юпитера, прежде
 Чем обагрило нечестие руки кровью животных,
 Жизнь златую вели человеки под скиптром Сатурна;
 Резкие звуки бранной трубы не гремели, и часто
- 540 Млат ковачей, стуча, мечей не выковывал грозных.

Но, обтекшим пространное поприще нам, уже время
 Коней усталых отпрячь и склониться к покою.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Также тебе, Палеса великая! песни и вместе,
 Пастырь Амфрийский, тебе! вам, ручьи и рощи Лицея!

- Пищи для праздности нету: лирой досужих поэтов
 Все уже было воспето: кто Эвристееву лютость,
 Кто алтаря недостойного хвал Вузирида не знает?
 Кто не пел Гиласа младого, Делоса Латты?<sic!>
 Кто Гипподамии, рамо из кости слоновой Пелопса,
 Славного коней вождя? поищем из праха подняться
 Новым путем и в триумфе лететь по устам человеков.
- 10 Первый в отчизну (ежели дни мои продолжатся!)
 Муз приведу, возвращаясь с холмов Аонийских, и первый,
 Мантуя! в дар тебе принесу Идумейскую пальму.
 Мраморный храм на зеленых полях твоих я воздвигну,
 Близ вод, где<sic!> извивает большими кругами и тихо
 Минчио пышный, нежный брег тростником осеняя:
 Цесарь в середине храма единый будет поставлен;
 Сам, богато одет багряницею дивною Тирской,
 Сто колесниц устремлю я четвероконных по берегу.
 Рощи Молорха и берег Алфея оставив, придет
- 20 Греция с нами в беге, в жестоком бою состязаться.
 Я с главою, увенчанной листьями юной оливы,
 Сам награды раздам: и мнится, веду уже ныне
 Ход торжественный к храму и вижу быков убиенных;
 Вижу, как Бритты в театре развесили ткани, на коих
 Хитрой иглою живо представлено их поношение.
 Там над входом во храм изваяю из злата и кости
 Битвы при Ганге и победителя в броне Квирина;
 Здесь возмущенный войною в обширном теченье великий
 Нил и медь кораблей, столпом восстающая к небу;
- 30 Здесь Азийские грады в цепях, Нифат отодвинут;
 В бегстве Парфянин сзади чрез рамо стрелами разящий.
 Там два разных трофея у разных врагов похищенны,
 Двух берегов побежденные дважды народы представят;
 Там из Паросского мрамора будут дышать в изваянных
 Образах все Ассарака потомки, ведущи от Зевса
 Род свой: Трос прародитель и Цинтий, Трои создатель.
 Неизлечимая зависть Фурий, Коцита, извитых

Змий Иксиона, его колеса огромного, камня,
Тщетно Сизифом катимого в гору, тогда устрашится.

40 Между тем, последуем в рощи Дриад и в полянки
Прежде других; Меценат, твои повеления трудны!
Нет без тебя ни одной возвышенной мысли! скорее
Леность мою прогони; нас крики зовут к Цитерону;
Лай Тайгетских псов, Эпидавр коней укротитель:
Лес, отвечающий им, в отзывах вторит все звуки!
Скоро уже начну я петь кипящие битвы
Цесаря, имя его пронесу временам столь далеким,
Сколько далек от дня рожденья Тифонова Цесарь.

К играм ли ты Олимпийским, пальмы наградой прельщенный,
50 Коней готовишь или крепких волов для оранья:
Выбор маток первое дело. Лучшие стати
Кравы: глава безобразно большая, тучная выя,
В сгибах подзобок, висящий почти до коленей, безмерно
Бок протяженный, все члены огромны и самые даже
Ноги, уши в шерсти под рогами ее извитыми.
Нравится мне волнами и пятнами белыми крава;
Я люблю ее видеть, когда, как вол разъяренный,
С ревом свергает ярмо, угрожает рогами и гордо
Переступая, длинным хвостом она прах возметает.
60 Возраст, способный муки Луцины стерпеть и Гимену
Быть посвящен, в четыре начнется и кончится в десять;
Прежде и после кравы к ярму и родам неспособны.
Ты посылай в кипящее младостью стадо, не трать
Времени, для сочетанья быков красивых, и новым
Племенем старое племя ты заменяй непрерывно.
Лучший возраст в жизни для бедных смертных промчится
Первый и скоро; за ним болезни, скучная старость,
Скорь и смерть, посекающи нас беспощадной косою.
Вечно есть в стаде такие, коих сбыть ты желаешь;
70 Вечно быков и крав ты новых готовь и погибель
Их упреждай, ежегодно племянных по жребию выбрав.

- Столь же строг будь в выборе статных коней для завода:
 Тот, на которого ты свою полагаешь надежду,
 Главное с юности должен к себе обратить попеченье.
 В златном лугу жеребец величавый и доброй породы
 Ходит гордее и ноги с легкостью мечет и ставит.
 Первый он на дороге; первый в реке незнакомой
 Смело, и первый себя поверяет новому мосту.
 Стук напрасный его не смущает: шея крутая,
- 80 Морда сухая, хребет окатистый, станом он тонок,
 Грудь, кипящая мужеством в жилах. Шерстью отличен
 Бурый и в яблоках серый; напротив, в презренье великом
 Белый и рыжий. Звук оружий далеко послышав,
 Весь в нетерпенье, ушами прядет, трепещет, не сыщет
 Места, и пламень из алых ноздрей извергает клубами.
 Грива, разметана густо, по правому раму струится;
 Ребра крутые двойным хребет его кажут; он роет
 Землю и тучную пажить копытами крепкими топчет.
 Древле таков укрощенный Поллуксом конь Амиклеев
- 90 Славный Циллар. На таких (нам греки в стихах возвестили)
 Марс и Ахилл летали.<sic!>
 Древле Сатурн, внезапно супруге представшей, в такого
 Преобразился коня, и, гриву раскинув, помчался
 В горы от ней, и потряс Пелион пронзительным ржаньем.
- Кто от болезни тяжелым, от старости ставший ленивым:
 Хлеб да имеет! спокой его непостыдную дряхлость!
 Битвы Венеры и Марса требуют юношей крепких.
 Для престарелых борцов, бессильным желаньем томимых,
 Бог Гименей не бог наслаждений: так, как в соломе,
- 100 Пламень в них, вспыхнув, угаснет. Заметить пылкость и лета
 Главное дело! потом уж породу и свойства другие:
 Весел ли конь победитель, грустен ли конь побежденный!
 Видишь ли, как в минуту опасной борьбы захватили
 Поле кони? колесницы, вырвавшись<sic!> вон из ограды;
 Юноши полны надеждой; но сердце их бьется
 Страхом стесненное! свищут бичи, и возницы
 Вот, наклонясь, попускают брозды: оси дымятся;

- То по земле расстилаются кони; то, мнится,
Будто от ней отделясь, на воздух они поднялись.
- 110 Нет им покоя; нет отдыха; тучи желтые праха
Подняты; облиты пеной и влажным дыханьем отставших:
Столь велика в них страсть к похвалам и стремленье к победе!
Первый дерзнул Эрихтоний запретить в колесницу четырех
Коней и, на колесах стоя, торжественно мчаться.
Прежде всех в Пелетронской долине Лапиты броддами
Дикость коней обуздали и, на хребте у них сидя
В броне, их обучали выступке гордой и мерной.
Равен труд и тот и другой: и возница и всадник
Равно коня выбирают младого и пылкого сердцем;
- 120 Старый и дряхлый отброшен, хотя попирает бы он прежде
Часто врагов, имел бы Эпир или Мицены отчизной,
Если б свой род знаменитый он выводил от Нептуна.

- После сих замечаний, главное сделать все в пору;
Все попеченье сначала единственно в том: да тучнеет
Конь, предводителем выбранный, бык, нареченный супругом;
Льют в изобилии воду; свежее сено и зерны
Хлебные сыплют: да с жаром летит на свиданье любви.
Слабый и дряхлый отец недужных чад поражает.
Крав, напротив, совсем изнурять почитают полезным:
- 130 Склонность заметив в ней к наслаждениям любовным, немедля
Пищу убавят, от вод отлучат и на пажить не пустят.
Часто даже, запрягши в телегу, мучат на зное
В тот час, как ток от цепов в лад бьющих стонает
И легкокрылые зефиры, вея, разносят мякину.
Тучность чрезмерная может, проход семянам заграждая,
Сделать совсем бесплодными маток, ленивых от тука.
Вот вина, для которой пастыри их изнуряют.

- Матери стада заченшей и чреву ее округленну,
Все попеченье, вся холя к ней от отца переходит:
- 140 Ей не возить колесницы, ей не взбираться на горы,
Ей не преплывать чрез реки, ей не скакать чрез овраги,
Ей не мчаться стрелой по полям и пажитям тучным.

Пусть гуляет она по открытым в рощах лужайкам:
Там, где полон ручей, где берег и мшист и муравчат;
Там, где прохладны вертепы и рощи над ними нависли.
Есть вокруг Силарских лесов, вблизи от Албурнской дубами
Озелененной горы, летающий овод: у Римлян
Имя ему Азил, в переводе на Греческий Острин.
Овод ужасно жужжащий, от жала которого стадо
150 Врозь разбегается, пастыря гласу не внемля, и страшным
Диким мычаньем леса потрясает и берег Танагра.
Некогда гневной Юноной сие чудовище злое
Послано мучить дочь Инахову, юную краву.
В полдень при солнечном зное овод еще кровожадней;
В полдень беременных крав в загоне держи, выпуская
В луг их пастися на солнечном восходе иль вечером поздным.

Им разрешившимся, все попеченье новорожденным:
Вскоре горячим клеймом означь их породу и участь;
Порознь и тех, которых блюсть на племя ты намерен,
160 Коих ты оltарю посвящаешь, коих готовишь
Шероховатые глыбы переворачивать плугом.
Прочие могут без цели бродить по зеленым лужайкам.
В плуг обреченных тельцов старайся в младости нежной
С тяжким ярмом и работами сельскими ты познакомить:
Юность легче все понимает, нрав ее гибче!
Сперва сплети хомутину из верб и на нежную выю
Вздень молодому тельцу, приучай его мало-помалу
Иго носить терпеливо, после с тельцом равнолетным
Спарь их, связав хомуты, води их вместе и шагом.
После их заставляй возить пустую телегу,
Прежде по ровному месту, потом и горы на вершину.
170 После дружно потянут воз, под которым согнется
С скрыпом ось из крепкого бука на медных колесах.
Но в ожидании мало кормить их одною травой,
Листьями ивы или в болоте растущей осокой.
Нет! им нередко снопы ячменя разбрасывать должно;
Предков оставя обычай, млека не цедить уж в удоиник
Белый<sic!>, но в пищу милым детям крав предоставить.

- Если ж ты страстен ко браням и к строю всадников гордых,
180 Или в Пизе по берегу Алфея скользить на колесах
И колесницей летучею править в Зевсовой роще:
Первое дело, чтоб конь привыкнул слышать оружий
Шум, крик громкий ратников, зык труб и стук колесницы,
Тяжко стонающей, упряжи звон и удил железных.
После хозяин, к лъстиву гласу похвал приучая,
Чаще коня да ласкает и треплет по вые.
Тотчас начать, как скоро от матери будет он отнят:
Пусть он морду подставит узде в замену за ласки,
Смирный и даже робкий, без всяких опытов в жизни.
- 190 Переступившись ему на четвертое лето, хозяин
Делать мерные скоки учить начинает, ногами
В лад ударять и метать их одну за другою.
Пусть, как работник, конь твой трудится! но скоро он в беге
Ветры обгонит и, удил не чуя, свободно помчится
В поле открытом, едва на песке следы оставляя.
Так Аквилон, с берегов летящий Гиперборейских,
Мчит пред собою вьюги, мятели и гонит сухие
Тучи, волнует высокую жатву и степи дыханьем:
Лес высокий тогда отвечает с шумом ужасным
- 200 Шуму ветра, и волны большие к берегу теснятся:
Он возмечает крылами вместе и воду, и землю.
Конь подобный помчится по поприщу славы в Эллиде,
Пеной кровавою уст и потом поля орошая;
Иль повлечет колесницу Бельгийскую нежною выей.
Прежде коней усмири, а потом, чтоб росли и добрели,
Зернами их утучняй ты: неукрощенные кони
Дух упрямый, силу покажут большую, не стерпят
Легких ударов бича и броздам в послушаньи отажут.
- Чтоб сохранить, укрепить еще больше их силы, старайся
- 210 Ты удалить от огня и слепых наслаждений Венеры
Равно: быков ли заводишь, или к коням ты пристрастен.
Вот для чего и потребно, чтоб от быков отделяли
Крав далекие пажити, горы большие и реки;

- Или чтоб бык был в крепком отделе у яслей привязан.
Бык при взоре одном на краву тает любовью,
Сохнет, бродя близ вод по лесам, по пажитям тучным,
И забывает и воды, и рощи, и пажить. Нередко
Бой у любовников гордых за краву жестокий рогами.
В роще пространной едва показалась пригожая крава,
220 Уже быки, в бой ярый вступя за нее и бодая,
Ранят друг друга; черная кровь омывает обоих.
Против врага они устремляют крепкие роги;
Грозным ревом леса и Олимп оглашают огромный.
Нет для бойцов примиренья; вечно ужиться не могут,
И побежденный бежит в места незнакомые плакать
Там об утраченной славе, об ранах, ему нанесенных
Гордым соперником; но разлучаясь, кидает последний
Взор на милую сердца, на пажить — владение предков.
Ярый, там силы свои, укрепляя, пытается; под небом
230 Ночи проводит, ложе его гранитные камни,
Пища колючие терны, грубый тростник и осока;
Сам искушает себя, рога приучает к ударам
И, пламенея вновь в бой, пни бык раздробляет и, ветры
В брань вызывая, прах клубит и готовится грянуть.
После в силах надежный, бодростью смелой кипящий,
Стан свой оставив, летит на врага, вздремавшего в неге:
Так, из середины восстав отдаленной пучины, белеет
Вал на поверхности моря огромный и, с шумом ужасным
Между утесов ко берегу катясь, как гора снеговая,
240 Грянувшись, вдруг обрушается. Воды кипят и хлебешут,
Дно разрывая, и черный песок по берегу стелют.
- Все на земле существа: человеки, дикие звери,
Чуды и рыбы морские, стада, разноперые птицы,
В бешенстве мечутся в пламень: любовь над всеми царица!
Львица бросает детей для любви и, сделавшись злобной,
По полю рыщет; в лесах никогда медведь безобразный
Столько жертв не растерзывал, столько тогда, как любовью
Пышет; вепрь тогда свирепей и тигр кровожадней.
Горе тогда совершающим путь по Ливийской пустыне!

- 250 Разве не видишь, как у коней пробегает по членам
Трепет, лишь только запах знакомый ветер им доносит?
Бич и брозды над ними силу свою потеряли;
Горы, скалы и овраги в то время для них не оплоты;
Реки, влекущие камни, в стремленье для них не преграда.
Рыщет кабан Сабинский повсюду, ощерясь клыками,
В землю ногою бьет, об деревья ребрами трется,
Всеми средствами против ран укрепляет он плечи.
И на какие беды не отважится страстью горящий
Юноша? В полночь не слыша бури, волн и перунов,
260 Стона родителей, жалобных воплей смотрящей
С брега красавицы милой, которую смертью своею
Он умертвит.... влекомый в погибель страстью свиданья —
Твердый, решимый — плывет сквозь мглу по валам всколыханным.
Что остановит Ваковых пегих рысей и лютых
Псов и волков? Не зришь ли ты смелыми робких еленей?

- Но кобылиц пред всеми сильнейший огонь распалает:
Огонь сей Венера вдохнула, тогда как По<тн>ийского Главка
Члены четыре кобылы в куски растерзали зубами.
Их проводит любовь чрез Гаргарскую гору, чрез шумный
270 Пенный Асканий, скачут на горы, преплывают реки.
Им весною в костях ощущающим огонь сладострастья
(Страсть любви сильнее весною свирепствует в жилах!),
Против ветра стоят на открытом высоком утесе,
Воздух легкий устами вбирают; и часто, о чудо!
В чреве от воздухов сих зачинают — и вдруг с гор стадо
Все кобылиц чрез утесы, овраги, леса и долины
Мчится, о Евр! не к тебе, не к востоку, где солнце восходит,
К северу, к северо-западу, или туда, где родится
Черный юг и небо печалит дождями и хладом.
280 Тут на бегу гиппоман извергают из чрева, ужасный
Яд неисцельный, который мешают мачихи в злобе
С соком из зелий и адских слов наговором преступным.
Но я сам, от предмета песней моих отвлеченный,
Против воли чудотворенья любви прославляю....
Между тем убегает от нас невозвратное время!

Полно! оставим большие стада, воспоем белорунных
Агнцов, косматых козлов. Поселяне, им попеченье —
И наградят вас обильно млеком и мягкой волною.
Знаю, сколь трудно воспеть сии мелочные предметы,
290 Их не унизив, и сколь узка тропинка здесь к славе.
Но от дороги пробитой люблю уклоняться и смело
Путь на Парнас и к Кастальским ключам протаптывать новый,
Где до меня ни один человек не протапывал следа:
Ныне, Палеса могущая! громко тебя призываю.

Первый совет мой овец содержать в покойных загонах,
Сеном кормить, доколе весна оденет лужайки;
Связки большие грубой травы и жесткой соломы
Им, растрепав, подстилать, охраняя от сырости зимней
Нежное стадо: хлад причина постыдных болезней.
300 После того я велю для коз заготовливать ветви
С листьями разных кустов и свежую воду для пойла;
Зимним ветрам вход заградить, и овчарни к полудню
Ставить дверями, и быть осторожным, доколе минует
Хлад и года конец оросит Водолей заходящий.
Козы и овцы равны в правах на твое попеченье;
Полезьа от них равна, хотя Милезийскую волну
Дорого ценят и лучше питают Тирским багрянцем.
Коз же млеко в замену того изобильней и гуще;
Чем их сосцы выжимают с большим усилением в удоиник,
310 Тем богатейшие реки млека они проливают.
Белые космы брады и длинную шерсть Цинифийским
Пастырям стричь допускает козел на покровы
Бранных шатров и снарядов, а бедным гребцам на одежду.
Козы пасутся в лесах на высокой вершине Лицея;
Любят в колочем терне ходить, на стремнины взбираться;
Вечером в хлев козлят ведут за собою и с полным
Вымем едва чрез порог высокий переступают.
В зиму за то от них иней пушистый, снежные ветры,
Бедность, которая часто смерть ведет за собою,
320 Ты отстрани: и сени, и ветви веселые с листом
В пищу давай и зимой не держи на запоре анбаров.

Но зефирам призвавшим обратно веселое лето,
В рощи на пажить отправь ты стадо и то и другое
С первым светом денницы, тогда как лужайки прохладой
Дышат, как молодо утро, луга еще белы, и травы —
Нежная пища для стад — окропились приятной росой.
Дня же четвертому часу уже возбудившему жажду,
Жалко в лугу стрекоза застрекочет: знак, что настало
Пастырям время к прудам и прохладным кладезям стадо
330 Гнать и поить из вязовых колод текучей водою.
В полдень ищи укрыть его в тенистой долине;
Иль под огромным и старым дубом Зевеса, густые
Ветви рассевшим; или под мрачной и длинной
Тенью стоящих часто рошей древ ясенových.
Там еще напоить и держать на лужайке, доколе
Солнце зайдет, прохладит заря вечерняя воздух,
Ночь осыплет леса холодной росой и кустарник
Пеньем чижей огласится, а брег лебедей восклицаньем.

Должно ли здесь говорить о Ливийских пастырях? должно ль
340 Мне здесь воспеть об их редких, едва обитаемых селах?
Часто и ночь и день и целые месяцы сряду
Странствуют с стадом в пустынях, жилищ не имея,
Хижин не видя; степь как безбрежное море пред ними:
Лары, Пенаты, колчан, лук, псы, дом, чаши и утварь —
Все с пастухом Африканским кочует вместе в пустыне.
Так с тяжелою ношею Римлянин, горы и реки
Быстро протекший, пред изумленным вражеским станом
Знамя свое, неожиданный, смелой рукой водружает.

Иначе в Скифии, где Меотийское море, где Истер
350 Берег терзает, с пеною мчась по песку золотому;
Иначе там, где Родоп до оси земной протянулся:
Пастыри Севера держат в хлеву стада запертыми;
В поле трава показаться не смеет, древо без листьев;
Спит земля, безобразно глыбами снега и льдами
В семь локтей вышиною покрытая вечно и крепко;

- Там непрерывно зима, непрерывно холодные ветры,
Солнце бледных теней там никогда не сгоняет,
Кверху ль конями ведомое или спешащее быстро
Моря в багряных волнах омыть свою колесницу.
- 360 Реки текущие вмиг покрываются лдяной корою;
Вод на хребте колёса железные катятся с громом;
Где была корабельная пристань, там ночлег колесницам.
Медные хлад разрывает сосуды; одежда на теле
В лед превратилась, и рубят секирой замершие вина.
Тонкие блата, сжатые крепко зимой, отвердели;
И на браде безобразно всклокоченной смерзлися льдины.
Снег между тем большими клоками валит отовсюду;
Гибнут овцы, большие быки, засыпанны снегом,
Будто в могиле стоят, и елени, стадом стеснившись,
- 370 Оцепенели под тяжестью новой — чуть видны их роги.
Частые сети не нужны, чуткие псы бесполезны,
Красных перьев зверям для испуга ставить не надо:
Тщетно грудью пробить устремляются снежную гору;
Их ножами вблизи поражают и страшно ревущих
Колят; и с радостным воплем уносят поспешно в жилища.
Сами в изрытых ими подземных пещерах беспечно
Жизнь проводят и, пни к очагу прикатав пребольшие,
Целые дубы и вязы там заготовив сжигают;
Игры всю ночь и чаши радости с хмельным напитком,
- 380 Коим, заквасив его, заменяют сок виноградный.
Так под влияньем Большой Медведицы Гипербореицы,
Дикие гор Рифейских народы живут, где восточный
Ветр и где их одежда желтые кожи овечьи.
- Хочешь ли тонкой волны? прочь колючий терновник от стада;
Прочь лопух и волчек; беги от пажитей жирных;
С белым и мягким руном выбирай овец для завода!
Сей прекрасный овен (хотя как снег белорунный),
Если черный язык под влажным небом имеет,
Должен быть удален: от него расплодятся в овчарне
- 390 Черные агнцы; в стадо легко нового выбрать.
Бог Аркадский (если тому поверить возможно)

Пан, белорунного образ овна приняв, о Диана!
В рощу тебя приглашал, и ты вяла его зову.

Хочешь ли ты скоп млека увеличить? чижовник и лотос,
Солью посыпав, в хлев приноси своею рукою.
Соль возбуждает жажду, сосцы млеком наполняет;
Тонкий вкус сокрытой соли в млеке нам приятен.
Многие, малых козлят отняв от сосцов, с матерями
Их разлуча, надевают намордники с острым железом.

- 400 Утренний, также полдневный удой крав пахтают в масло,
Только что вечер наступит; вечерний же в чистых кувшинах
Рано поутру в корзине плетеной в город отвозят
Или, сыры посолив, к зиме пастухи сберегают.

- Псов неусыпных иметь пастуху не последнее дело:
Маленьких легких Спартанских и вместе горячих Молосских
Кислым жирным млеком насыщай; под их стражей надежной
В темную ночь загонам ни хищник, ни волка набегу,
Ни нападающий с тыла Иберец коварный не страшны.
410 Часто псами онагров бегущих преследовать можно;
Псами зайцев ловите, псами скачущих ланей;
Часто поднявши залегшего в тундрах лесистых кабана
Жарко с лаем тесните или с криком еленя
Роговетвистого с гор высоких вгоняйте в тенета.

- Хлев окурять, сожигая кедр благовонный и смолу;
Запах сей, нестерпимый для змий водяных, изгоняет
Под неподвижными яслями их гнездившихся долго.
Вот змий, коего страшно коснуться, испуганный светом,
В нору бежит! вот уж, вползая под кровлю привыкший,
Лютая язва быкам, овец отравляющий ядом,
420 Землю согрел! пастух, схвати или камень, иль палку....
Видишь, как он поднимается, как угрожает он свистом?
Бей, бей! вот уже скрыл он в подземную нору глубоко
В страхе главу от ударов, и хвост и средние кольца,
Камнем разбитые, медленно тащит туда за собою.
Есть в Калабрийских лесах чешуйчатый змий ядовитый;

- Он, пресмыкаясь, имеет главу, поднятую кверху;
Кажет и грудь и узорное чрево. Он рек при разливе
Вешней порою, когда оставляют обычное ложе
И затопляют поля, как дуют дождливые ветры,
430 В благах живет и, скитаясь по берегу, питается рыбой;
Жадный, ловит лягушек, которые квакают в тине.
Но от жара земле расседшейся, блат<a>м иссохшим,
Он выходит на сушу и, ярко сверкая глазами,
Жаждой и зноем томимый, в поле ищет добычи.
Да не случится мне сладкой дремотой забыться на свежем
Воздухе или возлечь на траве под рошей в ту пору,
Как змий сей, одежду ветхую сбросив и кинув
Малых детей в гнезде и яйца, блещет на солнце
Новой своей чешуей и жалом своим троюгранным.
- 440 Днесь покажу и вину, и признаки болезней животных:
Овцы покрыты бывают нечистыми струпами, если
Хладный дождь до костей их проникнет или седые
Зимние мразы, если, волну сстригая, забудут
Вымыть их тело, если изъязвлены терном иглистым.
Вот для чего в текущей воде купают все стадо;
Взяв овна за влажную длинную шерсть, погружают
В бездну и вдоль реки заставляют пастыри плавать
Иль натирают тело обстриженных мазью из серы,
Из чемерицы, из серебряной пены, лука морского,
450 Черной смолы Идейской, из белого липкого воска,
И наконец все сие распушают с отстоем елея.
Но из всех целительных средств спасительней — сделать
Острым железом разрез и внутрь самой язвы проникнуть,
Где сокрыта болезнь и отколь разойдется по телу,
Если пастух, не врачуя, усилиться даст и развиться
Язве, богов об грозящей судьбе овцам вопрошая.
Даже тогда как болезнь до костей уж проникла, как ярость
Духом овец овладела и дрожь изнуряющий в членах,
Можно еще прервать воспаление, жилу рассекши
- 460 В нижнем составе ноги и кровь источая ручьями.
Способ целенья известный Бизальтам и грубым Гелонам,

Кои кочуют в Рифейских горах и в Гетских пустынях
Хладных, питаюсь с млеком растворенною конскою кровью.

Видишь ли овцу, которая часто ложится под тенью
Смирно, маковки трав срывает как бы поневоле,
Сзади едва за стадом бредет, средь поля ложится,
В хлев одиноко тащится медленно вечером поздним?
Смерть ей, смерть без пощады! иль разольется зараза
С страшной поспешностью между овец — и не будет спасенья!
470 Сколько сердитый вихрь воздымает волн на пучине,
Столько различных в стаде недугов! язва пределов
Летом не знает, везде пробегает быстро и губит
Стадо и стада надежду, и с корнем весь род истребляет.

Тот, кто прежде видел высокие Альпы, Норик
Светлые теремы, тот, кто видел Тимава,
Ныне после столь долгого времени бедствий увидит
Царство пастырей степью, долины и рощи пустыней.
Некогда там в согнившем воздухе язва возникла;
Длинная осень летним зноем тогда воспылала
480 И погубила и диких зверей и домашних животных;
Воду и воздух и землю она отравила.
Разные смерть избирала дороги: сначала по жилам
Жажды огонь пробегал и мучительно корчил все члены.
После смрадная влага их орошала, и кости,
Ядом растопленны, вместе одна с другою сливались.
Часто пред олтарем обвязанна белой повязкой
Жертва, к заклянью готовая, прежде чем непроворный
Жрец ножом успевал <ее> поразить, издыхала.
Если же скорый удар упреждал ее смерть и страданьям
490 Ставил конец, то священный нож и земля истощенной
Черною кровию жертвы едва-едва обагрались;
Внутренность жертв не дерзал вопрошать прорицатель, и храмы
Вечных богов стояли без жертв и без тучных курений.
Там быки умирали в лугах благовонных и тучных
Иль расставались с приятным дыханием жизни у яслей.

Псы, столь покорные, в бешенстве дух испускали, и свиньи
Гибли, зев стесня, перевесть не могли дыханья.

- Конь несчастливый забыл и дерн, и подвиги славы,
Где победителем мчался, и воды, в землю ногою
500 Бьет от страданья, склонил главу и уши повесил.
Хладным потом, предвестником смерти, покрытый, он сохнет,
Кожа на нем как кора жестка и груба осязанью.
В первые дни болезни заметны такие <приметы>;
Но с умноженьем недуга сильней становились припадки:
Ярко сверкали глаза; стеснялось дыханье, тяжелым
Стоном в груди задушенное; страшно от внутренней боли,
Тяжко вздымались бока; из ноздрей истекала густая
Черная кровь, и язык присыхал к иссохшей гортани.
Мнили, что влитый в горло из рога сок виноградный
510 Может один исцелить и избавить от смерти грозящей;
Скоро целенье сие соделалось пагубным: пламень
Винный разжег пожирающий недра их пламень, и кони
(Боги, от набожных глав отвратите к врагам заблужденье!)
В бешенстве злом раздирали зубами собственны члены.

- Вот под тяжелым плугом дымясь, изнурен, упадает
Вол и устами точит кровь, смешенную с пеной.....
Умер!.... товарищ его, опечаленный смертью брата,
Горький, бредет в свой загон, и за ним тоскующий пахарь,
Плуг, углубленный в земле недопаханной, бросив на ниве.
520 Тень высоких лесов, дерн мягкий лужаек веселых
Бодрости им возвратить не могут, так же, как с камней
Вьющийся чистый ручей как янтарь и струящийся в поле.
Впали бока их, подернулся туском взор неподвижный;
Собственной тяжестью главы к земле преклонились печально.

Что помогли им услуги и кротость? к чему послужила
Трудная в поле работа? им Массийские грозды,
Брашна искусственны быть не могли виною болезней;
Их обычная пища трава и древесные листья;
Их питье в течении быстром очищенны воды

- 530 Рек и ключей; их сладкого сна не тревожат заботы.
В это время, как нам повествуют, жители стран сих,
В честь Юноны праздник устроив, пару неровных
Буйволов вместо волов под дары запрягли в колесницу:
Там уж не плугами — заступом или ногтями,
Жалкие, землю орали; там не волы и не кони,
Но человеки возили воза и в ярмо запрягались.
Волк кровожадный уже не бродил вокруг овчарни,
Козни свои позабыв: другие заботы, другие
Думы его занимали; елени и робкие серны,
- 540 Между псами бродя, дивилися стоп непорворству.
Море от язвы чуд и рыб не укрыло, и волны
Их тела, как тела пловцов, от бури погибших,
Кинув на берег, омывали; тюлени в глубь укрывались
Против обычая; змии в излучины нор уползали
Тщетно; гидры, подъяв чешую и плывя, цепенели;
Воздух не более птиц защищал, и на быстром полете
Взвившись под тучи, падали, жизнь в высоте покидая.
- Пастыри тщетно бродят с стадами с места на место;
Тщетно врачей вопрошают; врачи умолкли пред язвой:
- 550 Сын Филицы Хирон и Мелап, сын Амифаона.
С мрачного берега Стикса на землю пришед, Тизифона
Бледная рыщет, гоня пред собою болезни и ужас —
И ежедневно подьмлет главу кровожадную выше.
Слыша в хлевах и лугах стон, вопль, рев, вздохи животных,
Берег, насупясь, стонает, сетуют лес и долина.
Уже толпами животных она повергла, и груди
Тел согнивали в хлевах, разливая запах зловонный;
Скоро их научились бросать в глубокие ямы;
Ибо не смели ни кожу обделать, ни внутренность вынуть;
- 560 Огонь и вода их не в силах очистить от яда заразы.
Горе тому, кто осмелился, выделав кожу иль выткав
Ткань из волны погибших от язвы, к ней прикасаться:
Скоро все тело его покрывалось струпом нечистым,
Хладною влагой, от коей убийственный запах гниения;
Скоро болезнь разливалась в костях и составах, и скоро
Огонь костоснедный один за другим пожирал его члены.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Соты душистые, дар небес пою драгоценный:
О Меценат, улыбнися пчел моих домоводству!
Я опишу здесь великие подвиги маленькой твари,
Чудную доблесть царик и устройство чудное царства;
Пчел трудолюбие, нравы, сраженья, и, если услышит
Феб златовласый и малодоступные боги дозволят:
То, чем скуднее предмет мой, тем большей покроюсь я славой!

- Первое, должны мы выбрать для ульев убежище, где бы
Доступа не было ветру; ветер и малый мешает
10 В улей с добычей пчелам возвращаться. В месте, где пчельник,
Коз, овец и телиц, цветы оскорбляющих в поле,
С них отрясающих росу и мнущих встающие травы,
Ты не терпи; с хребтом узорным ящериц пестрых
Прочь от ульев богатых. Также разного рода
Хищных птиц и особенно жолн и Прогну со грудью
Окровавленной; свирепые, пчел на лету они ловят,
В гнезда уносят — и варварский пир для птенцов учреждают.
Близ их жилищ ключи, пруды, зеленеючи мохом,
Видеть хочу иль смиренный ручей, по дерну бегущий.
20 Ход в пчельнике осени огромной оливой иль пальмой:
Чтоб весной, как царицы молодые из ячей выводят
Новый рой и юность, кружась, пожелает взять отдых,
Берег их приглашал укрыться в тени и густое
Древо к ним простирало гостеприимные ветви.
Пруд ли недвижимый стоит, иль ручей играет прозрачный,
Камней в него набросай, перекладыны сделай из ивы:
Чтоб рассеяны ветром или упавшие в воду
Пчелы могли обрести тут спасенье и крыльям обмокшим
Прежний их блеск возвратить, осуша их на солнце.
30 Да улыбается белый ландыш и льющий далеко
Тмин ароматы, чабер свой крепкий запах и сильный
Вкруг пчельника, и фиалка на склоне близ вод притаится.
Ульи свои выдалбливай ты из дуплистого древа
Или сплетай искусно из гибкой вербы покорной;

- Узкий вход в них оставь: зимою от стужи сжимаясь,
Мед твердеет, летом, растоплен, становится жидким.
То и другое для пчел равно неприятно и вредно.
С ревностью пчелы стремятся к скважине, сделанной в улье,
Воском, цветами ее залепляют и липкою мазью,
40 Ими на то хранимой; мазь сия в клейкости сходна
С славной смолою Фригийския Иды, каплющей с сосен.
Часто, ежели верить молве, рои под землею
Норы себе вырывали, и часто их находили
В трещинах скал и в дуплах от старости сгнивших деревьев.
Щели их ульев замазывай глиной и сделай теплее,
Трещины крова листьями древ покрой от ненастья.
Прочь неприятный и столь вредоносный им тис ненавистный;
Прочь очаги, на которых варятся красные раки,
Топкие блага и тундры, где запах смрадныя тины;
50 Прочь вертепы, где звонкое эхо вторит все звуки!

- Солнцу златому прогнавшему зиму под землю и с неба
Снова тепло пролившему к нам в лучах светозарных,
Пчелы, оставя душные ульи, летают по рощам,
Сок из алых цветов сосут и, скользя по кристаллу
Вод, насыщают жажду; с сладкой корыстью обратно
К юным пчелам возвращаются в улей и с хитрым искусством
Здание сотов там строят и мед образуют прозрачный.
Скоро увидишь, как, улей родительский кинув, под звезды
Рой молодой поднимается летом при ясной погоде,
60 Мчится, ветром несомый, как темная туча густая,
К ясным и сладким водам, к зеленым навесам деревьев:
Будь настороже; готовь им в приманку любимые снеди:
Мяту простую, серенгу, Melissa, измятую вместе:
Громко бряцай вокруг их в кимвал, посвященный Церере;
Пчелы опустятся скоро на запах твоих благовоний:
Скоро и сами вберутся по чувству врожденному в улей.

Но возгоревшейся между двумя царицами брани
(Ибо нередко раздор в сердцах их гнев раздувает!),
Задолго прежде, по духу пчел простых, по волнению

- 70 В улье задолго прежде битвы узнаешь об битве:
 Пчел ленивых тогда возбуждают бранные звуки,
 Сходные с звуками медной военной трубы совершенно.
 Пчелы тогда в нетерпении толпятся, блистая крыльями,
 Жало острят и мышцы, готовая в брань, расправляют.
 Вкруг царицы и ставки ее охранители тесным
 Сонмом обстали и громко врагов вызывают на битву.
 В светлый вешний день в широкое поле эфира
 Хлынуло войско из врат: все вдруг устремилось, и воздух
 Весь восшумел; свернулись, клубятся в воздухе ясном;
- 80 Падают сверху: не чаще сыплется град, и не чаще
 Падают желуди с дуба, когда обрывает их буря.
 Расколыхавшейся брани, дружинам смешенн<ым>, не трудно
 В сече цариц распознать по блестящей броне, по ударам;
 Шагу одна не уступит другой, доколе теснима
 Сильно одна изнеможет от ран и в бег обратится.
 Но ратоборная буря, смятенье и бранные вопли,
 Брошенной в ратников горсти песку, утихают мгновенно.

- Поле битвы царицам оставившим, ты, упреждая
 В улье напрасную меда издержку, без всякой пощады
- 90 Смерти предай побежденную! жизнь принеси ее в жертву
 Благу народа, поставь в опустелых чертогах царицей
 Ту, которая право на власть купила победой.
 Их распознаешь легко: одна блистает во злате,
 А другая постыдно влачит безобразное чрево:
 Царь и народ его свойствами сходны бывают.
 Пчел два рода: одни безобразны и цветом подобны
 Пыли, которую в зной из уст извергает засохших
 Путник; другие светлым лоском покрыты; все тело
 Златом усыпано блещет, и крылья их разноцветны.
- 100 Сей последний род пчел превосходен: ульи такие
 Обогалят тебя медом прозрачным и сладким, который
 Вин окислых вкус пременяет в сладкий и нежный.

Мало заметить, что рой своенравный, забыв домоводство,
 Кров охладелый и в жалостном виде соты пустые,

- Праздний, играет под небом: долг твой поставить границы
Резвостям сим, оборвав у матки блестящие крылья.
Пчелы простые без матки смеют ли кров свой оставить?
Смеют ли вынести знамена и кинуть град без защиты?
Средство легчайшее их обуздать ты имеешь: цветами
- 110 Благоуханными пчельник, как сад, обсади; пусть шафранный
Запах их призывает обратно; да тамо с косою
Станет от птиц и хищников бодрый их охранитель:
Бог Геллеспонта Приап! кудрявый тмин да вьетса;
Сосны, с горы сошед, да обстанут пчельник; неусыпно
Сам растения сей и сам поливай их водою.
- Если б я не спешил, предел трудов моих видя,
Свить наконец паруса и пристать к желанному берегу,
Я бы воспел здесь сады, благовонную Флоры обитель,
Два раза в год цветущую пышную розу Пестума;
- 120 Я научил бы, как распускать цикорную зелень,
Влагой питая, как огурец огромное сделать,
Как лелеять нарцисс белоснежный, поздно цветущий,
Как заставлять акант и гедеру виться вокруг жердей,
Как разводить и садить в берега влюбленную мирту.
Помню, что я недалеко от башен высоких Тарента
Видел старца, который наследовал скудный участок,
Где не родились ни Вакховы грозды, ни класы Цереры;
Даже для стад не способное поле; вырвал он терны, подобрал
Землю; развел огород и цветник: закурилась лилея,
- 130 Мак заалел, и расцвел на грядах железняк кудреватый.
Старец мудрый с царем не сменялся бы скромным уделом:
В сумерки поздно с работы домой возвращаясь,
Трапезу он уставлял домашними брашнами; первый
Розы весной обонял и осенним плодом наслаждался;
Хладной рукою зима еще камни ломала, и воды
В твердый кристалл превращенны стояли, когда он аканта
Кудри уже подстригал. Об весне опоздавшей жалея —
Солнце, весну и зефиров умел заменять он искусством.
Рано роилися пчелы его, и рано он в ульях
- 140 Соты подрезывал; близь него и тюлпаны и сосны.

Сколько весною белых цветов он видел на древе,
Осенью столько оно без обманы плодов приносило.
Взрослые вяза в саду он ставил прямыми рядами;
Груша и слива лесная дивились плодам своим сладким;
Явор высокий, шатер свой раскинув, прохладу и негу
Старца гостям предлагал, под его пирующим сенью.
Но, стесненный в малом пространстве, я мимоходом
Слово сказал об садах, их другим описать оставляю.

- Ныне хочу исчислить пчел врожденные свойства;
150 Свойства, которые сам Зевс дал в награду за ревность,
С коей при сладких звуках Курет и звонкия меди
Пчелы питали владыку Олимпа в Диктейском вертепе.
Пчелы одни дают воспитание общее детям.
Улей есть город: все жители граждане; общие дома
В нем восковые; живут под законами, любят отчизну,
Каждая знает свою ячею; в летнюю пору
На зиму копят прилежно запасы в общественный закром.
Часть из них по уставу пищу для всех промышляет,
Рыская в поле; другая хитрое здание сотов
160 Строит; из липкой и светлой древесной смолы, из прозрачных
Слез нарцисса кладет основу; потом уж тягучий
Вешают воск; а третья часть занята воспитаньем
Юных червей, будущей царства надежды; иные
Мед чистейший сгущают, жидкий льют нектар в ячейки.
Пчел особая часть стоит на часах недреманно:
Ясность и мрачность небес наблюдают у входа, от ноши
Пчел облегчают усталых или, устрояся ратью,
Гонят без всякой пощады из улья трутней ленивых:
Дело горит, и соты тмином благоухают.
170 Так из огромных полос умягченных железа Циклопы
С ревностью скорой куют для Зевеса громовые стрелы:
Здесь раздувают меха, тут закаляют железо;
Там разожженный металл погружают в кипящую воду;
Тут ковачи раз в раз бьют сталь молотами;
Этна стонает, и эхо стоны далеко разносит.
Так (коль позволено сравнивать малые вещи с большими!)

- Пчел Аттических, где Цекропс был царем, увлекает
Страсть врожденная к меду; каждой особая должность:
Старость, смотритель над градом, лепит хитрые зданья;
180 Младость мчится усталая к ночи под кров свой родимый
С пылью тмина, дань собирает с бледной ракиты,
С ивы сребристой, с шафрана желтого, с липы богатой,
С белого ландыша и с гианцинта, железного цветом.
Вместе спора их работа, вместе прекрасен их отдых.
Утро наступит: хлынут из врат и крепко трудятся;
Вesper к покою сладкому вечером их приглашает;
С поля тогда возвращаясь, они укрепляются пищей;
Слышно глухое жужжанье, теснятся в вратах и на праже;
Но влетевшим им в улей, вскоре каждая терем
190 Свой займет отдельный: все утихнет и смолкнет.
Эврам подувшим, тучам дождем угрожающим, пчелы
Около дома летают, вдаль пуститься не смея.
В ближнем ручье для работы черпают воду; когда же
Путь пчеле совершить надобно в сильную бурю,
То, подражая пловцам искушенным, в ветер отважно
Мчится по темной бездне небесной с грузом песчаным.
Чудо едва вероятное: пчелы не ведают брака;
Пламень любви молодых и лучших их лет не сжигает;
В муках на свет детей не родят; но с древесных
200 Листьев червей собирая, себе их усыновляют,
Права гражданства дают, поставляют младую царицу,
Вводят ее в восковые чертоги — и все ей покорно.
Часто пчела повреждает крыло, ударяясь об камень,
Часто средь степи и дух испускает под тяжкою ношей:
Столько цветы и слава меда ей драгоценны!
Семь лет — век пчелы: едва мелькнет и — потухнет!
Но в поколении пчелы бессмертны, и в улье, в котором
Деды вкушали блаженство, вновь благоденствуют внуки.
Нет, Персияне, народы обширной Лидии, кою
210 Быстрый Гидасп орошает, Мидийцы меньше, чем пчелы,
Любят монархов! При жизни царицы ей верность и почесть;
После кончины — смятенье; сами казну расхищают;
Сами ломают чертоги; нет ни устройства, ни власти.
Матка душа всего улья, предмет и любви и почтения:

С страхом ей предстоят, провожают большою толпою;
Носят ее на своих раменах и, в сече кровавой
Грудью своею грудь царицы своей защищая,
Славные раны и славную смерть встречают бесстрашно.

- Многие, быв очарованы сими примерами дивных
220 Свойств их врожденных, хитростью зданий, любовью к порядку,
Мнили, что свыше божественный луч им ниспослан.
Бог, уверяют они, собою все наполняет:
Неба пространство бездонное, водные хляби и землю;
Бог содержит в себе человек и все, что живет и что дышет.
В свет лишь родится творенье — от Бога требует жизни;
Телу разрушенну — дух отлетает на небо обратно;
С смертью ничто не погибнет: смерть есть преобразование!

- Если захочешь ты похищать из тесного улья
Пчел сокровище, мед: окропи их теплою<sic!> водою
230 Прежде, и в дыме явись пчелам уstraшенным.
Дважды в году наполнены соты их нектаром меда;
Дважды в году их подрезывать должно: тогда как из моря
Лик свой прекрасный покажет Тайгет, отодвинув с презреньем
Пенные воды морские стопой, и тогда как печальный
Сходит он в океан, померкнув, с зимнего неба.
Пчелы ужасны во мщеньи: нет ни пощады, ни мира!
Колет врага — и в ране и жало, и жизнь оставляет.
Грозной зиме держащей долго пчел в заточеньи,
Им истощившим лета запасы, печальным и бедным,
240 Будь сердоболен, не требуй с них дани в несчастное время:
Тмином окуривай ульи, подрезывай воск в них излишний.
Кто усомнится помочь и жалким и слабым сим тварям?
Часто моль, шмель, трутень ленивый и шашел гнездятся
В сотах пустых, и нередко паук <там> вешает сети.
Слава пчелам! чем врагов у них больше, опасность сильнее,
Тем неусыпней пекутся они исправить упадок,
Царство свое поддержать, и вскоре мы зрим с удивленьем
Зданий развалины вновь превращенны в чертоги и домы;
Житницы, прежде пустые, полны цветами, воском и медом.

- 250 Так же, как мы, пчелы подвержены разным болезням,
Так, как у нас, их болезни по разным известным припадкам
Можно заране узнать и принять надежные меры:
Пчелы больные немедленно цвет другой принимают,
Страшно худеют, трупы умерших с печальным обрядом
Вон выносят для погребенья; больные же пчелы
Улей оставить не смеют и смерти ждут равномерной
Или у прага висят, цепляясь одна за другую;
Мрачны, прискорбны, убиты болезнью, голодом и стужей.
Вдруг иногда жужжанье громкое пчел раздается:
- 260 Будто бы в роще страшный шепот с листьями ветра;
Будто бы шумный отлив всколыханного бурею моря;
Будто бы ропот огня, заключенного в тесном пространстве.
Время! спеши возвратить пчелам их прежнюю бодрость:
Чаще пчельник свой окурай смолой благовонной,
Жидкий мед, налитый в тростник, предлагай им в сосудах;
Сам зови вкусить знакомой любимой их снеди
Пчел ослабевших; толки им орехи, сухие
Розы, грозный сок, виноград, на солнце сушенный,
Тмин ароматный и златотысячник с запахом крепким.
- 270 Есть в лужайках цветов, который пчелиной травой
В селах слывет; его отличить и найти меж цветами
Нет никакого труда: он вырастает высоко
Целою рощей цветов золотых из единого корня;
Злато листов ее многочисленных чернобагровый
Цвет фиалки, слабо блестя, по краям оттеняет.
Часто в гирляндах сей цвет украшает храмы бессмертных;
Вкус щекотя неприятно, имеет врачебную силу.
Корень душистый его сvari в вине и в сосудах
То драгоценное снадобье ставь пред отверстием улья.
- 280 Но для тех, у кого погибнут все пчелы и нет уж надежды
Род их восставить от бедных пчел, пощаженных заразой,
Я поспешу рассказать об открытии новом и дивном
Пастыря стад Аристея; открою средство из крови
Юных быков испорченной пчел возродить, и сначала
Все происшествие здесь опишу и подробно и ясно.

Царство счастливых Канопов Пеллийских, живущих в равнинах,
Кои в обширное озеро Нил претворяет, разлившись,
И принуждает в ладях испещренных плавать по нивам;
В областях, сме<ж>ных с Персом, вооруженным колчаном;
290 Там, где, зеленый Египет черною тиною удобрив,
Нил стремительно падает в море семью рукавами;
Даже от Нильских истоков, где росписные индейцы:
Все благодетельность дара сего превозносят хвалами.

Прежде всего избери для опытов сих небольшое
Место особое: сруб поставь и низкий и тесный,
Кровлю крепкою сруб сей покрой и малые окна
В нем проруби к востоку, к западу, к северу, к югу.
Все изготовя, тельца двулетнего, роги крутые
Гордо извившего, в зданье введи и, жалость отбросив,
300 Пусть удушат его, несмотря на усилия тщетны;
Пусть бичами бьют по бокам его осторожно:
Ибо, коже на нем поврежденной, просядется чрево.
Там умершу ему, да положат труп на подсланных
Ветвях древесных; да свежую кассией, зеленью, тмином
Труп сей осыплют. Ранней весною делать сей опыт,
Только зефиры начнут чешуить серебристую воду,
Прежде чем синий луг заалееет цветами, и прежде
Чем, щебеча, гнездо прицепит ласточка к кровле.
Уже в костях растаявших, в чреве пролившемся виден
310 Рой безногих и странных животных: вот уж и ноги!
Вот пресмыкаются! вот, смотрите, неопытным крыльям
Робко себя поверяют! вот поднялся и слышен
Гул отдаленный, как к небу пущенные стрелы
Или как дождь, пролившийся крупными каплями шумно!
Музы, скажите виновника сих чудес и открытий!
Пастырь Темпейских долин Аристей, обладатель богатый
Стад и ульев бесчисленных, язве дохнувшей внезапно,
Зрел от заразы и глаза гибель всех пчел — и прискорбный,
С сердцем растерзанным бросился быстро к истоку Пеней....

- 320 Там он в слезах возопил: «О Кирена, о нежная мать!
 Зри, как несчастлив сын Аполлона, твой сын, о богиня!
 Или, тобою рожденный, я буду игральщиком рока?
 Мать! где ж любовь твоя к сыну? вспомни, как часто, лаская,
 Небо ты сыну не раз обещала... где же обеты?
 Богом надеясь быть, страдаю, как самый последний
 Смертный; что я изобрел, земледельцам и пастырям в пользу
 Все оставляю: славой забыт и матерью кинут!
 Мать, что же ты медлишь? Карай до конца без пощады!
 С корнем вырви мной насажденные рощи; враждебный
- 330 Пламень вноси в хлева, истреби и семя, и жатву;
 Грозды секирой сруби, коль ревнуешь ты к славе сыновней!»

Вопль несчастливца проник в глубину и в чертоги Кирены:

- В это время ее окружали Нимфы-подруги,
 Пряли милезскую волну, темно-зеленую цветом:
 Нежная Дрима, Ксанта, Лигея, Филодосея,
 Коей льняные кудри по белой вые струились.
 Талия, Спио, Незея, Кимадокея блистали;
 Там видна еще дева Цидиппа с золотыми волосами,
 В первый раз Ликорида узнавшая муки Луцины;
- 340 Клио с сестрою Бероей, обе они Океана
 Дщери, обе во злате и в пестрых кожах звериных.
 Там Эфира, Диопа; там, наконец, Аретуза,
 Только с рамен сложившая лук и колчан стрелоносный.
 Занятым им рукодельем, Климена повествовала
 Смелые хитрости Марса, тайные ковы Венеры,
 Тщетную ревность Вулкана, измены богов — и ей нимфы,
 Быстро вертя вретено, безмолвно внимали: вдруг вопли
 Слух поразили вторично..... Кирена смутилась, подруги
 Робко глядели одна на другую, бледны от страха;
- 350 Но Аретуза, нетерпеливо желая изведать, отколе
 Жалкие крики сии в их замок кристальный несутся,
 Вод на поверхность главу подняла и громко вскричала:
 «Ах, сестра..... не напрасен твой страх; здесь возлюбленный сын твой,
 Твой Аристей в слезах и бледный на бреге Пеней,
 Горько стоня, стоит и жестокость твою обвиняет».

- Вновь пораженная в сердце сими словами, Кирена:
«Сын мой, — вскричала, — введи<, введи> его к нам поскорее:
Сын мой доступ имеет в светлые дома бессмертных!
Воды, дайте дорогу сыну владычицы вашей!...»
- 360 С шумом раздвинулись воды в две стены из кристалла —
И в обширное лоно прияли сына богини.
Он с удивлением видит рождшей влажное царство:
Рощи, где эхо, пещеры, озера там запертые.
Вод оглушенный великим и бурным движеньем, он, дале
Шествуя, видит рек обширных истоки:
Место, из коего Фаз истекает с пеной и ревом;
Место, отколь устремляется Ликус, Энипий глубокий
В пропасть бросается смело; Тибр, напоющий влагой
Царственный Рим и тем горделивый; сению мирный,
- 370 Тихий Каик; дробящий об камни волны Гиппанис,
И Эридан, как телец с двумя золотыми рогами,
Всех быстрее в море бегущий меж нив плодоносных.

- После того как достиг Аристей подводных с висящим
Кровом чертогов, и после того как узнала Кирена
Скорби сыновней вину ничтожную, Нимфы-подруги
Воду на руки льют, отирая белой ширинкой,
Брашна готовы, вкусными винами полны покалы,
Жгут ароматные масти и травы, — и сыну Кирена:
«Сын мой! налей Меонийскую чашу вином драгоценным!
- 380 В честь Океана первая чаша сия! и с молитвой
К первой вине всех вещей, к Океану, к сестрам его Нимфам,
Сильным владычицам рек и лесов!» вещала — и трижды
С нектаром чашу на огонь возлила богиня — и трижды
Огонь восставал до свода чертогов, успех предвещаая.
Дух ободря, Кирена к сыну речь обратила:

«Есть в Карпатском море Протей прорицатель, который
Пастырем рыб огромных и чуд от Нептуна поставлен:
Он в колеснице на чудах морских по бездне лазурной
Мчитя: он извлечет тебя из нещастья; он будет

- 390 Ныне в Паллену, в отчизну свою. Протея Тритоны,
Нимфы и самый древний и мощный Нерей уважают:
Ибо открыто пред ним все, что было, что есть и что будет.
Дар сей Нептуном Протею ниспослан в награду за верность,
С коей пасет безобразных дельфинов и чуд сего бога.
Сын мой любезный, Протея тебе спросить о причине
Гибели пчел: и он истолкует! но слезы и просьбы
Власти над ним не имеют, и силою только возможно
Старца сего принудить к ответу: жестокая крайность!
Узы и сила над сердцем жестоким, над хитрым коварством
- 400 Восторжествуют: в полдень, как дерн пожелтеет, как стадо
Ищет прохлады — и старец усталый в тайной ложнице
Сном глубоким заснет, я сама твоим провожатым
Буду; сама проведу тебя к старцу в пещеру: внезапно
Бросься, схвати и крепко свяжи ему вервием руки!
Будь осторожен и сметлив: он тотчас преобразится
В разных зверей и животных, разные виды примет:
Страшного вепря, лютого тигра, злого дракона,
Явится львом, ревущей водой, пламенем беглым;
Вдаль от тебя потечет иль с дымом к небу взовьется.
- 410 Ты же, чем больше он видов берет, тем связывай крепче.
Хладно, решительно жди, доколе старец упорный,
Видя худые успехи своих превращений, примет
Прежний свой образ, в котором спящий лежал он в пещере».

Рекши Климена сие, ароматными мастьями тело,
Влажной амврозией сыну главу умастила: и в членах
Новую бодрость и силу, а в духе жар и отвагу
Юноша чувствует. Есть вертеп обширный, изрытый
В каменных ребрах горы, к подножию коей в заливы,
Там извитые, ветры вгоняют пенные волны.

- 420 Прежде служило убежищем место сие мореходцам:
В сем обширном вертепе, задвинув оный скалою,
Дивный старец почует: и юноша там уж, и Нимфа,
Облаком скрывшись, вдали ожидала, невидима старцу.
Сириус, с жаром палящий Индейцев, явился в блистанье;
Небо все распалилось от солнца; был полдень: засохли

- В поле травы, пожранные зноем, безвлажное море
Рек иссушенных лучами кипело, когда для покоя
Старец, воды оставя, отшел в чертог свой обычный;
Чуды морские, киты и дельфины — граждане моря, —
430 Горькую влагу бросая кверху, его освежали:
И улег<л>и^лся вокруг его, распростершись на бреге.
Уже как пастырь заботливый, видевший рыщуца волка,
Стадо свое при сияньи вечерней звезды поверяет,
Сев на холме, и потом в хлев гонит: так старец огромных
Чуд своей паствы счел, опочил — и чуды заснули.
Вдруг Аристей, с трудом стерпевший, чтоб старец усталый
Члены свои разбросал, схватил его с криком — и руки
Вервием крепким связал: Протей не забыл ухищрений;
К ним он прибегнул тотчас как к средству спастись, и мгновенно
440 Разные образы принял, чтоб утратить Аристея:
В огонь превратился, львом зарыкал, заревел водопадом.
Тщетно все было, и старец, признав себя побежденным,
Образ приял человека и с гневом рек Аристею:
«Юноша дерзкий! как ты осмелился сон мой нарушить?
Кто указал тебе путь, и чего ты желаешь, безумец?» —
«Сам ты знаешь вину моих потерь и прихода! —
Смело на то Аристей, — в книге судеб ты читаешь.
Воле богов повинуюсь, я пришел спросить о потере
Пчел моих..... мне совета не дав, не получишь свободы!»
450 Уже пророк, скрежеща зубами, в боренье с собою,
Ярко сверкнув очами, изрек, судьбу разрешая:

«Боги безвинно гнев изливать на смертных не могут,
Гибель пчелам ты навлек преступленьем великим, и боги
Мстят тебе за Орфея несчастного: он тебя гонит!
Казнь не равна преступленью: судьбы тебя защищают.
В роще однажды преследовал ты его Эвридику....
Робко по берегу бежав, в цветах не видала,
Как наступила на змия.... он ужалил ей ногу....
Яд в крови разлился, и смерть ей вежды сомкнула!
Нимфы, подруги ее, наполняли холмы и доли
Стоном и воплем. Горы Фракийские с ними стонали;

- Эбр возрыдал, и Родоп задрожал, пораженный сей вестью.
Верный Орфей бродил по горным ущельям и лирой
Горесть свою услаждал; тебя, о милая сердца,
Пел он, как день наставал, и тебя же, как ночь наступала!
Но, от тоски и слез полумертвый, любовник решился
В Тартар бездонный сойти, проникнуть в дремучие рощи,
В ужас Плутонова мрачного царства, предстать ко престолу
Грозному адского бога, к пощады не знающим Паркам.
- 470 Сладкие звуки Орфеевой лиры весь ад всколебали:
Жители Таргара — бледные призраки, тощие тени,
В большем числе слетелись к нему, чем, бурю почуя,
Птиц станицы слетаются вечером в частую рощу.
Матери, мужи, герои, свершившие с славой блестящей
Поприще трудное жизни, младенцы, безбрачные девы,
Дети, на сруб пред очами родителей их положенны:
Жертвы, коих спящий Коцит, тростником безобразным,
Черною смрадною тинной поросший, и Стикс непроходный,
Девятикратно вокруг ада обтекший, от нас отделяет.
- 480 Томно играя на лире, Орфей весь Тартар восхитил:
Цербер триглавый, страшные зевы разинув, не лаял;
Синие змии, вьясь на главах Эвменид, не шипели,
И не катилось, о чудо! тогда колесо Иксиона.
И в торжестве Орфей возвращался: за ним Эвридика,
Ада богиней ему возвращенная с строгим заветом
Быть терпеливу, не видеть ее до возврата на землю.
Им повевал уже воздух земли; но безумная слабость!
Свету, блеснувшему с неба, при выходе самом из бездны,
Долго боровшийся с сердцем, тут позабыл все обеты....
Стал..... оглянулся..... все для него невозвратно погибло!
Бесчеловечный Плутон возвратил добычу, и трижды
С хохотом ад всплескал. Эвридика вскричала:

«Кто погубил нас обоих, Орфей! почто нетерпенье?
Рок отзывает вторично меня, и я чувствую..... тмяся
Вежды мои, тяготея; напрасно ищу тебя, милый!
Руки к тебе простираю; ночь вокруг меня, и отверзлась

Адская бездна..... прости, незабвенный!» — И дымом на воздух
Легким прочь от супруга в противный путь полетела.

- Тщетно Орфей ее кличет, тщетно стремится за нею;
1500 Тщетно желает ее удержать: он тень лишь объемлет.
Скоро и тени не взвидел; жалости чуждый, угрюмый
Кормчий Харон запретил ему приближаться ко Стиксу.
Что предпринять потерявшему два раза милую сердца?
Чем облегчить свою участь? кого умолять об возврате
Стикс вторично преплывшей, бесценной его Эвридики?
Нам повествуют, что сей несчастливец на бреге Стримона
В тесной пещере семь месяцев слезы лил непрерывно;
Лирой тоску услаждая, смягчал ледяные утесы;
Глас его тигров смирял и двигал деревья и камни.
510 Так Филомела унылая, в роще тоскуя под сенью
Дуба об милых птенцах, не успевших еще опериться,
Из родного гнезда похищенных злым птицеловом,
Сидя ночью на ветви, сладко стонает, и окрест
Горы, брега, утесы и рощи с нею стонают.
С этой поры он не знал ни любви, ни уз Гименея;
Смутный, прискорбный душой, одинокий, по льдам Танаиса,
В Гиперборейских снегах и в инистых рощах Рифея
Мрачный страдалец скитался, тоскуя об друге погибшем
И проклиная адскую хитрость адского бога.
520 Верный супруг и по смерти, погиб он верности жертвой,
В праздники Оргий свирепо растерзанный жрицами Вакха,
Кои за то, что презрел он их ласки, в неистовстве зверском
Хмеля и мести на части его разорвали — и члены
Бросили в Эбр: глава песнопевца всплыла на поверхность.....
Оледенелый язык еще лепетал: Эвридика!
Горное эхо печально твердило за ним: Эвридика!»

Кончил Протей и мгновенно бросился в глубь Океана:
Там, где упал он, вода над главой закружилась с пеной.

«Сын! — сказала Кирена боязнью объятому, — ныне
Можешь ты страх отложить и сердце свое успокоить;

Ныне мы знаем вину твоих бедствий; жертвами должно
 Гнев умягчить мстительных Нимф, подруг Эвридики,
 Гибелью пчел поразивших. С сердцем смиренным, с мольбою
 Ты принеси им дары и проси, да смягчатся богини;
 Да преступленье простят и грозное мщенье забудут...
 Но расскажу об обрядах, кои соблюшь ты обязан.
 Лучших четыре быка из стад, на Лицее пасомых,
 Ты избери и столько ж телиц равнолетних.
 В храме богинь четыре создай олтаря возвышенных;
 540 Жертвы на них возложи, заколи и спрысни их кровью.
 Трупы быков положи на цветах средь рощи священной:
 Жди там девятой Авроры; сей облеснувшей вселенну,
 В жертву Орфею, коего бед ты виновник,
 Мак об забвеньи минувшего ты принесешь, умоляя.
 В честь Эвридики его ты заколешь телицу, и с нею
 Черную овцу. Сим обрядом свершенным, вступишь ты в рощу.

Скоро пастырь спешит по ее наставленью исполнить:
 Входит во храм, четыре в нем олтаря воздвигает,
 Юных и тучных быков выбирает из стада для жертвы,
 550 Юных телиц безъяремных заклал и дождался, как в блеске
 Алом Аврора девятая с ложа восстала: Орфею
 Жертву принес — и войти поспешает в священную рощу.
 Входит, и чудное зрелище его поразило: <sic!>
 Чрево быков кипело пчелами, которые с шумом,
 С резким жужжаньем взлетели на воздух, как темная туча,
 Робкие крылья свои испытали и скоро, уставши,
 Древ на ветвях повисли, как крупные ягоды грозда.

Так земледелие, пчел домовитых, стада и деревья
 Пел я в то славное время, как Цесарь великий громами
 560 В брани Евфрат поражал; победитель, народам законы
 Вождь сей давал — и путь к Олимпу прокладывал новый:
 Я тот Virgiliy, который тогда наслаждался беседой
 Муз в Партенопe приятном<sic!>, совсем не мечтая о славе;
 Я тот, который с сладкой беспечностью в летах цветущих
 Пел пастухов и тебя, о Титир! под тению бука.

Литература

1. Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: Библиографический указатель / сост. Е.В. Свиясов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 400 с.
2. Балакин А.Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: Пальмира, 2022. 377 с.
3. Балакин А.Ю. Неизвестная рукопись ранней редакции сатиры А.Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» // *Slavica Revalensia*. 2018. Т. 5. С. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.22601/SR.2018.05.02>
4. Балакин А.Ю. Списки сатиры А.Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб.: Наука, 2007. С. 189–208.
5. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999–.
6. История русской переводной художественной литературы 1800–1825: Очерки / отв. ред. В.Е. Багно, Е.Е. Дмитриева, М.Ю. Коренева. СПб.: Нестор-История, 2022. 712 с.
7. Колбасин Е.Я. Литературные деятели прежнего времени. СПб.: Изд. А.И. Давыдов, 1859. 292 с.
8. «Мы столько прожили с тобой на свете...»: Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского 1807–1852 гг.: в 2 т. Томск: Томский ун-т, 2021.
9. Никитина Д. Источниковедческие проблемы изучения биографии и творчества А.Ф. Воейкова // Летняя школа по русской литературе. 2022. № 3–4. С. 249–266. DOI: 10.48612/sum-2022-18-3-4-249-266
10. Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. 912 с.
11. Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2001. 527 с.
12. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. 672 с.
13. Симанков В. «Вестник Европы» (1802–1810): Источники переводов, авторство анонимных и псевдонимных текстов. Материалы к каталогу // Пушкинские чтения в Тарту. 6. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2020. Вып. 2: Пушкинская эпоха. С. 272–362. (*Acta Slavica Estonica*. XII)
14. Сухомлинов М.И. История Российской академии. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1885. Вып. 7. 648 с.
15. Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1802–1829 / Hrsg., komm. von Holger Siegel. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2012. 712 S.
16. Burgi R. A History of the Russian Hexameter. Hamden, Conn.: The Shoe String Press, 1954. 208 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

***Georgics* by Virgil, translated by A.F. Voeikov: History of Creation and Oblivion**

© 2023. Alexey Yu. Balakin

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia

Abstract: The article reconstructs three stages of A.F. Voeikov's translation of *Georgics* by Virgil, undertaken by him "in competition" with the translations of the ancient epic poetry of A.F. Merzlyakov and N.I. Gnedich. Initially (around 1813), Voeikov translated the Latin poet in iambic 6-foot with cross-rhyming, largely focusing on the French translation of Jacques Delisle (1769), which was considered "exemplary." But under the influence of S.S. Uvarov's "polemics about hexameters," Voeikov joined the winning point of view — about the priority of the transmission of the ancient epic by Russian dactylic hexameter, and reworked his translation, counting on success and imperial favor, similar to those that Gnedich's *Iliad* won. But despite the intermediary efforts of V.A. Zhukovsky, Voeikov did not receive any royal favor. At the end of the 1810s for the third time he radically changes the strategy of his translation of *Georgics*, striving for equilinearity and refusing to look back at Delisle's experience. This last edition is published from the archival manuscript in the Appendix to this work for the first time.

Keywords: poetic translations, Russian hexameter, Virgil's *Georgics*, A.F. Voeikov, J. Delisle, S.S. Uvarov.

Information about the author: Aleksey Yu. Balakin — PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, 4 Makarova Emb., 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7194-5461>

E-mail: balakin@inbox.ru

For citation: Balakin, A.Yu. "*Georgics* by Virgil, translated by A.F. Voeikov: History of Creation and Oblivion." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 8–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-8-90>

References

1. *Antichnaia poeziiia v russkikh perevodakh XVIII–XX vv.: Bibliograficheskii ukazatel'* [*Ancient Poetry in Russian Translations of the 18th–20th Centuries: Bibliographic Index*], comp. E. V. Sviiaiov. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998. 400 p. (In Russ.)
2. Balakin, A.Iu. *Blizko k tekstu: Razyskaniia i predpolozheniia* [*Close to Text: Inquiries and Conjectures*]. 2nd ed., rev. and enl. St. Petersburg, Moscow, Pal'mira Publ., 2022. 377 p. (In Russ.)
3. Balakin, A.Iu. “Neizvestnaia rukopis' rannei redaktsii satiry A.F. Voieikova ‘Dom sumasshedshikh’.” [“Unknown Manuscript of the Early Edition of the Satire by A.F. Voieikov ‘House of the Mad’.”]. *Slavica Revalensia*, vol. 5, 2018, pp. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.22601/SR.2018.05.02> (In Russ.)
4. Balakin, A.Iu. “Spiski satiry A.F. Voieikova ‘Dom sumasshedshikh’ v Rukopisnom otdela Pushkinskogo Doma” [“Copies of Satire by A.F. Voieikov ‘House of Madmen’ in the Manuscript Department of the Pushkin House”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2003–2004 gody* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2003–2004*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 189–208. (In Russ.)
5. Zhukovskii, V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [*Complete Works and Letters: in 20 vols.*]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999–. (In Russ.)
6. Bagno, V.E., E.E. Dmitrieva, and M.Iu. Koreneva, editors. *Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury 1800–1825: Ocherki* [*History of Russian translated fiction 1800–1825: Essays*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2022. 712 p. (In Russ.)
7. Kolbasin, E.Ia. *Literaturnye deiateli prezhnego vremeni* [*Literary Figures of the Past*]. St. Petersburg, A.I. Davydov Publ., 1859. 292 p. (In Russ.)
8. “My stol'ko pozhili s toboi na svete...”: *Perepiska P.A. Viazemskogo i V.A. Zhukovskogo 1807–1852 gg.: v 2 t.* [“We Have Lived so Much with you in the World...”: *Correspondence between P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky in 1807–1852: in 2 vols.*]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2021. (In Russ.)
9. Nikitina, D. “Istochnikovedcheskie problemy izucheniia biografii i tvorchestva A.F. Voieikova” [“The Source Study Problems of Research the Biography and Creative Works of A.F. Voieikov”]. *Letniiaia shkola po russkoi literature*, no. 3–4, 2022, pp. 249–266. DOI: 10.48612/sum-2022-18-3-4-249-266 (In Russ.)
10. *Poety 1790–1810-kh godov* [*Poets of the 1790s–1810s*]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1971. 912 p. (In Russ.)
11. *Pushkin v prizhiznennoi kritike. 1820–1827* [*Pushkin in Lifetime Criticism. 1820–1827*]. 2nd ed., rev. and enl. St. Petersburg, State Pushkin Theater Center in St. Petersburg Publ., 2001. 527 p. (In Russ.)
12. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917: A Biographical Dictionary*], vol. 1. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989. 672 p. (In Russ.)

13. Simankov, V. “‘Vestnik Evropy’ (1802–1810): Istochniki perevodov, avtorstvo anonimnykh i psevdonimnykh tekstov. Materialy k katalogu” [“Vestnik Evropy (1802–1810): Literary Sources & Authorship of Anonymous or Pseudonymous Texts (A Supplement to the Catalogue)”]. *Pushkinskie chteniia v Tartu. 6* [*Pushkin Readings in Tartu. 6*], issue 2: Pushkinskaia epokha [Pushkin Era]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2020, pp. 272–362. (*Acta Slavica Estonica. XII*) (In Russ.)

14. Sukhomlinov, M.I. *Istoriia Rossiiskoi akademii* [*History of the Russian Academy*], issue 7. St. Petersburg, Tipografiia imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1885. 648 p. (In Russ.)

15. *Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1802–1829*, Hrsg., komm. von Holger Siegel. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2012. 712 S. (In German)

16. Burgi, Richard. *A History of the Russian Hexameter*. Hamden, Conn., The Shoe String Press, 1954. 208 p. (In English)

Addendum. Publius Vergilius Maro. *Georgics*. Translation by A.F. Voeikov.
Prepared for the publication by A. Balakin and V. Zeltchenko

Статья поступила в редакцию: 06.06.2023
Одобрена после рецензирования: 20.06.2023
Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 06.06.2023
Approved after reviewing: 20.06.2023
Date of publication: 25.09.2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-91-107>
<https://elibrary.ru/DTAHDW>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Светоч». Неопубликованный отклик на смерть Н.Д. Хвоцинской

© 2023, Е.Н. Строганова

Независимый исследователь, Тверь, Россия

© 2023, О.А. Карпова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Аннотация: Заметное место в русской литературе 1850–1880-х гг. занимали активно издававшиеся и переиздававшиеся произведения Н.Д. Хвоцинской (печаталась под псевдонимом *В. Крестовский*, впоследствии *В. Крестовский-псевдоним*), которые пользовались симпатиями критики и высоко ценились такими современниками, как Михаил Салтыков, Иван Гончаров, Петр Чайковский и мн. др. Специально не занимаясь «женским вопросом», она, по мнению читателей, играла одну из ведущих ролей в разработке «женской темы» в беллетристике своего времени. Архивные материалы свидетельствуют о неосуществленном замысле почитавших Хвоцинскую литераторов — идее издания коллективного сборника, посвященного ее памяти. В состав этого сборника должен был войти хранящийся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) текст аллегорического очерка «Светоч», публикуемый в Приложении к статье. Героиня очерка («известная писательница») демонстрирует живительное «торжество духа над формой», вселяя в окружающих творческую энергию, веру в себя и в жизнь. Очерк подписан псевдонимом «П. Летнев», который современники связывали с именем Прасковьи Александровны Лачиновой, писательницы, испытавшей определенное влияние творчества и личности Хвоцинской.

Ключевые слова: Н.Д. Хвоцинская, П.А. Лачинова, мемориальный сборник, аллегорический очерк, творческое влияние, публикация архивных материалов.

Информация об авторах: Евгения Нахимовна Строганова — доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь, г. Тверь, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0288-4287>

E-mail: enstrojanova@yandex.ru

Ольга Анатольевна Карпова — соискатель кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, 410012 г. Саратов, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6529-4789>

E-mail: olgatverskaya2016@ya.ru

Для цитирования: *Строганова Е.Н., Карпова О.А.* «Светоч». Неопубликованный отклик на смерть Н.Д. Хвоцинской // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 91–107. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-91-107>

Надежда Дмитриевна Хвоцинская (1821¹–1889), известная под именем *В. Крестовский* (с 1869 г. — *В. Крестовский-псевдоним*²), в свое время имела репутацию «первой русской писательницы»³. Публика любила произведения этого автора, критики приветствовали его талант. О романе «В ожидании лучшего» (1861) журнал братьев Ф.М. и М.М. Достоевских «Время» писал: «...роман В. Крестовского есть явление, которое не прошло бы незамеченным ни в одной литературе, а в нашей, если взять в соображение нашу относительную бедность, такие романы должны бы производить огромное впечатление» [5, с. 149]⁴.

В творчестве Хвоцинской читатели ценили не только знание реальной жизни, но и убедительность авторского слова, остроту коллизий, мастерство ведения интриги, точность психологического рисунка, страстность интонаций. По словам А.М. Скабичевского, «каждый ее роман — это потрясающая драма, в конце концов которой <sic!> у вас разрывается сердце при виде какой-нибудь жертвы той среды, которую изображает обыкновенно г. Крестовский»⁵. Об отношении современников к творчеству Хвоцинской можно судить и по отзывам частного характера. Приведем суждения читателей, чей эстетический авторитет не подлежит сомнению. И.А. Гончаров писал Хвоцинской 23 января 1872 г.: «...я никогда не соглашаюсь с теми, которые называют вообще Ваши произведения “симпатичными”. Это значит лишать их главного и лучшего их характера. Симпатичен талант, как всякий талант, но произведения Ваши действуют не симпатией и не на симпатию, а другой могущественной силой — правдой анализа и неотразимостью логики, без всякой лести и также без преувеличений, в самом отрицании. Правда, правда и правда!» [4, с. 393]. Другая реплика, о которой писательница не могла знать,

¹ О дате рождения писательницы см.: [12].

² См. главу «По поводу неудобного псевдонима: Надежда Хвоцинская, она же В. Крестовский» в книге: [13, с. 54–62].

³ Исторический вестник. 1889. Июль. С. 455.

⁴ Из рецензии «Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года», напечатанной в разделе «Dubia».

⁵ *Скабичевский А.М.* Волны прогресса // Отечественные записки. 1872. № 1. С. 10.

принадлежит П.И. Чайковскому. 16 июня 1880 г. композитор писал Н.Ф. фон Мекк о повести Хвощинской «Семья и школа»: «Я очень люблю эту писательницу, несмотря на болезненную нотку, звучащую во всех ее произведениях. У нее большая тонкость психологического анализа и подчас глубина понимания человеческого духа поистине замечательная. Особенно удаются ей женские типы, и преимущественно отрицательные. В повести, о которой я говорю, есть поразительно верно выхваченные из жизни явления. Это очень безотрадная и грустная картинка, но намеченная мастерской рукою» [14, с. 1031].

В 1870-х – начале 1880-х гг. Хвощинская была единственной писательницей, чье имя включалось в парадигму мужских писательских имен: И.С. Тургенев, А.Ф. Писемский, М.Е. Салтыков, И.А. Гончаров. Свидетельством востребованности автора и отношения к нему журналов может служить издательская политика. В 1870-х гг. полустная оплата, которую получала Хвощинская, уступала лишь гонорарам Л.Н. Толстого и Тургенева и была выше гонораров Достоевского [9, с. 94]. Многие сочинения ее, изначально печатавшиеся в журналах, выходили отдельными изданиями, а некоторые не по одному разу⁶. При жизни писательницы дважды издавались собрания ее сочинений⁷, два собрания сочинений вышли посмертно, причем одно из них спустя несколько лет было переиздано⁸.

В 1883 г. в честь 34-летия литературной деятельности Хвощинской ей был поднесен адрес, составители которого объясняли неюбилейный его характер желанием неформально выразить «свободное чувство искреннего уважения и горячей симпатии». Адрес подписали многие известные деятели культуры (М.Е. Салтыков, И.А. Гончаров, А.Н. Плещеев, В.М. Гаршин, А.И. Эртель, М.К. Цибрикова,

⁶ См., напр.: В ожидании лучшего. Роман В. Крестовского (псевдоним). М.: Тип. В.И. Рышкова, 1860. Ч. 1–2; В ожидании лучшего. Роман В. Крестовского (псевдоним): в 2 ч. СПб.: Кн. магазин «Нового времени», 1880; Большая Медведица. Роман в 5 ч. В. Крестовского (псевдоним). СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1872; Большая Медведица. Роман: в 5 ч. В. Крестовского (псевдоним). 2-е изд. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1875. Т. 1–2; Большая Медведица. Роман: в 5 ч. В. Крестовского (псевдоним). 3-е изд., вновь просмотренное автором. СПб.: А.С. Суворин, 1883; Первая борьба. (Из записок). В. Крестовского (псевдоним). СПб.: Кн. магазин «Нового времени», 1879; Первая борьба. (Из записок). В. Крестовского (псевдоним). 2-е изд. СПб.: Кн. магазин «Нового времени», 1880; Первая борьба. (Из записок). В. Крестовского (псевдоним). 2-е изд. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1890.

⁷ Романы и повести В. Крестовского: в 7 т. СПб.: Тип. И.И. Глазунова и К, 1859. Т. 1–6; СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1866. Т. 7; Повести В. Крестовского (псевдоним): в 4 т. СПб.: Кн. магазин «Нового времени», 1880–1884.

⁸ *Крестовский В. (псевдоним)*. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: А.С. Суворин, 1892 (2-е изд.: СПб.: Общественная польза, 1898–1905); *Крестовский В.* Полн. собр. соч.: в 6 т. СПб.: А.А. Каспари, [1912–1913]. (Бесплатное приложение к журналу «Родина»).

О.А. Шапир, Е.П. Леткова, И.Н. Крамской, И.Е. Репин, А.Г. Рубинштейн, Э.Ф. Направник, П.А. Стрепетова, М.Н. Ермолова, Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов, А.Н. Пыпин, К.Д. Кавелин, В.В. Спасович и др.), а также рядовые читатели и читательницы: курсистки, ученицы консерватории, учительницы, женщины-врачи, правоведы и т. д. (более 730 подписей)⁹.

Материалы РГАЛИ свидетельствуют о том, что после смерти Хвоцинской возникла инициатива издать посвященный ей сборник. В фонде Екатерины Павловны Летковой хранится рукопись рассказа «Светоч», подписанного именем *П. Летнев*, с пометой Летковой о том, что он предназначался «для сборника в память Над. Дм.», редактором которого она была выбрана¹⁰. Более конкретной информацией о сборнике и его вкладчиках мы не располагаем, но сохранилась часть недатированной рукописи статьи самой Летковой о творчестве В. Крестовского-псевдонима, возможно, также предназначавшаяся для сборника. Этот сборник, видимо, не был сформирован, но само намерение товарищей по писательскому цеху издать его говорит о понимании ими литературного значения Хвоцинской и симпатии к ней как к человеку.

Некрологический текст П. Летнева необычен по форме и содержанию. Это очерк о некрасивой девушке, которую окружающие не замечают, а сама она ощущает себя серой мышью. Перелом в мироощущении героини происходит после встречи с писательницей, чья непривлекательная наружность не затмевает внутренней красоты, чей блестящий ум и естественное поведение делают ее центром притяжения для многих людей. Героиня внезапно ощущает прилив творческих сил — и пробудившийся в ней музыкальный талант становится началом новой жизни. По сути, это своего рода аллегорическое повествование о вдохновляющем женском опыте, о творческой энергии, которую пример одной женщины может пробудить в другой. И вполне понятно, что такой рассказ мог быть написан только женщиной.

По мнению современников, псевдонимом *П. Летнев* пользовалась Прасковья Александровна Лачинова¹¹. В наши дни принято

⁹ РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 2.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 4.

¹¹ Новое время. 1892. № 5942. 13 (15) сентября. С. 3 (перепеч.: День. 1892. № 1532. 14 (16) сентября. С. 2); Исторический вестник. 1892. Ноябрь. С. 557–558; Летнев П. // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типолит. И.А. Ефрона, 1896. Т. VIII. С. 190; Лачинова Прасковья Александровна // Русский биографический словарь. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1914. Т. 10. С. 92–93; [15, с. 113–115].

считать, что это был коллективный псевдоним сестер Прасковьи и Анны Лачиновых [8], однако вопрос этот требует более подробного изучения, и пока мы будем говорить только об одной из сестер.

П.А. Лачинова (1829–1892) принадлежала к семье, известной в истории русской культуры. Ее старший брат Николай (1834–1919) был военным историком, помощником главного редактора, а впоследствии редактором двух объединившихся изданий — «Русский инвалид» и «Военный сборник». Средний брат Павел (1837–1891), талантливый химик, преподавал в Лесном институте. По словам современников, «значительные научные заслуги П.А. Лачинова и обаятельность его личности вполне объясняют то крупное значение, которое он имел в учебной жизни Лесного института» [3, с. 178]. Младший брат Дмитрий (1842–1902) известен своими работами в области электротехники, метеорологии и климатологии. В течение 37 лет он руководил созданной им в Лесном институте кафедрой физики и метеорологии, принимая вместе с тем «живое и деятельное участие в научном развитии физики» [3, с. 177]. Сохранившаяся информация о братьях¹² гораздо обширнее, чем сведения об их сестрах-писательницах. Некоторое представление об атмосфере домашней жизни и взаимоотношениях между членами семейства дают лишь некрологические воспоминания Анны Александровны, в которых любовно воссоздан образ старшей сестры. Говоря о ее авторской установке, А. Лачинова подчеркивала отсутствие связей в литературном мире и контактов с другими писателями [1, с. 241]. Действительно, имя П. Лачиновой не встречается в эпистолярных и мемуарных источниках, в том числе и имеющих отношение к Хвоцинской, однако текст рассказа «Светоч» дает основание говорить о возможном знакомстве писательниц.

Отправной точкой в сюжете становится информация о некрасивой наружности героини: «Неправильные черты, вялый цвет лица, маленький рост составляли невзрачную наружность»¹³. Для наших рассуждений важно обратить внимание и на характеристику писа-

¹² См.: [7; 10].

¹³ В романе П. Летнева «Темная вода» есть развернутая портретная характеристика подобного типа героини: «Неужели это женщина — будущая жена и мать; это крошечное, тщедушное, почти прозрачное существо, готовое, казалось, упорхнуть от дуновения ветра? <...> Ее лоб, чрезвычайно широкий, — мыслящий, упрямый лоб, — выдавался из всего лица вместе с глазами, которые были также слишком велики для узкой, худенькой нижней части лица. Эти темные глаза, выпуклые, как у близоруких, полуприкрытые большими веками и ресницами, имели странное свойство. Обыкновенно они глядели неопределенно и лениво <...> но при малейшей работе мысли они просыпались, загорались фосфорическим блеском и в них читалась ясно твердая, упрямая воля <...>. Маленький неправильный носик,

тельницы, встреча с которой стала началом духовного пробуждения героини.

Более всего произвела на нее впечатление одна дама, вокруг которой почтительно толпилось все, что было в обществе избранного и интеллигентного. Эта дама, уже немолодая, была очень дурна собой; но в ее манере, в выражении лица сияло столько уверенности, спокойствия и веселости, что Софья была поражена. Она не знала, что эта дама известная писательница, но до сих пор ей не удавалось видеть ее так близко. Блеск ее речей, ее живое остроумие, ее занимательные рассказы восхищали Софью. Ее изумляло это торжество духа над формой, и невольно в ней зароилась мысль, что и она могла бы восторжествовать над своей некрасивой наружностью и выдвинуть вперед невидимую батарею нравственных сил...

Назначение рассказа не оставляет сомнений в том, что прототипом «известной писательницы» была Хвоцинская. Процитированная характеристика вполне соответствует отзывам современников о том впечатлении, которое производила писательница. Так, П.Д. Боборыкин вспоминал, что уже до первой встречи с Хвоцинской зимой 1863–1864 г. знал, что она «очень дурна собою...», при этом замечал, что на его письмо она ответила «очень милым письмом, написанным с ее обычной теплотой приподнятого стиля и блестками пронизательного ума» [2, с. 387–388]. Ему принадлежит и более развернутая портретная зарисовка: «Первое впечатление она как женщина производила очень невыгодное: маленький рост, сутуловатость, резкость черт лица при разговоре уступали место другому: выразительные большие глаза, умные и ласковые, милый задушевный тон и нервная пылкость речи...»¹⁴ Младший современник Боборыкина В.П. Горленко, впервые увидевший писательницу в 1880 г., так передавал свое впечатление от знакомства с ней: «Хвоцинская была очень мала ростом и несколько неправильно сложена. <...> Первое впечатление, производимое ею, было несколько странно; но оно исчезало быстро, как только она вступала в беседу и глядела на вас. В глазах ее было столько ума и души, в ее речи столько доброты и вдумчивости, что все странности костюма и наружности забывались тотчас <...>. Перед вами оставалась удивительная женщина,

тонкие бесцветные губы» (*Летнев П.* Темная вода. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1882. С. 99–100).

¹⁴ *Боборыкин П.Д.* Более четверти века (Из воспоминаний о Н.Д. Хвоцинской) // *Новости и Биржевая газета.* 1889. № 189. 12 (24 июля). С. 2.

разговор которой блестел умом и чувством, переходя от искренних нот и глубоких сочувствий к детской шутке, без малейшего оттенка педантизма или ломания, чем иногда грешат литературные знаменитости...»¹⁵ Зная Хвоцинскую в конце 1850-х гг. А.А. Венкстерн вспоминала, что после встречи с ней через много лет «нашла в постаревшей, разбитой жизнью и физическим недугом женщине то же отзывчивое, горячее сердце, тот же светлый ум»¹⁶. А.К. Шеллер, бывавший у Хвоцинской в последние годы ее жизни, отозвался на смерть писательницы не самыми удачными стихами, но в данном случае важна репрезентация:

...До самого конца такой она была,
 Какими иногда бывают только дети:
 Проста, бесхитростна, наивна, весела,
 Среди отзывчивой и чуткой молодежи
 Она казалась всех бодрее и моложе¹⁷.

Все мемуаристы пишут о том, что впечатление о непривлекательной внешности Хвоцинской отступало перед очарованием ее личности. Об этом говорит и словесный портрет, нарисованный Лачиновой, но он не повторяет ни одну из известных характеристик и явно основан на личном впечатлении. Это дает основание предполагать, что писательницы были знакомы или же Лачинова могла встречать Хвоцинскую в каких-то петербургских собраниях. Хронологически их пересечения в столице вполне вероятны. Хвоцинская впервые побывала в Петербурге в 1852 г., приезжала в последующие годы и порой оставалась надолго, с 1881 г. проводила там каждую зиму, а в 1884 г. переселилась окончательно. Лачинова впервые приехала в Петербург в 1851 г., впоследствии, когда братья обосновались в столице, каждую зиму она подолгу гостила у Павла [1, с. 250–251], а в 1883 г., после того как сгорело родовое имение в Тамбовской губернии, они с сестрой навсегда переехали в столицу. Первая повесть Лачиновой «Поперек дороги» (под псевдонимом *П. Лучинов*)

¹⁵ Горленко В. Крестовский-псевдоним (Воспоминание) // Русский архив. 1897. Кн. 1. С. 658–659.

¹⁶ Стерн А.В. [Автобиографический очерк] // На помощь учащимся женщинам. Сборник, составленный исключительно из произведений женщин-писательниц, снимков с картин и иллюстраций художниц. СПб.: Типолит. т-ва И.И. Кушнерев и К, 1901. С. 69.

¹⁷ Михайлов А. На смерть Н.Д. Зайончковской (В. Крестовский) // Живописное обозрение. 1889. № 25. 18 июня. С. 402.

была опубликована в 1871 г.¹⁸, и если буквально прочитывать очерк «Светоч», то встречу или знакомство с Хвоцинской можно отнести к 1860-м гг. Но едва ли не важнее, чем факт возможного знакомства, признание Лачиновой, что в творчестве Хвоцинская была для нее «светочем».

Из рассказов других писательниц, младших современниц Хвоцинской, известно, что она интересовалась их деятельностью. В.И. Дмитриева вспоминала, что после публикации рассказа «Ахметкина жена» Хвоцинская написала ей и пригласила к себе: «...знакомство с нею оставило глубокий след в моей душе, и я многим обязана этой необыкновенной женщине и замечательной писательнице»¹⁹. О влиянии Хвоцинской в случае П. Лачиновой можно говорить лишь предположительно. В своих воспоминаниях А. Лачинова подчеркивала нежелание сестры раскрывать свой псевдоним. Именно такой тип авторского поведения был свойствен Хвоцинской, которая всячески противилась обнаружению своего настоящего имени [13, с. 54–62], но это, разумеется, не означает непосредственного воздействия. Вероятно, Лачинову вдохновлял сам факт существования Хвоцинской, но творческие интересы их были различны [6].

По словам А. Лачиновой, в романах П. Летнева можно найти «верное отражение всех тех колебаний нашей общественной жизни, всех перипетий, скачков и видоизменений, по которым проходило общественное сознание в так называемую “эпоху реформ” за последние 30 и более лет» [1, с. 248]. П. Лачинова обращалась к актуальным проблемам, раскрывая их на материале семейной жизни. На протяжении всего творчества для нее была принципиально важна идея брака как идеального союза, такое представление о счастье противопоставлялось «благоразумной узкости» семейной жизни²⁰ («В своих сетях», 1871; «Чужое преступление», 1875; «Увлечения и ошибки», 1877; «Бархатные когти», 1879). Хвоцинская изображала семейные отношения как естественную часть жизни персонажей, но семейная проблематика как таковая ее никогда не интересовала и к проблеме брака она в своем творчестве не обращалась. Это касается и так называемого «женского вопроса». П. Лачинова уделяла значительное внимание женскому вопросу и показывала

¹⁸ Лучинов П. Поперек дороги // Сын Отечества. 1871. № 14. 4 апреля. С. 190–198; № 15. 11 апреля. С. 204–212; № 16. 18 апреля. С. 218–226; № 17. 25 апреля. С. 231–239; № 18. 2 мая. С. 247–254.

¹⁹ На помощь учащимся женщинам. С. 25.

²⁰ Летнев П. Увлечения и ошибки // Дело. 1877. № 9. С. 37.

изменения, происходившие в общественном и семейном положении женщин («Поперек дороги», «Ошибка», 1872; «Вне общественных интересов», 1873–1874 и др.). Хвощинская никогда не актуализировала женский вопрос и, по словам близко знавшей ее А.Г. Каррик, «в своих суждениях о женском вопросе <...> часто противоречила себе с самого начала возникновения этого вопроса...»²¹ Мемуаристка приводит слова самой писательницы: «Я не могла показывать пути, потому что в настоящем положении общества я его сама не вижу <...>. Покуда в обществе, по крайней мере в большей части его и преимущественно между мужчинами, не заведется поболее здравого смысла, — женщине нет ни честного выхода, ни прямого пути»²². Н.В. Шелгунов даже упрекал Хвощинскую в том, что она ничем не помогла «разрешению этого вопроса»²³. Однако читатели видели в ее произведениях другое и благодарили писательницу за то, что она «одна из первых подала свой голос за право женщине стать участницами <sic> общего движения и с глубоким пониманием женской души дала много правдивых и художественных картин ее борьбы и страданий»²⁴.

В повестях и романах П. Лачиновой 1880-х – начала 1890-х гг. главным становится изображение дисгармонии в общественных и семейных отношениях. Говоря о «грозных веяниях времени» и «общем брожении»²⁵, она показывала «односторонность и нетерпимость» демократической молодежи²⁶. Вместе с тем писательница не принимала «буржуазного благоденствия» и негативно оценивала новоявленных хозяев жизни («Без воли», 1887; «Вместо хлеба – камень», 1892; «Волчья яма», опублик. 1893; «Арендатор», опублик. 1894). Хвощинская в произведениях 1870–1880-х гг. создавала образы людей новой формации и показывала их как людей будущего. Но «героев времени» она видела в представителях «сытой толпы, дорожащей тишью и гладью»²⁷, в которой ее особенно интересовали люди 1860-х гг.,

²¹ Каррик А. Из воспоминаний о Н.Д. Хвощинской-Зайончковской (В. Крестовский-псевдоним) // Женское дело. 1899. № 11. С. 45–46.

²² Там же. С. 45.

²³ Шелгунов Н. Женское бездушие (По поводу сочинений В. Крестовского-псевдоним) // Дело. 1870. № 9. С. 10–11.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1.

²⁵ Летнев П. В наше смутное время // Летнев П. Собр. соч.: в 10 т. Киев: Ф.А. Иогансон. Т. 8. С. 39.

²⁶ Летнев П. Современный недуг // Летнев П. Собр. соч.: в 10 т. Киев: Ф.А. Иогансон. Т. 7. С. 134.

²⁷ Крестовский В. (псевдоним). Здоровые // Крестовский В. (псевдоним). Собр. соч.: в 5 т. СПб.: А.С. Суворин, 1892. Т. 5. С. 226.

отказавшиеся от прежних идеалов. Она писала о духовном оскудении, хищничестве и пошлости как характерных чертах современной жизни: «Нажива, карьера, роскошь! а за ними следом — праздность, оупление чувства, растление мысли, разврат...»²⁸ В романе П. Летнева «Увлечения и ошибки», возможно, под влиянием Хвощинской, появляются персонажи, в прошлом не чуждавшиеся прогрессивных идей, но со временем утратившие общественные идеалы (см.: [11, с. 61–62]). Однако вопрос о воздействии Хвощинской на творчество П. Лачиновой, более широко — и других современников — требует специального изучения.

Рассказ Лачиновой «Светоч» публикуется по рукописи (РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Ед. хр. 341) по современным правилам орфографии и пунктуации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СВЕТОЧ

Молодую девушку одевали на первый бал. Горничная суетилась; мать, с озабоченным видом и с нахмуренными бровями, развивала локоны дочери. Тетушки и кузины сидели в безмолвном созерцании и по временам качали головами. Не было обычного оживления, смеха и разговоров. Все это оттого, что девушка была дурна, несмотря на свои семнадцать лет. Неправильные черты, вялый цвет лица, маленький рост составляли невзрачную наружность. Бедная уже столько раз слышала и сознавала это сама, что выезд на бал для нее равнялся пытке. Она пробовала было робко отговориться, но ей сурово зажали рот. Это происходило еще в те времена, когда дети не смели выразить своей воли, не смели ступить без позволения родителей.

— Лучше сделайте ей попроще прическу, — заметила одна из теток, — локоны к ней не идут.

— Все носят локоны, и она должна носить, — возразила мать с досадой, — уже десять причесок перепробовали, все дурно!

— К Софи ничего не идет, оттого что у нее выражение лица какое-то плаксивое, точно она недовольна, — сказала кузина. — Ты будь повеселее!

²⁸ Крестовский В. (псевдоним). Между друзьями // Там же. Т. 5. С. 122.

— Уже и я ей говорю, — продолжала мать, — что надо быть оживленнее, улыбаться. А то, право, ты отобьешь от себя всех кавалеров.

Софья сделала усилие, чтоб улыбнуться, но крупные слезы выступили ей на глаза.

— Что это, плакать! — вскричала в ужасе тетка. — Да ты еще пуще себя обезобразишь. И что за баловство такое? Какова есть, такова и есть. Нельзя же всем быть красавицами.

Поехали на бал. Освещение, шум, музыка, нарядные туалеты совершенно ослепили, оглушили, отуманили Софью. Все сбылось так, как она ожидала. Никто не обратил на нее внимания, никому она не нравилась; с нею танцевали только кавалеры, подосланные хозяйкой. Часто оставалась она одинокою посреди ряда пустых стульев и старалась молча покориться своей судьбе. Несмотря на подавленность и горечь ее чувств, она понемногу успокоилась и в ней стал пробуждаться ее пытливый, наблюдательный ум. Ее интересовали собравшиеся тут люди; по их лицам, речам и обращению она составляла себе их характеристику и старалась угадать волнующие их чувства. Более всего произвела на нее впечатление одна дама, вокруг которой почтительно толпилось все, что было в обществе избранного и интеллигентного. Эта дама, уже немолодая, была очень дурна собой, но в ее манере, в выражении лица сияло столько уверенности, спокойствия и веселости, что Софья была поражена. Она знала, что эта дама известная писательница, но до сих пор ей не удавалось видеть ее так близко. Блеск ее речей, ее живое остроумие, ее занимательные рассказы восхищали Софью. Ее изумляло это торжество духа над формой, и невольно в ней зароилась мысль, что и она могла бы восторжествовать над своей некрасивой наружностью и выдвинуть вперед невидимую батарею нравственных сил...

Возвратившись домой, Софья все время слышала в ушах мотивы танцев, слышанных ею на бале. Прелестные вальсы Ланнера не давали ей покоя, она села за рояль и попробовала воспроизвести их. Но, играя по слуху, она дополняла сама то, в чем изменяла ей память, и импровизировала другие, самостоятельные мотивы. Часы проходили, она не уставала и чувствовала с невыразимой радостью, что она может творить, что в нее вложено зерно искусства, какого она и не подозревала в себе до сих пор.

Это открытие произвело целый переворот во внутреннем мире Софьи. Отныне жизнь ее получала новый интерес, значение, цель. Но она чувствовала нужду в руководителе, в совете, в критике и ре-

шила обратиться к той даме-писательнице, которая одним своим видом одобрила ее и утешила. Натуры их были сходны; несмотря на разность лет, они сделались друзьями. Как в источнике живой воды Софья почерпала в своем новом друге бодрость, силу, веру в себя, любовь к искусству. Ум ее развился в этом благородном обществе, блеск ее разговора стал затмевать блеск красоты других женщин, и она все ближе подходила к тому образцу, перед которым преклонялась, то есть к своей руководительнице. Как та, она забыла свою некрасивую наружность, да и другие забыли о ней, очарованные ее новым даром. Живые мелодии ее сочинений восхищали всех, скоро их стали печатать, и общее внимание обратилось на замечательную девушку. Но ее не трогали ничьи похвалы или критики, она жаждала только одобрения той, которая следила за ней любящим и строгим оком, направляла и поддерживала.

К удивлению Софьи у нее явились женихи. Считая себя некрасивой, она не думала о замужестве, и эти предложения были для нее лестны. Но душа ее была настроена на слишком серьезный тон, чтоб увлекаться пустым самолюбием, и она не колеблясь отвергла искательства людей, к которым ничего не чувствовала.

И все-таки природа взяла свое. Она полюбила! Как это случилось, она сама не знала, но постепенно почувствовала себя опутанной узами симпатии и нежности к человеку, который, видимо, ценил ее и добивался ее любви. Ее очаровывали его красноречивые речи о блаженстве совместной жизни, согретой взаимной привязанностью и уважением, и невольно видения семьи, домашнего очага, детских ласк стали осаждать Софью. Музыка перестала быть для нее первым интересом жизни, мелодии не слагались более в ее мозгу, занятом другими представлениями.

Ее подруга тотчас заметила это и вызвала ее на откровенность. Софья рассказала ей все, описала состояние своего сердца и высказала горячее желание испытать счастье семейное об руку с любимым человеком.

Во все время, пока она говорила, та грустно молчала, и наконец две слезы скатились из ее прекрасных, сочувственных глаз.

— Что с вами? — спросила Софья. — Вам не нравятся мои слова?

— Софья, — возразила та, — веришь ли ты, что я говорю тебе не из эгоизма, не из желания удержать тебя при себе?

— Верю даже тому, что мое счастье для вас дороже вашего!

— Если так, то выслушай. Слова любви, картины семейного счастья, которые кажутся тебе так пленительны, — все это не для тебя.

Как только ты вступишь на этот путь, так тотчас же ты почувствуешь сожаление, раскаяние, тоску по своему настоящему призванию.

— Но я думала, — возразила Софья, — что могу продолжать мои занятия и замужем, я думала, что любовь вдохновит меня еще более, еще лучше.

— Не обманывай себя. Артист и художник должен весь принадлежать искусству. Не забудь, что твой муж ценит в тебе прежде всего хорошую жену и семьянинку. Каково же ему будет видеть твои порывания куда-то вдаль, твои стремления слышать и создавать звуки?.. И то, что составляет для тебя цель и смысл жизни, твоя творческая сила — сделается бичом домашнего очага.

— Но как же другие?.. Вы сами были замужем...

— О! Я желала бы предохранить тебя от этой доли! — возразила та с горечью. — Я была замужем и знаю, каково двоиться и идти против своего призвания. Я была несчастна, не потому, чтоб муж мой был дурен, — он был прекрасный и благородный человек, но он сделал ошибку, женившись на мне. Верь мне! любовь мужчины не для нас с тобой. Удовлетворить нас она не может, точно так же, как и мы не можем удовлетворить его ожидания.

— Так неужели я должна отказаться от всякого личного счастья?

— Твое личное счастье — это искусство! Ты создана для него, это *талант*, данный тебе при рождении. И когда ты изменишь ему, то почувствуешь, что зарыла талант твой в землю и осталась нищая... Да, нищая! потому что когда ты захочешь вернуть его, то будет уже поздно!

Софья горячо спорила с ней и доказывала свое. Но после каждого из этих споров она чувствовала в душе, что подруга ее права, что действительно мир искусства, мир творчества составляет часть ее организма, что без него нет для нее ни цели, ни счастья жизни. Однако борьба была жесткая, сердце заявляло свои права, голос любимого человека несколько раз опровергал все ее решения и тянул на другой путь, но благотворное влияние ее руководительницы помогло ей побороть лживые искушения. После нескольких месяцев нерешимости, колебаний, тайных слез Софья восторжествовала наконец над собой и отдалась всецело своему искусству. Наслаждение творить вознаградило ее за все, чего она лишилась, и ни малейшего сожаления не осталось в душе ее. Она благословляла руку, которая остановила ее на ложном пути.

Годы шли в постоянном усовершенствовании, в слиянии двух душ в любви к искусству. Они творили обе и менялись мыслями и впечатлениями. Софья была счастлива, она совсем забыла раз-

ницу лет между ею и ее подругой. Да и кто не забыл бы это, видя эту вечную юность души, эту живость разговора, эту неистощимую остроумную веселость?.. И вдруг законы природы напомнили о себе. Смертельный недуг сразил эту еще прекрасную, полезную жизнь, но даже в борьбе со смертью писательница осталась верна себе и не упала духом. Она выпустила перо из рук только тогда, когда пальцы ее застыли и увлекательные речи умолкли навсегда.

Но такие люди не умирают. Софья чувствовала, что разлуки нет; что та, которой она была обязана и своим талантом, и успехом, и значением всей своей жизни, продолжает вдохновлять ее своим духом и примером. Она поняла, что, только вполне посвятив себя служению искусству, можно завоевать бессмертие и оставаться вечно жить в памяти людей.

П. Летнев

Литература

1. А. Л. [Лачинова А.А.]. Воспоминания о П. Летневе // Наблюдатель. 1892. № 12. С. 241–256.
2. *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: в 2 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 1. 566 с.
3. *Вереха П.Н., Орлов М.М.* Исторический очерк развития С.-Петербургского Лесного института (1803–1903). СПб.: Гос. тип., 1903. 410 с.
4. *Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 8. 559 с.
5. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. 464 с.
6. *Карпова О.А.* «Свое» и «чужое» пространство в романе П. Летнева «Чужое преступление» // Культура и текст. 2022. № 1 (48). С. 134–142. DOI: 10.37386/2305-4077-2022-1-134-142
7. *Кучеров М.Г.* Памяти П.А. Лачинова. СПб.: Тип. В. Демакова, 1892. 48 с.
8. *Рейтблат А.И.* Летнев П. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 351–352.
9. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛО, 2009. 448 с.
10. *Ржонсницкий Б.Н.* Дмитрий Александрович Лачинов: Жизнь и труды. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1955. 352 с.
11. *Смирнов В.Б.* На рубеже десятилетий. Русская литература в период второй революционной ситуации. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. 148 с.
12. *Строганова Е.Н.* К 200-летию Надежды Дмитриевны Хвошинской: О дате рождения писательницы // Культура и текст. 2021. № 2 (45). С. 113–120. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-2-113-120

13. *Строганова Е.Н.* Классики и современницы: Гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М.: Литфакт, 2019. 400 с.

14. *Чайковский П.И.* Переписка с Н.Ф. фон-Мекк: в 3 кн. М.: Захаров, 2004. Кн. 2. 1879–1881 годы. 688 с.

15. *Языков Д.Д.* Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц. Вып. 12 // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1912. Т. 89. С. 1–274.

Research Article and Publication of Archival Documents

“The Torch.” Unpublished Response to N.D. Khvoshchinskaya’s Death

© 2023. Evgeniya N. Stroganova
Independent Researcher, Tver, Russia

© 2023. Olga A. Karpova
Saratov State University, Saratov, Russia

Abstract: A prominent place in Russian literature of the 1850s–1880s was occupied by the actively published and republished works of N.D. Khvoshchinskaya (published under the pseudonym V. Krestovsky, later V. Krestovsky-pseudonym), who enjoyed the sympathy of critics and were highly valued by such contemporaries as Mikhail Saltykov, Ivan Goncharov, Pyotr Tchaikovsky, etc. Without specifically dealing with the “women’s issue,” she, according to readers, played one of the leading roles in the development of the “women’s theme” in the fiction of her time. Archival materials testify to the unfulfilled plan of the writers who revered Khvoshchinskaya, in particular the idea of publishing a collective collection dedicated to her memory. The composition of this collection was to include the text of the allegorical essay “The Torch,” stored in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), which is published in the Appendix to the article. The female character of the essay (“the famous writer”) demonstrates the invigorating “triumph of the spirit over the form,” instilling in those around her creative energy, faith in herself and in life. The essay is signed with the pseudonym “P. Letnev,” which contemporaries associated with the name of Praskovya Alexandrovna Lachinova, a writer who experienced a certain influence of Khvoshchinskaya’s creativity and personality.

Keywords: N.D. Khvoshchinskaya, P.A. Lachinov, memorial collection, allegorical essay, creative influence, publication of archival materials.

Information about the authors: Evgeniya N. Stroganova — DSc in Philology, Professor, Independent Researcher, Tver, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0288-4287>

E-mail: enstroganova@yandex.ru

Olga A. Karpova — Applicant, Department of Russian and Foreign Literature, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., 410012 Saratov, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6529-4789>

E-mail: olgatverskaya2016@ya.ru

For citation: Stroganova, E.N., and O.A. Karpova. “‘The Torch.’ Unpublished Response to N.D. Khvoshchinskaya’s Death.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 91–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-91-107>

References

1. A. L. [Lachinova, A.A.] “Vospominaniia o P. Letneve” [“Memories about P. Letnev”]. *Nabludatel’*, no. 12, 1892, pp. 241–256. (In Russ.)
2. Boborykin, P.D. *Vospominaniia: v 2 t.* [*Memories: in 2 vols.*], vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 566 p. (In Russ.)
3. Verekhina, P.N., and M.M. Orlov. *Istoricheskii ocherk razvitiia S.-Peterburgskogo Lesnogo instituta (1803–1903)* [*Historical Sketch of the Development of the St. Petersburg Forestry Institute (1803–1903)*]. St. Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1903. 410 p. (In Russ.)
4. Goncharov, I.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [*Collected Works: in 8 vols.*], vol. 8. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980. 559 p. (In Russ.)
5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [*Complete Works: in 30 vols.*], vol. 27. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 464 p. (In Russ.)
6. Karpova, O.A. “‘Svoe’ i ‘chuzhoe’ prostranstvo v romane P. Letneva ‘Chuzhoe prestuplenie’.” [“‘One’s Own’ And ‘Alien’ Space In P. Letnev’s Novel ‘Alien Crime’.”]. *Kul’tura i tekst*, no. 1 (48), 2022, pp. 134–142. DOI: 10.37386/2305-4077-2022-1-134-142 (In Russ.)
7. Kucherov, M.G. *Pamiati P.A. Lachinova* [*In Memory of P.A. Lachinov*]. St. Petersburg, V. Demakov Publ., 1892. 48 p. (In Russ.)
8. Reitblat, A.I. “Letnev P.” [“Letnev P.”]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar’* [*Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*], vol. 3. Moscow, Bol’shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1994, pp. 351–352. (In Russ.)
9. Reitblat, A.I. *Ot Bovy k Bal’montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* [*From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 448 p. (In Russ.)
10. Rzhonsnitskii, B.N. *Dmitrii Aleksandrovich Lachinov: Zhizn’ i trudy* [*Dmitry Alexandrovich Lachinov: Life and Works*]. Moscow, Leningrad, Gosenergoizdat Publ., 1955. 352 p. (In Russ.)
11. Smirnov, V.B. *Na rubezhe desiatiletii. Russkaia literatura v period vtoroi revoliutsionnoi situatsii* [*At the Turn of the Decade. Russian Literature during the Second Revolutionary Situation*]. Saratov, Saratov University Publ., 1982. 148 p. (In Russ.)
12. Stroganova, E.N. “K 200-letiiu Nadezhdy Dmitrievny Khvoshchinskoi: O date rozhdeniia pisatel’nitsy” [“To the 200th Anniversary of Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya: On the Date of Birth of the Writer”]. *Kul’tura i tekst*, no. 2 (45), 2021, pp. 113–120. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-2-113-120 (In Russ.)

13. Stroganova, E.N. *Klassiki i sovremennitsy: Gendernye realii v istorii russkoi literatury XIX veka* [Classics and Contemporaries: Gender Realities in the History of Russian Literature in the 19th Century]. Moscow, Litfact Publ., 2019. 400 p. (In Russ.)

14. Chaikovskii, P.I. *Perepiska s N.F. fon-Mekk: v 3 kn.* [Correspondence with N.F. von Meck: in 3 books], book 2: 1879–1881 gody [1879–1881]. Moscow, Zakharov Publ., 2004. 688 p. (In Russ.)

15. Iazykov, D.D. “Obzor zhizni i trudov russkikh pisatelei i pisatel’nits. Vyp. 12” [“Review of the Life and Works of Russian Writers. Issue 12”]. *Sbornik otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk* [Collection of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences], vol. 89. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1912, pp. 1–274. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.04.2023
Одобрена после рецензирования: 14.05.2023
Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 12.04.2023
Approved after reviewing: 14.05.2023
Date of publication: 25.09.2023

МЕМОАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2023. № 3 (29)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (29), 2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-108-135>
<https://elibrary.ru/EQKUNA>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Переписка Ф.В. Булгарина и А.Ф. Воейкова

© 2023, Н.Н. Акимова

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Публикуемая переписка отражает разные периоды литературных взаимоотношений Фаддея Булгарина и Александра Воейкова (с 1820 по 1828 г.), позволяя увидеть их эволюцию. Сохранились 4 письма Ф.В. Булгарина к А.Ф. Воейкову и 8 писем Воейкова к Булгарину, девять из этих писем публикуются нами впервые. Необходимый комментарий к впервые публикуемым документам и републикуемым двум письмам Воейкова уточняет датировку и характер эпистолярия, некоторые биографические обстоятельства участников переписки, выявляет черты литературного быта, в том числе, нашедшие отражение в литературе и журналистике рассматриваемого времени. Первое письмо Булгарина (1820 г.), представляющее собой рецензию на опубликованный фрагмент поэмы Воейкова «Искусства и науки», дает возможность увидеть, как шли поиски Булгариным-критиком своего стиля.

Ключевые слова: Ф.В. Булгарин, А.Ф. Воейков, история русской литературы XIX в., русская журналистика XIX в.

Информация об авторе: Наталья Николаевна Акимова — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедры гуманитарных и философских наук, Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина, Университетская наб., д. 17, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: akimova_natalia@inbox.ru

Для цитирования: Акимова Н.Н. Переписка Ф.В. Булгарина и А.Ф. Воейкова // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 108–135. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-108-135>

Ф.В. Булгарин и А.Ф. Воейков познакомились в 1820 г., при содействии лиц, игравших в их жизни значительную роль: для Воейкова таким человеком был В.А. Жуковский, а для Булгарина — Н.И. Греч. Воейков только что перебрался в Петербург из Дерпта после неу-

дачного завершения карьеры университетского профессора русской словесности. К этому времени он был известен как вольнолюбивый поэт-сатирик, переводчик Вольтера, Вергилия и Делиля, особую славу ему принес вышедший в 1816 г. перевод «Садов» Делиля, после чего Воейков был избран членом Российской академии, с собой он привез начатую научно-дидактическую поэму «Искусства и науки». По рекомендации Жуковского Воейков с середины 1820 г. стал соредактором Греча в журнале «Сыне Отечества», курируя отдел критики. Булгарин в это время делал свои первые шаги в русской журналистике и был известен как польский литератор, пропагандист польской культуры. Греч, сообщая о новом соредакторе и сотрудничестве с журналом известных писателей, в то же время писал и о Булгарине: «Сочинитель статьи о польской словесности взял на себя сообщать в наш журнал все лучшие произведения польских муз»¹. Между Булгариным и Воейковым сложились доверительные дружеские отношения, о чем свидетельствует их переписка. Сохранились также восторженно-почтительные письма Булгарина к жене Воейкова, Александре Андреевне², по словам Греча, Булгарин «сходил от нее с ума» [8, с. 649]. Воейков и Булгарин в этот период поддерживают друг друга на страницах журналов: в обзорной статье о российской журналистике Воейков отметил Булгарина «между учеными литераторами, чьи труды занимают почетное место в “Сыне Отечества”»³, а Булгарин опубликовал рецензию на «Учебную книгу

¹ *Сын Отечества*. 1820. № 33. С. 328–329.

² От 13 февраля 1821 г. (ИРЛИ. Р. I. Оп. 2. № 273, с датой 1823 г. опубли.: [21, с. 98]); без даты (РГАЛИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 72). Спустя многие годы Булгарин вспоминал на страницах своей газеты: «Был у нас в Петербурге ангел в женском образе, Александра Андреевна Воейкова (урожденная Протасова), племянница знаменитого В.А. Жуковского, им воспитанная, т. е. им образованная. За двадцать лет пред сим она подарила мне Новый завет, с надписью: “В жизни много прекрасного и без счастья?”. В этих словах более чувства, поэзии, нежели во всей нынешней литературе...» (Ф.Б. Всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 224. 4 окт.), и называл ее «олицетворенной музой» (Ф.Б. Всякая всячина // Там же. 1854. № 12. 16 янв.). «Новый завет» с автографом Воейковой не сохранился, однако в уцелевшей части булгаринской библиотеки есть другая книга с ее владельческой записью, см.: [7, с. 85]. В сохранившейся записке А.А. Воейковой к Булгарину она пишет:

«Милостивый Государь мой Фаддей Венедиктович!

Зная столько раз по опыту вашу готовность делать все возможные услуги, беру смелость просить вас, сделать мне удовольствие прислать ежели *это возможно* 3 номера *Северной пчелы*, 144, 152 и 154, которые потеряны. Вы много обяжете этим вашу покорную слугу Александру Воейкову» (ИРЛИ. Ф. 623. № 26. Л. 3, в архивном описании записка атрибутирована А.Ф. Воейкову).

³ *Сын Отечества*. 1821. № 4. С. 147.

российской словесности» Греча в виде послания к Воейкову⁴. Став издателем «Северного архива», он поместил в своем журнале очерк Воейкова «Описание Сарепты» (1822. № 12). Именно близкая доверенность к Воейкову позволила Булгарину написать ему в 1820 г., когда казалось, что многолетняя тяжба в Сенате была проиграна: «La rage me consume...⁵ Ад в душе, вражда в сердце, мщение на уме!! Да будет проклят год, в который я переступил обратно за Рейн; да будет проклята мать моя, что оставила меня в юности в России; да будет проклято желание писать и быть полезным стране, где надобно быть шарлатаном или иноземцем, чтобы иметь право шептать на ухо панам в аудиенц-зале. Я не знаю, что писать более? О люди! О, Россия!» [6, с. 10]. Воейков сохранил эту записку и в период их ожесточенной вражды с Булгариным, прибавив дату «15 декабря 1825 года», представил в полицию (см.: [8, с. 659; 16, с. 220–222]).

Отношения испортились в 1822 г. К этому времени стало ясно, что на обещания Жуковского, данные во время хлопот о Воейкове, об участии в «Сыне Отечества» самого Жуковского, Батюшкова и других «знаменитых друзей» рассчитывать не приходится, не оправдал надежд Греча и Воейков как сотрудник журнала, в итоге, Греч «настойчиво просил освободить» его от Воейкова (см.: [8, с. 640–656]). С марта 1822 г. (вновь благодаря заступничеству Жуковского) Воейков стал редактором возобновившегося издания газеты «Русский инвалид». И Булгарин и Воейков использовали любые средства для расширения круга подписчиков и упрочения своих изданий. Так, Воейков напечатал, что его газета имеет 1700 подписчиков против 750-ти у «Сына Отечества», после чего Булгарин подал прошение «об отдаче ему в аренду этой газеты, обязуясь платить вдвое против того, сколько получают от Воейкова, и в обеспечение исправности уплаты представлял в залог 500 душ. <...> Семейство Воейкова пришло в ужас» [8, с. 656–657]. Несмотря на то что под давлением Жуковского, Рылеева и Греча Булгарин взял прошение назад, отношения были окончательно испорчены, развернулась сначала скрытая, а затем публичная полемика Булгарина с Воейковым⁶. В результате весной 1823 г. дело дошло до возможной дуэли, вызов послал Булгарин. Разыгралась многоактная драма с письмами и переговорами посред-

⁴ Сын Отечества. 1821. № 11. С. 195–196; Вестник Европы. 1821. № 7/8. С. 206–225.

⁵ Гнев меня снедает... (франц.)

⁶ Северный архив. 1823. № 2. С. 208–210; Сын Отечества. 1823. № 3. С. 138–140, № 13. С. 252–283; Русский инвалид. 1823. № 66.

ников⁷. И.А. Второв оставил в своем дневнике запись от 22 марта 1823 г. о том, что застал у Греча Цертелева, Бестужева, Сомова, Булгарина, Кутузова и Княжевича — обсуждали ссору Булгарина с Воейковым: «Булгарин прочитал письмо свое к Воейкову и резкий ответ этого журналиста. По мнению присутствующих, Воейков имел дурной нрав и дурное сердце» [11, с. 557–558]. Улаживать конфликт пришлось Рылееву, Дельвигу, Жуковскому и Гречу, однако состоявшееся примирение не прекратило противостояния и публичной полемики в дальнейшем.

В последующие годы Булгарин стал предметом особой ненависти Воейкова, самые злые куплеты своей знаменитой сатиры «Дом сумасшедших» он посвятил Булгарину, себя же Воейков увековечил в этой сатире симптоматичными строками: «Век с Флюгариным возился. Честь свою тем запятнал» [22, с. 575–576]. С 1828 г. на страницах «Славянина» он развернул критический поход против Булгарина и Греча, помещая в отделе «Хамелеонистика» примеры изменчивости их мнений в зависимости от литературной тактики. Близкий к пушкинскому кругу А.И. Дельвиг писал о Воейкове, что «кружок лучших тогдашних литераторов держал его при себе на привязи, чтобы в известных случаях, как цепную собаку, выпустить на противную литературную партию» [10, с. 69]⁸. Булгарин и Греч отвечали на нападки на страницах «Северной пчелы»⁹. После того как в январе 1830 г. за недопустимо острую полемику все трое были посажены по высочайшему указанию на гауптвахту, литературная война завершилась, полемическое противостояние Булгарина и Воейкова приобрело иные формы, то исчезая из публичной сферы и лишь изредка давая о себе знать¹⁰, то вновь обостряясь, как это

⁷ См.: [12, с. 277–283]; письмо Воейкова от 15 апр. 1823 г.

⁸ Ср. мнение М.Ф. Орлова, упрекавшего П.А. Вяземского и его окружение: «Враги “Северной пчелы”, а приятели “Инвалиду” не по достоинству сих журналов, но единственно по положению и отношениям вашим с редакторами» [18, с. 41]. О месте Булгарина и Воейкова в литературной полемике середины 1820-х гг. см.: [5, с. 28–32].

⁹ Северная пчела. 1827. № 151; 1828. № 115, 132, 138, 139; 1829. № 126, 131.

¹⁰ В 1831–1832 гг. Воейков не выступал против Булгарина и Греча; он поместил положительную рецензию на травелог Греча «Поездка в Германию» (Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 10. 4 февраля), несколько раз процитировал «Северную пчелу» (Там же. № 11. 7 февраля, № 25. 28 марта; 1832. № 72. 7 сентября) и благосклонно сослался на Булгарина (Там же. 1832. № 78. 28 сентября). Однако тогда же в рецензии на альманах «Денница» привел язвительную цитату М.А. Максимовича, направленную против Булгарина и Греча (Там же. 1831. № 25. 28 марта), а в герое фельетона из рубрики «Пересмешник», уланском подполковнике Горячкине, угадывались травестированные черты биографии Булгарина (А. *Кораблинский* [Воейков А.Ф.]. Счастливейший день жизни // Там же. № 16. 25 февраля). Критический выпад против Булгарина Воейков

произошло в 1836 г. после статьи В.М. Строева с резкой оценкой критической деятельности Воейкова в «Сыне Отечества»¹¹.

Однако имя Булгарина не сходило с уст Воейкова до последних его дней. Так, за несколько месяцев до смерти он большой писал А.А. Краевскому: «Прочтите в сегодняшнем номере “Л<итературных> П<рибавлений>” мой ответ *Булгарину* на его последние выходки»¹², извиняясь, что его «строки кривы, как слог *Сенковского* и душа *Булгарина*»¹³, тем не менее, при воспоминании о пережитом не мог не подытожить: «...в это время была пора 14го декабря, была пора холеры, была пора бунта, а мои листки всегда выходили в срок, так же, как *булгаринские*. Мы с ним за вкус не берёмся, а горяченько состряпаем»¹⁴.

Публикуемая переписка Ф.В. Булгарина и А.Ф. Воейкова и комментарий к ней дают представление о характере их литературных взаимоотношений. Орфография и пунктуация публикуемых источников приведены в соответствие современным нормам, при этом сохранены наиболее характерные стилистические особенности.

1. Ф.В. Булгарин — А.Ф. Воейкову

Любезнейшему Александру Федоровичу!

При появлении в свет вашего отрывка из поэмы «Науки и искусства» в № 37 «Сына Отечества»¹, признаюсь вам, я оцепенел,

позволит себе лишь в 1833 г. в рецензии на альманах «Новоселье» (*N.N.* И мои мысли о книге «Новоселье»... // Там же. 1833. № 70. 2 сентября), затем в критической статье «Пересмешника» (*А. Кораблинский [Воейков А.Ф.]*. Скандинавские саги // Там же. 1834. № 57. 18 июля) и в «Литературных заметках» (1835. № 102/103. 21 декабря).

¹¹ *В.В.В. [Строев В.М.]*. Русская критика в 1835 году (Статья 1-я) // Сын Отечества. 1836. Ч. CLXXV. № 1. С. 60–61. По мнению Воейкова, за статьей стоял Булгарин; см.: *А. Кораблинский [Воейков А.Ф.]*. Литературная заметка // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1836. № 10. 1 февраля; в следующей публикации Воейков намекает на близость к полякам автора, укрывшегося под псевдонимом В.В.В. (Там же. № 13. 12 февраля). Булгарин лишь спустя несколько лет напечатал критическую рецензию на изданный Воейковым «Сборник на 1838 год...» (Северная пчела. 1838. № 76–78. 7, 8, 9 апреля).

¹² ОР РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 248. Л. 34. Речь идет о заметке в разделе «Смесь» (Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1838. № 52. 24 дек.), в которой фельетонист «Северной пчелы», подписавшийся «любитель шахматов» (1838. № 278. 7 дек.), был уличен в незнании тонкостей шахматного гамбита; свою заметку Воейков подписал тем же псевдонимом.

¹³ ОР РНБ. Ф. 391. Ед. хр. 248. Л. 36 об.

¹⁴ Там же. Л. 29.

увидя, как слабо изобразили вы предметы, которые в разнообразных действиях столь многим уже стихотворцам доставили богатые и величественные картины. Многие <из> всех моих знакомых (между которыми есть и знатоки) подтвердили мои заключения, и я решился, по врожденной мне откровенности, расторгнуть пред вами завесу авторского самолюбия и беспристрастно разобрать ваш отрывок. Простите мне погрешности противу языка, я поляк, пишу не для публики, а единственно для вас и потому старался только о ясном изъяснении мыслей, а не о гладкости слога.

Я не люблю давать всем советов, но ежели Мольерова кухарка заставляла величайшего из комиков переменять целые сцены², то надеюсь, что и мои замечания не будут бесполезными.

Сначала должен я вам сказать, что для меня весьма удивительно, что человек с дарованием и отменным вкусом мог, забывши наставления Боало:

Soyez riche et pompeux dans vos descriptions.
C'est là qu'il faut des vers étaler l'élégance;
N'y présentez jamais de basse circonstance³,

взять себе образцом многословного Делиля, которого школа всеми литераторами почитается юродливою.

Делиль снискал себе почетное имя в литературе, сотворив новый род поэзии⁴, который он при необыкновенном даровании своем умел усовершенствовать. Этот род французы называют *le difficultés vaincues*, т. е. побежденные трудности — изобретатель останется незабвенным, но подражатели его никогда не найдут ни похвалы, ни читателей. Подробности в механических искусствах никогда не могут быть изъясняемы языком богов. Поэзия на все смотрит с высот Олимпа и выпытывает только предметы, могущие войти в состав величественной картины, достойной быть выставленною на суд Грациям и Аполлону. Поэзия все видит в особенном виде, изъясняет собственным своим языком, и ежели случайно коснется чего-либо грубого и низкого, то от магического ее прикосновения самые обыкновенные предметы превращаются в величественные и благородные.

Вы в вашем отрывке преступили все правила поэзии и истинного вкуса, называя всякую вещь по имени, вместо того, что должны были представить читателям в картинах. А потому вместо описательной поэмы вышла технология, или прозаическое описание фабрик и мануфактур. Но уже пора приступить к разбору.

Вы говорите:

И скоро, смертные, дерзая в бездну волн,
В огромных кораблях, из толстых древ согбенных,
Железом связанных и вервями скрепленных
С пособием циркуля, линейки, букв и числ,
И с помощью колес, подъемов, коромысл,
Магнитной верных стрелы и звездочётства
Составили себе науку мореходства,
Преплыли Океан — и цепью золотой
Связали все моря и земли меж собой⁵.

Здесь надобно бы истолковать, из согбенных ли деревьев надобно делать корабли (если так, то почему?) или в согбенных кораблях плавать по морю. Вы упрекаете Пушкина, зачем вместо водомета употребил слово фонтан⁶, для чего же вам не назвать циркуля «размером», как он называется в русских инженерных школах и корпусах, — существительное слово «линейка», чрезвычайно как легко представляется при величественном описании корабля, буквы, числа, колеса, коромысла вовсе излишни и затрудняют смыслы. Между тем вы пропустили первое украшение корабля и необходимых помощников мореплавания — ветрила, или парусы. Рифмы «звездочётство и мореходство», на основании вашего решения в «Руслане и Людмиле», суть мужицкие⁷ (в «Руслане» сказано ножём, языком, то есть ё заменяет о).

Но два последние стиха бесподобны.

Вы, хотя не знаете трех слов по-польски, произнесли, однако ж, приговор, что польский язык не может произвести ничего великого и прекрасного, позвольте мне сделать здесь сравнения между вашим описанием мореходства и описанием Нарушевича в оде «О пользе наук»⁸. Конечно, что Нарушевич должен много потерять в литературном переводе из стихов в прозу, но со всеми потерями увидим, кто возвышеннее и величественнее.

«На глас человека валится послушный дуб в непроходимых лесах и плавным хребтом раздирает черные волны. Брега отверзают кремнистое лоно для приятия утружденных судов. Притупя ужасную ярость, хитро уловляют в растянутые полотна быстрые ветры, которые поспешно мчат движущиеся над хлябями грады, и узлом торговли сопрягают отдельные народы»⁹.

Прочитайте в поэме Томаса «La Pétréide» le chantier de Sardam¹⁰, увидите, что все подробности искусства исчислены пиитически без наименования предметов:

Là, ces forêts du nord, ces pins de la Norvège,
Enfans de ces climats qu'un long hiver assiége,
Pour chercher, sur la mer, des orages nouveaux,
Sous de savantes mains, se courbent en vaisseaux¹¹.

Вот также описание якоря:

Dans de noirs arsenaux que la flamme environne
Le fer, à longs torrens, coule, écume, bouillonne.
L'enclume retentit. Un immense lévier
S'allonge et se recourbe en deux branches d'acier,
Dont la dent immobile, au fort de la tempête,
Quand déjà le nocher, voit la mort sur sa tête,
De son énorme poids, luttant contre les eaux,
Mord le sable des mers et fixe les vaisseaux¹².

Вот истинно поэтические подробности.

Далее вы говорите:

Но мало этого: волн ярых победитель,
Быть хочет человек границ распространитель,
Отдвинул в море брег, плотиной *запрудил*
И область новую землю *забутил*.
Нередко над главой шумящи моря волны
Зря, путешественник дивится страха полный;
Но море, побледнев от ярости, ревет,
Переступить никак не смея чрез оплот¹³.

Здесь есть поэзия: «волн ярых победитель» прекрасно. Картина бледного от ярости ревущего моря прекрасна — но выражения «плотиной запрудил», «землею забутил» — плохи, прозаичны и неуместны в эпической поэме. Рифма же *ревет* и *оплот* на основании вашего указа опять мужицкая.

Далее описание мельницы начинается хорошо, но зато, прочитав: «Пшеницу мелет он», — читатель ожидает, что станете месить тесто и в награждение плоского стиха попотчуете его пирогами. Для чего

«работник сильный» работает «в вертеп *могильный*»¹⁴, непонятно, разве из угождения Жуковскому.

При описании делания бумаги кричу громогласно: «Проза! проза!» — это настоящий рецепт делать бумагу — вот слово в слово: собранные куски холста лоскутьев черных, которые рубят, толкут с водою в чанах огромных, после месят, белят, перемывают, льют и потом их в образе бумаги подают¹⁵.

«Изобретение письмен есть верх искусств!» — восклицаете вы, и я тоже повторяю с вами. Но как вы слабо коснулись сего величественного и, можно сказать, даже божественного предмета. Посмотрим, как изъясняется о сем презренный вами поляк языком, который, по вашим словам, не может быть пиитическим.

«Человек, одаренный драгоценным искусством изъяснять на бумаге мысли свои, оставляет все смертное и, будучи превыше всего бренного, всего земного, одним полетом переносится от колыбели мира до его гроба; и собрав протекшие годы, извлекает из них тайну прошедших веков. Открывает черные измены, ложные дружбы, угнетенную невинность, обнаруживает адскую злобу, облеченную в пурпуровую мантию, представляет кровавые бои и славную смерть героев. И как быстрый орел, презрев (далее два слова вымараны. — *Н.А.*) на хребте <нрзб.> Альпов, увитое для него гнездо, возносится к солнцу, так поэт отделяется от земли, по примеру Горация и Гомера, гласит на золотой трубе удивленному миру деяния славные и великие или, облекшись крыльями соловья, с томною слезою воспеваает любовные сладости»¹⁶.

Далее Нарушевич описывает изобретение типографии.

«Таким образом дивным искусством унизав мысли свои на бумаге, он безмолвному пииту сообщает дар слова. Он отмолаживает беспрестанно деяния прошедших лет и в будущем тысячекратно их перерождает. Но давно бы буря времени снесла в бездну забвения труды ума человеческого, если бы неизъяснимым чудом животворный металл не притупил быстрых крыльев времени тяжким оловом. Та же рука умела замкнуть его в тесный шар и обременить его цепями, и вот время, летав по произволу, без правил и законов, опустивши крылья, смиренно шествует за своим победителем»¹⁷.

Кто не догадается, что это часы.

Далее у вас описание пожару хорошо, но слово *благочиние* подобно магниту невольным образом притягивает другое слово *управа* со всею полицейскою фалангою — и, разрушая очарование поэзии, превращает описание ваше в прозу — слово *трубы* низко и вовсе не нужно, можно бы сказать, что на крыльях несет воду, было бы и просто и пиитически. Стих же: «И воли не дает ему распространиться» — есть выписка из рапорта брантмайора обер-полицмейстеру¹⁸.

Описание плавки металла прекрасно!

Но слова *решетки* и *плиты* невольно представляют уму английскую кухню и *côtlettes à la grille*¹⁹; — по-русски *ограда* и хорошо и ясно, хотя здесь и этого бы не нужно было бы — ибо можно было изобразить благороднейшее употребление металла, как на решетки и плиты²⁰.

Нарушевич, избегая в сем случае подробностей, сказал: «Тут закоптелый Циклоп, дыханием черных челюстей, вздымает мехи, а терзаемые грызливою пилою и тяжким молотом кипящее железо и упорная сталь принимают дивные образы»²¹.

Изображение зеркала у вас слабо, бледно и прозаично. Вот как изъясняется Нарушевич: «Так песок, очищенный сильными огнями, сливается в прозрачные глыбы. Превращенный в сухое море, потопляет зрителя в искусственную глубину, но не погубляет его»²².

Вот поэзия!

В описании барометра, во-первых, что поименование предмета по имени разрушает очарование, а во-вторых, на что повторение «ртуть, жидкое серебро», когда это означает одно и то же.

Стих же: «Чтоб сказывать, *как где* тепло иль холодно»²³, без барометру показывает хлад и морозит воображение — а *как где* у французов называется какофонией, по-русски можно назвать речениями *ухоскрёбными*.

Вот как Колардо в «*Épître à Duhamel*»²⁴ описывает термо- и барометры:

Là de l'antique Hermès le minéral fluide
S'élève au gré de l'air plus sec ou plus humide;
Ici, par la liqueur un tube coloré
De la température indique le degré.

Ясно без наименования *ртути* и *барометра*.

Нет самого низкого и обыкновенного предмета, повторяю вам, которого бы животворная кисть поэзии не могла изобразить прелестно и величественно. Может ли быть что проще сего, что Федра не ела

и не спала трое суток. Однако ж великий Расин умел в устах Эноны изъясниться благородно и возвышенно:

Les ombres par trios fois ont obscurci les cieux
 Depuis que le sommeil n'est entré dans vos yeux,
 Et le jour a trois fois chassé la nuit obscure
 Depuis que votre corps languit sans nourriture²⁵.

Окончив разбор мой, я прошу вас быть уверенным, что я принял сие единственно из любви к вам и вашей славе, и для предупреждения критик публичных, ежели вы в таком состоянии напечатаете вашу поэму. Если вы найдете что-нибудь колкое, то это в отмщение польской поэзии, которую вы поносите, не понимая, и презираете поляков по рассказам суворовских солдат — обращаясь к вашей поэме, можно лишь припомнить вам:

Hâtez-vous lentement, et sans perdre courage
 Vingt fois sur le métier remettez votre ouvrage²⁶.

РО ИРЛИ. Ф. 31. № 43 (в описи неверно указаны дата (1819) и жанр текста). Письмо было написано не ранее 11 сентября 1820 г., поскольку номер журнала, в котором был опубликован отрывок из поэмы А.Ф. Воейкова «Искусства и науки», послуживший предметом болгаринского письма, и цитируемая Булгариным рецензия Воейкова на «Руслана и Людмилу», вышел 11 сентября 1820 г. (ц. р. 7 сентября). Письмо написано на лицевой и оборотной стороне трех двойных листов (12 страниц), в виде сшитой тетради.

¹ *Воейков А.Ф.* Отрывок из поэмы «Искусства и науки» // Сын Отечества. 1820. № 37. С. 178–180. Успех перевода поэмы Ж. Делиля «Сады» (1816) вдохновил Воейкова на создание научно-дидактической поэмы «Искусства и науки», отрывки из которой с 1818 г. публиковались в периодических изданиях. О создании поэмы и ее публикации см.: [2].

² Предание о том, что перед постановкой своих пьес Мольер читал их своей кухарке Лафоре, внося в них поправки соответственно ее оценке, восходит к Буало: «Мольер несколько раз показывал мне старую служанку, жившую в его доме, которой он, по его собственным словам, читал иногда свои комедии и уверял меня, что если шуточные места не производили на нее впечатления, он их исправлял, потому что несколько раз проверял на театре, что такие места не удавались» [15, с. 239]; известен рисунок Дисена «Мольер, читающий, по преданию, свою пьесу служанке Лафоре».

³ Булгарин цитирует трактат Н. Буало «L'Art poétique» (1674): «Пусть будет слог у вас в повествованье сжат, / А в описаниях и пышен и богат: / Великолепия достигнуть в них старайтесь, / До пошлых мелочей нигде не опускайтесь» [3, с. 88].

⁴ Речь идет об эпической описательно-дидактической поэзии нового времени; о поисках русской поэзией 1810-х гг. описательного «среднего дидактического языка» см.: [14].

⁵ Воейков А.Ф. Отрывок из поэмы «Искусства и науки». С. 178.

⁶ В рецензии на поэму «Руслан и Людмила» Воейков, процитировав: «Летят алмазные *фонтаны*», — упрекнул Пушкина: «Не грешно ли употреблять в поэзии слово *фонтан*, когда у нас есть свое прекрасное, выразительное *водовет*» (*В<оейков А.Ф.>*. Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочин. Александра Пушкина // Сын Отечества. 1820. № 37. С. 151).

⁷ Замечание Воейкова «Мужички рифмы!» относилось к строкам из пушкинской поэмы:

Объехав голову *кругом*,
Щекотит ноздри *копием*.
Дразнила страшным *языком*.
Грозил ей молча *копием*.
(Сын Отечества. 1820. № 37. С. 152)

Причину неудовольствия Воейкова пояснил М.С. Кайсаров: «...переход *e* в *ё* допустим, по его мнению, в русском, низком, варианте: “копье” — “копѣ”, ибо такой переход характерен для низкого языка. В высоком, славянском, к которому принадлежит форма “копие”, он не приемлем, слово “копие” представляет собой совмещение не совместимого» (примеч. О.Н. Золотовой к републикации статьи Воейкова в: [19, с. 354]).

⁸ Адам Нарушевич (Adam Tadeusz Stanisław Naruszewicz; 1733–1796) — польский поэт и историк, профессор Виленского университета. Булгарин имеет в виду оду «Do Stanisława Augusta Króla Polskiego W<ielkiego> Książęcia Lit<ewskiego> o pożytku z nauk nagrodą w kraju rozkrzewionych, z okazji odebranego z rąk J<ego> K<rólewskiej> M<oś>ci medalu» (1772).

⁹ Булгарин переводит прозаически следующий фрагмент из оды Нарушевича:

Na głos jego, powolny dąb się z puszczy wali,
i pławny grzbietem porze karki brudnej fali.
Ostre brzegi rozwodząc skaliste ramiona,
do spokojnego nawy zapraszają Iona.
Samych się bystrych Eurów tępi złość okrutna,
że się dają w rozpięte chytrze ująć płótna;
a ruchome przenosząc po przepaściach grody,
bogacą związkiem handlu odległe narody.

(Цит. по: *Naruszewicz A.T.S. Poezje zebrane* / Wyd. B. Wolska. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN Fundacja “Akademia Humanistyczna”, 2005. Т. 1. S. 144)

¹⁰ Саардамская верфь (*франц.*). Речь идет об описании Саардамской верфи в незаконченной поэме Антуана Леонара Тома (Antoine Léonard Thomas; 1732–1785) «Петреида», посвященной Петру I. Сардам (Зандам) — город в Северной Голландии, где в 1697 г. изучал корабельное дело царь Петр, работая плотником на местной судовой верфи. План поэмы и отрывки из нее были опубликованы в посмертном собрании сочинений Тома (Oeuvres posthumes de Thomas, de l'académie Française. Paris, 1802. Т. 1. 323 p).

¹¹ Oeuvres posthumes de Thomas. Tome premier. P. 10.

Там эти северные леса, эти сосны Норвегии,
Дети тех широт, что осаждает долгая зима,
Чтоб искать на морях новые бури,
Под умелыми руками изгибаются в судна.

(Пер. Т.И. Животовского)

¹² Там же.

В черных арсеналах, что окружены пламенем,
Железо длинными потоками течет, пенится, кипит,
Наковальня звенит. Огромный рычаг
Ложится и отгибается на двух дугах стали,
Чей недвижимый зуб, в разгар бури,
Когда кормчий уже видит на свою голову смерть,
Своим огромным весом, борясь с водами,
Кусает песок морей и останавливает корабли.
(Пер. Т.И. Животовского)

¹³ См.: *Воейков А.Ф.* Отрывок из поэмы «Искусства и науки». С. 178.

¹⁴ Речь идет о строках: «Колеса двигая и жернова вертя, / Пшеницу мелет он; или, работник сильный, / Кует оружие, сошед в вертеп могильный <...>» (Там же. С. 179). Дальнейшая отсылка к Жуковскому, возможно, подразумевает реминисценцию строки «Зажжем костер дубов; изroyте ров могильный» из его стихотворения «Песнь Барда над гробом славян-победителей» (1806).

¹⁵ Имеется в виду фрагмент:

На пряди делит шелк, лен чистит и прядет,
Мотаает на клубки и красит и точет:
Или, собрав куски холста лоскутьев черных,
Их рубит, их толчет с водой в чанах огромных,
Их месит, их белит, перемывает, льет,
И нам их в образе бумаги подает. (Там же)

¹⁶ Булгарин прозаически переводит следующий фрагмент оды Нарушевича, опустив при этом имя короля Станислава Августа и содержащиеся у Нарушевича аллюзии на судьбу ссыльного Овидия, вместо этого он дает вольный перевод последних строк:

Cóż gdy go szacowniejszym niebo jeszcze darem
ozdobi, napawając słodkim Muz nektarem?
by samym dawszy pochop myślom, te jedynie
miał za rzecz swego dzieła, za cel i naczynie.
Wtenczas już wyzuwszy się ze skażonej prawie
natury, w równej duchom nadziemnym postawie;
już dzielnej myśli pędem od kolebki świata,
płodne w dziwne przypadki goniąc, zbiera lata;
Przetrząsa tajne sprawy, serc szlakuje myśli,
cofa wieków, i patrząc na nie, prawdę kryśli;
wyświeca czarne zdrady, farbowne przyjaźnie,
niewinność na niegodne wystawioną kaźnie;
złość w cnoty płaszcz przybraną, i na własne pany
często kilku głów dumą płochy gmin zmieszany;
okropne wojen losy, sławne wodzów zgony,

w jednej zgoła ciąg wieków tablicy zamknięty.
 Już jako mężczyzna orlik wzgardziwszy poziomem,
 na karku gwiazdosiężnych Alpów witym domem;
 tam dąży, gdzie się wieczna słońca toczy sfera,
 wzięwszy z bystrym Horacym za przewód Homera;
 a brzękiem wdzięcznej harfy lub trąby zlocistej
 podaje Stanisława sławie wieknistej:
 albo płynąc łabędzim za Owidym torem,
 płacze rzewnie nad mętnym Euksynu jeziorem;
 że tak słodki król wpośród swych ziomeków, swych dzieci
 żyje, jakby go dzicy opasali Gieci <...>.
 (*Adam Tadeusz Stanisław Naruszewicz. Poezje zebrane... S. 145–146*).

¹⁷ Прозаическое переложение следующего отрывка:

On myśli na papierze dziwnym snuje szykiem,
 on cichym uczy kartę przemawiać językiem,
 on dzieje lat ubiegłych ustawnie odmladza
 i na wieki potomne tysiąckroć odradza.
 Dawnoby, co uczone wysączyły pióra,
 bystra lotnego czasu z oczu zniosła chmura,
 dy mu kruszec odżywny cudem niewymownym
 wartkich skrzydeł ciężarem nie stąpił ołownym.
 Taż go ręka dowcipna, acz ma płocze pierze,
 w maluczkiej, jeśli zechce, łącno więzi sferze,
 a co latał samopas, nie znając prawidła,
 musi pieszo iść w pętach, opuściwszy skrzydła.
 (*Adam Tadeusz Stanisław Naruszewicz. Poezje zebrane... S. 145*)

¹⁸ Речь идет о фрагменте:

Нередко Огнь в искре утаясь, в чертоге вдруг из недр
 Сухого дерева выходит с дымом, с треском
 И одевает мрак небес кровавым блеском...
 Но благочиние гражданам спящим бдит!
 Предусмотрительность на крыльях трубы мчит,
 Реками вверх вода летит с огнем сразиться
 И воли не дает ему распространиться.
 (*Воейков А.Ф. Отрывок из поэмы «Искусства и науки». С. 179*)

¹⁹ Отбивные на гриле (*франц.*).

²⁰ Имеется в виду фрагмент:

По манию его ветер, в мехе заключенный,
 Дыша, сугубит жар, в горниле воспаленный:
 И тают с клокотом металлы будто лед,
 И черный их Циклоп в сосуд как воду льет.
 Сребро и золото как мягкий шелк прядется;
 Из меди утварь, шлем, броня и щит куется;

Чугун – решеток, плит, столпов приемлет вид.
(*Воейков А.Ф.* Отрывок из поэмы «Искусства и науки». С. 180)

21

Tu brudny Cyklop czarnych czeluści oddechem,
wiatropłodnym hamuje wrzące sztaby miechem:
cudne kształty uporna stal na się przybiera,
gdy jej stąd zgryźny pilnik, zowąd młot doskwiera.
(*Adam Tadeusz Stanisław Naruszewicz.* Poezje zebrane... S. 145)

22

Tam piasek, co go tęgie ognie przeczyścili,
w przejrzyste się, pozbywszy przywar, zlewa bryły,
a w suchie obrócony morze w sztucznej głębi
zatapia, kto nań patrzy, lubo nie pognębi.

(Там же)

23 Речь идет о строках, описывающих термометр и барометр:

А там простой песок, искусством растопленный,
Преобразившимся в прозрачные зрим стены;
Ртуть, жидкое серебро, в стекле заключено,
Чтоб сказывать, как где тепло иль холодно.
И только ли? в трости кристально барометры
Предвещают дождь, дни ясные и ветры.

(*Воейков А.Ф.* Отрывок из поэмы «Искусства и науки». С. 180)

²⁴ Имеется в виду «Épître à monsieur Duhamel de Denainvilliers par M. Colardeau» (1774) («Послание к-ну Дюамелю Дененвилье» Шарля-Пьера Колардо (1732–1776)), описывающее прелести сельской жизни. Цитируемый Булгариным фрагмент см.: *Oeuvres de Colardeau.* Paris: Librairie ancienne et moderne, 1826. Т. I. P. 133.

²⁵ Цитата из трагедии Ж. Расина «Федра» (1677), из монолога кормилицы Эноны (д. 1, явл. 2):

Уж трижды небосвод во мгле вечерней гас,
Но сон не освежал твоих усталых глаз;
Уж трижды видел мир дня нового начало,
Но с непреклонностью ты пищу отвергала.

(Пер. М.А. Донского)

²⁶ Булгарин цитирует Н. Буало: «Спешите медленно и, мужество утрая, / Отделяйте стих, не ведая покоя...» [3, с. 63]. Далее у Буало: «Шлифуйте, чистите, пока терпенье есть; / Добавьте две строки и вычеркните шесть» [Там же], — эти строки перекликаются с заверением в письме Воейкова от 27 сентября 1820 г.: «...я все переправлю, выкину, вымарая, прибавлю, поправлю, переставлю с места на место...» (см. примеч. 2).

2. А.Ф. Воейков — Ф.В. Булгарину

Милое письмо Ваше, твердый, почтенный друг-славянин! весело было мне читать и перечитывать;¹ еще слаще будет прочесть в семейном кругу моем, на который Вы смотрели сквозь призму сердца.

Когда-то мы будем сидеть у Вас за круглым столиком и пить чай из рук молодой супруги — любовницы Вашей². Между тем, уделите время Аполлону, разберите строго и справедливо, по своему обыкновению, мою Поэму; повторяю Вам, что я все переправлю, выкину, вымарю, прибавлю, поправлю, переставлю с места на место, что Вы найдете за благо приказать мне переправить, выкинуть, вымарать, прибавить, поправить и переставить с места на место. Не бойтесь испугать меня, я старый инвалид, обстрелянный и состарившийся под батальным огнем критики. Как я счастлив, что вдобавок к такой жене, как моя, к такому брату, как мой³, я имею таких друзей, как Кавелин⁴, Кайсаров⁵, Матвеев⁶ и Булгарин, новый по знакомству, но твердый и светлый, как меч, одержанный в боях, как алмаз в царской короне. Ваш ум — мне светит, а сердце греет; все это прекрасно в этом холодном и темном свете —

totus tuus⁷ Воейков.

27/IX 1820

С.П.Б.

РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. № 791.

¹ Письмо Воейкова, возможно, было откликом на эпистолярную рецензию Булгарина (поскольку Воейков говорит о булгаринском «строгом и справедливом» разборе «по... обыкновению», но до этого времени известны лишь две обзорные статьи Булгарина) или же, напротив, письмо Булгарина с разбором поэмы было написано в ответ на просьбу Воейкова.

² Булгарин официально женился на 17-летней Хелене (Елене Ивановне) Иде (1808–1889) в 1825 г.; см. о ней: [20, с. 292–293]. А.Е. Измайлов в письме от 16 ноября 1825 г. сообщал о двух литературских свадьбах — Дельвига и Булгарина, у последнего на свадьбе были О.М. Сомов, К.Ф. Рылеев, А.А. Бестужев и Н.И. Греч [13, с. 178].

³ Иван Федорович Воейков (1781–1847) — младший брат А.Ф. Воейкова, участник Отечественной войны 1812 г., помещик в Сызранском уезде Симбирской губернии.

⁴ Дмитрий Александрович Кавелин (1778–1851) — соученик Воейкова по Московскому благородному пансиону, член общества «Арзамас»; действительный статский советник (1816), директор Главного педагогического института (1817–1819), после его преобразования в университет — директор Петербургского университета и благородного пансиона при нем (1820–1821), обер-прокурор 8-го департамента Сената в Москве (1829–1833).

⁵ Сложно сказать, кого из двух братьев Кайсаровых имеет в виду Воейков, поскольку он был дружен с обоими. Петр Сергеевич Кайсаров (1777–1854) — соученик Воейкова по Московскому университетскому пансиону, поэт, переводчик, известный масон и крупный чиновник: в 1811–1828 гг. исполнял обязанности обер-прокурора 5-го департамента Сената, сенатор (с 1839 г.), камергер, действительный статский советник. Булгарин характеризовал его как «интриганта по вкусу и по правилам», которого «должно остерегаться как огня» [6, с. 119–120]. Михаил Сергеевич Кайсаров (1780–1825) — поэт, переводчик, в юности вместе с Воейковым состоял в Дружеском литературном обществе; впоследствии статский советник, начальник

сначала 2-го (с 1820), а затем (с 1823) 1-го отдела канцелярии Министерства финансов, Булгарин посвятил ему некролог (Северная пчела. 1825. № 36. 24 марта).

⁶ Сведениями об этом лице не располагаем.

⁷ весь твой (*лат.*).

3. А.Ф. Воейков — Ф.В. Булгарину

Тяжело думать о вас и горько писать к Вам, жалкий друг Фаддей Венедиктович, не могу утешать Вас; но хочу сделать все возможное, чтобы поправить Ваше дело¹. Бодрствуйте, еще не все потеряно, при первом слушании нашего дела было 21 голосов против нас и 5 за нас; после консультаций из 21 голосов за нашими соперниками 2, а за нами 24 голоса; как скоро истина объяснилась, и благородный юрисконсульт Сазанович² вывел правду нашу, яко солнце в полудни. Я давно говорил Вам, что Вы напрасно слишком надеетесь на князи и связи человеческие. Спросите у <нрзб.>, за месяц перед сим я предсказал им, что ежели вы не примете известных мер против обер-секретаря³, Вам видимо недоброжелательствующего, то дело ваше проиграется. К несчастью, так и вышло; это более урок Вам, нежели беда; а если и беда, то ее легко еще поправить можно и даже лучше сделать, нежели прежде.

Я всю ночь глаз не смыкал от Вашего горя: повидаемся, посоветуемся, не пренебрегайте совета опытного друга Вашего, Вы довольно благоразумны, чтобы сознаться, что метода Ваша не хороша. Если Вы будете ей следовать: то и наконец <нрзб.> проиграете, верно проиграете.

Я прошу Вас об одном: сберегите это письмо до конца Вашего дела, дабы оно было живым свидетелем несчастного предвидения и дружбы к Вам, и помните всегда разделяющего с Вами и горе и радости

друга Воейкова.

29 января 1821

РО ИРЛИ. Ф. 623. № 29. Л. 1–1 об.

¹ Речь идет о тяжёлом процессе по поводу наследства, который Булгарин вел в Петербурге по поручению своего родственника — двоюродного брата отца; дело слушалось в Сенате и Государственном совете, окончательное судебное решение в пользу дяди Булгарина последовало в 1826 г.

² Василий Иванович Созонович (ок. 1770–1835) — юрисконсульт Министерства юстиции (в 1808 — кол. советник, в 1816 — статский советник); переводчик, литератор.

³ Обер-секретарями III департамента, I отделения Сената, где рассматривалось дело Булгарина, были: В.А. Рябинин, В.И. Солодовников и муж сестры Булгарина,

А.М. Искрицкий (Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на ... 1821. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1821. Ч. 1. С. 183), которого сменил, скорее всего, в 1821 г. Н.М. Попов (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на ... 1822. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1822. Ч. 1. С. 229.) — его, возможно, и имеет в виду Воейков. Именно обер-секретаря Николая Михайловича Попова (1779–1869) упоминает в своих записках в III отделение Булгарин, рассказывая о тех аферах, с которыми ему пришлось столкнуться во время своего процесса, см.: [6, с. 379–380].

4. А.Ф. Воейков — Ф.В. Булгарину

У нас в училище¹ проводятся каждый день экзамены от 8–7 часов: вот причина, по которой я не могу никогда на сей и будущей неделе поутру видаться с моим несравненным другом, хотя бы сильно хотелось отвести душу, беседуя с ним о добром нашем Ангеле-хранителе², и рассказать ему о последних двух днях, проведенных вместе в Стрельне и Петергофе: это были дни райские; они неизвестны перебежчикам (женским?), ищущим регистраторства, Владимирского креста 4^й степени³ и грязи, называемой деньгами.

О, друг мой! Как я был счастлив 23 июня.

Воейков.

2 (?) июля 1821

РО ИРЛИ. Ф. 623. № 26. Л. 1–2.

¹ Воейков при посредничестве Н.И. Греча получил в 1820 г. место инспектора классов в только что основанном по инициативе вел. князя Михаила Павловича Артиллерийском училище [8, с. 640–641].

² Имеется в виду Александра Андреевна Воейкова (1795–1829), в образе Ангела-хранителя она представлена в «Послании к друзьям и жене» Воейкова (1816); Булгарин вспоминал о ней как об «ангеле в женском образе» (см. примеч. 2 к вступ. ст.).

³ Ср. с рассказом Н.И. Греча об интриге Воейкова с целью получить Владимира 3-й степени [8, с. 641–642].

5. А.Ф. Воейков — Ф.В. Булгарину

Вот Вам, достопочтенный Сармато-Росс! тот г. Коссов¹, Ваш согражданин, о котором я говорил Вам. Он сам будет иметь честь изложить Вам свое дело — и если Вы, судия просвещенный и справедливый, найдете дело его правым: то покорнейше прошу снабдить его удостоверяющим письмом к Александру Ивановичу Тургеневу², который уважит Вашу просьбу и мнение.

Кроме обогащения российской словесности, на Вас лежит святая и великая обязанность защищать и покровительствовать здесь Ваших соотечественников. Вам даны на то способы, кои состоят в уважении

и беспредельной к Вам доверенности всех благомыслящих россиян³, между коими за честь и славу ставит находиться, Вам преданный душой А. Воейков.

24 февраля 1822

NB. Его дело будет скоро слушаться, итак, не долее 3 дней можно Вам дать на рассуждение.

РО ИРЛИ. Ф. 623. № 29. Л. 3.

¹ *Коссов* — сложно точно сказать, о ком из болгаринских земляков этой распространенной в Белоруссии фамилии идет речь. В «Воспоминаниях о Василье Андреевиче Карагыгине» (1853) Булгарин упоминал, что летом 1826 г. снимал дачу (где у него жил А.С. Грибоедов) «на Петербургской стороне, на берегу Невы, в доме г. Коссова» [4, с. 115]. Однако вряд ли в письме имеется в виду домовладелец, тем более что память изменила Булгарину: летом 1826 г. (как и до этого, в 1825 г.) он снимал дачу на Выборгской стороне у домовладелицы Калугиной, которая владела двумя домами на Сампсоньевском пр. № 295 и 296, оба по правой стороне за церковь, ныне это участок д. № 49/10 на углу Большого Сампсоньевского пр. и ул. Смолячкова (см. коммент. О.Ф. Акимущкина, Н.Л. Дмитриевой, А.К. Михайловой, Н.Е. Мясоедовой, Н.А. Тарховой, С.А. Фомичева, Е.В. Цымбал [9, с. 458]).

² Александр Иванович Тургенев (1784–1845) — литератор, историк, член общества «Арзамас»; с 1810 г. директор департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, а также при сохранении должности (с 1812 г.) помощник статс-секретаря в Государственном совете, старший член Совета комиссии составления законов, действительный статский советник, камергер (1819). Находился в дружеских отношениях с Воейковым со времен учебы в Московском благородном университетском пансионе и участия в Дружеском литературном обществе. Был близко знаком с Булгариным, помогал ему в его тяжбе. После разрыва отношений в 1825 г. Булгарин высмеял его под именем Бабослужкина в раннем варианте своего романа «Иван Выжигин» (Северный архив. 1825. № 9. С. 67–88), в основной текст романа этот фрагмент не вошел. Тургенев в письме к П.А. Вяземскому сетовал: «Я узнал себя в Бабослужкине, и этим почетным ругательством обязан тебе, вот почему: получив от тебя поручение вытолкать в шею Булгарина, я не мог этого исполнить, ибо он у меня не был; но встретив его на Полицейском мосту и обесчещенный в присутствии брата его дружескими ласками, я вспомнил на ту минуту похвалы его Шишкову и ругательства Карамзину и сказал ему, что он подлец <...>. Прочитав статью его и вспомнив его поступок, я сказал: “Конечно, я Бабослужкин; я и тебе, подлец, служил”. Не в укор будь мне сказано, было время, что Булгарин надоедал мне своим ласкательством письменно и словесно и душил меня письмами, записками и комплиментами. <...> Я служил ему по сенатскому делу и прочим, следовательно, заслужил имя его <...>» [17, с. 127].

³ К этому времени Булгарин стал достаточно известным литератором, членом высочайше утвержденных обществ и в 1822 г. начал издавать журнал истории, статистики и путешествий «Северный архив».

6. А.Ф. Воейков — Ф.В. Булгарину

Не воспользуетесь ли Вы, почтеннейший издатель «Северного архива», предложением г. Селакадзева?¹ Вам нужны древности, а мне новости. Вам глубокомысленное, а мне поверхностное; Вам творения, а мне игрушки. Ваши журналы — учение, а мои листоч-

ки — забава; Ваши идут в библиотеки на почетное место, а мои в (.....) ..!?!!

29/III 1822

Преданный Вам Воейков.

Записок и анекдотов

жаждущему и чахлому ежедневнику.

ОР РНБ. Ф. 865. Ед. хр. 137. Л. 5 (копия И.А. Шляпкина).

¹ Имеется в виду Александр Иванович Сулакадзев (1771–1829), археограф-любител, коллекционер рукописей и исторических документов, известный своими фальсификациями. Возможно, в записке идет речь о некой переданной Сулакадзевым через Воейкова рукописи для журнала Булгарина. Однако нельзя исключать и версию И.А. Шляпкина: в февральском номере «Северного архива», по совету графа Н.П. Румянцева, передавшего Булгарину материалы (см. письмо Румянцева Булгарину от 23 января 1822 г. // Русская старина. 1901. № 2. С. 384), была помещена статья «Древняя славянская надпись», в которой сообщалось со ссылкой на немецкое издание 1795 г. о некой «любопытной надписи на камне, иссеченной по случаю заключения мира между маркоманнами и славянами около 173 года»; статья завершилась словами: «Желательно получить подробнейшее сведение, как о месте и времени открытия сего камня, так и о характере иссеченных на оном букв» (Северный архив. 1822. № 4. С. 322–324). Шляпкин полагал, что письмо Воейкова является откликом на эту статью и содержит (скорее всего, иронический) совет обратиться за сведениями к Сулакадзеву, уже известному фальсификациями (см.: ОР РНБ. Ф. 865. Ед. хр. 137. Л. 5.1).

7. Ф.В. Булгарин — А.Ф. Воейкову

Почтеннейший Александр Федорович.

Г-н Тилле¹, отставной *русский* офицер, явился ко мне, чтоб я помог ему посредством склада². Будучи на чужой стороне и не имея знакомых как бедный литератор, я не в состоянии исполнить его желания. — Если вы можете <нрзб.> для него склады, я готов. В <нрзб.> вы как *русский* должны что-нибудь придумать для русского³.

Вам навеки преданный Ф. Булгарин.

25 ноября

1822

Еду в Царское Село за известным вам делом, в восхищении душевном поздравляю вас с торжеством детей ваших⁴ — я был вне себя, радость кипела в сердце моем при слышанной похвале — не ропщите на провидение. Вы царствуете на веки.

Булгарин.

Извините меня, тороплюсь.

Завтра увидимся.

РГАЛИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 3.

¹ Затруднительно точно установить, о ком идет речь. Возможно, это приехавший в Петербург в 1822 г. Вильгельм Карлович Тило (Тилло) (1796–1879), которого Воейков знал еще по Дерпту, впоследствии он сотрудничал в изданиях Воейкова «Новости литературы» (1825), «Славянин» (1827) и регулярно в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», к примеру: 1832. № 9–11, 26–28, 36–38, 46–47, 49–50, 51, 60–64, 78–79, 91–97; 1833. № 29–34, 45, 46, 55, 60, 66; 1834. № 33/34; 1835. № 40–41, 51–52.

² Здесь в значении участия в складчине: «Складка, сбор или общий внос чего. У нас склад идет на выкуп должника» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1991. Т. 4: Р–V. С. 197).

³ Эта фраза Булгарина, по всей видимости, обыгрывает аналогичную просьбу помочь соотечественнику, земляку в письме Воейкова от 24 февраля 1822 г.

⁴ Возможно, речь идет о старших детях Воейковых — дочерях Екатерине (1815–1844) и Александре (1817–1893), но более вероятно, что Булгарин имеет в виду «литературных детей» Воейкова, точно так же он отзывается о творениях бездетного Ф.Н. Глинки, см. его письмо к Глинке без даты (РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 196).

8. А.Ф. Воейков — Ф.В. Булгарину

Милостивый государь, Фаддей Венедиктович!

Вы знаете пословицу: «Dis moi qui tu hante, je dirai qui tu es»?¹ Я живу вместе с Жуковским²; каждый день с Засядкою³, А.И. Тургеневым и Перовским⁴; весьма часто с Гнедичем⁵, Дашковым⁶, Блудовым⁷, Михайловым⁸ (переводчиком Бентама и директором министерства внутренних дел), Адлербергом⁹, И.И. Козловым¹⁰, Н.И. и С.И. Тургеневыми¹¹. Теперь, видите ли, милостивый государь, что каждый из друзей моих мизинцем одним перевешивает всех клеветников, кои из зависти и из природной склонности ссорят людей, которым не за что ссориться и у которых кроме обоюдного уважения и готовности к услугам ничего быть не может. Предоставляю судить вам самим о том тоне, какой вы, как человек с прекрасным сердцем, должны взять в переписке и разговорах с человеком, весьма много вам обязанным, сердечно вас уважающим, дружески преданным, но который, наконец, потеряет терпение и не будет сносить жестоких оскорблений, каких он никогда и ни от кого не сносил.

Имею честь быть вашим милостивый государь, покорнейшим слугою, А. Воейков.

27/XI 1822 г. 4 часа утра.

РО ИРЛИ. Ед. хр. 13.960. Л. 1–1 об. Впервые, с неверным указанием года (1824): Русская старина. 1901. № 2. С. 385.

¹ Аналог русской пословицы: «С кем живешь, тем и слынешь» (*франц.*).

² С 1822 г. В.А. Жуковский поселился вместе с Воейковыми в доме купцов Меншиковых на Невском проспекте (после 1813 г. хозяином был купец 2-й гильдии Н.Н. Меншиков), современный адрес — Невский пр., д. 64.

³ Александр Дмитриевич Засядко (1779–1837) — офицер-артиллерист, генерал-лейтенант (1829), начальник Михайловского артиллерийского училища (1820–1826), в котором служил Воейков.

⁴ Василий Алексеевич Перовский, граф с 1855 г. (1795–1857) — полковник, адъютант вел. князя Николая Павловича, директор канцелярии Морского штаба (с 1819 г.); позднее — генерал-адъютант (1829), генерал-лейтенант (1833), оренбургский военный губернатор (1833–1842), генерал от кавалерии (1843), оренбургский и самарский генерал-губернатор (1851–1857).

⁵ Николай Иванович Гнедич (1784–1833) — поэт, переводчик «Илиады» Гомера, член Российской Академии.

⁶ Дмитрий Васильевич Дашков (1788–1839) — литератор, один из основателей литературного общества «Арзамас», чиновник Коллегии иностранных дел (1816–1826); позднее товарищ министра внутренних дел (с 1826), товарищ министра юстиции (с 1829), министр юстиции (1832–1839).

⁷ Дмитрий Николаевич Блудов, граф с 1842 г. (1785–1864) — литератор, один из основателей литературного общества «Арзамас», чиновник Коллегии иностранных дел; позднее — статс-секретарь, товарищ министра народного просвещения (с 1826), управляющий делами иностранных вероисповеданий (с 1828), министр внутренних дел (с 1832), министр юстиции (с 1837), главноуправляющий II отделением Собственной его императорского величества канцелярии, член Государственного совета, председатель департамента законов (1839–1861).

⁸ Михаил Козмич Михайлов (1775–1856) — поэт-любитель, переводчик (опубликовал ряд переводов трудов англ. философа и юриста И. Бентама), экономист, один из основателей Вольного общества любителей словесности, наук и художеств; действительный статский советник (1823), директор канцелярии Гос. контролера и директор канцелярии министра внутренних дел (1811–1830).

⁹ Владимир Федорович Адлерберг, граф (1791–1884) — полковник (1820), адъютант при великом князе Николае Павловиче (с 1817), впоследствии — директор канцелярии начальника Главного штаба, генерал-адъютант (с 1828), генерал от инфантерии (1843), министр двора и уделов (с 1852).

¹⁰ Иван Иванович Козлов (1779–1840) — поэт, переводчик; в своем тяжелом недуге был поддержан А.А. Воейковой, см. его послание «К Светлане» (1821).

¹¹ Николай Иванович Тургенев (1789–1871) — брат А.И. и С.И. Тургеневых, публицист, экономист, участник литературного общества «Арзамас», помощник статс-секретаря Государственного совета (1816–1824), один из руководителей декабристского Союза благоденствия и создателей Северного общества. Поддерживал отношения с Булгариным [см.: 1, с. 26, 331, 355, 398–399], в «Северном архиве» был напечатан (без указания имени) его перевод с комментариями рецензии А. Геерена на «Историю» Н.М. Карамзина (1822. № 24. С. 486–504). Находясь с апреля 1824 г. в заграничном отпуске, отказался в 1826 г. вернуться в Россию по требованию властей, и за участие в декабристском движении был заочно приговорен к каторжным работам пожизненно. Сергей Иванович Тургенев (1792–1827) — младший брат А.И. и Н.И. Тургеневых, был близок к литературному обществу «Арзамас», дипломат, второй советник при русской миссии в Константинополе (1820–1821), статский советник (1823).

9. *А.Ф. Воейков – Ф.В. Булгарину*

Милостивый государь, Фаддей Венедиктович!

Я ничего на Ваш счет оскорбительного никогда не говорил и чувствую себя в совести совершенно правым. За чужие рассказы (всегда искаженные и размноженные) не отвечаю, а удивляюсь только, за что Вы меня беспрестанно оскорбляете и письменно и словесно. Очень бы желал, чтобы Вы доставили доказательства вины моей, или покушения на Вашу честь или выгоды: трудненько Вам будет найти их!

Впрочем, если Вам непременно угодно получить так называемое удовлетворение, то можете явиться всегда, когда Вам заблагорассудится, к полковнику Василью Алексеевичу Перовскому, живущему в Михайловском замке¹. Я сейчас иду переговорить с ним, все устроить и уладить. Только предупреждаю Вас, что условия будут мои: Вы своих предлагать не имеете права; я не люблю шуток; также не люблю оскорблять других, как и сносить обиды.

Подумайте, однако же, хорошенько: за что мы будем ссориться; тешить злословных людей, которые утешаются тем, что нас, как петухов, стравливают.

Завтра, через неделю, через месяц или когда Вам угодно: я готов!

Отдавая должную справедливость Вашему сердцу, жалею о вашей вспыльчивости и, с почтением всегда неизменным, имею честь быть

все тот же покорнейший слуга

А. Воейков.

15/IV 1823

РО ИРЛИ. Ед. хр. 13.960. Л. 3–3 об. Впервые: Русская старина. 1901. № 2. С. 384–385.

¹ После смерти Павла I императорская семья покинула новопостроенную царскую резиденцию, художественные ценности были вывезены, парадные покои были отданы различным ведомственным учреждениям и под частные квартиры; в 1823 г. Михайловский замок, переданный Главному Инженерному училищу, стал называться Инженерным замком.

10. *Ф.В. Булгарин — А.Ф. Воейкову*

Милостивый государь Александр Федорович.

Я не понимаю ни причины, ни охоты вашей задевать беспрерывно меня в своем журнале! Я дал слово молчать — а вы беспрестанно меня щиплете, оставляя в покое всех, кто пишет противу вас. Если это по старой вражде — то теперь есть случай отменить. Вот вам но-

вые три тома моих Сочинений¹ — ругайте их и рубите по частям, ибо объявления такого, как было в «Инвалиде» при появлении двух первых томов², от вас не надеюсь — не зная ни причин милости, ни причин вашего неудовольствия. «Образцовые сочинения»³ ругают в «Телеграфе»⁴ — а вы его хвалите⁵, «С<еверная> П<чела>» молчит, а вы дерете за волосы Булгарина! Готова раца! На бедного Макара и шишки валяются.

Вашего <нрзб.> честь имею пребывать
милостивого государя

Фаддей Булгарин.

12 марта 1828

РГАЛИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1–2.

¹ Речь идет о вышедших в 1828 г. томах (тт. 3, 4 и 5, ч. 5–10) собрания сочинений Булгарина (*Булгарин Ф.В.* Сочинения: в 10 ч. СПб.: Тип. Н. Греча, 1827–1828), «Северная пчела» сообщила об их выходе на следующий день (№ 31. 13 марта).

² Объявление извещало о выходе первых двух томов, «в каждом из коих две части, с пятью превосходно выгравированными в Вене картинками и с следующим эпиграфом, взятым из приписки к Лаврентьевскому списку Нестора <...>», в нем также было помещено содержание двух томов (Русский инвалид. 1827. № 104. 27 апреля).

³ Имеется в виду издание: Собрание новых русских сочинений и переводов в прозе, вышедших в свет... [с 1821 по 1825 год]: [в 2 ч.] СПб.: В тип. Императорской Российской Академии, 1825–1826, служившее продолжением начатого Воейковым вместе с Жуковским и А.И. Тургеневым еще в 1815–1816 гг. «Собрания образцовых русских сочинений и переводов...».

⁴ Булгарин имеет в виду анонимную критическую рецензию в отделе «Библиография» (*ω* — [Рец. на: Собрание новых русских сочинений и переводов в прозе, вышедших с 1823 по 1825 год. Ч. II. СПб., 1826...]) // Московский телеграф. 1827. № 23. С. 227–229).

⁵ Хвалебную рецензию на «Московский телеграф» см.: Русский инвалид. 1827. № 38, 39. 11 и 14 февраля, однако уже в № 109 от 2 мая того же года Воейков критически отозвался о журнале Н.А. Полевого.

П. А. Ф. Воейков — Ф. В. Булгарину

У меня нет бумаги для печатания «Славянина»; вот для чего я просил Вас зачесть *сто* рублей, полученных мною от графа Куруты¹. Но как вы написали самое убедительное письмо о недостатке у самих вас денег: то и препровождаю *оные*, благоволите дать расписку. О долге вашем думаю и забочусь беспрестанно. Я занимаюсь в опекунском совете на сей предмет, что же делать?

Покорнейший слуга

Воейков.

19 июня 1828

РО ИРЛИ. Ф. 623. № 29. Л. 5.

¹ Дмитрий Дмитриевич Курута, граф с 1826 г. (1770–1833) — генерал от инфантерии, близкий друг великого князя Константина Павловича, с 1815 г. начальник Главного штаба великого князя Константина Павловича, директор 2-го кадетского корпуса и шеф Дворянского полка.

Литература

1. Архив братьев Тургеневых. Пг.: Академическая двенадцатая гос. тип., 1921. Т. 3: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 годы. 528 с.

2. Балакин А. Поэма А.Ф. Воейкова «Искусства и науки» как несостоявшийся проект // Случайность и непредсказуемость в истории культуры: материалы Вторых Лотмановских дней в Таллинском университете / под ред. И.А. Пильщикова. Таллинн: Изд-во ТЛУ, 2013. С. 272–292.

3. Буало Н. Поэтическое искусство / пер. Э.Л. Линецкой. М.: Гослитиздат, 1957. 229 с.

4. Булгарин Ф.В. Воспоминания. Мемуарные очерки: в 2 т. М.: НЛЮ, 2021. Т. 2. 584 с. (Россия в мемуарах)

5. Вацуро В.Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М.: Книга, 1978. 288 с.

6. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: НЛЮ, 1998. 704 с.

7. Воробьева Н.П. О круге чтения Ф.В. Булгарина (по материалам его библиотеки) // Чтение в дореволюционной России: сб. науч. тр. М.: РГБ, 1995. Вып. 2. С. 79–90.

8. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л.: Academia, 1930. 897 с. (Памятники литературного быта)

9. Грибоедов А.С. Полн. собр. соч.: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 3. 686 с.

10. Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. Воспоминания. 1820–1870. М.; Л.: Academia, 1930. Т. 1. 590 с.

11. Де-Пуле М.Ф. Отец и сын: опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник. 1875. № 8. С. 550–621.

12. Колбасин Е. Литературные деятели прошлого времени. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1859. 292 с.

13. Левкович Я.Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А.Е. Измайлова и П.Л. Яковлева // Пушкин: исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 151–194.

14. Лотман Ю.М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе // Делиль Ж. Сады. Л.: Наука, 1987. С. 191–209. (Литературные памятники)

15. Мори К. Мольер. М.: Молодая гвардия, 2011. 320 с.

16. Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / под ред. В.Н. Орлова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 542 с.

17. Остафьевский архив. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3: Переписка П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836. 834 с.

18. Письма М.Ф. Орлова к П.А. Вяземскому (1819–1829) // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 13–46.

19. Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1996. 528 с.

20. *Салунере М.* Булгарин в Эстонии // Ф.В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик: сб. ст. / ред.-сост. А.И. Рейтблат. М.: НЛЮ, 2019. С. 271–293.

21. *Соловьев Н.В.* История одной жизни. А.А. Воейкова — «Светлана»: в 2 ч. Пг.: Тип. Сириус, 1915. Ч. 1. 273 с.

22. *Сосновский Т.А.* Александр Федорович Воейков // Русская старина. 1875. № 3. С. 687–691.

Research Article and Publication of Archival Documents

Correspondence of F.V. Bulgarin and A.F. Voeikov

© 2023. Natalia N. Akimova

St. Petersburg Repin Academy of Fine Arts,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The published correspondence reflects different periods of literary relationship between Bulgarin and Voeikov (from 1820 to 1828) and allows us to see its evolution. 4 F.V. Bulgarin’s letters to A.F. Voeikov and 8 Voeikov’s letters to Bulgarin have been preserved, and nine of these letters are published by us for the first time. The necessary commentary to the documents published for the first time and to the two republished letters by Voeikov clarifies the dating and nature of the epistolary, some biographical circumstances of the participants in the correspondence, reveals the features of literary life, including those reflected in the literature and journalism of the time under consideration. Bulgarin’s first letter (1820), which is a review of a published fragment of Voeikov’s poem “Arts and Sciences”, gives an opportunity to see how Bulgarin searched for his style as a critic.

Keywords: F.V. Bulgarin, A.F. Voeikov, history of Russian Literature of 19th century, Russian journalism of 19th century.

Information about the author: Natalia N. Akimova — DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Humanities and Philosophy, St. Petersburg Repin Academy of Fine Arts, 17 Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: akimova_natalia@inbox.ru

For citation: Akimova, N.N. “Correspondence of F.V. Bulgarin and A.F. Voeikov.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 108–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-108-135>

References

1. *Arkhiv brat'ev Turgenevykh* [*Archive of the Turgenev Brothers*], vol. 3: Dnevnik i pis'ma Nikolaia Ivanovicha Turgeneva za 1816–1824 gody [Diaries and Letters of Nikolai Ivanovich Turgenev for 1816–1824]. Petrograd, Akademicheskaja dvenadsataia gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1921. 528 p. (In Russ.)
2. Balakin, A. “Poema A.F. Voeikova ‘Iskusstva i nauki’ kak nesostoiavshiisia proekt” [“Voeikov ‘Arts and Sciences’ as a Failed Project”]. Pil'shchikov, I.A., editor. *Sluchainost' i nepredskazuemost' v istorii kul'tury: materialy Vtorykh Lotmanovskikh dnei v Tallinnskom universitete* [*Randomness and Unpredictability in the History of Culture: Materials of the Second Lotman Days at Tallinn University*]. Tallinn, Tallinn University Publ., 2013, pp. 272–292. (In Russ.)
3. Bualo, N. *Poeticheskoe iskusstvo* [*L'Art Poétique*], trans. by E.L. Linetskaia. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957. 229 p. (In Russ.)
4. Bulgarin, F.V. *Vospominaniia. Memuarnye ocherki: v 2 t.* [*Memories and Memoirs: in 2 vols.*], vol. 2. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 584 p. (Rossiia v memuarakh) (In Russ.)
5. Vatsuro, V.E. “Severnye tsvety”: *Istoriia al'manakha Del'viga — Pushkina* [“Northern Flowers”: *The History of the Delvig — Pushkin Almanac*]. Moscow, Kniga Publ., 1978. 288 p. (In Russ.)
6. *Vidok Figliarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie* [*Vidok Figlyarin: Letters and Secret Notes of F.V. Bulgarin in the III Branch*], publ., comp., introd. and comm. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 704 p. (In Russ.)
7. Vorob'eva, N.P. “O krughe chteniia F.V. Bulgarina (po materialam ego biblioteki)” [“About F.V. Bulgarin's Circle of Reading (Based on Materials from His Library)”]. *Chtenie v dorevoliutsionnoi Rossii: sbornik nauchnykh trudov* [*Reading in Pre-Revolutionary Russia: Collection of Scientific Articles*], issue 2. Moscow, Russian State Library Publ., 1995, pp. 79–90. (In Russ.)
8. Grech, N.I. *Zapiski o moei zhizni* [*Notes about My Life*]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1930. 897 p. (Pamiatniki literaturnogo byta) (In Russ.)
9. Griboedov, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 3 t.* [*Complete Works: in 3 vols.*], vol. 3. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 686 c. (In Russ.)
10. Del'vig, A.I. *Polveka russkoi zhizni. Vospominaniia. 1820–1870* [*Half a Century of Russian Life. Memories. 1820–1870*], vol. 1. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1930. 590 p. (In Russ.)
11. De-Pule, M.F. “Otets i syn: opyt kul'turno-biograficheskoi khroniki” [“Father and Son: Experience of Cultural and Biographical Chronicle”]. *Russkii vestnik*, no. 8, 1875, pp. 550–621. (In Russ.)
12. Kolbasin, E. *Literaturnye deiateli proshlogo vremeni* [*Literary Figures of the Past*]. St. Petersburg, Tipografiia K. Vul'fa Publ., 1859. 292 p. (In Russ.)
13. Levkovich, Ia.L. “Literaturnaia i obshchestvennaia zhizn' pushkinskoi pory v pis'makh A.E. Izmailova i P.L. Iakovleva” [“Literary and Social Life of the Pushkin Era

in the Letters of A.E. Izmailov and P.L. Yakovlev”]. *Pushkin: issledovaniia i materialy* [*Pushkin: Research and Materials*], vol. 8. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 151–194. (In Russ.)

14. Lotman, Iu.M. “‘Sady’ Delilia v perevode Voeikova i ikh mesto v russkoi literature” [“‘The Gardens’ by Delille Translated by Voeikov and Their Place in Russian Literature”]. *Delil’, Zh. Sady* [*The Gardens*]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 191–209. (Literaturnye pamiatniki) (In Russ.)

15. Mori, K. *Mol’er* [*Molière*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2011. 320 p. (In Russ.)

16. Orlov, V.N., editor. *Nikolai Polevoi. Materialy po istorii russkoi literatury i zhurnalistiki tridsat’kh godov* [*Nikolai Polevoy. Materials on the History of Russian Literature and Journalism of the 30s*]. Leningrad, Izdatel’stvo pisatelei v Leningrade Publ., 1934. 542 p. (In Russ.)

17. *Ostaf’evskii arkhiv* [*Ostafiev Archive*], vol. 3: Perepiska P.A. Viazemskogo s A.I. Turgenevym. 1824–1836 [Correspondence between P.A. Vyazemsky and A.I. Turgenev. 1824–1836]. St. Petersburg, Tipografiia M.M. Stasiulevicha Publ., 1899. 834 p. (In Russ.)

18. “Pis’mo M.F. Orlova k P.A. Viazemskomu (1819–1829)” [“Letters from M.F. Orlov to P.A. Vyazemsky (1819–1829)”]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 60, book 1. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1956, pp. 13–46. (In Russ.)

19. *Pushkin v prizhiznnoi kritike. 1820–1827* [*Pushkin in Lifetime Criticism. 1820–1827*]. St. Petersburg, State Pushkin Theater Center in St. Petersburg Publ., 1996. 528 p. (In Russ.)

20. Salupere, M. “Bulgarin v Estonii” [“Bulgarin in Estonia”]. *Reitblat, A.I., editor. F.V. Bulgarin — pisatel’, zhurnalist, teatral’nyi kritik: sbornik statei* [*F.V. Bulgarin — a Writer, a Journalist, a Theater Critic: Collection of Articles*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019, pp. 271–293. (In Russ.)

21. Solov’ev, N.V. *Istoriia odnoi zhizni. A.A. Voeikova — “Svetlana”*: v 2 ch. [*The Story of One Life. A.A. Voeikova — “Svetlana”*]: in 2 parts, part 1. Petrograd, Sirius Publ., 1915. 273 p. (In Russ.)

22. Sosnovskii, T.A. “Aleksandr Fedorovich Voeikov” [“Alexander Fedorovich Voeikov”]. *Russkaia starina*, no. 3, 1875, pp. 687–691. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.04.2023

Одобрена после рецензирования: 14.05.2023

Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 18.04.2023

Approved after reviewing: 14.05.2023

Date of publication: 25.09.2023

Переписка Ф.В. Булгарина и К.Ф. Калайдовича

© 2023, А.И. Рейтблат
Новое литературное обозрение,
Москва, Россия

Аннотация: Впервые полностью публикуется переписка писателя, журналиста, издателя Фаддея Булгарина с историком, археографом Константином Калайдовичем. В научный оборот вводятся письма за 1822–1824 гг., главным образом посвященные материалам исторического петербургского журнала «Северный архив», издание которого с 1822 г. предпринял Ф.В. Булгарин. Москвич К.Ф. Калайдович был опытным сотрудником Архива Коллегии иностранных дел и главным смотрителем Комиссии печатания государственных грамот и договоров и помог журналу сообщением ценных документов по истории средневековой Руси и Московского царства XV–XVII вв., за пять лет подготовив девять публикаций для «Северного архива». Калайдович выступал также посредником между Булгариным и своими коллегами-историками, сотрудниками кружка мецената, увлеченного отечественной историей, графа Н.П. Румянцева. В публикации затрагиваются вопросы организации исторических исследований, полемики вокруг «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, журнальной политики в России первой четверти XIX в. и оплаты журнальных публикаций.

Ключевые слова: переписка писателей, журнал «Северный архив», Ф.В. Булгарин, К.Ф. Калайдович, русская историография, история журналистики.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат — кандидат педагогических наук, издательство «Новое литературное обозрение», Тверской бульвар, д. 13, 123104 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4957-7401>

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

Для цитирования: *Рейтблат А.И.* Переписка Ф.В. Булгарина и К.Ф. Калайдовича // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 136–154. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-136-154>

Приступив в 1822 г. к изданию журнала «истории, статистики и путешествий» «Северный архив», Ф.В. Булгарин стал устанавливать связи с историками, археографами, палеографами и архивистами. Помимо него, активное участие в журнале приняли многие его

петербургские знакомые: А.О. Корнилович, В.Н. Берх, П.Г. Бутков, В.М. Головнин, Петр А. Муханов, А.И. Левшин, Е.Ф. Тимковский, П.А. Цеплин. Привлек Булгарин к сотрудничеству в журнале и ряд ученых из Виленского университета, с которыми познакомился во время длительного пребывания в Вильне: И. Лелевеля, И. Снядецкого, О. Сенковского, И. Онацевича и др. (см.: [1]).

Но профессиональных историков явно не хватало. В Петербургской Академии наук преобладали немцы, которые нередко плохо владели русским языком, да к тому же могли печататься в отечественных и зарубежных академических изданиях. Булгарин обратил свой взор к Москве, где было немало специалистов, прежде всего среди выпускников Московского университета. Он завязал знакомство с П.М. Строевым, М.П. Погодиным, А.Ф. Малиновским, но первым был авторитетный историк и археограф Константин Федорович Калайдович (1792–1832), собиратель и публикатор средневековых рукописных сочинений (см.: [3]). Он служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, был членом кружка Н.П. Румянцева, а с 1822 г. (за месяц до первого письма ему Булгарина) стал главным смотрителем Комиссии печатания государственных грамот и договоров. Калайдович, одновременно с приглашением от Булгарина, и сам изъявил инициативу сотрудничать в «Северном архиве» и поместил в 1823–1825 гг. 7 статей, публикаций документов и переводов.

Письма Булгарина датируются 1822–1824 гг., однако и позднее Калайдович не прервал контакты с ним, в 1826–1827 гг. поместив в журнале еще две публикации¹. В 1827 г. он тяжело заболел и прекратил научную работу.

1. К.Ф. Калайдович — Ф.В. Булгарину

Милостивый государь Фаддей Венедиктович!

С особенным удовольствием препровождаю к вам «Список русским памятникам» Петра Ивановича Кеппена¹, который возложил на меня сие приятное поручение. Также, согласно его желанию, посылаю записку о славянских древностях в Сирмии, сообщенную мне в письмах². Если статья сия удостоится Вашего внимания, то

¹ Воинские обычаи древних норманнов // Северный архив. 1826. № 19/20. С. 261–274; № 21/22. С. 60–71. Подп.: С фр. К–ч. (пер. с франц. из: *Depping G.-B. Histoire des expéditions maritimes des Normands, et de leur établissement en France au dixième siècle.* Paris: Ponthieu: Sautetet, 1826. Т. 1–2); Повести древних лет, яже содеяшася в Великом Новгороде. О посаднике Добрыне (Из древней рукописи) // Там же. 1827. № 6. С. 196–200. Без подп.

Петр Иванович покорнейше просит отпечатать оной особенно до 30 экземпляров в его распоряжение.

Сей случай, доставляющий мне полное удовольствие начать с вами приятнейшую беседу, дает мне повод прибегнуть к вам, милостивый государь, с обычною моею просьбою. С сею почтою препровождаю к государственному канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцеву³ четыре мои письма к тайному советнику Малиновскому⁴ относительно археологических исследований в Рязанской губернии. Его сиятельству угодно, по особенному к вам благорасположению, поместить сии опыты в вашем любопытнейшем «Северном архиве». Не откажите, милостивый государь, в отпечатании десяти экземпляров оных в особенности для меня, тем более, что сия просьба моя согласна с вашим намерением, изъявленным перед публикою.

Поручая себя вашему ко мне расположению, приму с чувством признательности дозволение иногда беспокоить вас моими письмами.

С совершенным к вам почтением честь имею быть, м<илостивый> г<осударь, вашим покорным слугою>.

Москва. 13 ноября 1822 года.

P.S. Адрес мой: Главному смотрителю Комиссии печатания государственных грамот и договоров при Московском архиве Коллегии иностранных дел.

Сегодня, написав к вам письмо, я имел удовольствие видеть у себя Петра Александровича Муханова⁵. Он приглашал меня от имени вашего принять участие в «Северном архиве».

Печатается по отпуску: ОР РНБ. Ф. 328. № 314. Л. 9.

¹ *Кеппен П.И.* Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии, собранным и объясненным Петром Кеппеном / напечатан иждивением его сиятельства графа Федора Андреевича Толстова. М.: В тип. С. Селивановскаго, 1822. VIII, 119, [1] с. Петр Иванович Кеппен (1793–1864) — историк, археолог, этнограф, библиограф; экстраординарный академик Петербургской АН (1840).

² См.: Описание славянских древностей в Сирмии (Из писем П.И. Кеппена к К.Ф. Калайдовичу) // Северный архив. 1823. № 1. С. 18–33. Сирмия — равнинный регион между реками Дунай и Сава; сейчас находится на территории Сербии и Хорватии.

³ Граф Николай Петрович Румянцев (1754–1826) — министр коммерции (1802–1810), министр иностранных дел (1808–1814), государственный канцлер (1809), председатель Государственного совета и Совета министров (1810–1812); почетный член Академии Российской (1819). Меценат, вокруг которого сложился так называемый Румянцевский кружок, состоявший из историков, археографов и библиографов; см.: [5].

⁴ Алексей Федорович Малиновский (1762–1840) — археограф, главный управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел (1814–1840).

⁵ Петр Александрович Муханов (1799–1854) — историк и литератор, приятельствовавший с Булгаринным и печатавший в «Северном архиве». См. письмо

Муханова Булгарину от 16 января 1825 г. (Русская старина. 1888. № 12. С. 590–592) и ответное письмо Булгарина от 19 января 1825 г. (Русская литература. 1971. № 2. С. 114–116).

2. Ф.В. Булгарин — К.Ф. Калайдовичу

Милостивый государь Константин Федорович!

Письмо ваше получил я с неизъяснимым удовольствием, а статью с благодарностию, сожалея единственно, что она не ваших трудов, потому что я за особенную честь себе поставлю видеть ваше почтенное имя в моем журнале. Предложение ваше начать со мною корреспонденцию принимаю с живейшею радостию и готов исполнять все ваши препоручения. Археологических изысканий в Рязанской губернии ожидаю с нетерпением и помещу, как скоро получу, в журнале. Отпечатков можете получить от меня сколько вам угодно. Г-н Плавильщиков¹ препроводит к вам по моему препоручению «Северный архив» на 1822 год, а на 1823 вы будете получать чрез почту. Примите благосклонно сию слабую дань вашим дарованиям и будьте милостивы, не оставляйте своими пособиями сего нового издания, коего эпиграфу² вы давно следуете с похвалою.

С совершенным к вам почтением честь имею пребыть, милостивый государь, вашим покорным слугою Ф. Булгарин.

26 ноября 1822. СПбетербург

ОР РНБ. Ф. 328. № 337. Л. 11.

¹ Василий Алексеевич Плавильщиков (1768–1823) — типограф и издатель.

² Эпиграф к «Северному архиву» гласил: «Nihil agere quod non prosit. Pae-drus. Fab. XVII», что в переводе с латыни означает: «Грудись лишь с пользой [пер. М.Л. Гаспарова]. Федр. Басня XVII». Цитата взята из басни Федра «Деревя под покровительством богов», причем Булгарин не указал, что это номер басни в третьей книге его басен.

3. К.Ф. Калайдович — Ф.В. Булгарину

М<илостивый> г<осударь> Фаддей Венедиктович!

Благодарю усерднейше за благосклонное письмо, которым меня удостоили, и за приятнейший подарок Вашего наставительного журнала. Первые досуги буду посвящать ревностному содействию в Вашем благом предприятии, которое в полной мере питает знания и любопытство. На сей раз сообщаю только археологическую записку.

Количество оттисков разысканий моих в Рязанской губернии будет зависеть от вашей благосклонности.

В непродолжительном времени, если служба и другие заботы не удержат, получить изволите известие о весьма редкой книге¹, напечатанной под зашитую гетмана Ходкевича² нашим Гуттенбергом Иоанном Федоровым, когда он с своим товарищем бежал от гонений зависти, невежества и суеверия, окруживших его по издании первой в России книги Апостола³.

Вместе с тем приготавливаю домашнюю записку князя Шаховского⁴, любопытный памятник начала XVII века. С искренним к Вам почтением честь имею пребыть, м<илостивый> г<осударь>, вашим покорным слугою.

18 декабря 1822. Москва.

P.S. Николай Федорович Грамматин намерен послать вам экземпляр объяснений песни Игоревой, с прозаическим и стихотворным переводом⁵, книгу важную по многим отношениям, которая скоро появится в публику. При том же обещал доставить и стихотворный перевод одной пиэсы из древней Краледворской рукописи⁶.

Печатается по отпуску: ОР РНБ. Ф. 328. № 314. Л. 11.

¹ См.: *Калайдович К.* Библиографическое известие о Евангелии учительном, напечатанном в Заблудове 1569 года первыми московскими типографщиками // Северный архив. 1823. № 4. С. 318–326.

² Григорий Александрович Ходкевич (ок. 1513 — 1572) — польный гетман литовский (1561–1566), великий гетман литовский (1566–1572).

³ Книга «Апостол» была напечатана в Москве в 1563–1564 гг. Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем.

⁴ Князь Семен Иванович Шаховской (? — 1654 или 1655) — военачальник, политический деятель, поэт, духовный писатель. Калайдович готовил к печати «Краткую записку князя Семена Ивановича Хари-Шаховского о современных происшествиях и собственной службе, с 1601 по 1650 год», но не опубликовал ее. «Домашние записки князя Семена Шаховского» без указания на публикатора были напечатаны в 1830 г. в «Московском вестнике» (Ч. 5. С. 61–73).

⁵ См.: Слово о полку Игоревом: историческая поэма, писанная в начале 13 в. на славенском языке прозою и с оной преложенная стихами древнейшего русского размера, с присовокуплением другого буквального преложения, с историческими и критическими примечаниями, критическим же рассуждением и родословной. М.: В Тип. С. Селивановского, 1823. 196, [4] с. Н.Ф. Грамматин (1786–1827) — поэт, переводчик, филолог, педагог.

⁶ Краледворская рукопись — фальсификат, изготовленный чешскими литераторами В.Г. Ганкой и Й. Линдой и «найденный» в 1817 г., подложность которого была доказана в последней трети XIX в.

4. Ф.В. Булгарин — К.Ф. Калайдовичу

Милостивый государь Константин Федорович!

Благосклонное ваше внимание к моему журналу доставляет мне истинное, душевное удовольствие. Единственная цель моя состоит в приобретении уважения подобных вам людей и польза для наук, могущая произойти от возрождения в публике охоты к историческому чтению, ибо публика охотнее читает отрывки в журналах, нежели большие сочинения, а со временем вкус может созреть и переменится.

Статью Кеппена я поместил в 1 книжке на 1823 год. За сообщение археологической статейки благодарю покорно. Все, что выходит из-под вашего пера, есть перло для моего «Архива». За обещание присылки известия о древней книге, а более записок Шаховского душевно и стократ благодарю, ожидая сего с нетерпением. Ваше искреннее участие в моем журнале заставляет меня поговорить с вами искренне. Я знаю, что литературные занятия такого рода, каковы наши, т. е. исторические, сверх потери времени вовлекают иногда в необходимые денежные издержки за переписку, иногда за покупку материала и проч., и проч. Принимая с благодарностию ваши труды, мне будет совестно, если вы при сем будете претерпевать убытки, а потому и прошу вас покорнейше при сообщении мне статей, если при сем будут издержки или нужны с моей стороны какие пожертвования, без околичностей уведомить меня, а я, с благодарностию, честно и аккуратно буду платить. Я не из числа тех людей, которые хотят одни всем пользоваться, и готов делиться барышом (хоть не великим) с благородными и трудолюбивыми людьми. Посему-то со свойственною мне откровенностию и уведомляю вас о сем, прося скорого ответа и присылки статей — которыми дорожу как золотом, почитая вас душевно и уважая ваши познания.

Зориан Ходаковский погиб навеки со своими городищами. Представленный им отчет о его трудах не удостоился одобрения Ученого комитета и Главного правления училищ¹. Карамзин также вооружился противу него — и решено отказать ему в денежном пособии². Он еще не знает о сем, ибо это дело свежее.

Ожидая вашего ответа, с истинным почтением имею честь пребыть, милостивый государь, вашим покорным слугою Ф. Булгарин.

2 января 1823. СПбетербург

¹ Имеются в виду подразделения Министерства духовных дел и народного просвещения.

² Польский археолог и фольклорист Зориан Доленга-Ходаковский (наст. имя Адам Чарноцкий; 1784–1825) в 1819 г. приехал в Петербург и выдвинул идею обследования древних городищ, см.: *Долуга-Ходаковский З.Я.* Проект ученого путешествия по России, для объяснения древней славянской истории // Сын Отечества. 1820. Ч. 63–64. Он написал министру духовных дел и народного просвещения А.И. Голицыну два письма-прошения — 29 июня и 9 декабря 1819 г. В первом, как отмечалось в протоколе обсуждения их в Главном правлении училищ (20 января 1820 г.), Ходаковский «изъяснял, что он предпринял сделать историческую развязку, в какое время славянские племена везде и во всех отношениях сохраняли единообразие или, по крайней мере, разрешить вопрос, не было ли между ними такого единообразия до принятия нами христианского вероисповедания. Кроме сходства слов, собранных в словарях, которыми обыкновенно доказывается общее происхождение наше от язычествовавших славян и которые, однако ж, впоследствии различным образом в различных местах перепорчены, есть, по мнению Ходаковского, доказательства гораздо важнейшие и любопытнейшие, каковы, например, так называемые *городища*, встречающиеся от реки Камы на запад до Эльбы и от Северной Двины до гор Балканских и Адриатического моря в таком числе, что оных почитать можно столько же, сколько было населенных славянами квадратных миль. Для наблюдения подобных предметов, служащих к объяснению существовавшего между всеми славянскими племенами единообразия, он путешествовал пять лет по всему пространству земель, обитаемых славянами, собирая всюду нужные для своей цели сведения» (РНБ. Ф. 558. Оп. 4. № 4. Л. 1 об.–2). В этом же письме он критиковал карту расселения славян, помещенную в 9-м томе «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Против Карамзина он выступал и в печати, упрекая в некритическом использовании иностранных источников, осовременивании прошлого, стремлении осужетить и олитературить повествование в ущерб исторической точности, см.: *Ходаковский З.* Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819. № 20. С. 275–301. Несмотря на это Карамзин относился к Ходаковскому вполне лояльно. 29 декабря 1819 г. он писал И.И. Дмитриеву: «За поляка, который думал бранить меня в “Вестнике Европы”, я вчера (между нами) ходатайствовал у к<нзя> А.Н. Голицына: бедный мой критик не имеет ни гроша» (Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866. С. 278). Главное правление училищ на заседании 29 января 1820 г. постановило: «Просить г. Карамзина о сообщении мнения его по предмету, коим занимается Ходаковский, признает ли догадки его и заключения довольно основательными для предприятия тех изысканий, кои он предполагает. От Ходаковского же истребовать обстоятельнейшего плана, каким образом думает он произвести в действо ныне свое предприятие, какой путь возьмет для путешествия, чем будет заниматься в продолжении оногo, сколько времени могут разъезды его продолжаться и какого именно пособия испрашивает себе от правительства» (РНБ. Ф. 558. Оп. 4. № 4. Л. 2 об.). Голицын 22 февраля 1820 г. переслал Карамзину на рассмотрение два письма Ходаковского с просьбой о помощи, а не проект. На следующий день Карамзин отвечал: «Не говоря о его *догадках* и *заклoчениях*, опровергающих Нестора и меня смиренного, я думаю, что он окажет немалую услугу любителям нашей истории, если, осмотрев на месте ее памятники, в особенности *городища*, издast их верное описание, вместе с Лексиконом славянских урочищ <...>» (цит. по: [7, с. СХVIII]). После этого Ходаковскому было предложено подготовить план путешествия, который он представил Голицыну 18 марта. На этот план последовал в апреле одобрительный отзыв Главного правления училищ, написанный академиком Н.И. Фусом, и 4 июля 1820 г. проект путешествия был утвержден Александром I. Путешествие должно было продлиться несколько лет. На год было ассигновано 3000 руб., с тем, что после первого года Ходаковский пришлет отчет, на основе которого будет решено, продолжать ли отпускать деньги. В путь Ходаковский отправился в августе 1820 г. Во время пребывания в Москве он общался с Калайдовичем свои идеи, и Калайдович выразил сомнения, которые потом

высказал в печатно (см. п. 5, примеч. 4). Это очень обидело Доленгу-Ходаковского. В марте 1821 г. он (согласно условиям) прислал предварительный отчет о путешествии, но на этот раз Фус дал менее благоприятный отзыв. В письме Голицыну от 23 декабря 1822 г. Карамзин согласился с Фусом, после чего в марте 1823 г. отпуск денег Ходаковскому был прекращен. В эти годы несколько его статей было помещено в «Северном архиве» Булгарина («Письмо к издателю “Северного архива”») (1822. № 12. С. 465–471); «Известие о Гуляй-городе» (1823. № 4. С. 367–371); «Опыты изъяснения слова Князь, Książ» (1824. № 11. С. 219–249) и др.).

5. К.Ф. Калайдович — Ф.В. Булгарину

Милостивый государь Фаддей Венедиктович!

Посылаю вам одну из обещанных статей, присоединяя к оной известие о портрете царя Федора¹. О Шаховском приготавливаю, вместе с тремя драгоценными письмами Алексея Михайловича к Никону².

В последнем ласковом письме вашем от 2 января, за которое благодарю душевно, вы щадите и мое время, и мои издержки. С тою же откровенностию, с какою вы писали, доложу, что для человека семейного и живущего жалованием, конечно, такие отвращения соединяются с некоторою утратою, то вы, которые так хорошо умеете ценить время и труды ученых, вы единственно можете дать и существенную цену (если угодно) тем пожертвованиям, которые приношу я в дань истинного к вам почтения и полного внимания к вашему журналу, по всем отношениям того достойного.

Жалею, что мои письма об археологических исследованиях в Рязанской губернии не войдут в «Северный архив». Канцлер³ переменил свое намерение и решился напечатать оные отдельною книжкою⁴. Там большая статья против городищ, ныне разрушающихся. Но я собираюсь сделать замену, если провидение подкрепит мои силы.

1-й № вашего журнала на нынешний год я прочел с особенным удовольствием, только в чужих руках. Своего экземпляра, вами по благосклонности мне подаренного, я не нашел ни в почтамте, ни у Ширяева⁵.

Объяснительная надпись Звенигор<одского> колокола весьма любопытна⁶, но, пожалуйста, скажите нам, почему, и не в одном месте, разнообразные буквы имеют силу одинаких звуков. В Синод<альной> библиот<еке> есть азбука, сходная с звенигородскою; но, кажется, канцлер, получивший оную без меня, уже доставил Александру Ивановичу. — Подпись Самозванца и Марины, та же самая, помещена в наших грамотах⁷.

При сем повторяю мою просьбу, буде возможно, не отказать в отдельных экземплярах пяти, шести пиес, мною Вам доставляемых, которые удостоятся помещения в «Северном архиве». Я разумею, без перемены счета листов и сигнатуры.

С особенным к вам почтением честь имею быть вашим⁸

Москва 15 января 1823 года

P.S. Опечатки в «Северн<ом> архиве» № 8. Стр. 103. <<>Заглавный лист Еванг<елия>, напечатанного в Вильне 1515 года, утрачен<>>. — Его никогда и не было; сие обстоятельство касательно издания объяснено в послесловии. Стр. 105, строка 10. От читай о (ω)⁹. № 22, стр. 260 и 263, строки 5 и 22. Нолна (т. е. дар) в обеих случаях должно напеч<атать> малою буквою¹⁰. № 1 1823. Стр. 6 в примеч. 20 строка 5 (род. 1203, сконч. 1583)¹¹. А в статье Кеппена и много таких погрешностей. Извините, что такими мелочами вас занимаю.

Москва. 15 января, 1823 г.

Печатается по отпуску: ОР РНБ. Ф. 328. № 248. Л. 1.

¹ См.: *Калайдович К.* О древних русских медалях // Северный архив. 1823. № 3. С. 240–242; *Он же.* О портрете царя Феодора // Там же. С. 243–245.

² Письма эти Калайдович не опубликовал. Они были напечатаны позднее: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1836. Т. 4. С. 75–87.

³ Имеется в виду Н.П. Румянцев.

⁴ См.: Письма К. Калайдовича к А.Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М.: В Ун-тской тип., 1823. 75, [1] с.

⁵ Александр Сергеевич Ширяев (? — 1841) — московский книгопродавец и издатель (со второй половины 1820-х гг.).

⁶ Речь идет приложенном к номеру листе с названием «Криптографическая надпись, изображенная на колоколе, находящемся в Звенигородском Савине Сторожевском Звенигородском монастыре» и неподписанной заметке Булгарина о надписи (с. 106–107) с сообщением, что надпись предоставлена для публикации палеографом и нумизматом Александром Ивановичем Ермолаевым (1780–1828).

⁷ Отклик на приложенный к номеру литографированный лист «Почерки знаменитых и известных особ» (список источников приведен в самом номере журнала на с. 104–105).

⁸ Окончание предложения в копии отсутствует.

⁹ Отмечены ошибки в статье В. Берха «Известие о Евангелии, напечатанном в 1575 году в Вильне» (С. 101–107).

¹⁰ Калайдович исправляет текст «Выписки из Псковской летописи (1473 года)» (С. 259–264).

¹¹ Отмечена ошибка в предисловии (подписанном Пр. Ц.) к публикации договора 1430 г. великого князя тверского Бориса Александровича с великим князем литовским Витовтом (С. 1–14).

6. Ф.В. Булгарин — К.Ф. Калайдовичу

Почтеннейший Константин Федорович

Грамотку вашу с посылкою любопытных статей получил и приношу вам чувствительную полную мою благодарность. Из них две — о медалях и о портрете Феодора — уже тиснуты. Цензор переменял несколько в статье о медалях, где вы говорите, что прежде верили, будто амулеты или талисманы имели такую силу, как ныне кресты и образа. Но смысл не испорчен, и статья по-прежнему осталась дельная. Я удивляюсь, что вы не получили «Архив». Я справлялся в почтамте, там записано, но вместо Константину Федоровичу сказано по их ошибке Константину Яковлевичу. Я просил, чтоб послано было сообщение в Москву. В рассуждении наших условий, поскольку вы во всем полагаетесь на меня, то подождите, пока кончится подписка, дабы я по мере доходов мог располагать расходами, как следует благоразумному человеку. Впрочем, вы не должны сомневаться, ибо подписка идет лучше прошлогодней. С нетерпением ожидаю о Шаховском и кончу письмо, ибо иду в Сенат, где слушают мое дело¹, которого я дождался *три* года.

Ваш верный до гроба Ф. Булгарин.

СПетербург. 28 генваря 1823

ОР РНБ. Ф. 328. № 337. Л. 4–4 об.

¹ Булгарин после длительного отсутствия вернулся в Петербург в 1816 г. в качестве поверенного своего родственника Павла Булгарина по сложному судебному процессу о судьбе оставленного в наследство имения и долгие годы посвящал ему много времени и усилий, совмещая эти занятия с литературным трудом. Начался процесс еще в 1815 г. в Виленской губернии, в 1816 г. дело слушалось в Сенате и было возвращено в губернию на повторное рассмотрение, в 1818 г. Сенат вернулся к этому делу и передал в Виленской губернии из одного суда в другой, в 1823 г. вновь слушал это дело, потом оно перешло в Государственный совет, который в 1826 г. вынес решение в пользу родственников Булгарина. Однако исполнение решения Государственного совета по разным причинам затягивалось. Дело вновь слушалось в Сенате в 1830 г., а последний указ Сената по этому делу датирован январем 1831 г. (см. судебное дело (более 2000 листов), разысканное нами в фондах РГИА. Ф. 1347. Оп. 65. Ед. хр. 1070).

7. Ф.В. Булгарин — К.Ф. Калайдовичу

Почтеннейший Константин Федорович!

Статейки ваши я все перепечатал и ожидаю с нетерпением о Шаховском.

Журнал мой, кажется, примет другое образование с воли Министерства просвещения¹, тогда и дела, и сношения наши примут

другой оборот. Скажите, пожалуйста, откуда г. Доленга-Ходаковский узнал о наших сношениях? Я клянусь вам богом, честью, совестью и всем, что есть священного в мире, что никогда и никому не говорил, да и не имею в том нужды, чтобы изъясняться с кем-нибудь, а тем более с Ходаковским, а он пишет ко мне из Москвы! Господи Иисусе! Что это значит?

Пишет также ко мне Ходаковский, что вы печатаете свое путешествие в Рязань; весьма нетерпеливо ожидаю оногo. От Граматина я получил книгу и статью литературную², которую напечатаю не прежде нового преобразования «Архива» — утешьте меня своею грамоткою, почтенный Константин Федорович, что у Вас в Москве нового на поприще литературы?

Я теперь занят процессом, и трудно мне заняться «Архивом», а потому идет кое-как. Теперь всякое пособие почитаю благодеением. Лелевеля критика³ лежит у меня, некогда заняться.

Прощайте, почтеннейший! Нам надобно поставить себя в такое положение, чтоб никакие сплетни не могли нас расстроить. Почта отходит.

Вам преданный навсегда Ф. Булгарин.

17 февраля 1823. СПберб<ург>

ОР РНБ. Ф. 328. № 337. Л. 5.

¹ В Министерстве духовных дел и народного просвещения с начала 1823 г. обсуждался проект слияния «Журнала Департамента народного просвещения» и «Северного архива», согласно которому издаваемый Булгариным журнал должен был стать официальным и издаваться при министерстве, в задачу которого входили бы финансирование издания и его распространение. Он был одобрен в январе 1823 г. Главным правлением училищ, а потом и министром А.Н. Голицыным. 9 февраля 1823 г. Булгарин подал в министерство «Проект преобразования “Северного архива”», в котором детально описывались структура будущего журнала, права издателя, характер его цензурирования и финансирования. Он был уверен, что замысел вскоре будет реализован, и 13 февраля писал польскому историку Иоахиму Лелевелю: «...мой “Архив” будет официальным журналом Министерства просвещения» (Письма Фадея Булгарина к Иоахиму Лелевелю. Варшава, 1877. С. 9. Оттиск из: Варшавские губернские ведомости. 1877. № 16–17 / пер. с польского). Однако обсуждение финансовой стороны издания надолго затянулось, а 15 мая 1824 г. поддерживавший проект Голицын был отправлен в отставку, и через несколько месяцев дело о преобразовании журнала было закрыто. Подробнее см.: [4, с. 43–56].

² Имеются в виду упомянутые в письме Калайдовича от 18 декабря 1822 г. книга «Слово о полку Игоревом» (М., 1823) и перевод стихотворения из Краледворской рукописи.

³ Иоахим Лелевель (1786–1861) — польский историк. В конце 1822 г. Булгарин получил от него рецензию на «Историю государства Российского» Карамзина и печатал ее на протяжении нескольких лет: *Лелевель И.* Рассмотрение «Истории государства Российского» г. Карамзина // Северный архив. 1822. № 23; 1823. № 19, 20, 22; 1824. № 1–3, 15, 16, 19.

8. К.Ф. Калайдович — Ф.В. Булгарину

Почтеннейший Фаддей Венедиктович!

Я виноват перед вами; но у меня и сильное оправдание. Домашние заботы отца не давали времени думать о делах ученых. Бог послал мне в утешение к двухлетнему сыну еще дочь Людмилу¹. Вчера она присоединена к Церкви, и теперь только могу отвечать на два приятнейшие ваши письма.

Из Шаховского выйдет две отдельные пиесы: первая будет содержать его записку о современных происшествиях и собственной службе; вторая о его сочинениях. Приготовляю ту и другую; но, поверите ли, что иногда одно слово заставляет рыться там и сям, справляться с библиотеками прежде, нежели откроется точный его смысл.

Мои письма об археологич<еских> исследованиях в Ряз<анской> губ<ернии> вы скоро получите и увидите, прав ли я пред г. Ходаковским. Я лично читал ему некоторые места, как человеку, который, по его собственным словам, сам еще учится, не зная, что выйдет из городищ, и которого никогда не могут оскорбить разноречия в мнениях. Не скрыл и того, что, может быть, отчет поместится в вашем «Архиве», — и с той поры друг к другу ни ногой!² Так-то, почтеннейший Фаддей Венедиктович! Все ладно и дружно дотоле, пока слушаешь и молчишь. К чему ж все наши разыскания, когда при нынешнем свете исторической критики мы не можем подвинуть своих сведений ни на шаг вперед? — Еще недавно я противоречил мнению о церковном языке словенском, на котором мнении основывалась вся ученая слава³; усумнился, только слегка, в тализманах⁴, и пошел дым коромыслом! Но пусть мои противники поставят меня под жестокую историческую и критическую батарею; назло им я, может быть, выйду невредимым. Неприятель тайный для меня опаснее! Любезнейший наш гость, Александр Александрович⁵, пояснит вам последнее дело.

Пусть оно идет своим чередом, а у нас и без того много занятий. Я собираюсь описать вам мою поездку с канцлером из Москвы до Ржева Владимирова⁶. Она может быть приятною для ваших исторических читателей. Но нет! Нет! Лучше не обещать, а исполнить. Душа моя полна совершенными желаниями возможного блага вашему журналу, обещания невольно срываются.

Дай Бог окончить вам скорее к благополучию ваш процесс и с новым образованием «Архива» утешить нас новыми приношениями для отечественной Клио.

Простите, спешу в Патриаршую библиотеку с собратиями по литературе, в числе их наш гость г. Бестужев.

Ваш преданный навсегда⁷

Москва

26 февраля 1823

Печатается по отпуску: ОР РНБ. Ф. 328. № 315. Л. 2. Значительная часть письма опубликована: *Безсонов П.А.* Константин Федорович Калайдович: биографический очерк // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: В Ун-тской тип., 1862. Кн. 3. С. 71–72.

¹ Имеются в виду Федор Дмитриевич Калайдович (1742–1819), а также Людмила (1823–1871) и Николай (1820–1854) Калайдовичи.

² Обидевшийся Ходаковский написал большую статью, значительная часть которой посвящена полемике с Калайдовичем. Она была опубликована уже после смерти автора: Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. М.: В Ун-тской тип., 1838. Кн. 3. С. 3–109.

³ См.: *Калайдович К.Ф.* О древнем церковном языке славянском // Труды ОЛРС. 1822. Ч. 2, кн. 4. С. 57–71; *Капнист В.В.* [Письмо А.А. Прокоповичу-Антонскому от 17 января 1823 г.] // Там же. 1823. Ч. 3, кн. 9. С. 337–339; *Калайдович К.Ф.* В ответ на замечания В.В. Капниста о древности языка русского перед славянским // Там же. С. 342–348.

⁴ Калайдович имеет в виду статью М.Т. Каченовского «Разыскания по поводу старинной золотой медали, недавно открытой» (Вестник Европы. 1822. № 4–6, 15) о некоем артефакте, найденном в Черниговской губернии, который он рассматривал как талисман, и свою статью «О древних русских медалях» (см. п. 5, примеч. 1), в которой он (не называя Каченовского), выразил некоторое сомнение в подобной трактовке.

⁵ Имеется в виду А.А. Бестужев.

⁶ В Ржев с Н.П. Румянцевым Калайдович ездил летом 1822 г. Статью на эту тему он не опубликовал.

⁷ Окончание предложения в копии отсутствует.

10. К.Ф. Калайдович — Ф.В. Булгарину

Милостивый государь Фаддей Венедиктович!

Спешу исполнить мое обещание, препровождая на сей раз две статьи: одну по желанию моего почтенного начальника¹, другую в доказательство того усердия, с которым я читаю ваш изящный «Архив»².

Вы очень одолжите Алексея Федоровича, если доставите несколько особых оттисков писем Ломоносова и Сумарокова вместе с образцами их почерка.

Молчание Ваше меня удивляет. Нередко припоминаю собственные ваши слова: «Нам надобно поставить себя в такое положение, чтоб никакие сплетни не могли нас расстроить». Прощайте! Почта отходит.

Всегда вас почитающий, преданный слуга³

Москва

16 апреля 1823 г.

Печатается по отпуску: ОР РНБ. Ф. 328. № 315. Л. 11. Ранее было опубликовано: *Безсонов П.А.* Указ. соч. С. 73.

¹ Имеется в виду А.Ф. Малиновский.

² В июне была опубликована статья Калайдовича «Азбука, составленная Василием Федоровичем Бурцовым» (Северный архив. 1823. № 11. С. 314–327), а в июле подготовленная им публикация «Собственноручные письма Ломоносова и Сумарокова к историографу Миллеру» (Там же. 1823. № 14. С. 92–100). Первая статья начинается со следующих слов: «Написано по прочтении статьи, по сему предмету помещенной в № 6 “Северного архива” текущего года, где вместо азбуки Бурцова рассмотрена совершенно другая» (С. 314).

³ Окончание предложения в копии отсутствует.

9. *Ф.В. Булгарин — К.Ф. Калайдовичу*

Милостивый государь Константин Федорович

Начинаю приношением и изъявлением чувствительнейшей благодарности за присылку статей, а за сим предлагаю мое оправдание на ваш упрек в том, будто бы я не писал к вам. Во-первых, у меня обыкновение сходу отвечать на все письма, писанные людьми почтенными и благосклонными ко мне. А как я нахожу в вас все качества ума и сердца, чтоб заслуживать мое истинное почтение, равно как и всех благонамеренных людей, также имея явные доказательства вашего ко мне благорасположения, я бы погрешил противу моей совести, если б не отвечал на ваше письмо. Крайне удивляюсь, что вы не получили моего письма и приписываю той же самой причине, как и неполучение первых книжек «Северного архива», о чем вы ко мне писали. Ваш почтаamt слишком, кажется, беззаботен. Пожалуйте, уведомите меня, получаете ли исправно «Север<ный> архив», чтоб я мог принять свои меры. Книжку вашу «Путешествие в Рязань»¹ я получил, прочел, благодарю за доставленное удовольствие и не премину вскорости уведомить моих читателей о сем ученом произведении, достойном показаться в Париже и Лондоне². Говорю без лести, ибо ненавижу всякое притворство. Как скоро окончу мое дело по журналу с казною, тогда войду с вами в счетные дела, а между тем прошу покорнейше похлопотать о записках Шаховского, которые должны быть весьма интересны. Я столь много обязан вам, что не смею просить о присылке оных, а прошу только приготовить, чтоб *в известном случае* я мог вскорости получить оные. Я, по несчастию, имею весьма много начатых работ: списываю старые грамоты, из Польши полученные³, сочиняю биографии⁴ и проч. Но мой про-

клятый процесс в Сенате отвлекает меня от дела и убивает утро. Вечером приятели не дают покою, и так время летит, а работа лежит. Что делать? Иначе нельзя.

Между тем я повторяю мои прежние уверения в истинном моем к вам почтении, благодарности и уважении, с коими пребуду навсегда, милостивый государь, вашим покорным слугою Ф. Булгарин.

3 мая 1823. СПбетербург.

ОР РНБ. Ф. 328. № 337. Л. 6–7.

¹ То есть «Письма К. Калайдовича к А.Ф. Малиновскому...». См. п. 5, примеч. 4.

² В том же месяце в «Северном архиве» (№ 10. С. 296–298) была помещена анонимная рецензия на книгу Калайдовича, где говорилось, что «она по всем отношениям заслуживает внимание любителя истории и место в каждой библиотеке» (С. 297).

³ См.: Древние грамоты / [примеч. Ф.В. Булгарина] // Северный архив. 1824. № 1. С. 14–18.

⁴ См.: Московский купец Василий Алексеевич Плавильщиков, содержатель типографии, книжного магазина и библиотеки для чтения // Литературные листки. 1823. № 3. С. 37–39; Марина Мнишех, супруга Дмитрия Самозванца // Северный архив. 1824. № 1. С. 1–13; № 2. С. 59–73. № 20. С. 55–77; № 21/22. С. 111–137.

II. К.Ф. Калайдович — Ф.В. Булгарину

Милостивый государь Фаддей Венедиктович!

Вручитель сего Павел Михайлович Строев¹, чиновник здешнего Архива Государственной коллегии старых дел, известный своими историческими трудами, по препоручению нашего Общества отправляется для обозрения Новгородской Софийской библиотеки. Он несколько времени пробудет в Петербурге для сношений по сему предмету с духовным начальством. Примите его как заезжего гостя и моего давнишнего приятеля в ваше дружеское расположение.

При сем случае вместе со всеми любителями приятного и наставительного чтения приношу и мою благодарность за ваши «Литературные листки», которыми вы дарите нас в придачу к «Северному архиву». Я всегда читаю журнал ваш с особенным удовольствием. В одном из номеров (13, стр. 22) вы обещаете изыскать, в каком именно году изданы были медицинские регулы о лечительных водах, сысканных в Липецке². Туманский отыскал сии же самые правила, данные на имя коменданта *олонецкого* Геннинга³ на Петровских заводах марта 1, 1719 года за собственноручным надписанием Петра Великого, помещая все 13 пунктов в том самом виде, в каком они у вас напечатаны. Собр<ание> запис<ок> о жизни Петра Великого. Ч. IX. Стр. 202–208⁴. Несходство состоит в перемене некоторых слов и в недостающем пред правилами указе г. Геннингу. Одни и те же

врачебные наставления при употреблении вод олонецких и липецких кажутся мне сомнительными: достоверность вашей бумаги может только утвердиться при виде самого подлинника.

Предлагая замеченное мною обстоятельство на ваше рассуждение, честь имею быть с истинным к вам почтением, вашим, м<ило- стивый> г<осударь, покорным слугою>

Москва 1 августа 1823

Печатается по отпуску: ОР РНБ. Ф. 238. № 248. Л. 2.

¹ Павел Михайлович Строев (1796–1876) — археограф; печатался в 1825–1827 гг. в «Северном архиве» Булгарина, см.: [2, с. 110–112]. Сохранились письма Булгарина к нему 1824 и 1826 гг. (почти целиком опубликованы на с. 111–112), а также записка 1830 г. (ОР РГБ. Ф. 291. К. 2249. Д. 5).

² Имеется в виду примечание Булгарина к присланному В.Б. Броневским тексту указа, опубликованного под названием «О лечительных водах, сысканных в Липецке».

³ Вилим Иванович Геннин (1676–1750) — олонецкий комендант в 1713–1722 гг.

⁴ См.: *Туманский Ф.О.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1788. Ч. 9. Федор Осипович Туманский (ок. 1757–1810) — писатель, журналист, историк.

12. Ф.В. Булгарин — К.Ф. Калайдовичу

Милостивый государь Константин Федорович

По множеству разнородных занятий я не успел поныне отвечать на благосклонное ваше письмо. Благодарю за память обо мне и прошу помнить о сиром и беспомощном «Архиве», который давно ожидает вашего имени. С графом Федором Андреевичем¹ я познакомился и пользуюсь его милостивым расположением. Хочу просить на время перечитать «Историю русского театра» г. Малиновского *для справок* единственно, в чем и к вам прибегну².

Не забывайте меня и почтите иногда грамоткою, чем принесете истинное удовольствие с истинным высокопочтением и преданностью пребывающему, милостивый государь, вашему покорному слуге Ф. Булгарину.

29 марта 1824. СПетербург.

ОР РНБ. Ф. 328. № 337. Л. 8.

¹ Имеется в виду сенатор, собиратель рукописей XI–XVII вв. и старопечатных книг граф Федор Андреевич Толстой (1758–1849).

² А.Ф. Малиновский в течение длительного времени собирал материалы по истории театра в Москве, в его архивном фонде в РГАДА (Ф. 139) сохранились многочисленные выписки и копии документов по данной теме. Обобщающий труд он не написал, но опубликовал несколько статей: Записки, принадлежащие к истории рос-

сийского театра // Собрание некоторых театральных сочинений с успехом представленных на Московском публичном театре. М., 1790. Ч. 2. С. 1–24; О российском театре // Русский вестник. 1808. № 1. С. 109–124 (расширенный вариант предыдущей). Последнюю Булгарин перепечатал в своем журнале: Историческое известие о российском театре (Из исторических записок А.М.) // Северный архив. 1822. № 21. С. 179–190. Возможно, в письме имеется в виду «Записка о возникновении и развитии театрального искусства в Москве со времени Алексея Михайловича по 19 век» (РГАДА. Ф. 139. Д. 260), см. ее публикацию: [6].

13. К.Ф. Калайдович — Ф.В. Булгарину

М<илостивый> г<осударь> Фаддей Венедиктович!

Пользуясь свободными минутами после утомительных коррект<ур> «Эксарха Болгарского»¹, благодарю за приветливое письмо ваше и спешу препроводить экземпляр Лаврентьевской летописи² для вашей библиотеки, с покорнейшею просьбою вручить другой Н.И. Гречу при свидании [с выражением] моего истинного почтения.

Я просил П.И. Кеппена заверить вас, что всегда получаю «Сев<ерный> арх<ив>», с особенным удовольствием его читаю и готовлю статейку о возвращении в Россию праправнука Курбского — не я, обстоятельства виною, что до сих пор не могу кончить.

С совершенным почтением честь имею быть вашим, м<илостивый> г<осударь>, покорнейшим слугою.

3 июня 1824

Печатается по отпуску: ОР РНБ. Ф. 328. № 316. Л. 9–9 об.

¹ См.: Калайдович К.Ф. Иоанн, эксарх болгарский: исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. М., 1824. В анонимном (возможно, болгаринском) отклике на книгу в журнале друга Булгарина Н.И. Греча «Сын Отечества» книга была названа «важным, драгоценным сочинением», которое «займет первое место в числе книг исторических и филологических, вышедших у нас в течение нынешнего года» (1824. № 46. С. 266).

² Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия / изд. проф. Тимковского. М.: Унив. тип., 1824.

14. К.Ф. Калайдович — Ф.В. Булгарину

Посылаю «Эксарха Болгарского» для Вашей библиотеки и статейку для «Северного архива»¹. Понравится — напечатайте, не понравится — возвратите пребывающему к вам с истинным почтением вашему, м<илостивый> г<осударь>, покорному слуге.

14 сентября 1824 г.

Печатается по отпуску: ОР РНБ. Ф. 328. № 316. Л. 12а об.

¹ Присланная Калайдовичем статья появилась в болгаринском журнале в следующем месяце: Записка о выезде в Россию правнуков Андрея Михайловича Курбского // Северный архив. 1824. № 19. С. 1–6.

Литература

1. *Афиани В.Ю.* Археография в журнале «Северный архив» (1822–1828) // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дюктябрьский период. М.: Ин-т истории, 1981. С. 148–158.
2. *Барсуков Н.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб.: Тип. Балашева, 1878. VI, 668 с.
3. *Бессонов П.А.* Константин Федорович Калайдович: биографический очерк: [в 2 т.] М.: Тип. А. Семена, 1861–1862.
4. *Готовцева А.Г.* «Мой “Архив” будет официальным журналом Министерства просвещения»: Об одном несостоявшемся журнальном проекте Ф.В. Булгарина // Вестник РГГУ. 2012. № 13. С. 43–56.
5. *Козлов В.П.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М.: РГГУ, 1999. 415 с.
6. *Старикова Л.М.* «Записка о возникновении и развитии театрального искусства в Москве со времени Алексея Михайловича по 19 век» А.Ф. Малиновского // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1993 год. М.: Наука, 1994. С. 51–64.
7. *Францов В.А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага: Тип. «Политики», 1906. IX, 172, 10 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Correspondence of F.V. Bulgarin and K.F. Kalaydovich

© 2023. Abram I. Reitblat
New Literary Review, Moscow, Russia

Abstract: For the first time, the correspondence of the writer, journalist, publisher Faddey Bulgarin with the historian and archeographer Konstantin Kalaidovich is published in full. The article introduces into scientific circulation their letters for 1822–1824, mainly devoted to the materials of the historical St. Petersburg journal “Northern Archive,” the publication of which was undertaken by F.V. Bulgarin. K.F. Kalaidovich, who lived in Moscow, was an experienced employee of the Archive of the Collegium of Foreign Affairs and the chief superintendent of the Commission for the Printing of State Letters and Treaties. He helped the journal with the communication of valuable documents on the history of medieval Rus’ and the Moscow kingdom of the 15th–17th Centuries, having prepared more than 10 publications for the “Northern Archive” in five years. Kalaidovich also acted as an intermediary between Bulgarin and his fellow historians, members of the “circle” of a patron of art, fascinated by national history, Count N.P. Rumyantsev. The publication touches upon the issues of organizing historical research, the controversy around the “History of the Russian State” by N.M. Karamzin, journal policy in Russia in the 1st quarter of the 19th century, and payment for journal publications.

Keywords: correspondence of writers, journal “Northern archive,” F.V. Bulgarin, K.F. Kalaidovich, Russian historiography, history of journalism.

Information about the author: Abram I. Reitblat — PhD in Pedagogy, “New Literary Review” Publishing House, 13 Tverskoy Blvd., 123104 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4957-7401>

E-mail: reitblat@nlbooks.ru

For citation: Reitblat, A.I. “Correspondence of F.V. Bulgarin and K.F. Kalaidovich.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 136–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-136-154>

References

1. Afiani, V.Iu. “Arkheografiia v zhurnale ‘Svernnyi arkhiv’ (1822–1828)” [“Archeography in the Journal ‘Northern Archive’ (1822–1828)”]. *Voprosy istochnikovedeniia i istoriografii istorii SSSR. Dooktiabr’skii period [Issues of Source Study and Historiography of the History of the USSR. Pre-October Period]*. Moscow, Institute of History Publ., 1981, pp. 148–158. (In Russ.)

2. Barsukov, N. *Zhizn’ i trudy P.M. Stroeva [Life and Works of P.M. Stroev]*. St. Petersburg, Balashev Publ., 1878. VI, 668 p. (In Russ.)

3. Bessonov, P.A. *Konstantin Fedorovich Kalaidovich: biograficheskii ocherk: v 2 t. [Konstantin Fedorovich Kalaidovich: Biographical Sketch: in 2 vols.]*. Moscow, A. Semen Publ., 1861–1862. (In Russ.)

4. Gotovtseva, A.G. “‘Moi Arkhiv budet ofitsial’nym zhurnalom Ministerstva prosveshcheniia’: Ob odnom nesostoiavshensia zhurnal’nom proekte F.V. Bulgarina” [“My ‘Archive’ will be the Official Journal of the Ministry of Education’: About One Failed Journal Project by F.V. Bulgarin”]. *Vestnik RGGU*, no. 13, 2012, pp. 43–56. (In Russ.)

5. Kozlov, V.P. *Rossiiskaia arkheografiia kontsa XVIII – pervoi chetverti XIX veka [Russian Archeography of the End of the 18th – the First Quarter of the 19th Century]*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1999. 415 p. (In Russ.)

6. Starikova, L.M. “Zapiska o vzniknovenii i razvitiit teatral’nogo iskusstva v Moskve so vremeni Alekseia Mikhailovicha po 19 vek’ A.F. Malinovskogo” [“A Note on the Emergence and Development of Theatrical Art in Moscow from the Time of Alexei Mikhailovich to the 19th Century’ by A.F. Malinovskiy”]. *Pamiatniki kul’ury. Novye otkrytiia: Pis’mennost’. Iskusstvo. Arkheologiya. 1993 god [Monuments of Culture. New Discoveries: Writing. Art. Archeology. 1993]*. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 51–64. (In Russ.)

7. Frantsov, V.A. *Pol’skoe slavianovedenie kontsa XVIII i pervoi chetverti XIX st. [Polish Slavic Studies of the Late 18th and First Quarter of the 19th Century]*. Prague, Politiki Publ., 1906. IX, 172, 10 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 11.04.2023

Одобрена после рецензирования: 10.05.2023

Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 11.04.2023

Approved after reviewing: 10.05.2023

Date of publication: 25.09.2023

БИОГРАФИКА

Литературный факт.
2023. № 3 (29)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (29), 2023

Научная статья
УДК 82 (091)
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-155-173>
<https://elibrary.ru/FOLROE>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Следуют пункты». К истории взаимоотношений М. Горького с «Самарским вестником» и Р.Э. Циммерманом

© 2023, М.А. Перепелкин, О.В. Пелевина
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва
Самара, Россия

Аннотация: Делая поправки к собственной биографии, написанной И.А. Груздевым, М. Горький в 1933 г. уделил особое внимание тому, как был освещён в ней самарский период его деятельности и его взаимоотношения с газетой «Самарский вестник», одним из самых заметных сотрудников которой был публицист и писатель Р.Э. Циммерман. Привлекая мемуары и свидетельства современников М. Горького и Р.Э. Циммермана — Н.А. Самойлова и А.А. Санина, авторы статьи высказывают предположение, что картина, нарисованная М. Горьким, была несколько однобокой и местами очевидно противоречила истине. Рассматриваются причины, которые могли заставить М. Горького быть слишком субъективным в оценке как «Самарского вестника» в целом, так и отдельных его сотрудников. Среди этих причин были, в частности, выдвинутые марксистами, сотрудничавшими с «Вестником», в адрес М. Горького обвинения в том, что он отстаивал, по их мнению, позиции «уходящих со сцены» народников; зависть последнего молодым, образованным и прогрессивно-мыслящим сотрудникам газеты-конкурента; а также — образованность конкурентов, казавшихся более наивному и «державшемуся с вызовом» М. Горькому чрезмерно заносчивыми и высокомерными. Отдельно рассматривается причина особой «нелюбви» М. Горького к Р.Э. Циммерману, выбранному М. Горьким в главные герои конфликта с «недемократично» себя ведущими марксистами: сложившийся как теоретик и уже заявивший о себе как писатель, Р.Э. Циммерман больше других подходил на роль идеологического противника М. Горького, который ещё только искал своих путей в литературе и в жизни.

Ключевые слова: М. Горький, Р. Циммерман, народники, марксисты, «Самарская газета», «Самарский вестник», полемика, И. Груздев, биография, поправки.

Информация об авторах: Михаил Анатольевич Перепелкин — доктор филологических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, ул. Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Оксана Владимировна Пелевина — аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, ул. Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия.

E-mail: oxanapele@gmail.com

Для цитирования: *Перепелкин М.А., Пелевина О.В.* «Следуют пункты». К истории взаимоотношений М. Горького с «Самарским вестником» и Р.Э. Циммерманом // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 155–173. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-155-173>

В апреле 1933 г. М. Горький в письме И.А. Груздеву из Сорренто сделал ряд поправок относительно биографической книги последнего о нём, между прочим, коснувшись деталей своей жизни в Самаре в 1895–1896 гг., службы в «Самарской газете» и взаимоотношений с сотрудниками другой, издававшейся в эти годы в Самаре газеты, — «Самарского вестника». Вот что он писал:

«Самарская газета» издавалась антрепренёром театра Новиковым, затем перешла за долги купцу Костерину, молодому человеку не очень плохих качеств. «Самарский вестник» издавал помощник и бывший земский начальник Реутовский. Его представителем в редакции на правах секретаря и администратора был некто Валле де Бар, личность тёмная и, наверное, незаконно присвоившая себе дворянское «де». Клубный игрок в карты, играл с цензором Дмитриевым, редакции газеты не мешал, сотрудники — между собой именовали его “милым прохвостом”. П.П. Маслов в 95 г., кажется, ещё не был в составе редакции. Чириков не сотрудничал в этой газете, он марксистов — не любил. Не любил их и я, *как людей*, а — почему, «следуют пункты» [1, с. 58].

Отдельного, и едва ли — не самого пристального, внимания в этой части письма М. Горького удостоился один из сотрудников нелюбимого им «Самарского вестника» Р.Э. Циммерман, о котором сказано следующее:

Циммерман-Гвоздев напечатал книгу «Кулачество-ростовщичество», в которой доказывалось, что кулак и ростовщик — прогрес-

сивное явление, ибо они «концентрируют капитал». Циммерман был бородатый красавец типа прусского солдата 70–71 г., высокий, могучий и настолько законченно глупый, что даже казался мудрецом. Его очень любили самарские купчихи среднего возраста. Книга и разговорчики его возмущали меня. Я его обидел: написал и послал ему грубоватую басенку, он ответил мне в своей газете, и помнится — стихами же, первая строка их: «Хаврониус, ругатель закоснелый», — чужая строка, но я начал мою басню тоже чужой строчкой [1, с. 58].

Далее следуют ещё несколько лаконичных характеристик, которые М. Горький дал другим сотрудникам «Самарского вестника»:

«Мих. Григорьева я знал ещё в Казани, когда он был реалистом, впоследствии он — управляющий нижегородской конторой «Пароходства по Волге» и автор весьма суровых «декретов» по адресу матросов и служащих пароходства. Меньшевик. Кажется, — жив ещё, работает у нас, в Гамбурге. Клавтон — молодой щёголь, английского типа, таков же и Керчикер. Оба они вместе с Валле де Бар вели довольно «весёлую жизнь» купно с купеческой молодёжью. Клавтон расстрелян в Сибири как «колчаковец». О Керчикере — ничего не знаю. Был там ещё: Пигеев, статистик, человек мутный и страдавший от неутолённой любви. Не нравились все они мне потому, что я находил их недостаточно «демократичными», а не потому, что они марксисты. И в качестве «возлюбивших истину новую» они казались мне слишком высокомерными и — «прильпе учение разуму — не возжгло сердца их». В общем же взаимоотношения наши отнюдь не были враждебными, и, когда я, поссорившись с редакторами «Самар<ской> газеты», ушёл из неё, — Мих. Григорьев приглашал меня — от лица всей редакции — сотрудничать в «Сам<арском> вестнике». Но я уже согласился работать на «Всероссийской выставке» в Нижнем для «Одесских новостей» <...> [1, с. 58–59].

Прежде всего, подчеркнём, что в апреле 1933 г., когда писалось это письмо, исполнилось более 38 лет с того момента, как А.М. Пешков приехал в Самару, и почти 37 лет, как он из неё уехал: срок, разумеется немалый, а если учесть, что именно на эти годы пришлись все русские революции, мировая и гражданская войны, и, скажем так, весьма непростая, а подчас — и очень бурная личная и творческая жизнь М. Горького и поколения его ровесников и современников, то можно сказать, что, принимаясь за это письмо своему

биографу и сделав отмеченные нами поправки, М. Горький взвалил на себя задачу, почти не решаемую. Тем не менее, он за эту задачу взялся, а значит, мы вправе посмотреть на его поправки внимательно и в свою очередь подвергнуть их критическому анализу.

Итак, начнём с деталей, или, цитируя самого М. Горького, с некоторых «пунктов», первым из которых должен стать не легендарный, а истинный абрис различий между двумя выходившими в 1890-е гг. в Самаре газетами — «Самарской газетой» и «Самарским вестником». Надо признаться, что характеризуя взаимные отношения и отличия двух газет друг от друга, М. Горький обходится весьма расплывчатой формулировкой: «“Самарская газета” издавалась антрепренёром театра Новиковым, затем перешла за долги купцу Костерину, молодому человеку не очень плохих качеств. “Самарский вестник” издавал помощник и бывший земский начальник Реутовский». Что может вытекать из этой формулировки? На наш взгляд, вытекает примерно следующее: тогда как «Самарская газета» издавалась «молодым человеком не очень плохих качеств», её конкурент, «Самарский вестник», напротив, принадлежал, видимо, совсем не молодому (а значит — скорее всего, ретрограду и защитнику всего «бывшего» и косного) «помощнику» (здесь автор письма не уточняет, «помощнику» кого или чего) и «бывшему земскому начальнику Реутовскому».

Далее следует характеристика «представителя» Реутовского «некоего» Валле де Бара, который, по словам М. Горького, был «личностью тёмной и, наверное, незаконно присвоившей себе дворянское “де”». «Клубный игрок в карты», игравший с цензором и редакции не мешавший, «милый прохвост», по прозвищу сотрудников редакции, он выглядит в изображении автора письма едва ли не маргиналом в газетном деле, не имеющим отношения к настоящей деятельности газеты и использующим её в своих тёмных делах и в утолении жажды наживы.

Может быть, не в такой мере, но досталось от делающего поправки автора письма и другим сотрудникам «Самарского вестника» — хоть и не «прохвостам», но тоже в той или иной мере заслужившим нелюбовь М. Горького: М.Г. Григорьеву — за «суровые “декреты” по адресу матросов и служащих пароходства» и за «меньшевизм», А.К. Клафтону (у Горького — Клавтон) — за молодость и щёгольство, а также — за «“весёлую жизнь” купно с купеческой молодёжью» и за последовавшую после революции службу у Колчака, И.А. Керчикеру — просто за компанию с Клафтоном, а некоему Пигееву — за «мутность» и «неутолённую любовь», и всем вместе — за недоста-

точный демократизм. Есть, правда, по крайней мере два человека, довольно странным образом избежавшие горьковской «нелюбви» и за недемократизм, и за прочие прегрешения. Эти двое — П.П. Маслов, который, по словам М. Горького, «в 95 г., кажется, ещё не был в составе редакции», и Е.Н. Чириков, который, опять же по словам автора письма и поправок, «не сотрудничал в этой газете», так как «он марксистов — не любил».

Но больше других досталось от М. Горького именно Р.Э. Циммерману, провинившемуся сразу по нескольким пунктам, а именно — напечатанием книги «Кулачество-ростовщичество», «в которой доказывалось, что кулак и ростовщик — прогрессивное явление, ибо они “концентрируют капитал”»; ещё тем, что он был «бородатый красавец типа прусского солдата 70–71 г., высокий, могучий и настолько законченно глупый, что даже казался мудрецом. Его очень любили самарские купчихи среднего возраста», и наконец, тем, что «книга и разговорчики его возмущали» автора письма, который в силу всего выше сказанного счёл себя вправе «его обидеть», что он и сделал, «написав и послав ему грубоватую басенку».

А вот дальше, признавшись в своей нелюбви к «Самарскому вестнику» и почти каждому из его сотрудников, М. Горький вдруг сделал довольно неожиданное признание — неожиданное в контексте всех своих ранее приведённых замечаний и критики: «В общем же взаимоотношения наши отнюдь не были враждебными, и, когда я, поссорившись с редакторами “Самар<ской> газеты”, ушёл из неё, — Мих. Григорьев приглашал меня — от лица всей редакции — сотрудничать в “Сам<арском> вестнике”». Подчеркнём и то, что, сообщив об этом приглашении хоть и не во враждебное, но — и не дружественное издание, автор письма вдруг как бы забывает о только что заявленной им принципиальности и несходстве во взглядах со слишком высокомерными конкурентами в газетном деле и чистосердечно признаётся, что от сотрудничества с «Самарским вестником» он отказался совсем не по принципиальным соображениям, а потому, что «уже согласился работать на “Всероссийской выставке” в Нижнем для “Одесских новостей” — по 200 р. в месяц, а не по 800, — такие гонорары в ту пору, вероятно, только во сне снились. Амфитеатров, будучи в чине “комиссара печати” на Выставке, получал у Суворина 500» [1, с. 59].

А теперь оставим ненадолго М. Горького и его «поправки» к его же биографии, написанной И.А. Груздевым, и обратимся к другим источникам, реконструирующим историю «Самарского вестника». Одним из таких источников, с которым, скорее всего, был знаком

и М. Горький, была большая статья бывшего самарского журналиста Н.А. Самойлова «Первая легальная марксистская газета в России», увидевшая свет в 1927 г. в журнале «Пролетарская революция». Представляется необходимым сразу же подчеркнуть то обстоятельство, что знакомство с текстом этой статьи ставит под сомнение целый ряд горьковских выводов и поправок.

Во-первых, Самойлов следующим образом описал характер отличий и взаимоотношения между «Самарской газетой» и «Самарским вестником», сложившиеся в 1895–1896 гг.:

«Самарская газета» — бульварный листок, основанный ещё в 80-х годах бессменным антрепренером Самарского городского театра и закадычным приятелем «отцов города» И.П. Новиковым, была к тому времени приобретена от него местным купцом с тягой к культуре С.И. Костериным. Сам далекий от литературы и смотривший на издание газеты, как на «дело», Костерин пригласил для редактирования её Н.П. Ашешова <...> Газета через него тесно сближалась с жизнью <...> Та группа, о которой я говорил выше, не вся и не сразу вошла в «Самарскую газету». Если мне не изменяет память, началось его вхождение с Е.Н. Чирикова, который начал писать в газете нечто вроде обзора провинциальных курьезов — под псевдонимом «Е. Валин». За ним (а, может быть, и вместе с ним) в газету вступил брат его жены М.Г. Григорьев, в то время весёлый и живой человек с мягкими манерами. Он взял на себя репортаж. Вслед за ним постепенно к работе в «Самарской газете» приступили и другие члены той группы, которая потом создала «Самарский вестник». Однако, совместная работа их с Н.П. Ашешовым продолжалась недолго и кончилась тем, чем и должна была кончиться: разрывом и третейским судом. Расхождения оказались и принципиальными и практическими. Группа очень скоро разглядела истинную физиономию газеты и её шефа С.И. Костерина, а получить возможность реального влияния на физиономию газеты, в виду противодействия этому со стороны Н.П. Ашешова, не могла. Выйдя коллективно из редакции «Самарской газеты», группа через посредство третейского суда пожелала установить мотивы своего с ней расхождения. Решение суда было единогласное и всецело в пользу группы. С «Самарской газетой» было покончено. Если «Самарская газета» была органом выступавшей тогда на арену общественности либеральной буржуазии и брала тон зачастую даже радикальный, то «Самарский вестник», выходявший одновременно с нею, никаких интересов не представлял, включая и интересы его редактора-издателя. Это была

газета без всякой физиономии. «Самарский вестник», под скромным названием «Самарский вестник объявлений», был основан, как и «Самарская газета», тем же вездесущим И.П. Новиковым. Кажется, в 1893 или 1894 году разрешение на эту газету И.П. Новиков вместе с редактором её Валле де Барром продал молодому самарскому земцу Н.К. Реутовскому, человеку с хорошим образованием и средствами, очень мягкому и воспитанному, но далеко не острого ума и, хотя с большой тягой к литературе, однако, без всякого литературного таланта. Приобретя газету у Новикова, Реутовский повел её через Валле-де-Барра, как свою личную прихоть, а не общественное дело. Писали там иногда сам Реутовский, иногда его приятели, о чем только им вздумается. Был, впрочем, там один своеобразно идейный сотрудник — И.Н. Ржанов, прототип члена будущего «союза русского народа», который носился со своим девизом: «Читаю “Гражданин” и “Русь” и никого не боюсь» [5, с. 91–93].

Как видим, картина, нарисованная автором статьи, весьма отличается от того наброска, который было взялся набросать, но так и не окончил М. Горький. Если горьковская характеристика ограничивается констатацией того, что «Самарская газета» издавалась «молодым человеком не очень плохих качеств», а владельцем «Самарского вестника» был не очень понятный «помощник и бывший земский начальник Реутовский», то Самойлов рисует вполне определённую картину: «Самарская газета» из бульварного листка постепенно превратилась в «орган выступавшей тогда на арену общественности либеральной буржуазии и брала тон зачастую даже радикальный», а «Самарский вестник», выходявший одновременно с нею и поначалу «никаких интересов не представлявший», после перехода в него «группы», не согласной с Ашешовым, начал становиться «прогрессистским» и далёким от взглядов либеральной буржуазии изданием.

Идём дальше и доходим до характеристик Н.К. Реутовского и Е.А. Валле-де-Барра. Как мы помним, у М. Горького они — «помощник и бывший земский начальник» и «личность тёмная», «клубный игрок в карты», «милый прохвост». Самойлов же даёт им совсем другие характеристики. Первый, по его словам, был «человеком с большими губернскими связями, финансирующим притом газету <...>, дворянином, аристократом, помещиком», который «сроднился с марксистским “Самарским вестником”, с его миропониманием и идеалами» и «из скучающего денди, который для своего развлечения начал издавать газету, он обратился в гражданина, остро ощущающего социальные противоречия и в газетном деле свои

действия строго подчинившего директивам руководящей группы» [5, с. 93–94]. Что касается второго, то он и вовсе назван Самойловым «наиболее красочной и по-своему талантливой фигурой»:

В молодости друг Дорошевича, когда последний был только разухабистым сыном своей матери, Валле-де-Барр унаследовал все достоинства и недостатки бульварного газетчика 80-х годов: любовь к интриге и скандалу, немножко Леока, немножко гражданского пафоса, живой и литературный стиль и очень много «зарытой собаки», которую читателю предлагалось всегда разыскивать в его статьях. Близко входящий в кулуары Городской Думы и земских собраний и знаток прошлого этих кулуаров, он писал в «Самарском вестнике» статьи по земским и городским делам, под псевдонимом Х. Z., Бр., Е. В. и вёл обзор прессы. Чуткий газетчик, он быстро усвоил новые веяния в «Самарском вестнике» и соответственно перестроился. Марксизму он остался чужд совершенно и не понимал его, но тесное общение с новой для него средой личной безукоризненности пробудило в его измятой жизнью душе старого литературного циника какую-то неясную тоску по навсегда потерянным для него светлым рае <...> Е.А. Валле-де-Барр играл роль фактического редактора и выпускал иногда за редактора отдельные номера «Самарского вестника» [5, с. 96–97].

Итак, «помощник и бывший земский начальник» при ближайшем рассмотрении оказывается «человеком с большими губернскими связями <...>, дворянином, аристократом, помещиком», который «сроднился с марксистским “Самарским вестником”», а «личность тёмная» и «милый прохвост» — «наиболее красочной и по-своему талантливой фигурой», игравшей в газете роль фактического редактора.

Ничуть не менее ярких характеристик достаиваются в статье Самойлова и другие сотрудники «Самарского вестника», обвинённые М. Горьким в «недемократизме» и прочих грехах: М.Г. Григорьев — «всегда живой, элегантный и энергичный, <...> по целым дням носился по городу», «гордился — и справедливо — солидной постановкой репортажа» [5, с. 98]; А.К. Клафтон — один из тех, кто наряду с Р.Э. Циммерманом выступал «настоящей душой “Самарского вестника”», «последовательный, с примесью горечи» скептик, чьи «колоритные обзоры из провинциальной жизни “Наши нравы”, которые он вёл под псевдонимом Сашина», были «всегда в точку бившими и всегда принципиальными» и «будившими критицизм чи-

тателя, заинтересовавшими его, формировавшими его неопределённые настроения и вводившими в круг новых для него проблем, над разрешением которых в газете трудились другие» [5, с. 103–104]; И.А. Керчикер — автор «небольших заметок по текущим вопросам народного образования, общественной гигиены и охраны труда», настоящий марксист, который так тщательно скрывал свои убеждения, что «только выбор тем позволял угадывать в нём его действительные взгляды» [5, с. 98]. Никакого «статистика Пигеева», отчего-то запомнившегося М. Горькому, Н.А. Самойлов не упоминает в своей статье вообще, а вот зато имена В.И. Ушакова («безобиднейший и незлобный» [5, с. 97]), А.М. Михайлова («оригинальный самородок» [5, с. 97]), С.С. Неуструева («даровитый студент-естественник» [5, с. 99]), Н.И. Васильева («литератор и только литератор» [5, с. 99]), Д.Я. Слободчикова («дал газете ряд литературно-критических статей в духе шаблонной литературной критики 90-х годов» [5, с. 100]) и некоторых других не только упоминает, но и подробно характеризует их место и роль «в определении общественно-политической физиономии “Самарского вестника”» [5, с. 100]. Уточняется Самойловым ещё одно горьковское «кажется», относящееся к П.П. Маслову: если, по Горькому, «Маслов в 95 г., кажется, ещё не был в составе редакции», то Самойлов показывает — и показывает аргументировано, что как раз Маслов был «самой видной и цельной фигурой этого крыла “Вестника”» [5, с. 98]. Не представляется сложным опровергнуть и ещё одно горьковское утверждением — о том, что «Чириков не сотрудничал в этой газете»: сотрудничал и сотрудничал очень активно, публикуя в ней статьи, театральные рецензии и наброски беллетристических произведений [см.: 2, с. 31–34].

Особое внимание в статье историографа «Самарского вестника» уделяется фигуре Р.Э. Циммермана, «души газеты», «строгого марксиста», очерки которого были полны «светлого объективизма», а сам он — «доканчивал то идейное “окружение” читателя, которое начинал Клафтон» [5, с. 103–104]. Довольно подробно останавливаясь на биографии Циммермана, выходца из богатой московской немецкой семьи и студента, сосланного в Сибирь за социал-демократическую пропаганду, Н.А. Самойлов констатирует, что из ссылки в Самару Циммерман «приехал уже вполне созревшим и высокообразованным марксистом», «писал <...> исключительно много, начиная от экономических статей типа передовицы <...> и фельетонов <...> до серьёзных исследований по экономическим вопросам» [5, с. 104].

Таким образом, как видим, картина, нарисованная М. Горьким в письме И.А. Груздеву, очень сильно отличается от той картины,

которую рисует Н.А. Самойлов, — отличается и по каждому из «пунктов», и — в целом, причём настолько, что даже кажется, что описывают два автора не одну и ту же, а две совершенно разные ситуации и разных её участников. Предвидим, однако, что здесь может возникнуть вопрос: есть ли какие-то основания для того, чтобы думать, что это М. Горький, а не Н. А. Самойлов, случайно или с какой-либо целью, искажил истинное положение вещей, что-то приукрасив, а что-то — просто «забыв», в результате чего получилась картина, весьма далёкая от той, что имела место в действительности? Полагаем, такие основания есть, и одним из них является развёрнутый исторический очерк ещё одного автора, А.А. Санина, увидевший свет в том же 1933 году, что и письмо М. Горького к И.А. Груздеву. Речь идёт об очерке, опубликованном отдельной книгой «“Самарский вестник” в руках марксистов (1896–1897 гг.)» [6]. Санин, правда, обходит стороной вопрос взаимоотношения двух изданий — «Самарской газеты» и «Самарского вестника», но зато даёт не менее яркие и запоминающиеся характеристики почти всем их сотрудникам, включая издателя Н.К. Реутовского и «души газеты», как назвал его Самойлов, — Р.Э. Циммермана: Реутовский — «человек ещё молодой, лет 35 на вид, богатый помещик-холостяк, бывший бузулукским уездным предводителем дворянства» [6, с. 39], который «мало-помалу заразился духом борьбы» [6, с. 41]; А.К. Клафтон — «тогда ещё молодой человек, 25 лет, года за три перед тем изгнанный с медицинского факультета Казанского университета из-за ареста по политическому делу» [6, с. 63], несмотря на молодость которого «в нём и тогда была видна крупная личность, сильный и цельный характер» [6, с. 64]; Р.Э. Циммерман — «ревельский гражданин», как он значился в паспорте, недавно возвратившийся из Восточной Сибири, куда он был сослан на пять лет по делу “Самоуправления”» [6, с. 35], и игравший заметную роль в определении направления издания. Пожалуй, единственной фигурой, в характеристике которой Санин несколько расходился с Самойловым и приближался к Горькому, был Е.А. Валле-де-Барр, аттестованный Саниным «человеком совершенно беспринципным, только подписывавшимся “за редактора” во время отлучек Реутовского да исподтишка строившим нам каверзы» [6, с. 62].

Итак, рассмотренные нами очерки Н.А. Самойлова и А.А. Санина убеждают в том, что, выстраивая свою концепцию истории «газетного вопроса» в Самаре середины 1890-х гг. и историю «Самарского вестника» в частности, М. Горький руководство-

вался какими-то иными соображениями, чем близость к истине. Ну, или, так: истина, какой она представлялась в 1933 г. М. Горькому, сделавшему примечания и поправки к своей биографии, написанной И.А. Груздевым, несколько отличалась от того положения вещей, каким оно виделось другим современным наблюдателям и, в частности, — людям, сотрудничавшим с «Самарским вестником». И вот здесь возникает вопрос: какими были причины, подтолкнувшие М. Горького к тому, чтобы настаивать на той версии противостояния с «Вестником», которая вытекает из всех его поправок?

Причин этих несколько, и каждая из них заслуживает того, чтобы быть рассмотренной отдельно.

Первую из этих причин, как нам представляется, сформулировал сам М. Горький в том же самом письме, но — чуть ниже:

П.П. Маслов в статье «Родословная современной молодёжи», «Сам<арский> вестник», 28.I.96 г., говорит о полемике между самарскими студентами и «Самарск<ой> газетой» по поводу современной молодёжи, которую Иегудиил Хламида и Эс Пе — Степан Петров-Скиталец — «обвиняют во всех смертных грехах». Скиталец — в стихах, а я — в прозе, мы действительно резко писали о молодёжи, включая в одни скобки и студентов, и «горчишников» — молодое мещанство хулиганского направления <...> Вообще в 95 г. Самара изобиловала скандальными кутежами и хулиганскими выходками молодёжи, и в Самаре, городе сугубо купеческом, но торговом, а не промышленном, трудно было «подметить формирование новой молодёжи»; Н. Ангарский в книжке «Легальный марксизм», изд. «Недра», выпуск 1-й, 925 г., зря упрекает меня в том, что я не «подметил». Нечего было подмечать [1, с. 59].

На наш взгляд, в этом высказывании М. Горького требуют комментариев сразу несколько моментов, среди которых есть более очевидные (сотрудничество Скитальца с «Самарской газетой» началось только в 1897 г., примерно через год после отъезда из Самары М. Горького, а значит, автор статьи «Родословная современной молодёжи», увидевшей свет в январе 1896-го, не мог иметь в виду его «стихов», в которых он, как и М. Горький в прозе, «резко писал о молодёжи»), а есть — менее очевидные, но не менее значимые. Как видим, и почти сорок лет спустя после полемики с П.П. Масловым М. Горький почему-то помнил о его статье и продолжал горячо доказывать свою правоту, приводя аргументы и настаивая на ней. Почему? Как нам представляется, ответ на этот вопрос даёт уже

упоминавшийся нами Н.А. Самойлов, также коснувшийся в своём очерке и этой статьи Маслова, и полемики с М. Горьким.

Нельзя сказать, чтобы первые шаги обновленного «Самарского Вестника» были встречены приветливо, — пишет Н.А. Самойлов. — Казалось непонятным, каким образом ушедшие из «Самарской газеты» из нежелания встать на путь общественного компромисса могли рискнуть, как думалось, на горший компромисс с Н.К. Реутовским. Именно эту точку зрения, в конце концов, морального осуждения только что оправданной решением третейского суда стороны особенно прямолинейно и настойчиво проводил один из третейских судей П.П. Крылов. Были и другие. Любопытным литературным отголоском этой полосы явилось несколько эпизодов в жизни тогдашнего — полумарксистского ещё — «Вестника» и, в частности, интересная и уже вполне марксистская статья П.П. Маслова «Родословная современной молодежи» (№№ 23, 29 и 37 «Самарского Вестника» за 1896 г.). 1895–1896 гг. были эпохой охлаждения молодёжи к идеологии народничества. Недавние кумиры — большие в столицах и маленькие в провинции — низводились безжалостно, как только умеет делать это молодость, со своих пьедесталов: это было время развенчания Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева, пожалуй, А.А. Исаева, пока ещё не начавшего делать своего поворота к социал-демократии, и многих других. Уходящие со сцены не оставались в долгу, и модным было обвинять новое поколение в общественном равнодушии, сухости и оправдании действительности, а через молодежь — и то теоретическое учение, которое базировалось на принципах определения сознания бытием, а в области текущей действительности утверждало в качестве обязательной для России стадии прохождения через капиталистический фазис развития. В Самаре этот бой между молодежью и радикальной интеллигенцией предшествующих поколений разыгрался на газетных столбцах в начале 1896 года, и любопытен между прочим он тем, что в нём был застрельщиком против молодежи Максим Горький, писавший в то время в «Самарской Газете» фельетоны на злобы дня под псевдонимом «Иегудиил Хламида». Был он тогда писателем только что начинающим (кажется, только «Челкаш» его и был напечатан в большой прессе) и малообразованным; странно, вычурно одевался и держался с каким-то вызовом всему миру в манерах и поведении: буйное вино босяческого отрицания и протеста бродило в нем тогда вовсю. Итоги полемики подвел П.П. Маслов в своей статье. Несколько триумфов с теперешней точки зрения о связи идеологии с экономикой и исторической необходимости ох-

лаждения к идеалам народничества, утопичность которых выявила определившаяся вне их desiderata (благих пожеланий) эволюция производственных отношений, были тогда новы и интересны и вносили свежие ноты в шаблонную трактовку вопроса об отцах и детях, над которой интенсивно упряжались Станюкович и К° [5, с. 94–95].

Итак, как утверждает Самойлов, Иегудиил Хламида (он же — М. Горький) «был застрельщиком против молодежи», очевидно отстаивавшим позиции «уходящих со сцены» и «не остававшихся в долгу», — обвинение, на наш взгляд, более чем серьёзное и достаточное для того, чтобы спустя почти сорок лет после давней драки пытаться доказать безукоризненность своей позиции, хоть бы и ценной фантастических обвинений давних противников в чём угодно и даже — якобы в «страданиях от неутолённой любви».

Другая причина тоже связана с отмеченными выше обстоятельствами: А.М. Пешков был приглашён в Самару, чтобы занять место ушедших из «Самарской газеты» молодых, образованных и прогрессивно мыслящих сотрудников, которые были ему, очевидно, гораздо ближе по духу, чем все те, кто в этой газете остался и продолжал публиковаться на её страницах — акулы пера С.С. Гусева (Слово-Глаголь), успешного нотариуса А.А. Смирнова (Треплева), «бывшей» графини А.Л. Толстой, изысканной Е.А. Буланиной и других подобных, с кем теперь делил Иегудиил Хламида газетные полосы. Нет никаких сомнений в том, что молодой и протестный дух «Самарского вестника» привлекал его и был для него и завидным, и пленительным. Но зависть завистью, а служба — службой, и служил А.М. Пешков не в молодом и прогрессивном «Вестнике», а в более консервативной и представляющей «уходящих со сцены» «Самарской газете». Отсюда — и особый азарт писавшего фельетоны на злобы дня Иегудиила Хламида, которому было бы весьма лестно быть в стане противников, а потому — стремившегося нанести им удар побольнее и позаметнее.

Наконец, была и ещё одна, третья, причина, о которой тоже обмолвился Самойлов, заметивший о М. Горьком, что «был он тогда писателем только что начинающим <...> и малообразованным; странно, вычурно одевался и держался с каким-то вызовом всему миру в манерах и поведении». «Буйное вино босяческого отрицания и протеста», бродившее в начинающем писателе и, в самом деле, малообразованном человеке М. Горьком, заметно отличало его от вполне сложившихся и гораздо лучше него образованных сотрудников «Самарского вестника», большинство из которых имело либо оконченное гимназическое, либо — неполное высшее образование,

прерванное судами и ссылками по политическим мотивам. Очевидно, что образованность конкурентов, казавшихся в чём-то более наивному, а в чём-то — обиженному и «державшемуся с вызовом» М. Горькому чрезмерно заносчивыми и высокомерными, отталкивала его от них и притягивала в одно и то же время, заставляла «не любить марксистов» и мечтать о работе вместе с ними. Замечательно, с нашей точки зрения, что эта любовь-нелюбовь не исчезла с годами и напомнила о себе даже спустя почти сорок лет при чтении писателем биографии, написанной И.А. Груздевым.

Теперь скажем несколько слов об эпизоде, ставшем едва ли не центральным во всей истории, которая условно может быть названа конфликтом между М. Горьким и «Самарским вестником», и о человеке, выдвинутом М. Горьким, делающим поправки к своей биографии, в число его главных участников — Р.Э. Циммермане.

Рейнгольд (Роман) Эмильевич Циммерман (1866–1900) — политический и общественный деятель, публицист, писатель, прибыл в Самару весной 1894 г. из Иркутской губернии, где он отбывал пятилетнюю административную ссылку, к которой был приговорён за участие в антиправительственном политическом движении (см.: [8, с. 55–56; 4, с. 582–583; 3, с. 34–41]). Живя в Самаре, Циммерман служил в управлении Самаро-Златоустовской железной дороги, был одним из руководителей марксистского кружка, сотрудничал вначале с «Самарской газетой», а потом — с «Самарским вестником», переводил и публиковал свои переводы из Ницше, занимался вопросами политической экономии и философии; изредка в столичных журналах печаталась также беллетристика Циммермана, на которую он, по словам одного из его знакомых, «слишком мало обращал внимания»¹, и которая была собрана и опубликована отдельной книгой уже после его внезапной кончины в апреле 1900 г.

Современник Циммермана и М. Горького, хорошо знавший их в самарский период их деятельности, А.А. Смирнов (Треплев) даёт такую характеристику Циммерману, часто бывавшему, по его словам, в самарских «салонах», где собиралась демократическая интеллигенция 1890-х:

Там постоянно бывал возвращённый из ссылки в Сибирь Ром<ан> Эмил<евич> Циммерман, бывший студент Петербургско-

¹ <Чириков Е.Н.>. Роман Эмильевич Циммерман (Некролог) // Жизнь. 1900. № 4. С. 467.

го университета², марксист, научно-образованный, высокий шатен лет 28, с очень правильными чертами румяного лица, освещённого большими серыми, немного близорукими глазами, всегда в золотом пенсне. Эти глаза, пристально глядевшие на собеседника, и большой открытый лоб напоминали критика Д.И. Писарева, как он изображён на всем известном портрете. Речь Циммермана была всегда неизменно спокойна, немногословна и уверена, и от неё и от всей личности оратора веяло какой-то скрытой, ещё не развернувшейся силой. Ром<ан> Эмил<ьевич> всем, даже людям «иногo толку», внушал невольное уважение. Циммерман переводил Ницше — «Так говорил Заратустра», печатая отрывки в соц<иал>-дем<ократическом> «Самарском вестнике»³, пристально занимался вопросами политической экономии, а также философии. Помнится, он показывал мне свою статью, если не изменяет память в «Вопросах философии и психологии»⁴. Большого шума и журнальной брани в народническом лагере вызвала его книга (под псевдонимом «Гвоздѣв») «Кулачество-ростовщичество», где он давал оригинальное освещение этому явлению, по уверению своих идейных врагов, «оправдывая» его с марксистской точки зрения, как явление, способствующее энергичному развитию и ускоряющее его крах, а потому и «прогрессивное». Эта теория возмущала до глубины души народников-идеалистов. Умственной и моральной силе, которая чувствовалась в Циммермане, не удалось развернуться. После долгих хлопот ему разрешили вернуться в Петербург, куда ранее въезд был ему запрещён, а <куда> он стремился, но разрешение пришло накануне смерти: какая-то болезнь, схваченная на охоте, похожая и на злокачественную лихорадку, и на менингит, в несколько дней, к горестному изумлению всех знакомых, цветущего юношу уложила в гроб весною 1900 года.

² Здесь мемуарист ошибается: Циммерман учился в Московском императорском техническом училище, где он пробыл до 3-го общего курса, после чего был арестован и сослан в Сибирь.

³ На самом деле, переводы из Ницше публиковались в «Самарской газете», см.: Так говорил Заратустра. О дитяти и браке // Самарская газета. 1895. 5 января. С. 3; Так говорил Заратустра. Тысяча и одна цель // Самарская газета. 1895. 8 января. С. 4; Так говорил Заратустра. О друге // Самарская газета. 1895. 22 января. № 18. С. 4; Так говорил Заратустра. О пути к творчеству // Самарская газета. 1895. 5 марта. № 50. С. 4; Так говорил Заратустра. О базарных мухах // Самарская газета. 1895. 11 марта. № 55. С. 3; Нисхождение Заратустры (начало) // Самарская газета. 1895. 12 марта. № 56. С. 3; Нисхождение Заратустры (окончание) // Самарская газета. 1895. 25 марта. № 67. С. 2–3. Первые три перевода опубликованы без подписи переводчика, последние четыре — за подписью «С».

⁴ В действительности теоретическая статья Р.Э. Циммермана была опубликована не в петербургском, а в московском научном журнале: К вопросу о телеологичности исторического процесса // Научное обозрение. 1898. № 8. С. 1429–1444.

После смерти Ром<ана> Эмил<ьевича> была издана книга его рассказов, преимущественно из сибирской жизни [7, с. 382].

Столь же высокого мнения о Циммермане придерживались, как мы уже видели, и другие мемуаристы, писавшие об истории «Самарского вестника» и об одном из его ключевых сотрудников — Н.А. Самойлов и А.А. Санин.

Что из всего этого следует? А следует, на наш взгляд, то, что нет ничего случайного в том, что именно Р.Э. Циммерман был выбран вспомнившим о своих непростых отношениях с «Самарским вестником» М. Горьким в главные герои конфликта с «недемократично» себя ведущими марксистами.

Напомним также следующий фрагмент горьковского письма, в котором говорится о Циммермане: «Книга и разговорчики его возмущали меня. Я его обидел: написал и послал ему грубоватую басенку, он ответил мне в своей газете, и помнится — стихами же, первая строка их: “Хаврониус, ругатель закоснелый”, — чужая строка, но я начал мою басню тоже чужой строчкой». В этом фрагменте требуют комментариев сразу два момента. Первый: книга Циммермана «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» (за подписью Р. Гвоздёв) увидела свет в Петербурге только в 1898 г. (на обложке обозначен 1899 г.), — следовательно, М. Горький, уехавший из Самары в мае 1896-го, не мог ни читать её в самарский период своей жизни (разве только фрагменты, публиковавшиеся в периодике), ни — возмущаться ею. И второй: ни одному из исследователей, занимавшихся изучением самарской публицистики М. Горького, до сих пор не удалось обнаружить ни «грубоватой басенки» М. Горького, адресованной Циммерману, ни — ответа на неё последнего, помещённого, как пишет М. Горький, «в газете». Отсюда возникает вопрос к горьковскому признанию «я его обидел»: так «обидел» или «хотел бы обидеть», а значит — и «ответил» или «мне бы хотелось, чтобы ответил»? Увы, ответов на эти вопросы у нас нет и вряд ли они вообще могут найтись, но искать ответы на эти вопросы представляется существенным, так как они избавят нас как от случайных, так и от намеренных ошибок, появившихся в результате желания классика представить некоторые эпизоды собственной биографии чуть-чуть в ином свете, — желания, избежать которого, увы, не всегда удаётся даже великим.

Литература

1. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2022. Т. 22. Кн. 1: Письма: март 1933 – июнь 1934. 925 с.
2. *Перепелкин М.А.* Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества. Монография. Самара: Слово, 2020. 152 с.
3. *Перепелкин М.А., Пелевина О.В.* «Политически неблагонадёжный» писатель Циммерман: попытка биографии // Самарский архивист. 2021. № 2. С. 34–41.
4. *Перепелкин М.А., Соловьёва Л.А.* Циммерман Рейнгольд Эрнст // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.; СПб.: Большая Российская энциклопедия, Нестор-история, 2019. Т. 6: С–Ч. С. 582–583.
5. *Самойлов Н.* Первая легальная марксистская газета в России («Самарский вестник», 1896–1897 гг.) // Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 90–109.
6. *Санин А.* «Самарский вестник» в руках марксистов (1896–1897 гг.). М.: Изд-во Всес. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. 74 с.
7. *Смирнов (Треплев) А.* Театр душ: Стихи. Критические этюды. Воспоминания. Письма. Самара: Самарский университет, 2006. 511 с.
8. *Янкина Л.И.* М. Горький в Самаре. Куйбышев: [Б. и.], 1973. 112 с.

Research Article

“Points to Follow.” On the History of Relations between M. Gorky and “Samarsky Vestnik” and R.E. Zimmerman

© 2023. Mikhail A. Perepelkin, Oksana V. Pelevina
Samara National Research University,
Samara, Russia

Abstract: Making corrections to his biography written by I.A. Gruzdev, M. Gorky in 1933 paid special attention to how it covered the Samara period of his activity and his relationship with the “Samarsky Vestnik” newspaper, one of the most prominent employees of which was a publicist and writer R.E. Zimmerman. Drawing on the memoirs and testimonies of contemporaries M. Gorky and R.E. Zimmerman — N.A. Samoiloва and A.A. Sanin, the authors of the article suggest that the picture painted by M. Gorky was somewhat one-sided and in places contradicted the truth. Further, the reasons that could make M. Gorky too subjective in assessing both “Samarsky Vestnik” as a whole and its employees are considered. Among these reasons were, in particular, the accusations leveled against M. Gorky by the Marxists

who collaborated with “Vestnik” that he defended, in their opinion, the positions of the populists “leaving the stage.” The envy of the latter, who worked in a conservative populist organ, to the young, educated, and progressive-minded employees of the rival newspaper, “Samarsky Vestnik”; and also — the education of competitors, who seemed to the more naive and “holding on with a challenge” M. Gorky excessively arrogant and arrogant. Separately, the reason for the special “dislike” of Gorky for Zimmerman, chosen by Gorky, making corrections to his biography, as the main character of the conflict with “undemocratic” leading Marxists: Zimmerman was more suitable than others for the role of an ideological opponent of Gorky, who was looking for his ways.

Keywords: M. Gorky, R. Zimmerman, populists, Marxists, “Samarskaya Gazeta,” “Samarsky Vestnik,” polemics, I. Gruzdev, biography, amendments.

Information about the authors: Mikhail A. Perepelkin — DSc in Philology, Professor, Samara National Research University, 34 Moscow highway, 443086 Samara, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Oksana V. Pelevina — PhD student, Samara National Research University, 34 Moscow highway, 443086 Samara, Russia.

E-mail: oxanapele@gmail.com

For citation: Perepelkin, M.A., Pelevina, O.V. “‘Points to Follow.’ On the History of Relations between M. Gorky and ‘Samarsky Vestnik’ and R.E. Zimmerman.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 155–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-155-173>

References

1. Gor’kii, M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 vols.], vol. 22, book 1: Pis'ma: mart 1933 – iun’ 1934 [Letters. March 1933 – June 1934]. Moscow, Nauka Publ., 2022. 925 p. (In Russ.)
2. Perepelkin, M.A. *Evgenii Nikolaevich Chirikov. Samarskie stranitsy zhizni i tvorchestva* [Evgeny Nikolaevich Chirikov. Samara Pages of Life and Works]. Samara, Slovo Publ., 2020. 152 p. (In Russ.)
3. Perepelkin, M.A., and O.V. Pelevina. “‘Politicheski neblagonadezhnyi’ pisatel’ Tsimmerman: popytka biografii” [“‘Politically Unreliable’ Writer Zimmerman: Biography Attempt”]. *Samarskii archivist*, no. 2, 2021, pp. 34–41. (In Russ.)
4. Perepelkin, M.A., and L.A. Solov’eva. “Tsimmerman Reingol’d Ernst” [“Tsimmerman Reingold Ernst”]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar’* [Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary]. Moscow, St. Petersburg, Bol’shaia Rossiiskaia entsiklopediia, Nestor-istoriia Publ., 2019, pp. 582–583. (In Russ.)
5. Samoilov, N. “Pervaia legal’naia marksistskaia gazeta v Rossii (‘Samarskii vestnik,’ 1896–1897 gg.)” [“The First Legal Marxist Newspaper in Russia (‘Samarsky Vestnik,’ 1896–1897)”. *Proletarskaia revoliutsiia*, no. 4, 1927, pp. 90–109. (In Russ.)

6. Sanin, A. “*Samarskii vestnik*” v rukakh marksistov (1896–1897 gg.) [“*Samarsky Vestnik*” in the Hands of the Marxists (1896–1897)]. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poseselentsev Publ., 1933. 74 p. (In Russ.)

7. Smirnov (Trepnev), A. *Teatr dush: Stikhi. Kriticheskie etiudy. Vospominaniia. Pis'ma* [Theater of Souls: Poems. Critical studies. Memories. Letters]. Samara, Samara University Publ., 2006. 511 p. (In Russ.)

8. Iankina, L.I. *M. Gor'kii v Samare* [M. Gorky in Samara]. Kuybyshev, [S. n.], 1973. 112 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.03.2023
Одобрена после рецензирования: 14.05.2023
Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 12.03.2023
Approved after reviewing: 14.05.2023
Date of publication: 25.09.2023

Неизвестные материалы об издательской деятельности Есенина (1921 г.)

© 2023, Н.М. Солобай
Независимый исследователь,
Москва, Россия

Аннотация: В статье впервые вводятся в научный оборот два архивных документа с подписью С.А. Есенина, не вошедшие в Полное собрание сочинений поэта в 7 т. (9 кн.), (1995–2001). Эти документы хранятся в ЦГАМО (Центральном государственном архиве Московской области; фонд Моссовета). Они свидетельствуют о планах имажинистов по расширению их издательской деятельности. Основной документ — письмо с неофициальным обращением к председателю Моссовета Л.Б. Каменеву за подписями Есенина, В.Г. Шершеневича и А.Б. Кусикова с просьбой распорядиться о предоставлении в их распоряжение типографии. К письму приложено официальное ходатайство на имя Каменева за подписями Шершеневича, Есенина, С.Т. Григорьева, Р. Ивнева, Кусикова. Оба документа, зарегистрированные в экспедиции Исполкома Моссовета 31 декабря 1921 г., подробно прокомментированы. Содержание обнаруженного письма Каменеву подтверждает, что поэты-имажинисты уже имели успешный опыт подобного запроса. Среди «нелегальных» изданий имажинистов — авторский сборник Есенина «Третьякница», вышедший в середине октября 1920 г. под маркой несуществующего издательства «Злак», а также три коллективных сборника с участием Есенина — «Плавильня слов», «Харчевня зорь», «Конница бурь», вышедшие в феврале–мае 1920 г. Новые документы открывают неизвестные ранее страницы биографии Есенина.

Ключевые слова: С.А. Есенин — издатель, архивы, неизвестные документы, Л.Б. Каменев, имажинисты, типография, литературная жизнь 1920–1921 гг.

Информация об авторе: Нина Максимовна Солобай — историк-архивист, независимый исследователь, г. Москва, Россия.

E-mail: editor@litfact.ru

Для цитирования: Солобай Н.М. Неизвестные материалы об издательской деятельности Есенина (1921 г.) // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 174–185. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-174-185>

Поиски новых материалов о Сергее Есенине в государственных архивах Москвы убеждают в необходимости углубленного и более внимательного изучения профильных архивных фондов московских организаций, включая управленческие структуры всех уровней, а также фондов издательских работников личного происхождения. Там могут оказаться не известные ранее материалы по истории культуры, отражающей эпоху Серебряного века русской поэзии, ярчайшим представителем которой является Есенин. Его ипостаси в литературном пространстве России — поэт, прозаик, драматург, очеркист, литературный теоретик и критик, издатель. Наиболее полно издательская деятельность Есенина отразилась в исследовательских работах о периоде с осени 1918 г. по начало мая 1922 г. (издательский кооператив «Московская трудовая артель художников слова» (МТАХС) и издательство «Имажинисты»)¹.

В обширной мемуаристике содержится немало свидетельств о профессиональном интересе поэта к издательскому делу². Вс. Иванов в набросках воспоминаний, написанных десятилетия спустя после смерти Есенина, специально отметил: «...он любил рассуждать <...> об издательской деятельности. Ему хотелось открыть издательство и печатать журнал» [13, т. 2, с. 76]. В 1932 г. непосредственный участник выпуска книг имажинистами Вадим Шершеневич утверждал: «Мы с Мариенгофом были плохими издателями. Практически издавали Кусиков и Есенин. Оба они это дело знали и любили, и чем труднее было издавать, тем больше азартного желания рождалось в них» [7, с. 213].

¹ См. [1; 19; 20; 21], статьи: *Вдовин В.А.* Если обратиться к первоисточнику... Страницы творческой биографии С. Есенина [3, с. 596–606]; *Юшкин Ю.Б.* Есенин и «Московская трудовая артель художников слова» [3, с. 607–618]; *Галушкин А.Ю.* Сергей Есенин и «Современная Россия»: новые материалы [17, с. 488–492]; *Субботин С.И.* К истории деловых отношений Есенина с издательством ВЦИК и Госиздатом РСФСР (1919–1922 годы) [5, с. 148–168]; [Заявление С.А. Есенина в Госиздат о включении в собрание его стихотворений вступительной статьи И.В. Евдокимова, 1925] / публ. и комм. Д.В. Неустроева [11, с. 540–544]; *Субботин С.И.* Иван Евдокимов и литературное наследие Сергея Есенина (1926–1927 годы) [14, с. 281–295]; *Аникина О.Л.* Бакинские знакомые Есенина — сотрудники газеты «Бакинский рабочий»: по архивным материалам [14, с. 380–384]; *Аникина О.Л.* Раритеты из коллекции Ю.Л. Прокушева: неопубликованный сборник С.А. Есенина «Телец» [15, с. 339–343].

² См., например, свидетельства в книгах А.Б. Мариенгофа («Роман без вранья», 1927), М.Д. Ройзмана («Все, что помню о Есенине», 1973), очерках Г.Д. Деева-Хомяковского, Л.М. Клейнборга, М.П. Мурашева, И.В. Грузинова [13, т. 1, с. 147–150, 168–173, 187–197, 351–364, 364–379, 380–409, 408–417], Г.А. Бениславской, Вс. Иванова, Н.К. Вержбицкого, Л.О. Повицкого, И.В. Евдокимова, В.Ф. Наседкина [10, т. 2, с. 49–66, 75–82, 208–231, 232–250, 282–302, 303–312], А.М. Сахарова [13, с. 435–448], фрагментах мемуаров В.Г. Шершеневича [5, с. 29–146, 201–228] и др.

Есенина безусловно можно отнести к плодотворным издателям. Школу издательского дела он прошел уже в юности. Начало самостоятельной жизни поэта, уже в 1912 г. подготовившего к изданию рукопись сборника «Больные думы» и стремящегося увидеть его напечатанным, неслучайно связано с работой в типографиях (книгоиздательства И.Д. Сытина и торгового дома Д. Чернышева и Н. Кобелькова). В первый московский период (1913–1914) он деятельно участвует в выпуске журнала «Друг народа». В Петрограде в 1915 г. у Есенина возникает идея издания крестьянского журнала, где он «хотел вести отдел “Деревня”, чтобы познакомить читателя с тем, как живет, чем болеет крестьянин» [13, т. 1, с. 189].

В течение пятнадцати лет творческой жизни поэт подготовил и изданию и замыслил не меньше 130-ти авторских сборников, из которых увидели свет 33 книги, включая посмертное Собрание стихотворений, а также 30 коллективных сборников³. Есенин неоднократно заявлял о намерении выпускать собственный журнал или литературный альманах в Москве; с такую же мыслью 23 декабря 1925 г. он уезжает в Ленинград. Обширен круг знакомых издателей и издательских работников, включая соратников и друзей. Летопись жизни и творчества Есенина зафиксировала порядка 40 имен: М.В. Аверьянов, Н.С. Ашукин, Е.Я. Белицкий, А.А. Берзинь, И.С. Берлин, О.М. Бескин, Д.Д. Бурлюк, И.В. Вардин, Н.А. Вирап (Вирапян), В.И. Вольпин, А.К. Воронский, В.В. Гольцев, З.И. Гржебин, З.Г. Гринберг, И.В. Евдокимов, К.С. Еремеев, П.Н. Зайцев, И.И. Ионов, Н.И. Иорданский, А.М. Калмановский, А.М. Кожебаткин, А.Ф. Кулемкин, Е.Г. Лундберг, Д.А. Лутохин, И.М. Майский, В.С. Миролюбов, М.П. Мурашев, С.А. Поляков, А.М. Сахаров, И.И. Старцев, Н.А. Столляр, А.И. Тарасов-Родионов, П.И. Чагин, А.М. Чернышев, Н.Г. Шебуев, И.И. Ясинский. Всегда становились приятелями поэта и рабочие типографий, где печатались книги Есенина и его поэтических собратьев.

В этом неполном списке выделим имя руководителя Петроградского (Ленинградского) отделения Госиздата Ильи Ионовича Ионова (Бернштейна), адресата стихотворения Есенина «Издатель славный! В этой книге...» (1924). В Музее Сергея Есенина в Ташкенте хранится беловой недатированный автограф первых трех его строф с посвящением «Милому Ионову» [4, т. 4, с. 415]. По мнению Н.И. Шубниковой-Гусевой, отношения поэта и издателя были непростыми и в стихах ощущается попытка «задобрить» издателя

³ См.: Указатель прижизненных книг С.А. Есенина. Указатель коллективных сборников и монографий с участием С.А. Есенина [10, с. 692–699].

[19, с. 344–345]. Однако не следует сбрасывать со счетов, что сборник «Москва кабацкая», который долго не удавалось пристроить в Москве, вышел в середине июля 1924 г. в Ленинграде в типографии Ленгиза им. Н.И. Бухарина [2, с. 110–111; 22, с. 43] благодаря лично Ионову. Как раз в это время и появились есенинские стихи, обращенные к издателю. Подчеркнем также, что в словаре поэзии Есенина прилагательное «славный» в значении «располагающий к себе, милый, симпатичный» встречается единственный раз [18, с. 183].

Из мемуарной литературы известно о любви и интересе Есенина к типографскому делу. Свидетель его жизни 1913–1914 гг. Г.Д. Деев-Хомяковский писал: «Фабрика с ее гигантскими размахами и бурливой жизнью произвела на Есенина громадное впечатление. Он был весь захвачен работой на ней и даже бросил было писать стихи» [13, т. 1, с. 148]. Напомним, что в стенах этой типографии (в 1925–1926 гг. — Первой, ныне Первой образцовой), наверное, на том же оборудовании, печаталось при жизни Есенина его Собрание стихотворений, ставшее посмертным.

Личное участие поэта в работе типографии было естественным. Есенин — дипломированный педагог, а производственный рабочий стаж порядка полутора лет — работа в московских типографиях в 1913–1914 гг. в качестве экспедитора, помощника корректора и корректора. Кстати, Шершеневич отмечал высокую грамотность Есенина, в отличие от Мариенгофа: «Писал он с помарками, но без ошибок <...> не то, что Анатолий, который мог по рассеянности в любом слове сделать ошибку...» [7, с. 215].

Через десять лет Николай Вержбицкий наблюдает за реакцией Есенина, посетившего в Тифлисе типографию издательства «Заря Востока»: «Войдя в наборный цех, он начал как-то странно поводить носом, и на лице у него появилась довольная улыбка. А взгляд любовно скользил по наборным кассам, по печатным станкам, по талеру, на котором уже заканчивалась верстка одной полосы газеты. Вскоре я убедился, что Есенин хорошо разбирается в типографском деле... Потом он еще много раз навещал меня в типографии и всегда говорил, что запах типографской краски напоминает ему юность и какие-то приятные и интересные события... Есенин быстро сошелся со всеми рабочими...» [13, т. 2, с. 213]. Седьмую годовщину Октябрьской революции он отмечал в компании наборщиков и печатников этой типографии. В стихотворении «Заря Востока», адресованном редакции одноименной газеты, среди ее сотрудников поименован и заведующий типографией и финансовой частью Э.Б. Лопатухин [4, т. 4, с. 196–198, 424].

Во второй половине 1921 г. у Есенина появился реальный шанс стать одним из руководителей частной типографии. В ЦГАМО (Центральном государственном архиве Московской области) среди документов обширного и сложно организованного фонда Моссовета (свыше 16 тыс. ед. хр.; кроме того, часть документов хранится в ЦГА города Москвы) удалось обнаружить два не известных ранее документа с подписью Есенина, не вошедшие в Полное собрание сочинений поэта. Они свидетельствуют о планах расширения издательской деятельности имажинистов, а именно, о проекте открытия собственной типографии.

Основной документ — письмо без даты с неофициальным обращением к председателю Моссовета Л.Б. Каменеву. Написанное В. Шершеневичем, оно, кроме авторской, имеет подписи Есенина и Кусикова:

*Многоуважаемый
Лев Борисович!*

Несколько месяцев тому назад Вы подписали нам Ваше разрешение на выдачу нам типографии, для передачи нашего ходатайства в Полиграф[ический] Отдел. Однако, тогда наша просьба не увенчалась успехом в Полиграфотделе. Теперь там изменилась точка зрения, и типография нам дается при условии, что Вы повторите свою надпись. На прилагаемом ходатайстве нужна Ваша резолюция, о неимении препятствий.

*Заранее извиняемся за вторичное беспокойство.
Заранее благодарим.*

*С. Есенин
Вад. Шершеневич
А. Кусиков⁴*

К письму приложено официальное ходатайство на имя Каменева от «трудовой группы поэтов и писателей», отпечатанное на пишущей машинке (лист стандартного размера) также без указания даты, за подлинными подписями Шершеневича, Есенина, С. Григорьева, Р. Ивнева, А. Кусикова, представившимися членами Всероссийского профсоюза поэтов и писателей (правда, каждый из этих союзов представлял собой автономную организацию):

⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Ед. хр.15. Л. 7.

*Председателю Московского Совдепа
Л.Б. Каменеву.
От трудовой группы поэтов и писателей.*

Настоящим просим Вас разрешить нам работать на артельных началах, личным трудом, как производственный кустарный кооператив в имеющейся у нас типографии, дабы иметь возможность издавать свои произведения.

Означенная артель в плане своих работ и в самых работах будет подчинена всем существующим требованиям и положениям.

*Члены Всероссийского Профсоюза
поэтов и писателей*

*Вад. Шершеневич С. Есенин
С. Григорьев Р. Ивнев
А. Кусиков⁵*

Оба документа зарегистрированы в экспедиции Исполкома Моссовета 31 декабря <1921 г.> за входящими № 22083 и 22084. На основном рукописном документе — резолюция без подписи: «В архив», так что можно достаточно уверенно предположить, что на рассмотрение Каменеву бумаги, скорее всего, так и не поступили.

Эта дважды проявленная и важная для имажинистов инициатива, впрочем, никак не отразилась в их обширной мемуаристике — даже у Матвея Ройзмана, представлявшего себя посредником между имажинистами и Моссоветом и утверждавшего, что все документы печатались на его личной пишущей машинке⁶.

Попробуем прокомментировать ситуацию. В условиях дефицита полиграфической базы поэты вели интенсивные поиски выхода из сложившейся ситуации. Лично Есенину в конце 1920 г. удается во 2-м отделении государственной типографии напечатать два сборника: «Преображение» и третье издание «Радуницы». Однако в издании долгожданной поэтом книги «Стихи и поэмы о земле русской, о чудесном госте и невидимом граде Инонии» после долгих мытарств Госиздат отказал⁷. В одном из писем того времени Есенин с горечью писал: «Уж очень трудно стало у нас с книжным делом в Москве. Почти ни одной типографии не дают для нас, несоветских... Заедают нас, брат, заедают...» [4, т. 6, с. 111–112]. Анало-

⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Ед. хр.15. Л. 6.

⁶ Ройзман М.Д. Все, что помню о Есенине. М.: Сов. Россия, 1978. С. 45, 68.

⁷ См.: Субботин С.И. К истории деловых отношений Есенина с издательством ВЦИК и Госиздатом РСФСР (1919–1922 годы) [5, с. 161–163].

гичная жалоба — в другом письме: «...я осужден бродить <...> из типографии в типографию и опять в типографию» [4, т. 6, с. 110].

В выявленных архивных документах содержится признание о наличии у имажинистов нелегальной полиграфической базы. Это обстоятельство зафиксировано в материалах проверки их издательской и книготорговой деятельности, осуществленной Наркоматом рабоче-крестьянской инспекции 17–31 мая 1921 г. [9, с. 119, 127–129]. Среди таких нелегальных изданий — авторский сборник Есенина «Третьякница», вышедший в середине октября 1920 г. под маркой несуществующего издательства «Злак», а также три коллективных сборника с участием Есенина — «Плавильня слов», «Харчевня зорь», «Конница бурь», вышедшие в феврале-мае 1920 г. Полулегально вышел в 1921 г. есенинский сборник «Исповедь хулигана» в издательстве «Имажинисты». О подобной практике писал Шершеневич, который между прочим отмечал, что Есенин «мечтал издаваться легально» [7, с. 214]. Сгущая ситуацию, Есенин, Мариенгоф и Шершеневич в письме наркому по просвещению А.В. Луначарскому (5 марта 1920 г.) подчеркнут: «За весь период времени нам не удалось выпустить законным и легальным путем ни одной книги стихов, ни одного альманаха» [4, т. 7, кн. 2, с. 238–239].

Возможность узаконить свою издательскую деятельность имажинисты получили во второй половине августа 1921 г. после принятия коллегией Наркомпроса и президиумом Моссовета постановлений (соответственно 18 и 26 августа) о частном книгоиздании, отменяющих существовавшие ранее ограничения деятельности частных издательств и разрешающих им иметь собственную полиграфическую базу при обязательном условии, что книги не будут направлены против советского строя и не будут носить явно антиобщественного содержания [9, с. 170, 176]. Так появилось первое ходатайство поэтов с положительной резолюцией Каменева. Можно предположить, что реакция Есенина и его товарищей была молниеносной и на начальном этапе результативной. Не обнаруженный пока документ, предъявленный в Полиграфотдел, вероятно, затерялся в делопроизводстве как не требующий исполнения. Его можно условно датировать концом августа-началом сентября 1921 г., что подтверждается словами из новообнаруженного текста конца декабря 1921 г.: «несколько месяцев назад», а также тем обстоятельством, что Есенин с 11 июля по 26 сентября 1921 г. безвыездно находился в Москве⁸.

⁸ Отмеченное в Летописи жизни и творчества поэта событие — путешествие по Новгородской губернии [9, с. 147] — представляется нам недостаточно обоснованным.

Логично предположить, что вторая, оказавшаяся совсем неудачной, попытка имажинистов добиться разрешения на типографскую деятельность связана с выходом (12 декабря 1921 г.) «Декрета Совета Народных Комиссаров о частных издательствах», в 3-м пункте которого более четко формулируется право издательствам иметь собственные типографии [6, с. 112–113].

Судя по характеру неформального обращения поэтов к Каменеву имажинисты рассчитывали на его весомую поддержку. Ныне в некоторых работах акцентируется особая близость Есенина и его соратников-имажинистов к руководству страны (см., например: [8, с. 270–271]). Между тем, известные на этот счет факты единичны. Сохранилось официальное обращение МТАХС в Моссовет, подписанное Есениным (староста) и Мариенгофом (писарь), об открытии книжной давки, зарегистрированное 20 сентября 1919 г., с разрешительной резолюцией председателя Моссовета Каменева [4, т. 7, кн. 2, с. 233–234, 405–406]. Мариенгоф утверждает, что поэты получили разрешение только после долгой беготни в Моссовет при очной встрече, по настойчивым уговорам Есенина, старательно «по-ключевски» окаящего и по-мужицки тыкающего «отцу родному»⁹. Известен текст инскрипта Есенина на сборнике «Трерядница», включенный в ПСС как достоверный: «Дорогому Льву Борисовичу // Каменеву. // Многопризнательный // Сергей Есенин. 1920. 24 июня» [4, т. 7, кн. 1, с. 105]. Он вызывает вопросы. Текст опубликован Н.Г. Юсовым на основании сообщения А.А. Козловского со ссылкой на И.И. Шнейдера, владельца раритетного сборника, местонахождение которого ныне неизвестно [4, т. 7, кн. 1, с. 443]. Как он попал к Шнейдеру, тоже неизвестно: тот познакомится с Есениным только в октябре 1921 г. Не исключено, что это могла быть заготовка для подарка на случай личной встречи поэта с Каменевым, которая в тот момент не состоялась (так же, как и год спустя). И потому резюме комментаторов Полного собрания сочинений поэта, что Каменев оказывал «содействие Есенину и его друзьям-имажинистам в издательской и книготорговой деятельности» [2, т. 7, кн. 1, с. 444], выглядит не вполне убедительно. Впрочем, не исключено, что при обращении к чиновнику, оказавшему поэтам не любезность, но лишь исполнившему свою обязанность, Есенин все же однажды мог назвать себя «многопризнательным».

Все вышеизложенное — лишь один из многочисленных эпизодов литературно-общественной деятельности Есенина. Судя по всему,

⁹ Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 312.

есть реальные перспективы развернуть этот эпизод в полноценное исследование темы «Есенин и книгоиздание».

Литература

1. *Базанов В.В.* «Время мое пришло...» (С. Есенин и книгоиздательство МТАХС) // Вопросы литературы. 1975. № 1. С. 199–211.
2. *Белосусов В.Г.* Сергей Есенин. Лит. хроника. М.: Сов. Россия, 1970. Ч. 2. 448 с.
3. В мире Есенина / сост. А.А. Михайлов, С.С. Лесневский. М.: Сов. писатель, 1986. 654 с.
4. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995–2001.
5. Издания Есенина и о Есенине. Итоги. Открытия. Перспективы. Есенинский сборник. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. Вып. IV. 307 с. (Новое о Есенине; 4)
6. Издательское дело в первые годы Советской власти. Сб. документов и материалов. М.: Книга, 1972. 240 с.
7. Как жил Есенин. Мемуарная проза / сост., автор послесл. и комм. А.Л. Казаков. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1991. 379 с.
8. *Лекманов О.А., Свердлов М.И.* Сергей Есенин. Биография. 2-е изд. М.: Астрель, 2011. 606 с.
9. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 3, кн. 1: 1921–10 мая 1922 / отв. ред. С.И. Субботин, сост. В.А. Дроздков, А.Н. Захаров. 473 с.
10. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 5, кн. 2: 24 декабря 1925 года – середина 1926 года. Справочные материалы / отв. ред. С.И. Субботин, сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой. 1160 с.
11. Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд. М.; Рязань; Константиново: РГПУ, 2005. 569 с.
12. Русский имажинизм: история, теория, практика. М.: ИМЛИ РАН. 2005. 518 с.
13. С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986.
14. Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха. Сб. науч. трудов. М., Рязань; Константиново: ГМЗЕ, 2018. Ч. III. 640 с. (Есенин в XXI веке; 6)
15. Сергей Есенин в контексте мировой литературы. Сб. науч. трудов. М.; Рязань; Константиново: ГМЗЕ, 2020. Вып. 7. 408 с. (Есенин в XXI веке; 7)
16. Сергей Есенин глазами современников / вступ. ст., сост., подг. текста, коммент. Н.И. Шубниковой-Гусевой. СПб.: Росток, 2006. 637 с.
17. Столетие Сергея Есенина. Междунар. симпозиум. Есенинский сборник. М.: Наследие, 1997. Вып. III. 524 с. (Новое о Есенине; 3)

18. *Шипулина Г.И.* Словарь языка Есенина. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Наречие. Баку: Мутарджим, 2013. 553 с.

19. *Шубникова-Гусева Н.И.* Поэмы Есенина. От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 684 с.

20. *Шубникова-Гусева Н.И.* Сергей Есенин и Галина Бениславская. СПб.: Росток, 2008. 479 с.

21. *Юсов Н.Г.* Известный и неизвестный Есенин. М.: Новый индекс, 2012. 638 с.

22. *Юсов Н.Г.* Прижизненные издания С.А. Есенина. Библиографический справочник. М.: Златоцвет, 1994. 144 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Unknown Materials about Esenin's Publishing Activity (1921)

© 2023. Nina M. Solobay
Independent Researcher,
Moscow, Russia

Abstract: The article introduces into scientific circulation two archival documents signed by S.A. Esenin, which were not included in “The Complete Works of S.A. Esenin” in 7 vols. (9 books) (1995–2001). These documents are kept in the Moscow City Council fund in the Central State Archive of the Moscow Region and indicate plans to expand the publishing activities of imaginalists, namely, the project of opening their own printing house. The main document is a letter with an informal appeal to the chairman of the Moscow City Council L.B. Kamenev signed by Esenin, V.G. Shershenevich, and A.B. Kusikov. An official petition addressed to Kamenev, signed by Shershenevich, Esenin, S.T. Grigoriev, R. Ivnev, and Kusikov, is attached to the letter. Both documents were registered in the expedition of the Executive Committee of the Moscow City Council on December 31, 1921, and are commented on in detail in the article. The content of the discovered letter to Kamenev confirms that there was previously a successful initiative of a similar nature. Among the “illegal” publications of the imaginalists is the author’s collection of Esenin “Treyadnitsa,” published in mid-October 1920 under the brand of the non-existent publishing house “Cereal,” as well as three collections with the participation of Esenin — “The Foundry of Words,” “The Tavern of Dawn,” “The Cavalry of Storms,” published in February–May 1920. These discovered documents open previously unknown pages of Esenin’s biography.

Keywords: S.A. Esenin as a publisher, archives, unknown documents, L.B. Kamenev, imaginalists, printing house, literary life of 1920–1921.

Information about the author: Nina M. Solobay — archivist historian, Independent researcher, Moscow, Russia.

E-mail: editor@litfact.ru

For citation: Solobay, N.M. “Unknown Materials about Esenin’s Publishing Activity (1921).” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 174–185. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-174-185>

References

1. Bazanov, V.V. “‘Vremia moe prispelo...’ (S. Esenin i knigoizdatel’stvo MTAkS)” [“‘My Time has Come...’ (S. Esenin and Moscow Labor Artel of Word Artists Publishing House)”.] *Voprosy literatury*, no. 1, 1975, pp. 199–211. (In Russ.)
2. Belousov, V.G. *Sergei Esenin. Literaturnaia khronika* [*Sergey Esenin. Literary Chronicle*], part 2. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1970. 448 p. (In Russ.)
3. *V mire Esenina* [*In Esenin’s World*], comp. A.A. Mikhailov, S.S. Lesnevskii. Moscow, Sovetskii Pisatel’ Publ., 1986. 654 p. (In Russ.)
4. Esenin, S. A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [*Complete Works: in 7 vols. (9 books)*], ex. ed. Iu.L. Prokushev. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1995–2001. (In Russ.)
5. *Izdaniia Esenina i o Esenine. Itogi. Otkrytiia. Perspektivy. Esenskii sbornik* [*Editions of Esenin and about Esenin. Results. Discoveries. Perspectives. Esenin Collection*], issue 4. Moscow, IWL RAS, Nasledie Publ., 2001. 307 p. (In Russ.)
6. *Izdatel’skoe delo v pervye gody Sovetskoi vlasti. Sbornik dokumentov i materialov* [*Publishing in the Early Years of Soviet Power. Collection of Documents and Materials*]. Moscow, Kniga Publ., 1972. 240 p. (In Russ.)
7. *Kak zhil Esenin. Memuarnaia proza* [*How Esenin Lived. Memoir Prose*], comp., author of the afterword and comm. A.L. Kazakov. Chelyabinsk, Iuzhno-Ural’skoe knizhnoe izdatel’vo Publ., 1991. 379 p. (In Russ.)
8. Lekmanov, O.A., and M.I. Sverdlov. *Sergei Esenin. Biografiia* [*Sergey Esenin. Biography*]. 2nd ed. Moscow, Astrel’ Publ., 2011. 606 p. (In Russ.)
9. *Letopis’ zhizni i tvorchestva S.A. Esenina: v 5 t. (7 kn.)* [*Chronicle of S.A. Esenin’s Life and Work: in 5 vol. (7 books)*], vol. 3, book 1: 1921–10 maia 1922 [1921–May 10, 1922], ex. ed. S.I. Subbotin, comp. V.A. Drozdov, A. N. Zakharov. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 473 p. (In Russ.)
10. *Letopis’ zhizni i tvorchestva S.A. Esenina: v 5 t. (7 kn.)* [*Chronicle of S.A. Esenin’s Life and Work: in 5 vol. (7 books)*], vol. 5, book 2: 24 dekabria 1925 goda – seredina 1926 goda [December 24, 1925 – mid-1926. Reference Materials], ex. ed. S.I. Subbotin, comp. by N.I. Shubnikova-Guseva. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 1160 p. (In Russ.)
11. *Nasledie Esenina i russkaia natsional’naia ideia: sovremennyi vzgliad* [*Esenin’s Legacy and the Russian National Idea*]. Moscow, Ryazan, Konstantinovo, The Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2005. 569 p. (In Russ.)
12. *Russkii imazhinizm: istoriia, teoriia, praktika* [*Russian Imaginism: History, Theory, Practice*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 518 p. (In Russ.)
13. *S.A. Esenin v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [*S.A. Esenin in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols.*], introd., comp. and comm. by A.A. Kozlovskii. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986. (In Russ.)

14. *Sergey Esenin: Lichnost'. Tvorchestvo. Epokha. Sbornik nauchnykh trudov* [*Sergey Esenin: Personality. Works. Epoch. Collection of Scientific Works*], part 3. Moscow, Ryazan, Konstantinovo, State Museum of S.A. Esenin Publ., 2018. 640 p. (In Russ.)

15. *Sergey Esenin v kontekste mirovoi literatury. Sbornik nauchnykh trudov* [*Sergey Esenin in the Context of World Literature. Collection of Scientific Works*], issue 7. Moscow, Ryazan, Konstantinovo, State Museum of S.A. Esenin Publ., 2020. 408 p. (In Russ.)

16. *Sergey Esenin glazami sovremennikov* [*Sergey Esenin through the Eyes of Contemporaries*], introd. article, comp., text prep. and comm. by N.I. Shubnikova-Guseva. St. Petersburg, Rostok Publ., 2006. 637 p. (In Russ.)

17. *Stoletie Sergeia Esenina. Mezhdunarodnyi simpozium. Eseninskii sbornik* [*The Centenary of Sergey Esenin. International Symposium. Esenin Collection*], issue 3. Moscow, Nasledie Publ., 1997. 524 p. (In Russ.)

18. Shipulina, G.I. *Slovar' iazyka Esenina. Prilagatel'noe. Chislitel'noe. Mestoimenie. Narechie* [*Dictionary of Esenin's Language. Adjective. Numerals. Pronoun. Adverb*]. Baku, Mutardzhim Publ., 2013. 553 p. (In Russ.)

19. Shubnikova-Guseva, N.I. *Poemy Esenina ot "Proroka" do "Chernogo cheloveka": Tvorcheskaia istoriia, sud'ba, kontekst i interpretatsiia* [*Esenin's Poems from the "Prophet" to the "Black Man": Creative History, Fate, Context and Interpretation*]. Moscow, IWL RAS, Nasledie Publ., 2001. 688 p. (In Russ.)

20. Shubnikova-Guseva, N.I. *Sergey Esenin i Galina Benislavskaya* [*Sergey Esenin and Galina Benislavskaya*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2008. 479 p. (In Russ.)

21. Iusov, N.G. *Izvestnyi i neizvestnyi Esenin* [*Known and Unknown Esenin*]. Moscow, Novyi Indeks Publ., 2012. 638 p. (In Russ.)

22. Iusov, N.G. *Prizhiznennyye izdaniia S.A. Esenina. Bibliograficheskii spravochnik* [*Lifetime Editions of S.A. Esenin. Bibliography Directory*]. Moscow, Zlatotsvet Publ., 1994. 144 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.03.2023

Одобрена после рецензирования: 14.05.2023

Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 22.03.2023

Approved after reviewing: 14.05.2023

Date of publication: 25.09.2023

Бурная жизнь Евгения Кумминга: в Москве (1918–1921)

© 2023, А.Б. Устинов
Center for Open Studies,
Сан-Франциско, США

Аннотация: В работе предпринята реконструкция московского периода литературной биографии поэта и драматурга Евгения Львовича Кумминга (1899–1980), начиная с учреждения Всероссийского Союза поэтов в декабре 1918 г. и до его эмиграции в Эстонию весной 1921 г. В статье описывается его участие в московских литературных объединениях «Зеленая мастерская», «Литературный особняк», «Звено» и восстанавливается исторический контекст его активной творческой деятельности. Литературная жизнь тех лет во многом была сосредоточена в писательских клубах, кафе, где проходили многочисленные вечера с чтением стихов, полемическими выступлениями и т. п. В статье подробно прослеживается участие Е. Кумминга в подобных литературных собраниях. В приложении публикуется «драматическая трилогия» Е. Кумминга «Легендарная жизнь и достойная смерть Петрушки» (1920) — яркий образец поэтического авангарда пореволюционных лет.

Ключевые слова: Евгений Кумминг, Вениамин Каверин, московская литературная жизнь конца 1910-х – начала 1920-х гг., литературный быт, «Литературный особняк», «Зеленая мастерская».

Информация об авторе: Андрей Борисович Устинов — доктор филологических наук, PhD, Fellow at Center for Open Studies, 75 Alta Road, Stanford, CA 94305, USA.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0521-0974>

E-mail: abooks@gmail.com

Для цитирования: Устинов Андрей. Бурная жизнь Евгения Кумминга: в Москве (1918–1921) // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 186–229. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-186-229>

Когда по миру шли повальные аресты
И раскулачиванье шло и геноцид
То спасшиеся разные евреи
И русские, и немцы, и китайцы
Тайком в леса бежали Подмосковья
И основали город там Москву
О нем впоследствии редко кто и слышал
И москвичей живыми не видали

Дмитрий Александрович Пригов

Как часто, будущие мореходы,
Читали мы, волнуясь и хмелея,
Евангелие от Гогэна. Помнишь:
Кренился день, хрустел протяжно гравий,
Холодный вал, сиренью заглушен,
Отметил пыльное рукопожатье.
Ты выбрал юг. Я жался на Арбате,
Загравленный, распластанный, бездомный.

Евгений Кумминг

Рассказывая о начале своего литературного пути в «Русском Берлине», Глеб Струве посвятил одну из глав своих ненаписанных *in toto* воспоминаний литературному кружку «Братство Круглого Стола»:

Кружок этот был не только частный, но и тайный, <...> назывался довольно громко и смешно: «Братство Круглого Стола». Название было придумано, как и многое другое в этом кружке, Леонидом Ивановичем Страховским <...>. Тогда, в Берлине, он был известен как автор стихов и рассказов, которые подписывал псевдонимом «Леонид Чацкий». <...>

Другие члены кружка были уже нашими общими знакомыми по литературному Берлину. В протоколе первого собрания кружка, которое происходило 8 ноября 1922 г., перечисляются восемь членов-учредителей. Это — В.А. Амфитеатров-Кадашев, сын А.В. Амфитеатрова, ставший председателем кружка; Сергей Горный, писатель-юморист, приобретший некоторую известность еще в России (это был псевдоним С.А. Оцуца, брата поэта Николая Оцуца); Сергей Кречетов, известный еще с начальной эпохи символизма; Иван Лукаш, молодой писатель-прозаик, начавший писать незадолго

до революции или в начале ее (он стал товарищем председателя кружка); Владимир Сиринов (т. е. В.В. Набоков); пишущий эти строки; В.Е. Татарин, журналист, в то время сотрудник газеты «Руль»; и Леонид Чацкий <...> [8, с. 190–192].

Несмотря на то, что это «общество являлось тайным», как было сказано в протоколе первого собрания «Братства Круглого стола», тем не менее, «посещали заседания кружка и другие: например, поэт Владимир Корвин-Пиотровский, который на заседании читал свой рассказ; а также Н.С. Арбузов, у которого потом был книжный магазин. Но так как более поздние протоколы не сохранились, не могу сказать, были ли они “кооптированы” в кружок или были его гостями» [8, с. 192]. Среди таких «гостей» нужно назвать и Евгения Кумминга (известного также, как *Евг.* или *Е. Комнин*), ёмкую справку о бурной жизни которого в своем «Словаре псевдонимов русского зарубежья в Европе» приводит Манфред Шруба:

Кумминг Евгений Львович (Eugen Kumming; 18.10.1899, Москва — 27.5.1980, Мюнхен), поэт, журналист, редактор, переводчик; в эмиграции с 1921 г.; жил в Германии; в 1933 г. редактор-издатель берлинской газеты «Новое слово»; во время Второй мировой войны в Вермахте в качестве переводчика на восточном фронте; после 1945 г. жил в Мюнхене, в 1953–1954 гг. директор радиостанции «Свобода». Псевд.: 1) Е. К.; 2) Е. К-н; 3) Комнин, Евгений [Комнин, Евг.; Комнин, Е.]; 2) Е. К. [10, с. 624].

Литературная биография Кумминга началась в Москве: его подпись стоит под уставом Всероссийского профессионального Союза поэтов, который был утвержден коллегией Наркомпроса 16 декабря 1918 г. и заявил о себе как «учреждение культурно-просветительное, и целью его является духовное и экономическое объединение членов союза во имя революционного строительства новой жизни на основах советской конституции» [6, с. 315]¹. Однако полноценная деятельность этого литературного объединения не удалась. «Скоро справит первую годовщину “Всероссийский Союз поэтов”, основанный рядом молодых поэтов с В. Каменским и В. Шершеневичем во главе, — писал газетный обозреватель. — Деятельность Союза,

¹ Среди других подписавших устав Союза поэтов в контексте биографии Кумминга для нас представляются значимыми председатель Василий Каменский, секретарь Вадим Шершеневич, поэты Рюрик Ивнев и Василий Федоров, а также будущие «люминисты» Тарас Мачтет и Наталия Кугушева.

насчитывающего до 300 членов (в числе коих А.В. Луначарского), свелось преимущественно к публичным выступлениям на эстраде Союза в “Кафе Домино”»².

Одновременно в той же хронике рассказывалось об учреждении «Литературного особняка» — едва ли не самой всеобъемлющей литературной группы Москвы 1920-х г.:

При Союзе книгоиздательство «Чихи-Пихи» поэтов левого крыла и несколько секций. Секция классической и неклассической поэзии, организованная при Союзе рядом молодых поэтов (с Е. Волчанецкой, Л. Красиным и Н. Захаровым-Мэнским во главе), вследствие нескольких разногласий отделилась от Союза и перешла под ведение «Среды», переименовавшись в Кружок поэтов «Литературный Особняк». Председателем Кружка состоит поэт О. Леонидов. Собрания ведутся еженедельно. В Кружке до 50 членов, с В. Брюсовым и К. Бальмонтом во главе³.

Можно не сомневаться, что Кумминг сначала также принял участие в деятельности «Литературного особняка», но долго там не продержался: группа существовала при Союзе поэтов, а ситуация в самой художественной организации продолжала стабильно ухудшаться. Ровно полгода спустя ежедневная петроградская газета «Жизнь искусства» писала о пертурбациях, происходящих в этом «культурно-просветительном учреждении»:

Совершенно реорганизовался Всероссийский Союз Поэтов, принявший за последнее время слишком нежелательный характер, благодаря выходкам поэтов-имажинистов⁴. В настоящее время во главе союза встали представители всех течений, внешний вид изменен коренным образом, надписи, часто мало цензурные, сняты, стены

² Литературные кружки и общества // Вестник театра. 1919. № 37, 14–19 октября. С. 15.

³ Там же, с. 15. «Литературный особняк» стал «автономной организацией в декабре 1919 г. [6, с. 345]. 5 декабря в Моссовете был зарегистрирован «устав Кружка поэтов и литературных критиков “Литературный особняк” <...>. Председатель кружка О. Леонидов [Шиманский]; члены: Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт, В. Брюсов, В. Бутягина, Е. Волчанецкая, М. Гальперин, Н. Гиляровская, В. Гиляровский, Н. Захаров-Мэнский, С. Зотов, В.П. Иванов, Н. Кугушева, В. Лобанов, К. Лукьянова, Н. Минаев, М. Нетропов [Портен], М. Павлова, Я. Полонский, А. Присманова, М. Ройзман, Д. Туманный [Н. Панов], В. Федоров и др.» [6, с. 458–459].

⁴ Имеется в виду «деятельность» председателя «Сопо» (московский акроним для Союза поэтов) Вадима Шершеневича и примкнувших к нему Анатолия Мариенгофа, Александра Кусикова и Рюрика Ивнева.

союза покрыли карикатуры худ<ожника> Мака⁵. При Союзе организована библиотека и налаживается 1-ый сборник Всероссийского Союза Поэтов. Председателем Союза состоит М.П. Герасимов⁶.

Кумминг воспользовался этой рокировкой в «Сопо» и во второй половине февраля 1920 г. стал одним из организаторов поэтического объединения «Зеленая мастерская», созданного «на правах секции Союза поэтов» [6, с. 520], о чем не преминул сообщить еженедельник «Вестник театра» — московская альтернатива петроградской «Жизни искусства»:

В прошедший понедельник <16 февраля> исполнилась годовщина кружка поэтов и критиков «Литературный Особняк».

В прошедший вторник на заседании «Звена» были заслушаны рассказы писателя Портнова «В дороге» и «По лесной тропе». Рассказы, написанные живо и образно, вызвали ряд прений. В заключение поэт Я. Полонский прочел ряд своих стихотворений. В Москве организовалось в виде секции Союза поэтов новое общество: «Зеленая мастерская», основанная рядом молодых поэтов левого направления. В правление вошли поэты <Евгений> Кум<м>инг, <Теодор> Левит и <Ипполит> Соколов⁷.

Возможно, что с деятельностью этого общества связана опубликованная в том же «Вестнике театра» слегка безумная, как всё вышедшее из-под пера Соколова, «Декларация права “на свист”» — его индивидуальный вклад в литературное или, скорее, театральное утверждение «Зеленой мастерской»:

§ 1. Люди рождаются свободными одобрять или не одобрять то, *что* и *как* изображается на сцене или на эстраде.

§ 2. Только в таком случае можно говорить о «со-творчестве» зрителя, если он *немедленно* реагирует внешним образом на протекающее действие.

§ 3. Выход театра из коробки-сцены в театральный зал утверждает *равноправие аплодисмента и свиста*.

§ 4. Формы одобрения общеизвестны. Формы неодобрения многообразны — и допустимы все, кроме сопряженных с членовре-

⁵ См. ниже в фельетоне Вл. Пяста.

⁶ Литературная хроника Москвы (От нашего корреспондента) // Жизнь искусства. 1920. № 401–402, 18–19 марта. С. 3.

⁷ Литературная неделя // Вестник театра. 1920. № 54. 24–29 февраля. С. 15.

дительством. Из них *свист* является <формой> наиболее экономной и подходящей для всех широт и долгот.

§ 5. Право на *свист* ограничивается: а) воспрещением прибегать для производства свиста к механическим приспособлениям, напр<имер>, сооружать в зрительном зале фабричные гудки и б) нераспространением этой гражданской свободы на мальчишек-папиросников⁸.

Важно подчеркнуть, что в «Зеленой мастерской» Кумминг выступал также как часть театральной составляющей. Его настоящая *claim to fame* — созданная для сцены «драматическая трилогия», выстроенная на трех сменяющих географические декорации эпизодах «Легендарная жизнь и достойная смерть Петрушки»⁹ была опубликована в журнале «Художественное слово» в середине 1920 г.¹⁰ А осенью того же года он ничтоже сумняшеся выпустил литографическим способом книжку¹¹ «Драматические опыты. Петрушка-пилигрим: Забавный миракль. Смерть Варлена: Фрагмент. Театр Мировых Панорам: Представление» (Петербург, <1>920. 32 стр.)¹².

Тем не менее, еще до учреждения «Зеленой мастерской» Кумминг стал участником литературного кружка «Звено». Как отмечал газетный обозреватель, «Москва характеризуется обилием литературных группировок, школ и образований, среди которых преобладают стихотворческие группы»¹³. Объединение «Звено»

⁸ С<около>. Декларация права «на свист» // Вестник театра. 1920. № 75. 30 ноября. С. 15.

⁹ Интерпретация этой комедии абсурда дается в статье: [11].

¹⁰ См. Приложение 1.

¹¹ Открывается дедикацией: «Посвящаю Нине Ильинишне *Шофман*. 18/9 – 920. Москва» (С. 3).

¹² РНБ. Шифр: 37.62.2.402; с дарственной надписью: «С. Курлянд. Я Вас знаю только мельком, — но это не причина, чтобы отказать себе в удовольствии послать Вам книгу. ЕКумминг 6/Х 20». Там же объявлены другие «Книги того же автора»:

Легендарная жизнь и достойная смерть Петрушки. Драматическая трилогия. Весна 920 г.

Путешествующие бредни — стихи. 919–920 г.

Заметки об искусстве Миганаджиана. 920 г.

и отдельно, на задней обложке:

С. Буданцев. Родина и современник. — поэма. —

М. Тэ (Михаил Туркельтауб. — А.У.). Bautta. Лирическая пыль.

¹³ *Ростовцев К.* Литературный Петроград // Накануне. (Берлин). Литературная неделя. 1923. № 514. 25 декабря. С. 11. Ср. в хронике: «В субботу во “Дворце Искусств” состоялся вечер поэтов Н. Кугушевой, З. Хацревина, Т. Мачтета, Я. Полонского, А. Струве, <Н.> Вольпин и <Л.> Ещина. В заключение Эйгес и Борисак исполнили несколько сонат Бетховена. В прошлый понедельник в “Союзе поэтов” состоялся диспут о театре. Докладчик б. Глубоковский, в прениях выступили В. Шершеневич и другие» (Литературная неделя (За четырнадцать дней) // Вестник театра. 1919. № 40. 4–7–9 ноября. С. 15).

(позднее — «Литературное звено») было учреждено 20 июля 1918 г. на квартире В. Львова-Рогачевского (Трубниковский пер., 24, кв. 12) [6, с. 233], но первое его собрание состоялось только 20 декабря того же года [6, с. 318]¹⁴. 18 ноября 1919 г. на собрании «Звена» читали стихи будущие товарищи Кумминга по «Зеленой мастерской»: как сообщал корреспондент «Вестника театра», «выступили с рядом стихов поэтесса Н. Кугушева и поэт <Я.> Полонский»¹⁵. 9 декабря 1919 г. там прочитал стихи Матвей Ройзман, еще один участник «Зеленой мастерской».¹⁶ Сам Кумминг выступил в «Звене» 2 марта 1920 г. вместе с Наталией Кугушевой и Яковом Полонским со стихами вслед за читавшим прозу Борисом Пильняком [6, с. 523].

«Во вторник в “Литературном Звене” писатель Пильняк прочел свой новый рассказ “При дверях”, вызвавший оживленные прения. Следующие диспуты “Звена” будут посвящены театру и критике», — констатировал хроникер «Вестника театра» и далее делал замечание по организационным делам: — «15 марта состоится в “Литературном особняке” заседание представителей всех московских кружков и критиков. Кружки предполагают обратиться к Литературному Отделу с ходатайством признать организуемое ими бюро, как совещательный орган при Отделе»¹⁷.

Вскоре литературные пути Кумминга, с одной стороны, и Теодора Левита и Ипполита Соколова, со-организаторов «Зеленой мастерской», с другой, — кардинально разошлись. Последние затеяли «хартию экспрессионистов» — новое поэтическое течение, созданное на злобу дня, поэтому на устроенном «Литературным особняком» 29 марта 1920 г. чествовании Константина Бальмонта «в связи с 30-летием выхода его первой книги» [6, с. 536–537]¹⁸, где

¹⁴ См. сообщение в литературной хронике: «Интересная работа ведется в Кружке “Звено”, во главе которого стоит критик В.Л. Львов-Рогачевский и которое насчитывает более 80 членов. Кружок приступил к редактированию первого сборника произведений своих членов» (Литературные кружки и общества // Вестник театра. 1919. № 37. 14–19 октября. С. 15).

¹⁵ Литературная неделя // Вестник театра. 1919. № 44. 2–7 декабря. С. 14. Здесь же сообщалось о продолжении пертурбаций в Союзе поэтов, хотя на этот раз новости были более положительные: «Освобожден из-под ареста председатель Всероссийского Союза поэтов В.Г. Шершеневич. В прошлую субботу исполнилась годовщина основания Союза поэтов».

¹⁶ Вестник театра. 1919. № 46. 16–21 декабря. С. 15.

¹⁷ Вестник театра. 1920. № 57. 16–21 марта. С. 14.

¹⁸ Ср. в отчете: «Закончу свое письмо о чествовании “солнечного” поэта К.Д. Бальмонта по случаю исполнившегося тридцатилетия. Чествование было устроено кружком “Литературный Особняк” и в его помещении. Говорились речи, читались приветственные стихи, — всё честь с честью. В числе приветствовавших были все видные московские литературные мужи, В.<Л.> Львов-Рогачевский,

возможно присутствовал Кумминг, Левит и Соколов выступали «от экспрессионистов», а не от «Зеленой мастерской»¹⁹.

Это, впрочем, никак не смутило Кумминга — в новой итерации своей поэтической группировки он объединился с более традиционными представителями «Литературного особняка» и «Звена»: Вениамином Зильбером, Яковом Полонским, Надеждой Вольпин, Матвеем Ройзманом, Варварой Бутягиной, Наталией Кугушевой²⁰, Вячеславом Ковалевским²¹, Захаром Хацревиным²² — с ним Кумминг познакомился как раз в «Обоянке»²³. Некоторое время с «Зеленой

П.Н. Сакулин, <М.О.> Гершензон, из поэтов — Вячеслав Иванов. Замечалось отсутствие Валерия Брюсова, но это объясняют болезнью. Уже не дипломатическая ли она? Юбиляр выступил с речью, которую, как и полагается К.Д. Бальмонту, закончил стихами. Впрочем, в прозаической части он сообщил кое-что любопытное из своего прошлого» (*Волжанин О.* Московские письма // Вестник литературы. (Петроград). 1920. № 4–5 (16–17). С. 13). См. также: «На юбилей К.Д. Бальмонта» // Вестник литературы. 1920. № 6 (18) С. 12.

¹⁹ См. в другом отчете о вечере:

29 марта праздновалось 30-летие выхода в Ярославле в 1890 году первой книги стихов К.Д. Бальмонта. Приветствовать поэта в зал «Литературного Обоянка» собралась почти вся литературная Москва. Председатель собрания проф. П.Н. Сакулин приветствовал К.Д. от имени Общества Любителей Российской Словесности и всего мыслящего русского общества. Член правления «Литературного Обоянка» В.А. Бутягина прочла доклад, посвященный Бальмонту — поэту солнца и влюбленности. <...> Львов-Рогачевский прочел приветствие от Книгоиздательства писателей; Н. Захаров-Мэнский — от Союза поэтов; М. Ройзман — от Дворца Искусств; <...> В. Шершеневич и А. Кусиков — от К<нигоиздатель>ва «Чихи-Пихи» и имажинистов; поэт Т. Левит — от экспрессионистов; председатель «Литературного Обоянка» Олег Леонидов передал Бальмонту об избрании его почетным председателем «Обоянка» и прочел письмо и стихи, присланные одним из старейших русских поэтов В.А. Гиляровским. (Чествование К.Д. Бальмонта (От московского корреспондента «Ж. Искусства») // Жизнь искусства. 1920. № 424. 16 апреля. С. 1).

²⁰ Как писал А. Соболев о Наталии Петровне Кугушевой (1899–1964), в самом «начале 1920-х годов готовились к печати два сборника ее стихов, причем один из них — “Некрашенные весла” — даже печатно анонсировался в изданиях литературной группы “Зеленая мастерская”. В частности — на спинке обложки книги: *Полонский Я.* Вино волос. Пг., 1921» [5, с. 261].

²¹ Вячеслав Александрович Ковалевский (1897–1977) — «поэт, впоследствии видный советский прозаик, соратник Кугушевой по эфемерному литературному движению презентистов» [5, с. 267].

²² Захар Львович Хацревин (1903–1941) — «прозаик и журналист, входивший вместе с Кугушевой в объединение “Зеленая мастерская”. В 1921 году анонсировались его стихотворные сборники “Дней снег” и “Горячая карусель” (совместно с Я. Полонским), но ни один из них в свет не вышел» [5, с. 297].

²³ См. в литературной хронике: «В прошлый понедельник <6 октября 1919 г.> состоялось заседание “Литературного особняка”. С рядом своих стихов выступили К. Лукьянова, <З.> Хацревин, <Н.> Захаров-Мэнский и <Л.> Гольд (переводы из Мюссе)» (Литературная неделя // Вестник театра. 1919. № 37. 14–19 октября. С. 15).

мастерской» также ассоциировались «ничевоки» Рюрик Рок и Олег Эрберг и «парнасонец» Василий Фёдоров²⁴.

Портрет Кумминга этого времени был запечатлен Вениамином Кавериним, который тогда был Зильбером и работал в библиотечном коллекторе Московского военного округа, в его мемуарном романе «Освещенные окна» — именно благодаря этой дружбе Кумминг остался в памяти читателей неотъемлемой частью бурлящей литературной жизни Москвы начала 1920-х гг.:

Некому было почитать мои стихи, вот что меня тяготило! Но прошел месяц, другой, и слушатель нашелся. Не только слушатель, но советник и друг.

Не помню, где я встретился с Женей Куммингом, приземистым, некрасивым, коротконогим юношей, еще недавно принадлежавшим к кругу богатой московской молодежи. <...>.

Квартира Кумминга (он жил один, родители уехали за границу) была битком набита дорогими вещами, мебелью из мореного дуба, картинами в золоченых рамах, хрустальными вазами в серебре, старым оружием на старых коврах. И все это угрюмо стыло в нетопленных комнатах, как бы настаивая на своем непреходящем значении.

Женя был, что называется, светлая голова. Буржуазное происхождение не мешало ему служить в угрозыске, где он получал хороший паек. Его ценили за оригинальные мысли: и действительно, в борьбу против мешочников он внес много нового, предложив более совершенную систему облавы. Устаревший воровской словарь Трахтенберга он дополнил множеством новых слов и выражений. Начальник угрозыска советовался с ним чуть ли не ежедневно. В операциях он почти не участвовал.

Не знаю, что заставило Женю привязаться ко мне. У него было много друзей среди молодых московских поэтов, и вскоре он познакомил меня с Надей Вольпиной <sic!>, а потом — это было событием — с Павлом Антокольским. Возможно, что ему понравилось упорство, с которым я писал свои экзерсисы. Но еще вероятнее, что в глубине души он считал себя мастером, мэтром, а у мэтра, естественно, должен же быть хоть один ученик! И надо сказать, что едва

²⁴ Так же, как и большинство других московских поэтов этих лет, Василий Павлович Фёдоров (1883–1942) был членом «Литературного особняка». См. объявление о его сольном вечере, не учтенном в хронике [6]: «**Литературный особняк. Очередное** собрание кружка поэтов и критиков сост<оится> 12 июля, в 8 час<ов> веч<ера> в Доме печати (Никитский бул<ьвар>, д. 8). В програм<ме> поэзия В.П. Федорова (доклад О. Леонидова, чтение стихов автором и прения). Вход по рекомендации членов» (Известия. 1920. № 150 (997). 10 июля. С. 2).

ли он встретил бы ученика более послушного и старательного, чем я. С неподдельной искренностью я восхищался каждой его строкой.

— Тебе надо познакомиться с общей картиной нашей поэзии, — сказал он однажды и притащил десятка два поэтических сборников.

Незнакомые имена Грузинова, Шершеневича, Ивнева, Боброва, Рюрика Рока замелькали перед моими глазами. Я знал, что поэт непременно должен принадлежать к какому-нибудь направлению: Блок и Брюсов были символистами, Маяковский — футуристом. Но оказалось, что кроме футуристов и символистов были еще имажинисты, центрифугисты, неоромантики, парнасцы, ничевоки, экспрессионисты. Были даже и просто «эклектики», как бы предупреждавшие читателей, что они отнюдь не намерены сказать в поэзии новое слово. <...>

Стихи, которые мы, пугая прохожих, громко читали на бульварах Москвы, а когда не терпелось — шептали друг другу на ухо, сидя на подоконниках Дворца искусств, сохранились в рукописях, быть может, лишь у тех немногих счастливых, которые впоследствии стали известными поэтами. Мы не были центрифугистами или люминистами и не надеялись, что нашими произведениями заинтересуются такие солидные издательства, как «Хобо» или «Чихи-Пихи». <...> Мы не печатались, но иногда удавалось литографированным способом выпустить тоненькую тетрадку, как это сделал Женя Кумминг.

Одна из его «театральных поэм» называлась «Смерть Варлена», — Женя хотел показать, что он не остался в стороне от революционной действительности.

Луи Варлен, видный деятель Парижской коммуны, был заочно приговорен к смертной казни. Ему удалось бежать, но Женя, не считаясь с историей, привел приговор в исполнение.

Монолог, в котором Варлен рассказывает о защите последней баррикады, не лишен поэтического движения.

Горячий май змеился. Каждый волос —
В расправленном дыму. На баррикадах
Жакен, Валлес, Тринкэ. Последней мезью
Вздуваются сухие вены. Горечь
Дымит во рту. Там взвод федералистов
Бросается в атаку...
Париж — костер. Заря едва плетется
Сквозь заросли порохового дыма...

Я писал хуже, чем Кумминг, но в другом ключе, быть может, догадываясь, что подражать Антокольскому хотя и соблазнительно, но просто [3, с. 268–269, 300–301]²⁵.

29 апреля 1920 г. участники «Зеленой мастерской» читали стихи на собрании кружка «Звено» в следующем составе: «Н. Кугушева, В. Бутягина, В. Зильбер <псевдоним “Вениамин Каверин”>, Я. Полонский, Е. Кумминг и Н. Вольпин» [6, с. 547]. 16 июля поэты «Зеленой мастерской» — «Н. Вольпин, В. Ковалевский, Е. Кумминг и З. Хацревин» [6, с. 595] — читали стихи в заключение «Первого вечера презантистов» в клубе Союза поэтов²⁶. Этим новым направлением увлеклась Наталия Кугушева, поэтому она выступила в основной части вместе с «презантистами»-теоретиками Давидом Виленским и Диром Туманным (Николаем Пановым), который провозгласил суть этого направления как: «От слякоти лирических эмоций, через развалины жонглерства и зауми – к твердым конструкциям фабульной поэзии» [6, с. 595], — что бы это ни означало.

Впрочем, замечал А. Соболев о Кугушевой, «несмотря на готовность участвовать в группах с эксцентрическими декларациями (она выступает на вечере “презантистов” 16 июля 1920 года и практически заносит перо, чтобы подписаться под хартией экспрессионистов, — но ревнивый родоначальник движения Ипполит Соколов вдруг решает, что лучше ему остаться единственным), наиболее органично она смотрится среди эстетически не экстравагантных поэтов – в “Литературном особняке”, где она значится со дня основания» [5, с. 246]²⁷.

Как раз на собрании «Литературного особняка» в Доме печати 2 августа 1920 г. после доклада Николая Вильмонта на тему «О мещанском романтизме» Кумминг читал стихи вместе с Диром Туманным,

²⁵ Его мемуарный рассказ о «драматическом опыте» Кумминга «Петрушка-пилигрим» см. в Приложении 2. См. также итоговое резюме их отношений с точки зрения Каверина: «Между мной и Женей Куммингом была сильная по своей направленности, но недолгая дружба. Он был человеком, постоянно требовавшим что-нибудь от других и добивавшимся исполнения своих требований. Я от него ничего не требовал, и, может быть, именно поэтому он не то что полюбил меня, но привязался — и искренне привязался» [3, с. 562].

²⁶ См. анонс: «Дворец Искусств. Пятница, 16 июля. Первый вечер презантистов: доклад Д. Виленского, поэты: Виленский, Кугушева и Туманный» (Известия. 1920. № 51 (998). 11 июля. С. 4).

²⁷ Ему же принадлежит точное наблюдение, что в «Освещенных окнах» В. Каверин вспоминает именно Кугушеву: «Была грустная горбатая девушка с необыкновенно большими глазами, о которой говорили, что она — бывшая княжна — истинная поэтесса» [5, с. 245].

Наталией Бенар и Фейгой Коган [6, с. 604]²⁸. Далее следовала целая череда интенсивных выступлений в Клубе Союза поэтов, которые перечисляет А. Крусанов в своем историческом обзоре «Русский авангард 1907–1932»: 14 августа — вместе с Михаилом Козыревым и другими;²⁹ 20 августа — возможно, на вечере «Разговор поэтов»;³⁰ 22 августа — с Вениамином Зильбером (Кавериным);³¹ 28 августа — в группе с Наталией Поплавской, Яковом Полонским, Матвеем Ройзманом, Аделиной Адалис;³² видимо, на вечерах поэтов 6, 9 или 10 октября;³³ наконец, 20 октября имеет место «чтение Адалис “Поэмы о странствиях” со вступительным словом Е. Кумминга» [4, с. 344]³⁴. К этому можно добавить его выступление на «вечере поэзии (16 августа 1920) с участием П. Антокольского и Арго» во Дворце искусств [4, с. 348]³⁵.

20 сентября Кумминг принял участие в вечере «О современной поэзии» в Политехническом музее, организованном Союзом поэтов. Как писал московский журнал «Художественное слово» (в том же номере напечатана кумминговская комедия «Легендарная жизнь и достойная смерть Петрушки»), «в помещении Политехнического музея и Консерватории Союзом были организованы: доклад В.Я. Брюсова о современной литературе и о революционной поэзии, вечер современной поэзии (декларации различных школ и чтение

²⁸ См. анонс этого вечера: «Литературный особняк. Очередное собрание кружка поэтов и критиков 2 августа, в 8 часов вечера», в Доме Печати (Никитский бульвар, 8). В программе: Доклад Н. Вильмонта “О мещанском романтизме”. Чтение стихов. Вход по рекомендации членов» (Известия. 1920. № 165 (1012). 29 июля. С. 2; № 168 (1015). 1 августа. С. 2).

²⁹ См. анонс: «Клуб поэтов. ... 14 августа» — Поэты: Михаил Козырев, Е. Кумминг и др.» (Известия. 1920. № 175 (1022). 10 августа. С. 2).

³⁰ См. объявление: «Клуб поэтов. ... 20 августа — “Разговор поэтов”» (Известия. 1920. № 181 (1028). 17 августа. С. 4).

³¹ См. анонс: «Клуб поэтов. ... 21 августа» — Поэты: Зильбер, Кумминг» (Известия. 1920. № 181 (1028). 17 августа. С. 4).

³² См. объявление: «Клуб поэтов. ... 26 августа» — Вечер импровизации, ... 28 — Поэты: Поплавская, Полонский, Кумминг, Ройзман, Адалис, 29 — Поэты: Ильина, Решетов, Кугушева, Кларк, Волчанецкая, Грузинов» (Известия. 1920. № 186 (1033). 24 августа. С. 2).

³³ См. анонс: «В клубе поэтов. ... 6-го октября» — выступления поэтов, ... 9-го и 10-го октября» — выступления поэтов» (Известия. 1920. № 221 (1068). 5 октября. С. 4).

³⁴ См. объявление: «Клуб поэтов. ... 20 октября» — Адалис “Поэма о странствиях”, вступительное слово Е. Кумминг; 21 и 22 — выступления поэтов» (Известия. 1920. № 233 (1080). 19 октября. С. 4). Кумминг мог также выступить на этих поэтических чтениях 21 или 22 октября.

³⁵ См. анонс: «Дворец искусств (Поварская, 52). 16 августа». Вечер поэзии. Вступительное слово. Поэты: Антокольский, Арго, Кумминг. Начало в 9 часов вечера» (Известия. 1920. № 180 (1027). 15 августа. С. 2).

стихов), № 1 устного журнала Союза, литературный суд над имажинистами, литературный суд над современной поэзией, вечер, посвященный памяти Л.Н. Толстого...»³⁶.

Вот на этом форуме, где были объявлены «декларации различных школ» и прошло «чтение стихов», Кумминг выступил в разряде «неоакмеистов» — с ним таковыми были заявлены Аделина Адалис и Павел Антокольский³⁷. Другие выступавшие: «С. Буданцев, В. Маяковский, Б. Пастернак и Д. Тархов (“футуристы”), И. Грузинов, С. Есенин, А. Кусиков и В. Шершеневич (“имажинисты”), И. Соколов (“экспрессионист”). Объявлялось участие “декларациями и стихами” также В. Брюсова и А. Белого (“символисты”), С. Боброва (“центрифугист”), <...> Б. Земенкова (“экспрессионист”)...» [6, с. 623].

Точно так же Кумминг — причем не в поэтическом амплуа — принял участие в вечере «№ 1 устного журнала» Союза поэтов в Большом зале Московской консерватории, который состоялся 25 октября 1920 г. Отчет о вечере «Первый номер Устного журнала» в газете «Известия» давал хорошее представление о развернутой географии столичной литературы — от поэзии и прозы до драматургии и критической эссеистики:

Союз поэтов приступил к широкому обнародованию творчества поэтов и «издал» № 1 Устного журнала. Он был опубликован в понедельник 25 октября, в Б<ольшом> Зале Консерватории.

Вступительную статью «От редакции» прочел Валерий Брюсов, отметивший путь журнала, как органа поэтов, «вливающих новое вино в новые мехи». В журнал вошли поэтические течения, отражающие современную жизнь и ищущие новых путей. Их ошибки часто, как опыт, — ценнее совершенных образцов поэтов, повторяющих уже сказанное и охраняющих традиции.

Первый отдел журнала — стихи. Читали поэты <С.> Буданцев, <А.> Адалис, <В.> Брюсов, <В.> Шершеневич, <М.> Цветаева, <А.> Мариенгоф, <И.> Грузинов.

³⁶ Художественное слово. 1920. № 2. С. 72.

³⁷ См.: «В начале <19>20-х годов объявляли себя акмеистами и “неоакмеистами” некоторые московские поэты — О. Эрберг в сборнике *СОПО* (1921), Антокольский, Адалис, Е. Кумминг. Ср. также сборник Н. Минаева *Прохлада*, 1926 (“Душа укрылась, как щитом, / Акмеистической прохладой)» [9, р. 319]. См. также неожиданное ретроспективное замечание В. Набокова, собственно, мало что понимавшего в литературных движениях эпохи, да и к тому же переданное через ничего не знавшую жену, когда Вера Слоним-Набокова написала Роману Гринбергу 19 января 1953 г.: «Относительно Кумминга, кот<орого> помнит по “Рулю”, почти ничего не знает <...>. В литературном же смысле говорит, что К<умминг> неудачный подражатель тех “акмеистов”, что помельче» [2, с. 380].

Во второй отдел (прозы) вошли — драма Е. Кумминга «Театр мировых панорам», прочитанная актером <А.> Олениным, и рассказ Буданцева, фабула которого взята из крестьянских восстаний на Поволжье в наши дни³⁸.

В третьем отделе статью о французском поэте Ж<аке> Рибо прочел поэт <И.> Аксенов. Две рецензии о первом и втором сборниках <имажинистов> «Конница бурь»³⁹ прочел поэт Буданцев⁴⁰.

Наступил новый год, и после необходимого хиатуса «Зеленая мастерская» собралась уже в третьей своей производной, теперь относительно независимой от прочих литературных институций. Первый вечер группы состоялся 14 марта 1921 г. «на собрании “Литературного особняка”» [7, с. 44] в московском Доме печати⁴¹,

³⁸ В эти годы Сергей Буданцев (1896–1940) — влиятельный человек в литературных кругах, выступающих как модератор между «традиционными» и «пролетарскими» писателями. Показательна в этом смысле его роль как председателя на упоминавшемся выше вечере «О современной поэзии», который состоялся в Политехническом музее 20 сентября 1920 г. и был отмечен тотальной неяской «пролетарских поэтов». Два дня спустя газета «Правда» опубликовала «Письмо в редакцию» Секции пролетарских писателей ЛИТО Наркомпроса:

Секция пролетарских писателей просит поместить следующее:

Обсудив предложение Всероссийского Союза поэтов о выступлении представителей секции на вечере современной поэзии в Политехническом музее 20-го сент<ября> с. г., секция приняла постановление о недопустимости для ее представителей выступать под маркой буржуазного Союза поэтов, о чем заблаговременно были извещены организаторы вечера.

Секция пролетарских писателей выражает свое крайнее удивление по поводу того, что председательствующий на вечере гр<ажданин> Буданцев, обойдя настоящую причину невыступления наших товарищей, сослался **на позднее время**.

Председатель **М. Герасимов**.

Секретарь **В. Александровский**.

(Правда. 1920. № 256. 22 сентября. С. 2).

³⁹ Как отметил А. Крусанов, «обе рецензии С. Буданцева опубликованы в журнале “Художественное слово” (1920. № 2)» [4, с. 721].

⁴⁰ Известия. 1920. № 242 (1089). 29 октября. С. 2. Чтение № 2 устного журнала состоялось 2 декабря 1920 г., но Кумминга среди его участников не было. Как сообщала газетная хроника, «2-го декабря в Политехническом музее Всероссийский Союз поэтов устраивает чтение второго номера устного журнала “**Московский разговор**” под редакцией Валерия Брюсова, при участии авторов: Адалис, Брюсова, Рюрика Ивнева и В. Шершеневича (стихи), <И.> Аксёнова и <С.> Буданцева (проза). Нач<ало> в 7 ч<асов> веч<ера>» (Известия. 1920. № 270 (1117). 1 декабря. С. 4).

⁴¹ См. сообщение в петроградской «Жизни искусства»:

На днях в Москве состоялось открытие «Дома печати». Это новое оригинальное по замыслу учреждение будет обслуживать нужды преимущественно партийной и советской журналистики и собирать материалы по истории социалистической печати в России. На открытии говорил нарком Луначарский, который отметил роль Ленина и Троцкого в развитии партийной печати за границей. В. Керженцев разъяснил задачи и программу деятельности «Дома печати». Д. Рязанов сообщил

о чем было объявлено в московских газетах⁴². Кроме Кумминга на этом вечере читали свои стихотворения Надежда Вольпин, Рюрик Рок, Матвей Ройзман, Захар Хащевин и Олег Эрберг⁴³. Петроградская «Жизнь искусства» сообщала: «В Москве образовалось новое литературное общество “Зеленая мастерская”. Во главе его стоят молодые московские поэты Н. Кугушева, Я. Полонский, В. Ковалевский и др. Обществом намечена большая издательская работа и уже вышел из печати сборник стихов Я. Полонского⁴⁴ “К<л>убок осени”»⁴⁵.

сведения из истории «Искры» и установил факты исторического влияния подпольной нелегальной печати дореволюционного периода на осведомление оппозиционной легальной.

(Дом печати // Жизнь искусства. (Петроград). 1920. № 400. 17 марта. С. 1).

⁴² Например: «Лит<ературный> Особняк. 14-го марта, в 8 ч<асов> в<ечера>, в “Доме Печати” (Никитск<ий> б<ульвар>, 8, 3-й эт<аж>): 1-й веч<ер> “Зеленой Мастерской”. Вход по рекомендациям членов “Л<итературного> О<собняка>”» (Известия. 1921. № 54 (1196). 11 марта. С. 4).

⁴³ См. программу вечера: «Литературный особняк. 105-е исп<олнительное> собрание, 14 марта, в 8 ч<асов> веч<ера>, в “Доме Печати” (Никитский б<ульвар>, 8, 3 эт<аж>). В программе 1-й вечер “Зеленой мастерской” (Вступительное слово — Я. Полонский. Чтение стихов — Н. Вольпин, Р. Рок, Е. Кумминг, М. Ройзман, З. Хащевин, О. Эрберг. Прения). Вход по рекомендациям членов “Л<итературного> О<собняка>”» (Правда. 1921. № 55. 12 марта. С. 4).

⁴⁴ Под грифом «Зеленой мастерской» вышли обе книги Якова Борисовича Полонского (1892–1957): «Клубок осени: Стихи» (Пг., 1921) и «Вино волос» (Пг., 1921).

⁴⁵ Москва (Хроника литературной жизни) // Жизнь искусства. 1921. № 694–695–696, 16–18 марта. С. 1. Сборник Полонского «Клубок осени» был отпечатан на стеклографе. См. специальную корреспонденцию из Москвы об альтернативных способах печати: «Недостаток бумаги заставляет поэтов и писателей прибегать к кустарным изданиям. Недавно поэт А. Кушков издал в 100 экземплярах (по 100 р. штука) рукописную книгу стихов “Стихи № 1”. Теперь поэты “Литературного Особняка” решили издавать свои двухнедельные альманахи кустарным способом в 4-х экземплярах, один из которых будет пересылаться в Литературный отдел Наркомпроса, три будут поступать для отзыва и в библиотеку кружка. Каждый член кружка обязан принести любое количество своих стихотворений, отпечатанных по определенному образцу в 4-х экземплярах на пишущей машинке. Из этих экземпляров и будут составляться сборники. Обложка — печатная» (Жизнь искусства. 1920. № 401–402. С. 3). Как и позже машинописный журнал «Гермес», выпускавшийся одноименным кружком, альманах «Литературного особняка» набивался на пишущей машинке «ЮСТ». Тот же корреспондент сообщил о положении дел в московской книготорговле: «В Москве в данное время, кроме “Лавки писателей”, функционируют еще 4 литературных лавки. “Лавка поэтов” В. Шершеневича и А. Кусикова; “Деятели Искусства” — Когана, Шихмана, Балтрушайтиса и других; лавка Дворца Искусств, в которой работают поэты: М. Ройзман, Д. Туманный и писатель Лаврский, и лавка имажинистов — Есенина, Мариенгофа и других. Все эти лавки очень бойко торгуют книгами по литературе и искусству. Цены везде очень высокие. Часто встречаются очень редкие экземпляры книг, давно исчезнувших с книжного рынка» (Жизнь искусства. 1920. № 401–402. С. 3). Весной 1923 г. «Литературная хроника» газеты «Накануне» сообщала: «“Литературный Особняк” печатает второй альманах стихов своих членов. В Альманахе участвуют Арго, Адуев, Шенгели, Левантин, Федоров,

О «результативной», по слову А. Соболева, «Зеленой мастерской» иронически написал в своей таксономии московских поэтов петроградец Владимир Пяст:

КУНСТКАМЕРА отличается от Зоологического сада тем, что животные в ней хотя совсем такие же, но мертвые. Расставлены по группам, в обстановке, дающей полную иллюзию их домашнего обихода. Расположены в научном порядке, выбранном в образовательных видах. При посещении кунсткамеры изучается прежде всего явление, общее самым разнородным классам животного мира: *мимикрия* — подражание окраской и манерами другим, более сильным животным либо окружающей среде.

Разбитые на семейства и группы имажинистов, центрофугистов, экспрессионистов, ничевоков, фуистов и другие, московские «поэты», члены бессмертного в своем роде «Сою» (Союза поэтов. — *A.V.*), прежде всего бросаются в глаза со стороны явной своей мимикрии. Если есть такой поэт (певец непотребства), *Рюрик* Ивнев, — то секретарем его в бывшем президиуме «Союза Поэтов» обязательно должен быть *Рюрик* же «Рок». Это «Ничевок». Два слова о последнем направлении. Представители его, вполне сознательно, *bona fide*, задались целью ускорить неминуемый, по их мнению, процесс сведения в «ничего», уничтожения поэзии. Подобно тому как, например, по роману Амфитеатрова, Витте и его помощники, твердо верившие в неизбежность российской революции, находясь на государственной службе, прилагали старания к облегчению перехода России на будущие революционные рельсы тем, что подтачивали исподволь финансовые и иные столбы, на которых *ancien régime* держался, — так и Рюрик Рок со сподвижники старался (и старается, если уже не «сменил» направления) по мере сил писать поуродливее, попротивнее, так чтобы заранее отбить охоту к произведениям поэтического слова и переход к полному уничтожению поэзии прошел безболезненно... Это не наше умозаключение о них, — в этом именно их собственная идеология.

Был маститый, всем памятный поэт, живший до 78 и более лет, Яков Полонский. Есть в Петербурге Ел<изавета> Полонская. Конечно, в Москве обязательно быть тоже Полонскому. И именно Якову. Новый Яков Полонский выпускает уже вторую книжку стихов, совершенно таких, какие давно полагаются в Москве: чтобы нисколько не отличались от стихов ни экспрессиониста Соколова, ни

центро-фугиста Боброва, ни футуриста Третьякова, ни «акмеиста» Эрберга.

Эрберг в Москве *акмеист*. Конечно, это не наш поэт-философ К.А. Эрберг, а свой, московский. Вообще, и акмеисты в Москве имеются, к ним принадлежит и известнейшая из тамошних поэтесс Адалис.

Представителями *«парнасизма»* в современной русской поэзии считались И.А. Бунин и А.М. Федоров. Закон мимикрии потребовал, чтобы и молодой московский поэт Федоров, Вас<илий> Пав<лович>, тоже объявил себя парнасцем. Объявил здорово-живешь, потому что и его стихи, правда, местами талантливые, написаны с точным соблюдением московского кодекса рабской подражательности футури-имажинистической среде. Никакой он не «парнасец».

О «мимикрии» довольно. <...> упомянутый Вас. Пав. Федоров, до сей поры, кажется, не напечатал ни одной оригинальной строчки, помещал только свои переводы, а, как мы уже говорили, у него есть хорошие стихи, и из слышанных в кафе нам очень понравились странички из дневников Эдварды (живущей самостоятельной жизнью бывшей героини Гамсуна).

Вас. Федоров такую и читал лекцию: «Кафейный период русской поэзии» (не «кофейный»). Самое характерное для нынешних поэтов, несомненно, выбор «кафе» для проявления и манера держать себя в нем. Одни выступают в «Кафе Домино», другие — в «Стоиле Пега-са», третьи в «Литературном особняке». В зависимости от «группы», завладевающей кафе для своих «выступлений», физиономия этого кафе меняется. «Не место красит человека, а человек красит место». Буквально так. В 1918 году группа футуристов раскрасила потолок «Домино» надписью эпатажной, но еще печатной:

«Станем помнить солнце-Стеньку,
Мы от кости Стеньки кость,
А пока горяч кистень, куй,
Чтоб звенела молодость».

Но года через полтора завладели «Домино» «имажинисты». Эти последние изобразили на потолке нечто уже совсем неприличное, наклеивав на солоньев, будто те подвержены человеческим порокам. Но вот весной <19>21 года кончилось правление имажинистов, во главе «Сопо» встали «центрофугисты». Это парни по внешности приличные. Закрасили все безобразные надписи, украсили потолок лишь не менее безобразными пятнами. При новом «президиуме»

в кафе — ни-ни! — никаких скандалов, повысить голос не дают посетителю, — сейчас выведут...

Да, человек красит место!⁴⁶

Одну из знаменательных встреч группы вспоминала Н. Вольпин: «Ранней весной 1920 года у нас в “Зеленой мастерской” на квартире у Полонского живший отшельником Борис Пастернак прочитал еще не опубликованную “Сестру мою жизнь”. Кроме юных поэтов нашей группы Захара Хацревина, Полонского, Кугушевой, меня, Кумминга (Зильбера <Каверина> не было), пришли послушать Сергей Буданцев с женою (поэтессой Верой Ильиной) и Борис Пильняк (этот, правда, в самом начале чтения ушел)» [1, № 3, с. 150].

Довольно скоро, впрочем, Кумминг оставил московскую литературную жизнь и, получив эстонское гражданство, переехал в Ревель. Вот как вспоминал их расставание Вениамин Каверин:

Прощанье с Женей Куммингом было не то что неловким, но, кажется, менее сердечным, чем ему бы хотелось. У него только что вышла книжечка «Театр Мировых Панорам» (та самая, которая сохранилась в моем архиве)⁴⁷, и он подарил мне ее с преувеличенно-дружеской надписью, заставившей меня слегка растеряться: «Какими нежными эпитетами окружить твое имя?», и т. д.

— Мы расстаемся навсегда, — торжественно сказал он и, помолчав, прибавил с горечью: — Ты будешь писать прозу.

И прежде мне случалось видеть моего приятеля в угрюмо-высокопарно-торжественном настроении. Мог ли я ожидать, что его предсказание сбудется? Мы действительно больше не увиделись, а я действительно стал писать (и пишу до сих пор) прозу. В 1921 году он уехал за границу. По слухам, которым я верю, он стал миллионером [3, с. 371–372].

4 апреля Кумминг напечатал в ревельской русской газете «Последние известия» колоритное *exposé* «Литературная жизнь Москвы»:

Мне горестно и трудно писать о литературной жизни Москвы: горестно, потому что русская художественная мысль загнана в подполье, трудно, потому что здесь, на этих страницах, костер наци-

⁴⁶ Пяст В. Кунсткамера // Жизнь искусства. 1921. № 813. 18 октября. С. 3. Ср. статью Э. Миндлина в Приложении 3.

⁴⁷ См. примеч. 12.

онального вдохновения приходится складывать из отдельных, едва полыхающих угольков — угольков, не задутых еще аскетической строгостью «рабоче-крестьянской власти».

Начнем вспоминать о «звездах первой величины».

Валерий Брюсов, состоящий членом российской коммунистической партии, занимает в настоящее время должность заместителя Луначарского в литературном отделе Наркомпроса. <...>

За последние годы Брюсовым, кроме нескольких рассказов и незначительных статей, изобличающих в авторе «честного, но не слишком ортодоксального коммуниста», изданы две книги: «Опыты по метрике и ритмике, по эвфонии и созвучьям, по строфике и формам» (книгоиздательство «Геликон» — 1918) и «Наука о стихе» («Альциона» — 1919).

Андрей Белый сильно бедствует, исхудал, осунулся. Читает во Дворце искусств популярные лекции ради заработка. Несколько книг по вопросам культуры и философии, которым Белый придает громадное значение, тщетно ждут своего часа. Советская власть, считая эти книги не приносящими прямой пользы рабоче-крестьянскому делу, разрешения на печатание не дает.

Вячеслав Иванов издал две книги: «Младенчество» — поэма и «Прометей» — трагедия. Осенью, не получив пропуска за-границу, выехал на Кавказ.

Об Александре Блоке ничего не слышно.

В октябре прошлого года приезжали в Москву <Н.> Гумилёв и М. Кузмин, выпустивший две новые книжки стихов.

Беллетристики в Москве, да и вообще в России, не существует. Писатели разъехались по медвежьим уголкам; печатать книги нельзя, писать агитброшюры не позволяет совесть, желудок настойчиво подчеркивает свои требования, — что делать? <...>

Я намеренно не останавливаюсь на специальных пролетарских организациях, журналах, литературных студиях; не хочу вспоминать и о «Доме печати», «Дворце искусств», «Пролеткульте».

Бог с ними — с мертворожденными. Русская литература, загравленная, глушимая рабоче-крестьянским правительством, загнанная в подполье, живет без них. Она живет и дышит, пусть слабо теперь, как чахоточный, но она твердо знает: Россия еще воскреснет⁴⁸.

Из Ревеля путь Кумминга лежал в Германию, где по прибытии он начал активно участвовать в жизни «Русского Берлина».

⁴⁸ Последние известия. (Ревель). 1921. № 75. 4 апреля. С. 4. Ср.: [9, p. 323].

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Евгений Кумминг

Легендарная жизнь и достойная смерть Петрушки

Драматическая трилогия

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Наваждение Мартына Кривого

Действующие лица:

Петрушка деревянный и Петрушка живой.

Знатный господин.

Мартын Кривой — столяр.

Маринка — молоденькая прислужница кабачка «Черноморское гирло».

Матрос в бело-синем костюме.

Матрос в бело-голубом костюме.

Матросы вообще, посетители кабачка, малостоящие женщины.

Место действия: любой приморский городок Черноморья.

(Негостеприимная клетушка-мастерская Мартына Кривого.

По стенам развешены орудия столярного производства.

На полу белеют стружки и опилки.)

Мартын Кривой. Каждый горожанин моего околотка знает, что я безобидного нрава во-первых, сын своего отца во-вторых, и, в третьих, совершенно непьющий столяр. Конечно, Мартын Кривой имеет и свои недостатки. Самые важные мои недостатки, можно сказать, государственные, вот какие: у меня есть косоглазая старуха и нет наследника. Правда, наследовать нечего, но всё-таки приятно иметь какого-нибудь десятилетнего белокурого мерзавца. Вчера я закончил такого мерзавца из настоящего Ливанского кедра. Волоса его — мочало; сердце — тугая пружинка; лицо — соборная роспись; прозвище — Петрушка.

(Закуривает носогрейку. Достает из пузатого шкафчика деревянного Петрушку. Жажимает между коленями. Любовно созерцает своего уродца. Стучат. Мартын прячет Петрушку в соседнюю комнату.)

Голос за дверью.

Добрый день, джентльмены дорогие.
 Ветер со возморья весел и колюч.
 Добрый день, джентльмены дорогие.
 Кто бородатый повернет мне ключ?

(Поет.)

Голубые латы.
 Прибойное серебро.
 В сердце нет заплаты —
 Да в шляпе торчит перо.

(Столяр Мартын распахивает скрипучую дверь. Входит знатный господин.
 Блестящий цилиндр, корректный фрак, лайковые перчатки, рассыпающаяся
 роза — всё из мeste.)

Мартын Кривой. Заграничные речи ведете, ваша милость. Понимаем туговато. Может быть заказец предложите бедному Мартыну?

Знатный господин. Заказец — не заказец. Мне нужна серьезная дружеская услуга. Я приехал сюда из ужасного далека. Моя родина за облаками.

Мартын Кривой. Живете в горах? Горный воздух полезен и приятен. Швейцарец? Француз?

Знатный господин. Француз? — нет чорт.

Мартын Кривой. Как?

Знатный господин. Чорт. Но ближе к делу. От вас ожидается ценная услуга. Вот вам куча бумажных денег. Сбегайте за угол и купите мне папирос. Я люблю папиросы: «Баязет», «Кривой Рог», «Дукат».

(Мартын Кривой смущенно переминается с ноги на ногу, затем решительно напяливает пиджак, подвигает знатному господину табуретку и коршуном бросается исполнить поручение.)

Знатный господин.

Солнце шумит в горах.
 Вырастает по бранным долинам
 Громкий горбатый страх.
 Чешет буря копытом ослиным
 Травы седых Пальмир

Да шиповник, прилипший к оградкам.
Зноен зеленый мир.
Ледяным и весенним парадом
Сердце проскачет круг,
Разукрашенный в звездные свечи.
Встань, мой веселый друг,
Деревянный, восстань, человече!

(Входит живой Петрушка—точный слепок деревянного.)

Петрушка (почти автоматически).

Встань, мой веселый друг,
Деревянный, восстань, человече.

Знатный господин. Замечательно! Сейчас мы двинемся с тобой в кабачок «Черноморское гирло». По дороге я объясню тебе, что я за птица, почему пролетают хвостатые кометы и для кого судьба, танцовавшая до сих пор на тугом канате под пасторальным облаком и над бушующим водопадом, стала сухой англичанкой. На пороге этой богадельни я сделаю тебя хорошеньким, как сицилианский мальчик, всезнающим, как чорт, веселым, как девичья болтовня.

(Возвращается Мартын.)

Мартын Кривой. Ни одной папиросы! Лавчонки не верят старому Мартыну. Откуда у Мартына такое множество денег? Должно быть Мартын сам их наколдовывает.

Знатный господин. Все деньги и все некупленные папиросы оставляются вам па память. Прощайте, любезный столяр. Петрушка. Прощайте, папаша Мартын.

(Мартын, только теперь приметивший Петрушку,
садится от страшного изумления на пол. Глаза его вытаращены.
Руки машинально тянутся за носогрейку.)

Мартын Кривой. Святые угодники! Разве я не самый непьющий столяр в околотке? За что это, наваждение бесноватое, за что? Петрушка! Петрушечка! Не покидай меня!

(Пауза.)

Да нет-же. Рассуждать здраво — наваждение, больше ничего.

(Знатный господин и Петрушка, не спеша, покидают мастерскую. Маргын тоскливо и недоумевающе рассматривает потолок, закуривает носогрейку. Мастерская заволакивается непроходимым дымом. А когда дым начинает разволакиваться, действие переносится в кабачок «Черноморское гирло». В кабачке шумно. Хмельные матросы целуют своих милых.)

Матрос в бело-синем костюме.

Как турчаночки бровь горяча.
 Поцелуй за стаканом высок.
 Нежен розовый остров плеча,
 Самый выжженный снежен песок.
 Высока-ли невинная бровь,
 Поцелуй-ли рублевый горяч —
 Загуляет бродяжная кровь,
 Только губы протяжные прячь.
 Матрос в бело-голубом костюме.
 Случается: танцует непогода,
 Шумящий шторм штурмует небеса —
 Но малое всепомнящее сердце
 Поет всю ночь туземную любовь.
 Забавные и солнечные страны
 Встают вдали.

(Число гуляющих матросов увеличивается знатным господином и преображенным Петрушкой.)

Знатный господин.

Почтенье, господа,
 Нижайшее дурацкое почтенье.

Матрос в бело-синем.

Ты кто такой и кто твоя луна,
 Неопытный лунообразный спутник?
 Дай лапу мне. Мы выпьем за луну.

Знатный господин (торжественно).

Мальтийствуя по самым дальним странам,
 Наш друг нашел Мальтийскую Звезду.

Все. Что такое? Мальтийская звезда? Где их выдают? За какие отличия? Почему я ничего не знаю?

(Знатный господин срывает с Петрушки дорожный плащ.

Под плащом на шелковой косоворотке сияет Мальтийский крест. Петрушка ничего не замечает. Зрачки его расширены и как будто бы вдыхают смуглую девчонку — молоденькую прислужницу Маринку.)

Знатный господин (не громко). Петрушка не слишком глуп. Я очень доволен, что Петрушка сразу-же увлекается смуглыми Маринками. Впоследствии он будет увлекаться чорт знает чем, — какой-нибудь грандиозной чертовщиной.

(Кричит)

Господа матросы! Любовники путешествий и прокисшего вина! Кто хочет выслушать рассказ о подвигах, пока еще невыдуманных, молодого князя Петруччио, подвигах, которыми он заслужил себе орден кавалера Мальтийской звезды, — все любопытные, желающие приобщиться к риторическому искусству и получить за внимательное слушание бутылку чистейшего Токайского — да поплывут за мной в прохладную бухту близ санатория «Русская Галата».

Все. Бутылку чистейшего Токайского? Ладно. Только без надувательств.

(Матросы высыпают из кабачка.)

Знатный господин.

Любезничай до петухов рассветных.
Носи в руках приморскую весну,
Смущенную лукавую Маринку.
Шальная страсть, как вечность, хороша.
Скрываются последние матросы.
Пойду и я. А завтра поутру
Сторгуемся с усатым капитаном.
Ты поплывешь по странам, по морям,
Раскрашенным в цветные стекла солнца.
Куда? куда? Но к делу. Ночь хмельна.
Помучайся в такую ночь с Маринкой.
Вдыхай до дна гвоздичный омут губ,
Карминовых, страдальческих, бесплатных.

(Знатный господин покидает кабачок. Петрушка обнимает Маринку.)

З А Н А В Е С

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Таитянские пейзажи

Действующие лица:

Петрушка — он же мистер Петрайч.

Вайрумати — дочь короля Помарэ V.

Мистер Вандербильд — скупщик жемчуга и копры.

Давид Гриф — плантатор-миллионер.

Капитан Шарль Бри — агент негра Лакаскада, управляющего островом Таити.

Туземцы обоего пола.

Место действия: Таити.

(Морской берег. Песчаная отмель. Справа — дюжина кокосовых пальм. Ветер с моря, прохладный и свирельный, заставляет их верхушки проделывать ритмические движения. Стекло первобытно-спокойного моря расколото танцующими пирогами, которыми управляют бронзовые юноши. В конце отмели, на песке и на воде, купающиеся туземцы. Нечасто набегают зелено-оранжевые волны. Под пальмой на спине, закинув голову, лежит Петрушка: Кожа Петрушки позолотела от легендарных путешествий и от полинезийского солнца. Вокруг бедер Петрушка носит синий парео — пояс.)

Петрушка (поет).

Небо райское дышит в утрах воскрыльями,

Дышит ветер, весенний, розоперстый.

Море пирогами злыми прорыли мы

Пусть вырастет вечер пестрый.

Вайраумати!

Загорайся в полуднях цветами синими,

Черным сном обернись, встречай Петрушку.

Мальчиком знал я о всем твоим имени,

Да плакал над нищей кружкой.

Вайраумати!

Без конца далеко, ни в Крыму, ни в Англии,
Золотые туземцы, солнце, дыни.
Ныне к устам Таитянских Евангелий
Бегу от своей гордыни.
Вайраумати!

(Сквозь пальмы просвечивают снежные костюмы трех белых. Петрушку окружают: Давид Гриф, мистер Вандербильд и Шарль Бри.)

Мистер Вандербильд. С прохладными мечтами, мистер Петрайч. Вам необходима добрая порция хины. Вы совершенно расклеены желтой, а может быть и любовной, лихорадкой. Ваши зрочки, привыкшие созерцать золотокожих вахинэ и танэ, по-нашему просто арапок с их болванчиками, приобрели печальное достоинство не узнавать своих белых друзей. Разрешите рекомендоваться: Вандербильд, мистер Вандербильд, первый скупщик жемчуга и копры во всем Помоту.

Шарль Бри. Меня привыкли называть капитаном Шарль Бри. Мое достоинство: преданнейший слуга его милости, управляющего островом Таити, господина Лакаскада, который, несмотря на свое негритянское происхождение, и так далее и так далее...

(Делает широкий жест.)

Давид Гриф. Давид Гриф серьезнейший плантатор от Бугенвиля до Помоту. Это официально. Неофициально – ваш лучший друг и поклонник.

(Присаживаются к Петрушке, закуривая короткие трубки.)

Петрушка. Благодарю за добрые слова и за добрую порцию хины, в которой я, откровенно говоря, не нуждаюсь. Какие у вас новости?

Мистер Вандербильд. Живете вы мистер Петрайч, в тростниковой хижине, питаетесь бананами и крабами, любезничаете с дочкою новопреставленного таитянского царька Помарэ Пятого позолоченной Вайраумати — а в результате — ничего не знаете. Знайте-же: в Папеегэ на рейде пыхтит правительственный крейсер. Лакаскад формирует милицейский батальон.

Петрушка. Подобные новости я знал еще до их рождения.

Капитан Шарль Бри. Мы готовы проглотить любое волнение. За нашей спиной — вся Франция!

Петрушка. Капитан Шарль Бри! Вы грандиозны. Я преклоняюсь перед вашей спиной. Смотрите: пальмы кивают вам робко и дружелюбно. Что Франция? За вашей спиной весь Тихий океан!

(В цветнике купающихся вырастает Вайраумати. Она купалась в пронизанном солнцем песке, и теперь слегка танцующей походкой направляется к Петрушке. Тело Вайраумати разукрашено розовой шелковой рубашкой. За ухом у нее пучок белых гвоздик, в пальцах большие, похожие на подсолнухи, цветы.)

Мистер Вандербильт. Приближается Вайраумати. Не буду мешать вашим научным работам. В Папееэ предполагают, что вы собираетесь написать книгу: «Новые открытия в области Маорийской мифологии». Кстати, сегодня у нас маленький лаунтенисный праздник. Буду рад вашему присутствию. Только ради самого бога проказы приходите в костюме. Хотя вы и первый теннисный мистер Таити, но видеть вас дрейфирующим в одном поясе, — бр... это на смерть зашокирует моих дам. До-свиданья.

(Трое белых уходят.)

Петрушка.

Вайраумати. Привет крылатый,
Нежный привет бороздит ладони.
Чем ты дышала все утро?

Вайраумати.

Пела:
Солнце купала на взморье желтом.
Пеной кружилась в песке горячем.

Петрушка.

Ты не забудешь меня, Петрушку,
Бедного спутника милой жизни?

Вайраумати.

Снилось мне, будто-бы ты Таити
Взял на ладонь, как берут песчинку.
Сердце народа цело вторично.

Кто твоя мать? Далеки-ли земли.
Где ты молился?

Петрушка.

Не помню. Знаю,
Что путешествовал вечно с детства.
Был господин и была пирушка
В самом сыром кабачке на взморье.
Там я очнулся. Но бросим детство.

(Поэт.)

Небо райское дышит в утрах воскрыльями
Дышит ветер, весенний, розоперстый.
Море пирогами злыми прорыли мы –
Пусть вырастет вечер пестрый.
Вайраумати!

Загорайся в полуднях цветами синими,
Черным сном обернись, встречай Петрушку.
Мальчиком знал я о всем твоём имени,
Да плакал над нищей кружкой.
Вайраумати!

Без конца далеко, ни в Крыму, ни в Англии,
Золотые туземцы, солнце, дыни.
Ныне к устам Таитянских Евангелий
Бегу от своей гордыни.
Вайраумати!

(Набежавший шквал рассыпает по воздуху миллиарды бриллиантовых брызг. Громадные листья кокосовых пальм с шумом падают в песок. Шквал усиливается. Туземцы танцуют на отмели, призывая дожди. Раскаленный песок, оранжево-зеленые волны, качающиеся пальмы, снопы солнечного света, — всё смешивается в ослепительно-гармоничном хаосе. Когда кружение красок немного успокаивается. перед глазами вырастает крытая веранда и площадка для лаун-тенниса.)

Петрушка, мистер Вандербильт и две барышни только что закончили сэт и уступают место другим партнерам. Все общество в легких белых костюмах.)

Мистер Вандербильт. Bravo, мистер Петрайч! Вы играли гениально. Ни один джентльмен от Шанхая до Фриско не сумеет с такой математической точностью укладывать свои дрейфы и смэчи.

(Петрушка подсаживается к Давиду Грифу, сидящему на ступеньках веранды.)

Петрушка. Добрый вечер, Гриф! Мы с вами друзья. Расскажите мне ближайшие планы Лакаскада.

Давид Гриф. Вы знаете, что я принципиально ненавижу всю колониальную администрацию. Ближайшие планы Лакаскада несложны. Слушайте.

(За изгородью рассыпается барабанный бой. сопровождается правильным топотом: раз-два, раз-два.)

Голоса среди солдат.

В ногу, взвод за взводом, в ногу;
Жизнь дана нам напрокат,
Храбрость зреет понемногу.
Да здравствует мсьё Лакаскад!
Всех туземцев быстроногих Стережет худой закат.
Ждет бутылка рому многих.
Да здравствует мсьё Лакаскад!

(Песня выдыхается вдали.)

Петрушка.

Солнце мечет совершенно косые лучи.
Воздух предчувствует вечернюю прохладу.
Мне показалось — они в боевом настроении.

Давид Гриф. Вы но ошиблись. Батальон еще этой ночью выступит в горы.

Петрушка. Мне придется бежать вдоль берега четыре часа. Прощайте, дорогой Гриф.

Давид Гриф. Постойте. Я знал ваши намерения. Давид Гриф последует за вами. По ту сторону веранды нас ждут «Мэри» и «Фриско» — мои лучшие бегуны. Когда они летят — земля поет под их копытами.

(Давид Гриф и Петрушка бросаются к лошадям. Через минуту «Мэри» и «Фриско» мелькают со своими всадниками вдоль ограды.)

Мистер Вандербильд. Мистер Петрайч и мистер Гриф постыдно спасают себя от комплиментов за сегодняшнюю игру. Забавные люди. А впрочем, чорт с ними. Господа, разрешите попросить вас на веранду поужинать.

(Гости покидают лаун-теннисный корт и толпятся, обсуждая различные партии, у нижних ступенек веранды. Разверзаются мгновенные тропические сумерки. Потом гости и голоса гостей и очертания виллы поглощаются темнотой. Рассвет на взморье. Песчаный берег подвержен непрерывному нашествию белогривых валов. Над песком голубеют еще не залитые солнцем холмы. Между холмами греются банановые рощицы. За холмами громоздятся уже тронутые рассветом горы. На холмах расквартировано таитянское войско. Под горизонтом качается незнакомая шхуна.)

Петрушка. Долго нам не продержаться. Пленный француз, неважный парикмахер в Папеетэ и еще менее важный воин, передавал, что Лакаскад подвозит легкую артиллерию. Наши бронзовые легионы будут расстреляны — могу поклясться. Что за шум?

(К берегу причаливает шлюпка и несколько пляшущих пирог. Шлюпкой управляет Гриф, пирогами – туземные воины. Одну из пирог украшает Вайраумати. Пирога Вайраумати засыпана цветами.)

Давид Гриф. С веселыми вестями, дорогой мистер Петрайч! Слушайте: три часа тому назад наша ночная разведка наткнулась в ущелье «Голубых маисов» на палатку его милости, господина Лакаскада. Соседние палатки купались в струях прохладного сна. Господин Лакаскад, не обнаружив при себе особенного мужества, разрешил нашим воинам несколько непредусмотренных законом вещей. Фаноура заткнул господину Лакаскаду рот своей шелковой рубашкой и принес его, как младенца, в горы. Младенец под гнетом солидного страха задумал выменять свою голову и свою свободу на всякие поблажки и конституционные пункты в пользу проклятых черных дьяволов. Лишь одна статья заставила его брыкаться: начальству захотелось прижать к своему нежному сердцу белых зачинщиков. Но белые зачинщики, мистер Петрайч и Давид Гриф, покажут всему миру длинный десятимильный нос. Смотрите, «Мор-

ская Звезда», быстрейшая шхуна, циркулировавшая когда-либо по Тихому Океану, треплет в ожидании свои паруса.

(Вайраумати покидает пирогу. Путь ее забрасывают цветами.)

Петрушка.

Вайраумати. Нагая отмель
Гнется под солнцем волшебных взоров.
Мы покидаем тебя на время.
Весла скрипят и поют разлуку.

Вайраумати.

Ты не вернешься, забудешь друга,
Выпей цветок на простую память.

Петрушка.

Сердце Таити покорно выпью.
Белый цветок положу на сердце.
Год знойноглазый умрет, и снова
Станет Петрушка полдненным другом.

Вайраумати.

Полдень сожжен в поцелуях нежных –
Ты не вернешься, разлюбишь друга.

(Плачет.)

Давид Гриф. К лодкам! Легендарные дни растеряют блестящую чешую, длинные языки перестанут злословить о самом кротком восстании, ветры восточных и южных плантаций забудут печальное время, и печальное время растает. Лучшие друзья вернутся. Только не следует забывать лучших друзей. К лодкам!

(Петрушка и Давид Гриф прыгают в шлюпку. Где-то на склоне холма тоскует маорийская флейта.)

ЗАНАВЕС

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Петрушка — пилигрим

Действующие лица:

Петрушка.

Заморская Снегурочка.

Подружки ее.

Самаркандский купец.

Праздношатающаяся лэди Судьба.

Тень Петрушки.

Папа Бенедикт.

Кардиналы.

Весенний переулочек. Слева растет пара желтых деревянных домиков. Справа качается белолобая, может быть, даже восковая, церковка. Внизу — тишина и последний снег. Повыше апрельская голубизна.

(Петрушка и Самаркандский купец.)

Петрушка. Послушайте, Самаркандское чудило! Я — кавалер ордена Мальтийской звезды. Больше: я торгую грецкими орехами. Ночью мне снится чорт знает что, днем — ничего. Днем я прыгаю, если не торгую, и торгую, если не прыгаю. На Вербной неделе я нашел невесту. Это страшно весело, и, кроме того, ее зовут Снегурочкой. Только она не настоящая Снегурочка. Подобное открытие смастерилось у меня с величайшей легкостью. Бесценная сообразительность бесценного кавалера Петрушки расцветивает малиновыми радугами не только Мальтийскую звезду, но также и многое другое. Двумя словами: я догадываюсь, что невеста моя на самом деле долгожданная, воспеваемая любимыми матросами в любом приморском кабачке — Заморская Снегурочка. Милый человек, Самаркандский купец! Дайте мне займы немного денег.

Самаркандский купец.

Любезнейший! Моя мошна плохая.

Пустым пуста. Давно кредит иссяк.

Расписанный фрегат в струях Шанхая
Пошел ко дну. И вот ваш брат — босяк.
Несладкие созрели хороводы.
Сухой изюм, фисташки, че-шу-чу —
Все приняли бряцающие воды.
Мы — бедный прах. Кто скажет — я шучу.

Петрушка.

Вы жадина. Бездарный сын Катушки!
Дурной купец, у вас корявый стан.

Самаркандский купец.

Расскажите Снегурочке-простушке,
Как вы стройны.

Петрушка.

Вы просто шарлатан.

(Дерутся.)

Самаркандский купец.

Петрушке, раз!

Петрушка.

Петрушка, два!

Самаркандский купец.

Петрушка, раз!

Петрушка.

Петрушка, два!

Самаркандский купец. Во имя неба и Заморской
Снегурочки — трах!

Петрушка. Как вы смеете разбивать мою голову? Разве это ты-
ква? Можно ли так больно драться?

(Убегает. По переулочкам проходит Снегурочка с подружками.)

Самаркандский купец.

Беляночка! Красавица! Снежочек!
Через мосты, заборы, города,

Спасается забывчивый дружок.
Забудь глупца.

Заморская Снегурочка.

Петрушку? — никогда!

(Снегурочка плачет.)

Самаркандский купец. Теперь я теряю свою размеренную, сладкую, достойную речь. Не плачь, Снегурочка. Видишь вдали твоего Петрушку. Петрушка разлюбил тебя. Петрушка уезжает на край земли, быть может в Китай, где живут медноглазые драконы, быть может за Красное море, которое перешел со своими стадами великий Моисей. Хочешь, я буду твоим Петрушкой? У меня есть персидские ковры, голубые жемчуги, фарфоровые лебеди. Полюби меня, заморская Снегурочка.

Заморская Снегурочка. Ты мне нравишься.

(Подружки хлопают н ладоши. Новопомолвленные уходят, поздравляемые расшалившимися девушками. Темнеет. Едва передвигая ноги, тащится Петрушка.)

Петрушка.

Снегурочка Заморская! Давно-ли
Ты для меня из снега расцвела?
Что любитя тебе, скажи: вино-ли,
Бухарский шелк, лаванда, шептала?
Снегурочка стоит у аналя.
Куда итти, в каком кипеть аду?
Лукавая! Возьму я горе злое,
Да узелок, и странствовать пойду.

(Темнота скрывает Петрушку. Вспыхивают зарницы, переливаясь всеми цветами радуги. Затем быстро светает. На месте старых желтых домиков – высокие кленовые терема. Кругом ограда из шиповника. У ограды отдыхает лэди Судьба.)

Лэди Судьба. Вчера Николай Угодник сказал мне, будто-бы я — праздношатающаяся лэди Судьба. Что я лэди — не отрицаю. Что я судьба — не отрицаю. Что я праздношатающаяся — буду спорить. Но это пустяки. Главное, я знаю все и могу обо всем болтать. В этом доме живут Заморская Снегурочка и Самаркандский купец. Только Снегурочка больше думает о Петрушке, чем о купце или о царствии

небесном. Сорок лет пропутешествовало по этому переулочку с тех пор, как обидели Петрушку. Петрушка теперь святой человек. Выклянчивает милостыню, странствует по большим и малым путям, собирает цветы во имя Господа, поет акафисты. Два раза он ходил пешком в Иерусалим. Два раза он был в Риме, где целовал священную туфлю его святейшества, моего личного друга, папы Бенедикта. Говорят, он проделывал чудеса: исцелил безносую старуху и еще кого-то. Сейчас Петрушка возвращается сюда умирать. Я уверена, он так и не узнает этих мест, не узнает, где живет Снегурочка. Кстати она вышла на крыльцо. Ее белокурая головка стала пепельной. Глаза, по-моему, такие-же — весенние ручьи в желобах, отражающих небо. Пойду — посмотрю. Меня все равно никто не видит.

(Шиповник расступается перед лэди Судьбой. Медленно подходит, похожий на столетнего юридического, Петрушка.)

Петрушка (поет).

Дайте милостыню мне,
 Бедному Петрушке.
 Ах, в моей больной мошне
 Ни полтины, ни игрушки.
 Мы Тебя костром спалим.
 Ты – любовь и оборона.
 Ах, я знал Иерусалим,
 Доли теплые Сарона.
 Песни нищих рыбарей
 Стынут в горле, тайно зрея.
 Ах, Петрушку, друг, согрей,
 Как согрела Назаряя.

(Петрушка падает у ограды. Свертывается в клубок. Дремлет.)

Снегурочка. Что поет нищий у ограды? Мне показалось, должно-быть, — никто не поет. Весна молчит. Какой-то голос всё стучит в моем сердце: «Ах, Петрушку, друг, согрей, как согрела Назаряя». Кто пел в моей молодости эту песню? Или ветер, прохладный и солнечный, выдумал ее? Где Ты теперь Петрушка?

Петрушка. Где мне найти тебя, Заморская Снегурочка? Мне думается — я сейчас умру. Снегурочка! Снегурочка!

Лэди Судьба (Рассыпает с медленной важностью слова — и слова ее сопровождаются соответствующими метаморфозами послушной природы).

Налетают черные табуны облаков. Шумят проливные дожди. Через моря и земли переправляются события. Рим. Торжественный зал Ватикана. Лэди Судьба закончила свои дневные труды.

(Уходит.)

Папа Бенедикт.

Мы слушали с великим нетерпением
Простой рассказ о подвигах Петрушки.
Мы тронуты. Мы, Бенедикт блаженный,
Довольны всем, всей жизнью безупречной.
Молитвами причислим ныне к лику
Святых отцов Петрушку-Пилигрима.

(Перед папой Бенедиктом и кардиналами, застывшими в мысленном созерцании сладостного жития святых, проплывает неслышная тень Петрушки.)

Тень Петрушки. Приключается самое невероятное: Петрушку причисляют к лику святых. Достоин-ли мой господин такого блаженства? Впрочем, я бедная тень его, ничего не понимаю. Кто позволил мне рассуждать на эту тему? Пожалуй, я не такая глупая тень, чтобы в такие неповторяемые дни умалчивать о своем господине. Да и к тому-же рассуждать безопасно. Кавалер ордена Мальтийской звезды — настоящий прах. На всякий случай покажу им всем длинный нос.

(Показывает пане Бенедикту и кардиналам длинный нос. Продолжает болтать, в то время как опускается занавес.)

Почему зудит у меня в правом виске? Кровь приливает к сердцу и я задыхаюсь. А ведь я только бедная и абсолютно прозрачная тень. Слушайте, кардиналы, соборы, звери, капитаны, какие слова вертятся у меня на губах:

Ах, Петрушку, друг, согрей,
Как согрела Назаряя.

ЗАНАВЕС

(Художественное слово. Москва, 1920. № 2. С. 16–22.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В е н и а м и н К а в е р и н

Освещенные окна

Часть вторая: «Опасный переход».

Из глав «Лыжный батальон. Ссора» и «Вечер в кафе поэтов».

...Женя Кумминг закончил своего «Петрушку-пилигрима», позвал меня к себе (что бывало редко), и я неожиданно разнес этого «Петрушку», хотя сейчас, когда пишутся эти страницы, вижу, что это была лучшая из его «театральных поэм». Затеяливая, живая, она напоминала одновременно и русские лубочные картинки, и средневековый миракль.

Петрушка и Заморская Снегурочка влюбляются друг в друга, но Самаркандский купец отнимает у него невесту, и она, соблазнившись голубым жемчугом и персидскими коврами, выходит за него замуж. Проходит сорок лет, и праздношатающаяся леди Судьба рассказывает о том, что Петрушка стал святым человеком. «Два раза он ходил пешком в Иерусалим. Два раза целовал священную туфлю моего личного друга папы Бенедикта».

Похожий на столетнего юродивого, Петрушка умирает у ограды дома Заморской Снегурочки. Поэма кончается занимательно: Петрушку причисляют к лику святых.

ПАПА БЕНЕДИКТ.

Мы слушали с великим нетерпением
Простой рассказ о подвиге Петрушки.
Мы тронуты. Мы, Бенедикт Блаженный,
Молитвами причислим ныне к лику
Святых отцов Петрушку-пилигрима.

Но любовь к озорству не покидает героя. Проплывая перед папой и кардиналами, он показывает им длинный нос...

До сих пор мне нравилось всё, что писал Кумминг, и на этот раз, окончив чтение, он, без сомнения, ждал, что я его похвалю. Но, проямлив что-то для начала и рассердившись на себя за нерешительность, я сказал, что поэма не удалась.

— Ты находишь? — поджав губы, спросил Женя.

— Да, нахожу.

— Почему?

— Потому что праздношатающаяся леди Судьба похожа на праздношатающегося автора. И ей и ему нечего сказать. Почему Петрушка называет Самаркандского купца сыном Катушки? Какой Катушки? Почему он говорит: «Теперь я теряю свою размеренную, сладкую речь», — и продолжает говорить совершенно так же, как прежде?

Кумминг позеленел. Он встал и медленно прошелся по комнате. Я давно привык к его «некрасоте», но как будто впервые заметил его нескладное, неуклюжее сложение, его слишком широкие плечи, узкие бедра и длинные, обезьяньи руки. Ему было двадцать лет, но сейчас, когда у него обиженно набрякло лицо, он выглядел гораздо старше.

— Ты что, с цепи сорвался? — спросил он.

Я засмеялся. Мне стало весело и захотелось сказать еще что-нибудь — похлестче.

— Как там у тебя?

И я процитировал его стихотворение, посвященное Наташе Бенар:

Пленительный метр Фрагонар
Мечтал ли об огненной деве?

Стихотворение кончалось риторическим вопросом:

А знаешь ли? Ведь я ослеп в аду.

— А собственно, кто тебя заставляет жить в этом аду? Махнул бы к родителям! Где они у тебя? В Берлине? В Париже? Интересно, знают ли они, что ты служишь в угрозыске и ловишь мешочников на вокзалах?

Он подошел к двери и, картинно ударив ее ладонью, распахнул настежь.

— Ясно, — сказал я, застегивая полушубок. — Да, забыл... Там у тебя есть еще какой-то горбатый клоун Бем. Его ты содрал у Антокольского. Прощай.

Я был уверен, что мы поссорились надолго, может быть, навсегда. Не прошло и двух недель, как под вечер, когда, вернувшись со службы, я рисовал улицу, на которой жил портной Шваммердам, герой моего первого рассказа, в дверь постучали. Я открыл. Веселый, прифрантившийся Кумминг поздоровался как ни в чем не бывало.

— Пошли в Кафе. Сегодня интересный вечер. «Искусство или агитация». Коган против Айхенвальда.

Я ответил:

— Пошли.

Мы о чем-то говорили дорогой, но «Петрушка-пилигрим» упомянут не был. Кумминг как будто молчаливо признал, что отношения между нами изменились. И не потому, что мне не понравилась его поэма, а потому, что я разругал ее грубо. Он понял, что это произошло не только потому, что я был в дурном настроении: мне надоел его учительский тон. И теперь я с облегчением чувствовал, что с меня как бы снялось добровольное обязательство восхищаться всем, что он написал.

Но, казалось, и он был доволен: редко я видел его в таком хорошем настроении. Он что-то насвистывал, шутил...

— Уж не жениться ли ты собрался?

Он засмеялся.

— Нет. Знаешь, а ведь я ушел из угрозыска.

— Почему?

— Мне предложили другую работу, — сказал он значительно. — Точнее сказать, я сам себе ее предложил. И получил согласие.

— Что же это за работа?

— А вот поговорим... Не сегодня. Вопрос должен решиться на днях. Впрочем, я уверен в успехе.

Когда мы пришли в Кафе, уже не было свободных мест, и весь вечер мы простояли <...>.

Поздно вечером наша «Зеленая мастерская» в полном составе возвращалась из Кафе поэтов.

Москва была таинственная, огромная, заваленная снегом, искрившимся под луной. Мы шли и громко читали Маяковского:

Эй, вы!

Небо!

Снимите шляпу!

Я иду!

Глухо.

Вселенная спит,

положив на лапу

с клещами звезд огромное ухо.

— На днях я к тебе загляну, — прощаясь, сказал Кумминг. — Это дело, о котором я тебе говорил... Возможно, что оно покажется тебе любопытным.

(Каверин В. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 7:
Освещенные окна: Трилогия. С. 314–317, 319.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Э. М. М и н д л и н

Литературная Москва

Петербург не принимал участия в бешеной и непрерывной смене литературных вех, не изобретал быстротекущих направлений и школ, но оставался верен, в сущности, одному направлению, одной школе — Петербургской. Сказать о поэте — «Петербургский» — значит не только определить место его жительства, но подробно и точно характеризовать склад его поэтической физиономии.

Москва не любит Петербурга и, кажется, Петербург не любит Москвы. В Москве даже диспут как-то был устроен во Всероссийском Союзе Поэтов под названием: «Петербургское сукинсыство».

В течение 4 лет, говоря о литературной Москве, приходилось иметь в виду почти исключительно стихописательскую Москву. В области литературной иной не было. Бесчисленное множество стихописателей наводнило столицу РСФСР: Москва кишела десятками поэтических школ. Ежедневно (буквально не преувеличивая) выпускались манифесты, декларации, воззвания от имени плодившихся групп и школ. Поэтические пророки объявлялись внезапно: на бульваре в кафе, на Хитровке у советской водогрейни (ничевочки), в гастрономических магазинах, в пошлейших литературных особняках, — где только не объявлялись они. В Москве можно было насчитать около 3 десятков поэтических школ. Главнейшие из них: *центрифугисты, футуристы, ничевочки, символисты, акмеисты, нэореалисты, сюжетисты, имажинисты, нэоклассики, нэоакмеисты, бытики, парнасцы, эклектики, экспрессионисты, фуисты, люменисты, этернетисты, презантисты, эксклюзивисты, беспредметники, нэоромантики* и так далее. Почти *полторы тысячи* московских поэтов, несмотря ни на какие тяжелые экономические условия, на полнейший упадок полиграфического производства,

умудрялись выпускать десятки книг, а некоторые даже сотни. В результате — небывалое перепроизводство стихотворных сборников. Теперь их начинают продавать на вес. Стихи читались повсюду: в кафе, на улицах, в особняках, в театрах, в кино, в Политехническом музее, на перекрестках. И наконец, Москва пресытилась стихами. Устала от них. Может быть, вернее — мы перешагнули через *стихотписание*. Мы оставили его где-то позади. Оно уже в прошлом. Реакция — сначала у стихочитателей и стихослушателей, затем у стихописателей. Теперь еще продолжают писать стихи или очень упорные или уж «поэты Божьей милостью».

Совершенно невиданное зрелище: публичное покаяние поэта: больше писать не буду, простите великодушно, добрые люди, грешил по молодости. Первым, кажется, Шершеневич подал пример. Еще в прошлом году. Тоже: отказ от стихотписания, да еще публичный с популярной лекцией: «Почему я перестал быть поэтом».

А сейчас это в моде.

Прежде, встречаясь, уныло поздравляли друг друга:

— Вы тоже уже — поэт. Поздравляю.

А теперь наоборот:

— Вы тоже уже не поэт. Поздравляю.

Поэтические кафе пустуют. Кафе Домино (Всерос<сийский> Союз Поэтов) — ладья без руля и без ветрил. В «Ладье», впрочем, торгует буфетчик армянин и очень бойко. Кафе имажинистов «Стоило Пегаса» второй год не функционирует. Давно также закрыт клуб пролетарских поэтов «Кузница», умирают «Лирический круг», «Литературный Особняк», другие.

Наряду с вырождением стихотписания — *повышенный интерес к прозе*. Шум, поднятый вокруг Серапионовцев, и успех этой интересной группы начинает сменяться скептически критическим отношением к ней

Начинается реакция против господства *формального метода* в литературе. Устали от нахлынувшего фольклора и фонетики. Не удовлетворяют обновляемые «слова» и «словечки», и явственно определяется новое требование в литературе: *недостаточно метода наложения*. Не хотим только «как». Подавай — «что». Покажите «что» можете сказать, а не только «как» можете говорить. Где *ваши* видение мира?

Отсюда интерес к зарубежным русским писателям — конечно, принявшим революцию, как Эренбург, Толстой, и известный вызвал интерес Зозуля. Рассказ ого «Мелочь», вызвавший шум в советской

печати, — пожалуй, лучшее из бытового, написанного о революции. У него — наибольшая острота современности и умение волновать...

Но еще ничего нельзя сказать, кто же настоящий, кто «тот», кого ждали. Мы все еще — накануне. Мы каждому приходящему дню заглядываем в глаза и спрашиваем:

— Не ты ли наш «настоящий» день?

(*Накануне. Литературное приложение № 28. (Берлин). 1922. № 196. 26 ноября. С. 5.*)

Литература

1. *Вольпин Надежда*. Глазами друга. Вспоминая Сергея Есенина // Звезда Востока. Ташкент, 1987. № 3–4.

2. «Дребезжание моих ржавых русских струн...» Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / публ. Р. Янгирова // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 345–397.

3. *Каверин В.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 7: Освещенные окна: Трилогия. 590 с.

4. *Крусанов А.В.* Русский авангард 1907–1932: Исторический обзор: в 3 т. М.: НЛЮ, 2003. Т. 2: Футуристическая революция (1917–1921). Кн. 1. 808 с.

5. *Кугушева Н.П.* Проржавленные дни: собрание стихотворений / сост. А.Л. Соболев. М.: Водолей, 2011. 336 с.

6. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы. современников. Библиография / отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. 766 с.

7. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы. современников. Библиография / отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922 гг. 704 с.

8. *Струве Г.* Из моих воспоминаний: об одном русском литературном кружке в Берлине // Три Юбилея Андрея Седых. Альманах. Нью-Йорк: Литературный фонд, 1982. С. 189–194.

9. *Тименчик Р.Д.* По поводу «Антологии петербургской поэзии эпохи акмеизма» // Russian Literature. 1977. Т. 5. № 4. Р. 315–323.

10. *Шруба М.* Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945). М.: НЛЮ, 2018. 1060 с.

11. *Pogodina S.* Драматическая трилогия Евгения Кумминга «Легендарная жизнь и достойная смерть Петрушки» // Littera Scripta VIII: Jauno filologu rakstu krājums. 2012. № 1. S. 117–123.

Research Article

The Stormy Life of Evgeny Kuming. Moscow, 1918–1921

© 2023. Andrey B. Ustinov
Center for Open Studies,
San Francisco, USA

Abstract: The essay reconstructs the Moscow period of the literary biography of the poet and playwright Evgenii L'vovich Kuming (1899–1980), starting with the establishment of the All-Russian Union of Poets in December 1918 until his immigration to Estonia in the Spring of 1921. The author reconstructs his participation in Moscow literary associations “The Green Atelier” (“Zelenaia masterskaia”), “The Literary Mansion” (“Literaturnyi osobniak”), “The Link” (“Zveno”) as well as the historical context of his creative activities. Literary life of those years was largely concentrated in writers’ clubs, and cafes, where numerous events were held with poetry readings, polemical discussions, etc. The essay traces in detail Kuming’s participation in such literary meetings. Kuming’s “dramatic trilogy” *The Legendary Life and Worthy Death of Petrushka* (1920), which appears as a vivid example of the poetic avant-garde of the post-revolutionary years, is republished in the Appendix.

Keywords: Evgenii Kuming, Veniamin Kaverin, Moscow literary life of the late 1910s – early 1920s, literary life, “The Literary Mansion,” “The Green Atelier.”

Information about the author: Andrei Ustinov — PhD in Philology, Fellow at Center for Open Studies, San Francisco, California, USA.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0521-0974>

E-mail: abooks@gmail.com

For citation: Ustinov, A.B. “The Stormy Life of Evgeny Kuming. Moscow, 1918–1921.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 186–229. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-186-229>

References

1. Vol'pin, Nadezhda. “Glazami druga. Vspominaia Sergeia Esenina” [“Through the Eyes of a Friend. Remembering Sergei Yesenin”]. *Zvezda Vostoka*, no. 3–4. Tashkent, 1987. (In Russ.)
2. “‘Drebezzhanie moikh rzhavykh russkikh strun...’ Iz perepiski Vladimira i Very Nabokovykh i Romana Grinberga (1940–1967)” [“‘The Rattling of My Rusty Russian Strings...’ From the Correspondence between Vladimir and Vera Nabokov and Roman Grinberg (1940–1967)”], publ. by R. Iangirov. *In memoriam. Istoricheskii sbornik pamiati A.I. Dobkina [In Memoriam. Historical Collection in Memory of A.I. Dobkin]*. St. Petersburg, Paris, Feniks-Atheneum Publ., 2000, pp. 345–397. (In Russ.)
3. Kaverin, V. *Sobranie sochinenii: v 8 t. [Collected Works: in 8 vols.]*, vol. 7: *Osveshchennye okna: Trilogiia [Illuminated Windows: Trilogy]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1983. 590 p. (In Russ.)

4. Krusanov, A.V. *Russkii avangard 1907–1932: Istoricheskii obzor: v 3 t.* [*Russian Avant-garde, 1907–1932: Historical Review: in 3 vols.*], vol. 2: Futuristicheskaia revoliutsiia (1917–1921) [*Futuristic Revolution (1917–1921)*], book 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 808 p. (In Russ.)

5. Kugusheva, N.P. *Prorzhavlennye dni: sobranie stikhotvoreniĭ* [*Rusted Days: Collection of Poems*], comp. A.L. Sobolev. Moscow, Vodolei Publ., 2011. 336 p. (In Russ.)

6. *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy. sovremennikov. Bibliografiia* [*Literary Life in Russia in the 1920s. Events. Reviews. Contemporaries. Bibliography*], vol. 1, part 1: Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg. [Moscow and Petrograd. 1917–1920], ex. ed. A.Iu. Galushkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 766 p. (In Russ.)

7. *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy. sovremennikov. Bibliografiia* [*Literary Life in Russia in the 1920s. Events. Reviews. Contemporaries. Bibliography*], vol. 1, part 1: Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg. [Moscow and Petrograd. 1921–1922], ex. ed. A.Iu. Galushkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 704 p. (In Russ.)

8. Struve, G. “Iz moikh vospominanii: ob odnom russkom literaturnom kruzhke v Berline” [“From my Memories: about One Russian Literary Circle in Berlin”]. *Tri iubileia Andreia Sedykh. Al'manakh* [*Three Anniversaries of Andrey Sedykh. Almanac*]. New York, Literaturnyi fond Publ., 1982, pp. 189–194. (In Russ.)

9. Timenchik, R.D. “Po povodu ‘Antologii peterburgskoi poezii epokhi akmeizma’.” [“Concerning the ‘Anthology of Petersburg Poetry of the Epoch of Acmeism’.”]. *Russian Literature*, vol. 5, no. 4, 1977, pp. 315–323. (In Russ.)

10. Shrubina, M. *Slovar' psevdonimov russkogo zarubezh'ia v Evrope (1917–1945)* [*Dictionary of Pseudonyms of the Russian Diaspora in Europe (1917–1945)*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 1060 p. (In Russ.)

11. Pogodina, S. “Dramaticheskaia trilogiia Evgeniia Kumminga ‘Legendarnaia zhizn' i dostoinaia smert' Petrushki’.” [“Drama Trilogy by Eugene Kummings ‘Legendary Life and Worthy Death of Petrushka’.”]. *Littera Scripta VIII: Jauno filologu rakstu krājums*, Nr. 1, 2012, ss. 117–123. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 11.05.2023
Одобрена после рецензирования: 11.06.2023
Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 11.05.2023
Approved after reviewing: 11.06.2023
Date of publication: 25.09.2023

Литературный факт.
2023. № 3 (29)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (29), 2023

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-230-237>
<https://elibrary.ru/GIYLXX>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

К вопросу о месте «Пролога» в тексте «Кому на Руси жить хорошо»

© 2023, М.С. Макеев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье предлагается уточнение к принятой в последние десятилетия трактовке композиции поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В послевоенных советских изданиях «Пролог» («В каком году — рассчитывать...») постоянно печатался в составе первой части поэмы. В статье аргументируется необходимость печатать его перед всей поэмой, поскольку в последних прижизненных изданиях стихотворений поэта «Пролог» оказался «не на своем месте» в результате внешних обстоятельств. Дело в том, что само деление на части в поэме появилось тогда, когда 5-я часть издания 1869–1873 гг. (содержащая пролог и первые пять глав) была уже набрана и изменения пришлось вносить в готовую верстку.

Ключевые слова: текстология, Н.А. Некрасов, поэма «Кому на Руси жить хорошо», издание текстов русской классической литературы, авторская воля, научная работа редактора, русская поэзия XIX в.

Информация об авторе: Михаил Сергеевич Макеев — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5798-6892>

E-mail: mmakeev@icloud.com

Для цитирования: Макеев М.С. К вопросу о месте «Пролога» в тексте «Кому на Руси жить хорошо» // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 230–237. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-230-237>

В статье приняты следующие сокращения изданий Н.А. Некрасова:

ПСС — *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.

ПСС 1948–1953 — *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М.: ГИХЛ, 1948–1953.

ПССт 1967 — *Некрасов Н.А.* Полн. собр. стихотворений: в 3 т. Л.: Сов. писатель, 1967. («Библиотека поэта». Большая сер. 2-е изд.)

Ст 1869–1873 — Стихотворения Н. Некрасова. СПб.: Изд. С.В. Звонарева, 1869–1873. Ч. 1–2. 5-е изд.; Ч. 3. 2-е изд.; Ч. 4–5. 1-е изд.

Ст 1873–1874 — Стихотворения Н. Некрасова. СПб.: Тип. В.В. Праца, 1873–1874. Ч. 1–2. 6-е изд.; Ч. 3. 3-е изд.; Ч. 4–5. 2-е изд.; Ч. 6. 1-е изд.

Ст 1879 — Стихотворения Н.А. Некрасова. Посмертное изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. Т. 1–4.

Ст 1881 — Стихотворения Н.А. Некрасова. Полн. собр.: в 1 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1881. XX, 446 с.

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» благодаря своей незавершенности и только частичной опубликованности при жизни автора представляет немало трудных проблем для текстологов (впрочем, заметим в скобках, многие из этих «загадок» являются плодами деятельности самих текстологов). Одной из них является место «Пролога» («В каком году — рассчитывай...») в тексте произведения. Долгое время никакой сложности публикаторам поэмы здесь не виделось. Начиная с первого (неполного) посмертного (Ст 1879) и первого полного (Ст 1881) и до советских изданий 1930-х гг. «Пролог» печатался перед всей поэмой (после него шло название «Часть первая»). Однако во всех научных послевоенных изданиях Некрасова (ПСС 1948–1953, ПССт 1968 и ПСС) «Пролог» включался в состав первой части поэмы. Разойдясь со своими предшественниками, послевоенные издатели (среди которых были лучшие специалисты по текстологии вообще и некрасовской в частности), на взгляд любого непредвзятого читателя, таким образом разошлись и с простым здравым смыслом, подсказывающим, что «Пролог» не ограничивается первой частью, но, несомненно, относится ко всему произведению.

Наиболее развернутая аргументация (в общем повторяющая аргументацию, изложенную в монографии [4]) такого странного эдиционного решения дана в ПСС. Редакторы пятого тома этого издания в комментариях к «Кому на Руси жить хорошо» признают, что

интересующий нас фрагмент по смыслу является «прологом ко всей поэме», однако утверждают, что «Пролог» не может быть напечатан перед всей поэмой, поскольку

... во всех прижизненных изданиях поэмы он неизменно печатался в составе ее первой части. Так, в отдельном издании Ст 1873, ч. 5 на шмуцтителе (с. 5) обозначено: «Кому на Руси жить хорошо. Часть первая», а заглавие «Пролог» проставлено уже на следующем листе — перед самым началом текста (с. 7). В оглавлении пятой части находим ту же последовательность заглавий: «Кому на Руси жить хорошо. Часть первая: Пролог» (далее следует перечень остальных глав: «Глава I: Поп» и т. д.). В последнем прижизненном издании поэмы Ст 1873, т. III, ч. 5–6, куда вошли также «Последыш» и «Крестьянка» («Пир на весь мир» к этому времени еще не был написан), сохранена указанная последовательность обозначений, которая еще раз подтверждена также в оглавлении шестой части третьего тома: «Кому на Руси жить хорошо. Часть первая: Пролог. — Поп. — Сельская ярмонка. — Пьяная ночь. — Счастливые. — Помещик» [3, т. 5, с. 613].

В этом пассаже, однако, упущены или искажены два существенные момента. Прежде всего, несколько иначе выглядит соотношение шмуцтитела и собственно начала текста первой части поэмы в прижизненных собраниях стихотворений Некрасова. И в Ст 1869–1873, и в Ст 1873–1874 (издание, полностью повторяющее предыдущее и вышедшее в том же году) на шмуцтителе указано: «Кому на Руси жить хорошо. Часть первая». Затем в начале самого текста (на что не указали составители ПСС) снова дается полное название поэмы и под ним — «Пролог». То есть перед текстом продублировано название всей поэмы, но не продублировано «Часть первая». В оглавлении в одну строку дано название поэмы и указание «Часть первая».

Сравним с оформлением двух других фрагментов поэмы, перепечатанных уже в 6-й части Ст 1873–1874. В случае «Последыша» на шмуцтителе обозначено название — «Последыш», ниже в скобках: «Из второй части “Кому на Руси жить хорошо”», в начале же самого текста указано только «Глава 1» (за ней следует цифра «1», начинающая собственно нумерацию главок). В оглавлении воспроизведен шмуцтител. В случае «Крестьянки» на шмуцтителе напечатано «Крестьянка (из третьей части “Кому на Руси жить хорошо”»)» и дата в скобках: «1873». Перед текстом повторен шмуцтител (без даты). В оглавлении напечатано: «Кре-

стьянка (из третьей части “Кому на Руси жить хорошо”)) и на той же строке — «Пролог».

Второй и третий случаи типичны для соотношения шмуцтитла и начала текста в прижизненных собраниях стихотворений Некрасова. Шмуцтитл либо полностью или с небольшими отличиями (касающимися «второстепенных» элементов, например, датировки или номеров частей, как в поэме «Русские женщины») воспроизводится в начале самого текста (так бывает в подавляющем большинстве случаев, когда стихотворение и поэма предваряется шмуцтитлом), либо (что бывает существенно реже, например, в случае циклов «О погоде» или «Стихотворений, посвященных русским детям») перед началом текста дается только название первого произведения, составляющего цикл. Соотношение между шмуцтитлом и начальным заголовком первой части «Кому на Руси жить хорошо» в обоих изданиях выглядит на этом фоне не только аномально, но и нелогично: шмуцтитл, говорящий о первой части, противоречит собственно началу текста, где заголовок говорит о начале поэмы, ничего о первой части не упоминая. Это противоречие, вряд ли являющееся выражением авторского замысла, заставляет предположить, что тут имеет место стечение ряда «внешних» обстоятельств. Понять, что это за обстоятельства, можно, обратив внимание на еще одну погрешность, допущенную редакторами ПСС.

Ошибочным или неточным является утверждение редакторов, что «Пролог» включался в состав первой части «во всех прижизненные изданиях» поэмы. Пролог не мог быть включен в состав первой части в журнальной публикации фрагментов поэмы (печатавшихся сначала в «Современнике», а затем в «Отечественных записках») потому, что, как это ни парадоксально звучит, в журнальных публикациях первой части просто не существовало. Дело в том, что самой мысли о том, то поэма будет состоять из нескольких (не меньше двух) частей, не было у Некрасова не только в начале работы над поэмой, но и во время работы над всеми ныне входящими в состав первой части пятью главами, а также и во время работы над следующим за ними фрагментом — «Последышем». «Пролог» и первые пять глав (от «Попа» до «Помещика») были изначально не главами первой части, но начальными главами всей поэмы. Ни в одной рукописи, ни в одном автографе этих глав нет упоминания ни о какой первой части, в которую они «входят». Очевидно, замысел «Кому на Руси жить хорошо» долгое время был вполне «компактным»: поэма должна была состоять из нескольких глав, в которых встречи

с изначально «запланированными» персонажами должны были перемежаться «интерлюдиями» разной длины, главами, в которых появлялись бы побочные, не связанные с магистральной сюжетной линией эпизоды и персонажи. Эта ситуация сохранялась и во время работы над «Последышем», который долгое время мыслился как шестая глава поэмы. Только в наборной рукописи (ИРЛИ) первоначальное заглавие «Кому на Руси жить хорошо. Глава VI. Последыш» было исправлено на «Кому на Руси жить хорошо. Часть вторая. Глава I. Последыш», и тем же карандашом сделано примечание: «Первую часть см. в От<ечественных> З<аписках> 1869–70 и 71 гг. №№ и в отд<ельном> издании: Стихотворения Н. Некрасова ч. 5. 1873 г.». Это исправление было внесено, несомненно, в конце работы над фрагментом: оно единственное сделано карандашом — правка, ведшаяся в ходе работы, делалась чернилами. В этот момент не только «Последыш» стал первой главой второй части, но и задним числом первые пять глав «превратились» в ее первую часть. Естественно поэтому, что в «Отечественных записках» (1869. № 1), где были напечатаны, кроме него, «Поп» и «Сельская ярмонка», нет и не может быть обозначения «Первая часть», а «Пролог» стоит сразу после названия поэмы как пролог ко всей поэме. Собственно, сами слова «часть первая» применительно к «Прологу» и первым пяти главам только и появляются в Ст 1869–1873¹.

Работа над «Последышем» была завершена 5 января 1873 г. (согласно дате, поставленной Некрасовым под наборной рукописью), статус его, возможно, изменился несколько позднее (когда точно сделаны карандашные вставки, о которых говорилось выше, сказать нельзя). «Последыш» был напечатан в книжке «Отечественных записок», вышедшей в свет 18 февраля того же года [2, с. 321]. 23 февраля, то есть меньше чем через неделю, вышла пятая часть Ст 1869–1873, а отпечатана она была, несомненно, раньше, поскольку уже 22 февраля за ее присылку Некрасов благодарил А.С. Суворин [2, с. 323]. Это означает, что идея первой части могла появиться у Некрасова тогда, когда пятая часть Ст 1869–1873, где первые главы вместе с прологом были набраны по журнальному

¹ Заметим, что вообще говорить об истории *создания* первой части поэмы или о реакции прижизненной критики на первую часть поэмы совершенно неверно. И для критики первая часть материализовалась только после практически одновременного выхода 5-й части Ст 1869–1873 и первого номера «Отечественных записок» за 1869 г. Некрасов не *создавал* первую часть: объединение первых пяти глав в «первую часть» есть результат того, что «Последыш» разросся, перерос объем главы и дал автору новый взгляд на его поэму как на что-то более масштабное, чем было задумано ранее, стимулировал на новые масштабные «вставки» (какими стали «Крестьянка» и «Пир на весь мир»).

тексту, уже была в печати. Необходимые указания, таким образом, пришлось вносить уже в верстку. Видимо, при этом ставилась задача подчеркнуть, что читатель имеет дело с первой частью большой поэмы, и одновременно сделать это так, чтобы не сильно менять готовый набор. Поэтому слова «часть первая» были выставлены на общем шмуцтителе, а не между «Прологом» и «Попом», как должно было быть. По той же причине эти слова были в оглавлении поставлены на ту же строку, где было заглавие всей поэмы (а не отдельной строкой ниже). Видимо, считая, что задача была выполнена вполне удовлетворительно, или просто не обратив внимание на возникшее противоречие, Некрасов не стал вносить никаких исправлений в Ст 1873–1874.

Признаем, что наша реконструкция последовательности событий, приведших к разбираемому казусу с оказавшимся не на своем месте «Прологом», может показаться неубедительной: несомненно, Некрасов мог настоять на любой правке, если бы она была для него принципиально важна (сохранившиеся корректуры «Мороза, Красного носа», например, говорят о значительных изменениях, делавшихся поэтом в уже набранном для журнала тексте). По нашим наблюдениям, однако, Некрасов достаточно мало значения придавал такого рода «формальностям». Так, он до конца жизни не внес «порядка» в цикл «О погоде», фрагменты которого перепечатывались при его жизни в разных частях собраний стихотворений под разными обозначениям: три первых главы – во второй части под общим названием «О погоде» и под цифрами с первой по третью (и без указания на то, что они составляют «первую часть»), а четвертая и пятая — в четвертой части с обозначением «Часть вторая» и под цифрами один и два. Не объединив цикл «Стихотворений, посвященных русским детям» в единое целое, Некрасов напечатал их в разных частях своих собраний, при этом в каждом случае нумерация начиналась также с первой цифры (с 1 по 3 — в четвертой части, с 1 по 2 — в пятой). За этим стояло, конечно, не пренебрежение к композиции произведений и циклов, но отсутствие мелочного педантизма, готовность оставить приведение нумераций и обозначение частей «в порядок» разумному читателю, готовность положиться на его простой здравый смысл (если есть вторая часть, то, очевидно, все, что из этого цикла напечатано в предыдущем томе, составляет первую — читателю это понятно и не о чем хлопотать метранпажу и наборщикам). Вероятно, Некрасов удивился бы педантичному буквализму, проявленному советскими издателями (одновременно позволявшими себе крайне легко относиться к некрасовскому тексту,

внося в него разнообразные вставки, руководствуясь интуитивными, совершенно недоказуемыми представлениями об «автоцензуре»²) в отношении «Пролога».

Вероятно, наша реконструкция может иметь только статус гипотезы (об убедительности которой судить читателю). Несомненным нам представляется наличие не ясности (как считали издатели ПСС и предшествующих послевоенных изданий Некрасова), а противоречия между шмуцтитолом и самим текстом первой части «Кому на Руси жить хорошо», противоречия, которое необходимо разрешить в пользу здравого смысла, который так ценил сам Некрасов.

Литература

1. *Макеев М.С.* Некрасовская текстология в XXI веке: проблемы нового научного издания стихотворений Н.А. Некрасова в серии «Новая библиотека поэта» // Русская литература. 2021. № 4. С. 27–38. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-27-38
2. *Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова: в 3 т.* СПб.: Наука, 2009. Т. 3. 704 с.
3. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
4. *Твердохлебов И.Ю.* Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М.: АН СССР, 1954. 206 с.

Research Article

On the Place of “Prologue” in the Text of the Poem “Who Lives Happily in Russia”

© 2023. Mikhail S. Makeev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia

Abstract: The article proposes a clarification to the interpretation of the composition of the poem by N.A. Nekrasov “Who Lives Happily in Russia.” In post-war Soviet editions, “Prologue” (“In what year — guess...”) was constantly published as part of the first part of the poem. The article argues for the need to print it before the whole poem, since in the last lifetime editions of the poet’s poems “Prologue” was “out of place” as a result of external circumstances. The fact is that

² Об этом см. нашу статью: [1].

the very division into parts in the poem appeared when the 5th part of the edition of 1869–1873. (containing the prologue and the first five chapters) was already typed and the changes had to be made to the finished layout.

Keywords: textual criticism, N.A. Nekrasov, the poem “Who Lives Happily in Russia,” Russian classic literature edition, author’s will, editor’s research, Russian poetry of the 19th century.

Information about the author: Mikhail S. Makeev — DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia. Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, 4 Makarova Emb., 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5798-6892>

E-mail: mmakeev@icloud.com

For citation: Makeev, M.S. “On the Place of ‘Prologue’ in the Text of the Poem ‘Who Lives Happily in Russia’.” *Literaturnyi fakt*, no. 3(29), 2023, pp. 230–237. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-230-237>

References

1. Makeev, M.S. “Nekrasovskaia tekstologiya v XXI veke: problemy novogo nauchnogo izdaniia stikhotvoreniia N.A. Nekrasova v serii ‘Novaia biblioteka poeta’.” [“Nekrasov Textual Criticism in the 21st Century: Problems of the New Academic Edition of N.A. Nekrasov’s Poems in the The New Library of the Poet Series”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2021, pp. 27–38. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-27-38 (In Russ.)

2. *Letopis’ zhizni i tvorchestva N.A. Nekrasova: v 3 t.* [Chronicle of N.A. Nekrasov’s Life and Work: in 3 vols.], vol. 3. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 704 p. (In Russ.)

3. Nekrasov, N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 t.* [Complete Works and Letters: in 15 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000. (In Russ.)

4. Tverdokhlebov, I.Iu. *Poema Nekrasova “Komu na Rusi zhit’ khorosho”* [Nekrasov’s Poem “Who Lives Happily in Russia”]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1954. 206 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.05.2023

Одобрена после рецензирования: 14.06.2023

Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 22.05.2023

Approved after reviewing: 14.06.2023

Date of publication: 25.09.2023

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2023. № 3 (29)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (29), 2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-238-265>
<https://elibrary.ru/GJVNGV>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

О правде и этике некролога: В.Г. Короленко и М.А. Протопопов в 1904 г.

© 2023, А.В. Геворкян, М.В. Строганов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются взаимоотношения В.Г. Короленко с М.А. Протопоповым, их полемика по поводу наследия Н.К. Михайловского. Polemika эта развернулась в переходный момент истории «Русского богатства», когда Короленко стал главным лицом журнала и должен был утвердить себя в качестве лидера. В этом контексте рассматривается ранняя попытка публикации разоблачительной статьи Протопопова о Михайловском, предложенной А.С. Суворину в 1898 г. Получив отказ, критик позже использовал ее в некрологе о Н.К. Михайловского, в котором при всей объективности сквозило равнодушие к памяти покойного. Короленко помнил, как много сделал Михайловский для писателя, и возражал Протопопову с точки зрения бытовой этики. В своем ответе Протопопов утверждал, что впервые выступил с критикой Михайловского в 1878 г. — это первая критическая статья о Михайловском из дружественного лагеря, и опроверг обвинения, что четверть века копил обиду на Михайловского, после чего Короленко продолжать полемику не стал. Впервые вводятся в научный оборот ряд дневниковых записей М.А. Протопопова на полях книги его статей «Литературно-критические характеристики» (1896), а также его письма к А.С. Суворину, раскрывающие личность М.А. Протопопова.

Ключевые слова: Н.К. Михайловский, В.Г. Короленко, М.А. Протопопов, А.С. Суворин, журнал «Русское богатство», «Беседа», некролог, литературный быт, эпистолярный.

Информация об авторах: Армен Варужанович Геворкян — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2658-4580>

E-mail: armenvar@mail.ru

Михаил Викторович Строганов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436>

E-mail: mvstroganov@gmail.com

Для цитирования: *Геворкян А.В., Строганов М.В.* О правде и этике некролога: В.Г. Короленко и М.А. Протопопов в 1904 г. // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 238–265 . <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-238-265>

1904 год был в жизни Короленко очень серьезным. 28 января 1904 г. умер Н.К. Михайловский, идейный вдохновитель и фактический руководитель журнала «Русское богатство», который вместе с Короленко был и официальным редактором-издателем журнала. Но Короленко до января 1896 г. жил постоянно в Нижнем Новгороде, а с начала лета 1900 г. в Полтаве, и поэтому мог заниматься ежедневной журнальной работой только четыре с половиной года, а Михайловский постоянно жил в Петербурге, непосредственно при журнале, и с удовольствием работал над своим любимым детищем. При живом Михайловском Короленко нужен был журналу как имя признаваемого всей страной писателя большого масштаба. Смерть Михайловского меняла расстановку сил в редакции, увеличивала бремя ответственности и дестабилизировала самоощущение Короленко. Короленко привык к журналу, расстаться с ним он уже не мог. А для этого он должен был и хотел утвердить себя в качестве лидера как внутри редакции, где А.И. Иванчин-Писарев и С.Н. Южаков претендовали на руководящие роли, так и в глазах читателей и литературных собратьев.

Короленко приехал в Петербург из Полтавы 30 января 1904 г. в день похорон Михайловского и прожил в столице до 24 марта, занимаясь реорганизацией «Русского богатства», после чего уехал в Полтаву. Вновь по редакционным делам он приехал в Петербург 25 апреля, а выехал 20 мая 1904 г. через Москву и вернулся в Полтаву 25 мая. А 10 июня всей семьёй с большим числом родных Короленко отправился в Джанхот к брату И.Г. Короленко, куда прибыл 15 июня (прожил здесь до 22 августа и 24-го вернулся в Полтаву). Почта в Джанхот ходила нерегулярно, для отправления и получения писем Короленко ездил в Геленджик за 20 вёрст (по современным дорогам 17 км). Так что всей литературой для работы он запасся заранее в последний приезд в Петербург в апреле-мае.

В Джанхоте Короленко написал две статьи, о которых мы говорим в другой нашей публикации [3] и в которых он отчасти полемизировал с М.А. Протопоповым, опубликовавшим в 3-м номере журнала «Беседа» за 1904 г. свои воспоминания о Михайловском.

1

Протопопов уже не раз выступал оппонентом Михайловского, и в своей некрологической статье он весьма скептически оценил его вклад в русскую общественную жизнь и литературу. Между тем Протопопов начинал печататься в «Отечественных записках» при Михайловском, который пригласил своего бывшего коллегу и во вновь организованное «Русское богатство» (первые рецензии Протопопова появились уже в 9-м номере за 1894 г.). Сначала Михайловский печатал Протопопова, видимо, с удовольствием, хотя и замечал его недостатки. А.Г. Горнфельд сообщал П.П. Перцову 17 мая 1895 г. о своем разговоре с Михайловским:

На свидании он сказал: «Не скажу, что не согласен с вами; но это большие вопросы, теперь в них тяжело копать». Иначе: протопоповщина претит и мне, но мне негоже идти навстречу акимовщине; понемножку, однако, и с должной дипломатичностью, возможно отказаться от старых крайностей школы [5, с. 298–299].

Перцов отвечал 26 мая 1895 г.:

Правы ли Вы в Вашей перлюстрации слов Михайловского о Чехове (насчет «больных вопросов»), также поживем — увидим. Я давно знаю, что Протопоп его конфузит, но я же давно также предсказал, что ничего другого Н<иколай> К<онстантинович> не выдумает. Tu l'as voulu, George Dandin, tu l'as voulu! [5, с. 304].

Перцов, в это время уже не работавший в «Русском богатстве», тем не менее очень точно почувствовал раздражение, которое вызывали у Михайловского статьи Протопопова, однако в своем предсказании, «что ничего другого Н<иколай> К<онстантинович> не выдумает», оказался не прав. Дело в том, что в том же мае 1895 г. Михайловский решительно отверг статью Протопопова о «сборнике

¹ Ты этого хотел, Жорж Данден, ты этого хотел! (франц.)

избранных стихотворений молодых русских поэтов» «Молодая поэзия» (СПб., 1895), который составили П.П. и В.В. Перцовы:

Я не могу, к сожалению, напечатать Вашу статью, Михаил Алексеевич. Она вообще очень не выдержанна, и ее, как и две последние Ваши статьи, не следовало бы печатать ради Вашей литературной репутации. Но есть и другие, редакционные мотивы. Что бы ни говорили Белинский и Писарев, а мы не можем так огульно осудить всех непервостепенных поэтов, а ведь Вы говорите о всех, а не только о тех, которых взяли под свое покровительство гг. Перцовы, и тем самым стушевываете особенности того, что эти господа называют «молодой поэзией». В частности, мы не можем не выделить Надсона, который чем-нибудь да достучался же до сердец десятков тысяч, и не худым достучался, и не до худых сердец. Не можем мы также, как я Вам уже однажды говорил, обругать Федорова, когда в той же книжке может явиться его стихотворение. Это, конечно, дело формального приличия, и по существу Федоров нам вовсе не дорог, но приличия остаются приличиями, тем более что Ф<едоров> есть такая величина, об которой очень удобно и позволительно молчать.

Если Вы не сумеете отдать статью в какой-нибудь другой журнал, я предложил бы Вам сократить ее до размеров рецензии, устранив огульность спора <?> [5, с. 306].

В «Русском богатстве» Михайловский сам написал об этом сборнике в июньском номере, направив свою критику не против самих поэтов, а против П.П. Перцова, который начинал свою столичную литературную деятельность в «Русском богатстве», но вскоре ушел в «молодую поэзию». Протопопов же свою статью, видимо, не напечатал.

Были у Михайловского и другие поводы для недовольства Протопоповым, о чем он сообщал Иванчину-Писареву 29 июня 1895 г.:

Затем боюсь, что Потапенко обидится и возьмет свой роман, прочитав «Новые книги» в июньской книжке. Это чучело Протопопов только ссорить может, а компенсировать чем-нибудь своим — не в силах. Его доля, очевидно, совсем к концу идет [5, с. 320].

Это мнение разделяли и другие члены редакции. Н.Ф. Анненский писал Короленко 10 июля 1895 г.:

Протопопов — совсем ненадежен во всех смыслах — и свихнуться может, и вздор написать рядом с блестящею вещью, и притом, увы, блеск у него, кажется, начинает сильно тускнеть, а отрицательные стороны выпирать вперед... [5, с. 326]

Дело дошло до того, что 13 июля 1895 г. Михайловский советовал Иванчину-Писареву: «За Протопоповым присмотрите: его чистить должно и можно» [5, с. 329]. Это и сделал Короленко, докладывавший Иванчину-Писареву 20 августа 1896 г. о последней части статьи Протопопова «На заре русской поэзии», посвященной сборнику «Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов» под редакцией С.А. Венгерова²: «Посылаю статью Протопопова — я ее сильно погладил — выйдет ничего» [5, с. 437].

Но вопреки всему этому Михайловский с 1896 г. повысил Протопопову гонорарную ставку до 100 рублей за печатный лист вместо обычных 80-ти для авторов такого уровня. А при общей, невзирая на лица (в т. ч. и себе, и Короленко), гонорарной ставке в разделе «Новые книги» в 80 рублей он и там платил ему 100. Причина очевидна: страдавший от алкогольной зависимости Протопопов постоянно нуждался, и Михайловский нашел такой способ помочь давнему коллеге.

Для понимания того состояния, в котором Протопопов находился периодически, большое значение имеют его дневниковые записи на полях книги его статей «Литературно-критические характеристики» [11]³, хотя они сделаны несколько позднее, в 1897–1908 гг.:

27 августа четверг 1898. <...> Нужен я Богу, или нет. Смерти я не боюсь, хотел бы умереть, уже <нрзб.> нельзя жить, но самоубийства боюсь. Яд бы — ничего (Л. 184. С. 419).

4 октября понедельник 1899. Вот уже две недели П. ежедневно ругается и скандалит. Весело! Но к пиву я не прибегаю — не стоит.

² См.: *Протопопов М.А.* На заре русской поэзии. Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов. Издается под редакцию С.А. Венгерова. Выпуски I V. СПб., 1893 95 гг. // Русское богатство. 1896. № 6. Отд. 2. С. 1–19; № 7. Отд. 2. С. 130–144; № 8. Отд. 2. С. 103–118.

³ РГБ. Ф. 464. Карт. 1. Ед. хр. 1. Записи сделаны разными по насыщенности черными чернилами. Нередко прежние записи дополняются более поздними. Номера архивных листов (первая цифра) и страниц книги, на которой сделана запись (вторая цифра), приводим в тексте в скобках.

Но если были бы деньги — тотчас же ее отправил бы в Чухлому или сам бы сбежал куда-нибудь. Невыносимо (Л. 109. С. 253).

13 ноября суббота 1899. То же, что и выше: бессмысленные, беспричинные скандалы. Вот 4-й час ночи, а она не спит, ругается. Ну, конечно, много и моей вины: нервничаю и часто подливаю масло в огонь. В сущности, я тем же и там же болен, как она, только в слабейшей степени (Л. 109. С. 253).

На с. 423 Протопопов очерчивает абзац о «семейной жизни» Решетникова:

Вот о каких неслыханных удобствах мечтал этот изнеженный сибарит! И я прошу читателя вспомнить, что о недостижимом счастье «отдельной комнаты» вздыхал не начинающий юноша, который в надежде будущих успехов согласен пока и поголодать и похолодать, это вздыхал писатель, уже заявивший себя в литературе, составивший себе имя...

И приписывает на полях: «У меня теперь (ноябрь 1899) то же самое, гораздо хуже» (Л. 186. С. 423).

29 сентября пятница 1900 г. Да, ровно год! Что же? А вот что: случайно добр<нрзб.> сегодня книгу <?> «Весь Петербург»⁴ и среди чиновников нашел старого знакомого. Ну, так я завидую им. Что мне дала литература? Одиночество, нищета, унижения всяческие... Будь проклят мой так называемый талант! Он лишил меня равновесия, а что дал взамен? — Из Москвы — ни звука.

30 сентября суббота 1900. Ожесточение — вот я. Говорю и записываю: будь проклят день и час моего рождения! А мой талант — трижды будь проклят!!! Ах, зачем я не чиновник, не купец, не поп и пр.! (Ровно через 8 лет: *30 сентября 1908.* Муки мои идут, но не проходят. Будет ли конец? Смерть на носу, но всё еще как-то надеюсь...) (Л. 184 об. С. 420, оборот шмуцтитугла главы «Федор Михайлович Решетников»)

⁴ См.: *Весь Петербург на 1900 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга* // СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1900. 876 с., 1918 стб.: ил., пл.

<4 января 1901?> Сегодня же, т. е. 4 января (Афанасий), сажусь за регулярную литературную работу с девизом: ни одного дня без строчки. Чудесный резервуар под рукой: газета «Русская Семья» (Л. 27. С. 73).

27 июля воскресенье 1901 г. Сегодня я именинник, но редко я был в таком удрученном состоянии духа, как именно сегодня. Моя вера кажется мне смешной и наивной; состояние <?> — ожесточение пополам с негодованием. Соответствуют и внешние обстоятельства: подходит срок платежа за квартиру, прошел (вчера) срок платежа в лавочку, а денег у меня *четыре копейки!*

Одно утешение: *это* нервное, болезненное, преходящее. Ведь уже две недели (смотри на обороте страницы)⁵, как я не пью (но курю), и подъем духа, пригнетаемого алкоголем, у меня всегда знаменуется досадой на всех и вся. Переход от удручения, угнетения духа у меня всегда бывает таков. И работа не клеится: паршивой пары рецензий не могу написать.

Вечер того же дня. Э-хх! Я как эолова арфа: в настроение... <угол страницы оторван и текст не читается> Бодр и работал. (Л. 109 об. С. 254).

15 июля 1901 года. Воскресение. Правило веры, образ кротости, воздержания учителю, священноначальниче Николай, помоги мне! Священноначальниче Афанасий, помоги <нрзб.> внуку твоему! Вче<ра> 14<-го> пил <нрзб.> и водку, и пиво <далее оторван угол страницы> (Л. 109. С. 253).

19 сентября 1906 года. Вот уже пятый день голодаю, т. е. не обедаю и даже чая не пью (нет его, как и сахара), а питаюсь черным хлебом с кипяченой водой. Трудно это в 60 лет...

<Приписка на левом поле книги:> 2 сентября 1908 года. Еще <труд?> а теперь. Ох, что-то надвигается грозное (Л. 78. С. 175).

4 сентября 1908. <...> Ни успеха, ни смерти Бог не дает (Л. 133 об. С. 302).

На фоне этого дневника важнейшее значение приобретает полемика Протопопова с тем, как П.Ф. Якубович истолковал литературные фигуры Осиповича (А.О. Новодворского) и Вс. Гаршина. Poleмика началась после выхода в свет статьи Якубовича о Гаршине

⁵ Отсылка Протопопова к записи от 15 июля 1901 г. на предыдущей странице — шмуцтитуле главы «Всеволод Гаршин».

«Певец больного поколения»⁶ В сентябре 1897 г. Михайловский сообщал Якубовичу новости из Петербурга:

Протопопов был очень недоволен Вашей статьей о Надсоне и в частности указывал на то, что Новодворского никоим образом нельзя ставить на одну доску с Гаршиным и Надсоном: он — гора, а они ничтожества — нытики. А недавно явилась в «Одесских новостях» статья Протопопова, в которой он крошит Новодворского в одну крошку с Гаршиным и Надсоном, именно как ничтожества и нытика с претензиями на юмор. Вообще Прот<опопов> — конченный человек [5, с. 517].

Статья Протопопова была откликом на выход в 1897 г. двухтомного собрания сочинений Осиповича (А.О. Новодворского). Резкая оценка Михайловским позиции Протопопова была продиктована «нелаконичным» отношением последнего к скончавшимся от чахотки Новодворскому и Надсону, и кончившему жизнь самоубийством Гаршину:

Поколение семидесятых годов представляло собою совершенно определенных ворон-демократов, не страдавших никакими рефлексиями и сомнениями и нисколько не стремившихся превратиться в пав⁷. О примирении между павами и воронами это поколение нисколько не хлопотало, вполне сознавая и ненужность, и невозможность такого примирения. В литературе это поколение не имело и не могло иметь достойного себя представителя, и если г. Гродецкий указывает на Гаршина и Новодворского (каким-то непостижимым процессом мысль г. Гродецкий присоединяет к этим именам г. Михайловского, хотя совершенно очевидно, что присоединить следовало Надсона) как на представителей эпохи семидесятых годов, то это результат примитивнейшего непонимания. В майской книжке «Русского богатства» напечатана статья г. Гриневича под заглавием «Певец больного поколения». Что это за большое поколение? Мы, настоящие, коренные семидесятники, больными себя никогда не чувствовали и не чувствуем, хотя и сознаем себя разбитыми. «Литературное поколение конца 70-х, начала 80-х годов» — вот как определяет г. Гриневич свое «большое поколение», и это определенно верно,

⁶ *Гриневич П.Ф.* Певец больного поколения / П.Ф. Якубович // Русское богатство. 1897. № 5. Отд. 2. С. 1–24.

⁷ Автор статьи отсылает к образам из повести Новодворского «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны».

если только позволительно (а это разумеется, непозволительно) небольшую промежуточную фракцию называть поколением, фракцию именно ни пав, ни ворон, которая от нас, ворон-семидесятников, отстала, а к метафизическим и декадентским павам восьмидесятых годов не пристала. Литературными представителями этой промежуточной, переходной эпохи (точнее сказать — момента) являются именно Новодворский, Гаршин и Надсон, в произведениях которых первое место занимает давно знакомая, кисло-сладкая рефлексия, в полную противоположность со страстной и цельной верой, характеризующей собою подлинную эпоху семидесятых годов. Крайнее напряжение сил, приближавшееся уже к своему апогею, должно было разрешиться или победой, или поражением, это носилось, чувствовалось в воздухе, и вот на сцену истории выступает целая армия сердобольных плакальщиков, которые от дела не бегают, а дела не делают. Ручки у них белые, сердца у них мягкие, и глаза на мокром месте: припомните хоть известный курьезный визит Гаршина к Лорис-Меликову. Литература наполняется жалобными стенаниями. «Ах, как я сочувствую... Ах, я не могу сочувствовать, потому что не могу верить... <...> Ах, бедная *Attalea princeps*⁸, напрасны твои усилия... Ах!» Так было и так всегда бывает: за бойцами являются плакальщики; за плакальщиками — гробокопатели и могильщики; за могильщиками — мародеры; за мародерами — шакалы. На языке бесстрастных объективистов это называется исторической эволюцией⁹.

Вспыльчивый, неуравновешенный характер Протопопова, так ярко выразившийся в его дневнике, показывает, что он сам был, применяя к нему самому те образы, которые он применял к Новодворскому, Гаршину и Надсону, ни павой, ни вороной, только вместо «сентиментальности» (которая, впрочем, не была свойственна этим писателям) он впадал в излишнюю грубость и резкость. И то же восприятие народничества как социального явления Протопопов развивает в статье, поводом к написанию которой стал выход в свет двухтомного собрания сочинений Н.И. Наумова. Примечательно начало статьи: «Хиреет наше народничество»¹⁰.

⁸ Отсылка к заглавному образу пальмы сказки Гаршина «*Attalea princeps*» (1880).

⁹ *Протопопов М.* Жизнь и литература // Одесские новости. 1897. № 4049, 5 авг. С. 2. В надзаглавии: «Фельетон “Одесск. новостей”. 5-го августа 1897 года».

¹⁰ *Протопопов М.* Жизнь и литература // Одесские новости. 1897. № 4095, 25 сент. С. 1. В надзаглавии: «Фельетон “Одесск. новостей”. 25-го сентября 1897 года».

Однако Якубович был близко знаком с Протопоповым еще до ссылки. Поэтому в письмах к Михайловскому (от 31 декабря 1895 г.) и к Иванчину-Писареву (от 18 июня, 14 июля 1896 г. и 10 февраля 1897 г.) он неоднократно выступал его защитником [5, с. 362, 412, 430, 473]. Это объяснялось не только старой привязанностью, но и удаленностью Якубовича от непосредственной журнальной жизни. И на письмо Михайловского Якубович отвечал 29 сентября 1897 г.:

А за Протопопова мне хотелось бы немного вступиться. Конечно, он всегда был страшно увлекающимся человеком и противоречивым критиком и постоянством утверждений никогда не блистал. Но в данном-то случае... [5, с. 517]

Но, защищая Протопопова перед Михайловским, Якубович в своей рецензии на издание книги Новодворского учел оценку Протопопова¹¹. Впрочем, мнение Якубовича, жившего в Кургане, не имело никакого значения. И после июльского номера за 1897 г. Протопопов уже не печатался в «Русском богатстве». А Михайловский жаловался Якубовичу в ноябре 1897 г.: «С другой стороны, сотрудники — в особенности мучит меня Протопопов — очень небрежны и неаккуратны» [5, с. 502]. И сообщал Горнфельду в ноябре 1897 г.:

Есть такие литературные явления, об которых неудобно говорить в «Русском богатстве» по разным причинам; напр<имер>, Короленко, Лесевич, я (по слишком большой близости к журналу), Гарин, Протопопов (по бывшей близости, не совсем приязненно оборвавшейся) [5, с. 524].

2

Уйдя из журнала, Протопопов не брезговал закулисной борьбой, мотивы которой на фоне его дневниковых записей становятся очевидны. Короленко 10 декабря 1898 г. зафиксировал в дневнике слухи, что Протопопов намекал, будто Короленко участвовал в процессе мултанских вотяков за гонорар в три тысячи рублей:

¹¹ [Якубович П.Ф.] Рец.: Осипович А. (Новодворский А.О.) Собрание сочинений. СПб.: А.П. Батуев, 1897 // Русское богатство. 1897. № 11. Отд. 2. С. 19–23.

...многие мои литературные «друзья» только слегка варьируют этот мотив: один господин передавал мне отзыв моих «приятелей» из редакции «Русской мысли»: я всё это делал, чтобы выдвинуть себя. М.А. Протопопов, грубый и прямой в своих антипатиях, к которым принадлежу и я, говорил прямо моим ближайшим товарищам по редакции: «по своему делу шум производит»¹².

На этом фоне становится понятным появление письма Протопопова к А.С. Суворину от 12 января 1898 г., в котором он, жалуясь на свое положение, предлагает ему опубликовать разоблачительную статью о Михайловском:

Милостивый государь Алексей Сергеевич,
мы с Вами — старинные литературные недруги. Однако, имея о Вас понятие только по литературной деятельности (лично Вашей), я в душе почему-то (мне еще неясно, почему именно) всегда считал Вас человеком. Итак, вот: мое положение отчаянное. Я не могу, не имею права даже умереть и должен жить. Рублей 200 могли бы, кажется, меня выручить, а Вы богаты. Не ссудите ли Вы меня?

Что больше говорить! Сами поймете — каково мне писать это. Поймете и то, что все доступные для меня источники исчерпаны.

Если я напрасно рассчитываю на Вашу человечность, то буду надеяться всё-таки на Вашу деликатность и скромность. А впрочем, и это всё равно.

М. Протопопов.

Мой адрес: Васильевский о-в, Средний проспект, д. № 40, кв. № 17. Дома я всегда.

Письмо это было написано вчера, в субботу, но вряд ли я его решился бы послать. А сегодня вот решаюсь, вследствие — чего бы Вы думали? Вследствие фельетона Энгельгардта! Я думал, Вы так же, как и прочие, поработаны Михайловским (у меня были данные на это), и оказывается — нет, не поработаны. Но в таком случае я бы мог Вам 200 р. работой отдать! И это было бы очень просто...

Но об одном прошу: не медлите с ответом¹³.

В левом верхнем углу на первой странице Суворин приписывает: «Отправлено 200 р. Мих. Алексеевичу Протопопову, который должен в Русской мысли». Злая ирония Суворина понятна: работает

¹² *Короленко В.Г.* Дневник: [в 4 т.]. Полтава: Гос. изд-во Украины, 1928. Т. 4. С. 89–90.

¹³ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3502. Л. 1–3.

в «Русской мысли», а деньги просит на стороне. Но оказав материальную помощь, Суворин отказывается печатать его статью, о чем и сообщает в письме от 17 февраля 1898 г.

Милостивый государь Михаил Алексеевич,

я был нездоров и только сегодня прочел присланное Вами мне открытое письмо к Алексею Старкову вместе с отзывом редактора «Одесских нов<остей>» об этой статье. В сущности дела, я разделяю мнение этого редактора. Я даже иду дальше: по-моему, совсем не следует нигде печатать [эту] Вашей статьи. Не следует даже в Вашем собственном интересе. Вы можете глубоко чувствовать обиду, но читатель из Вашей статьи этого впечатления не вынесет, хотя статья написана в страстном тоне и талантливо. В ней так переплетено важное и неважное, так вся она основана на мелочах, что убедительность их только в тоне статьи, а не самом деле. Я хочу этим сказать, что для читателя хладнокровного большая часть этих мелочей должна показаться очень мелка.

Что Михайловский должен глубоко почувствовать обиду, нельзя сомневаться. Но неужели это необходимо? Неужели это надо кому-нибудь, и, главное, неужели Вас это может утешить? У Михайловского, кажется, целая дюжина томов его сочинений — вот где его должно брать пристальным анализом, а не в личной сшибке с ним. Мы слишком много занимались и занимаемся полемическими красотами, не щадя друг друга, тогда как мы совсем не свободны, применяя эти красоты к другим, стоящим вне литературы и критики нашей. Доживая свой век, я могу сказать, что пользы от этого литературе было мало, а вреда много. <нрзб.> унижался перед теми, перед которыми он имел все права держать свою голову высоко. Я уж не говорю о том, что Ваша искренность идет слишком далеко: Вы говорите о болезни своей жены, и гораздо менее важное, хотя стоит же ненужное в печати, — это <нрзб.> строка о той малости, которую я сделал для Вас. Упоминание об этом в печати мне было бы крайне больно. Говорю это с той же искренностью, как и Вы. Кстати, верьте мне, что у меня против Вас не осталось и тени вражды. Мне думается, что злопамятность вообще не свойство литературных натур, а я причисляю себя к ним, как и Вас, и позволяя себе советовать Вам не печатать своих статей, я руковожусь и этим нашим свойством.

С искренними пожеланиями

А. Суворин¹⁴.

¹⁴ РГБ. Ф. 464. Карт. 1. Ед. хр. 32. Л. 1 2. На первом листе письма другой рукой приписано: «1586 — 23 июня 1902 / и сегодня 1586 — 27 октября 1906».

Из этого письма следует, что А.П. Старков¹⁵, который был в 1898 г. владельцем типографии и редактором-издателем «Одесских новостей», а также непосредственный редактор газеты Е.В. Васьковский¹⁶ отклонили статью Протопопова. Это, впрочем, не изменило рабочих отношений Протопопова с этой газетой, о чем свидетельствует письмо к нему из редакции от 2 мая 1898 г.:

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!

Сейчас получили В<аше> любезное письмо от 28 апреля и спешим выразить Вам нашу глубокую признательность за чисто товарищеское участие, которое Вы приняли в деле с нашим инцидентом в собрании членов кассы взаимопомощи. К этой признательности, передаваемой мною Вам, по поручению Ал<ександра> Солом<оновича>¹⁷, от лица всей редакции, позволяю себе присоединить и мою личную горячую благодарность как за любезную Вашу отзывчивость, так и за ту лестную для меня характеристику, которая заключается в письме Вашем к г. Колубовскому¹⁸.

Фельетон Ваш о Гиппиус <!> идет на днях, 5–6 числа¹⁹. Ал<ександр> Солом<онович> высылает Вам 100 рублей и просит Вас

¹⁵ Старков Алексей Петрович (1852?–1903) — математик, автор многочисленных работ в «Записках Одесского отделения Русского технического общества», «Новороссийском телеграфе», «Записках Математического отделения Новороссийского общества естествоиспытателей». Культурно-исторические публикации: *Старков А. К 500-летию юбилею русской артиллерии*. Из № 1428 «Одесских новостей». Одесса: Тип. «Одесских новостей», 1889; Хань-о - хэ-би-юнь-бянь. Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом Императорской Дипломатической миссии в Пекине П.С. Поповым. Пекин, типография Тун-Вень-Гуань, 1888 1889. Два больших тома in 4°: Сообщение, сделанное в заседании Историко-филологического общества при Новороссийском университете 11 декабря 1890 г. / [А. Старков]. [Одесса], 1890.

¹⁶ Васьковский Евгений Владимирович (1866–1942) — цивилист и процессуалист, приват-доцент (1897), профессор (1904), проректор (1906) Новороссийского университета, отрешен от государственной службы на три года (1909); адвокат и судья.

¹⁷ Эрманс Александр Соломонович (род. 1863) — журналист. Сотрудничал в «Русском курьере» и «Новостях дня», специализировался на внутренней редакционной работе. По окончании медицинского факультета Новороссийского университета (1889) редактор «Новостей дня» и журнала «Семья». Основал газету «Одесские новости», тираж достиг 25 тысяч экземпляров.

¹⁸ Очевидно, Колубовский Яков Николаевич (1863–1929) — историк русской философской литературы, казначей Философского общества при Петербургском университете. Постоянный автор «Философского ежегодника» (1890-е), журнала «Вопросы философии и психологии».

¹⁹ *Протопопов М. Жизнь и литература // Одесские новости*. 1898. № 4276, 6 мая. С. 2. В надзаглавии: «Фельетон “Одесск. новостей”. 6-го мая 1898 года».

вместе с тем вполне рассчитывать и на нашу полную готовность получать от Вас ежемесячно три фельетона. Ждем В<аших> дальнейших статей, а к 20-му числу (пожалуйста, не позже) фельетон о Белинском²⁰. Относительно денег можете быть совершенно покойны: Ал<ександр> Сол<омонович>, хоть и Фабий Кунктатор, но кунктаторство его не распространяется на денежные расчеты с сотрудниками, и в дальнейшем Вы найдете в этом отношении лишь подтверждение тому, в чем Вы могли убедиться в прошедшем.

Ал<ександр> Сол<омонович> просит извинить его, что не пишет лично: он очень занят хлопотами относительно завтрашнего иллюстрированного приложения и, не желая откладывать ответ, просит меня написать Вам.

С глубоким уважением и преданностью И. Хейфец <?>²¹.

<На обороте 2-го листа рукой Протопопова:> <нрзб.> Да еще кого и помянуть!²²

Отклонил статью Протопопова, как видим, и Суворин. История с долгом отражена еще в двух письмах Протопопова к Суворину. Чтобы исчерпать эту тему, представляем их тут же (ответные письма Суворина неизвестны). Письмо от 1 <?> февраля 1898 г.:

Милостивый государь Алексей Сергеевич, пишу не я, а моя жена под мою диктовку, потому что у меня рука ранена, посылаю Вам бумаги, не поленитесь их рассмотреть, что хотите, то и делайте с ними. Жена сегодня была у Вас на квартире, но до Вас не добралась. <подпись рукой Протопопова:> М. Протопопов.

Письмо от 1 февраля 1899 г.:

Милостивый государь Алексей Сергеевич, 12-го января исполнился уже год со времени моего необыкновенного займа у Вас. Я было надеялся скопить в конце года нужную сумму (200 р.), но

²⁰ *Протопопов М.* Жизнь и литература. Виссарион Григорьевич Белинский // Одесские новости. 1898. № 4293, 27 мая. С. 2. В надзаглавии: «Фельетон “Одесск. новостей”. 27-го мая 1898 года».

²¹ Израиль Моисеевич Хейфец (псевдоним Старый театрал; 1867–1945) — кандидат права, последний редактор «Одесских новостей» в 1900–1920 гг., действительный член (1902), член правления, вице-председатель Литературно-художественного клуба Одессы (1903); председатель Одесского правления кассы литераторов. Эмигрировал в 1920 г., печатался в 1930-е гг. в эмигрантских изданиях; сотрудник «Последних новостей» (Париж). См.: [1].

²² ОР РГБ. Ф. 464. Карт. 1. № 32. Л. 1 2.

надежда моя не осуществилась. Осуществиться ли она хоть когда-нибудь, сказать трудно. Ввиду этого я предлагаю Вашему вниманию следующий мой проект.

Возобновив свое сотрудничество в «Рус<ской> мысли», я в ряду намеченных мною тем указал редакции и такую: «Пушкин и Писарев». Статья эта явилась бы панданом к статье Писарева «Пушкин и Белинский». Как справедливо сказала Ваша газета, текущий год будет пушкинским годом, и, по-моему, было бы вполне своевременно рассеять недоразумения, созданные критикой Писарева. Редакция «Рус<ской> мысли» от этой темы уклонилась: «ведь Вы разнесете Писарева», — писал мне Гольцев. Настаивать я не стал, но Вам вот что скажу: разносить Писарева я не собираюсь — я его очень люблю, — но повалить его аргументацию против Пушкина действительно хотел бы. Писарева у нас множество раз ругали за Пушкина, но не ругательства тут нужны, а последовательное опровержение, шаг за шагом, довод против довода.

Если Вы признаете своевременность задуманной мною темы, то можно перейти о практических способах ее исполнения. Таких способов я вижу два:

1) Я решительно не знаю Вашего отношения к «Историческому вестнику». Но если Вы там хоть сколько-нибудь хозяин, то почему бы мне не напечатать своей статьи в этом журнале, и таким образом я сквитался бы с Вами.

2) Вы могли бы издать мою статью отдельной брошюрой. В этом случае я порасширил бы рамки работы до 4–5 журнальных листов, и я крепко надеюсь, что не только расходы по изданию, но и мой долг Вам покрылись бы распродажей брошюры. Пожалуй, мне даже пришлось бы дополнить с Вас что-нибудь.

Вот, что Вы скажете? Наихудшим Вашим ответом был бы такой: «пожалуйста, не беспокойтесь, я в деньгах не нуждаюсь» и пр. Не могу я не беспокоиться, это очевидно. Но, впрочем, Вы это, конечно, понимаете.

Буду ждать Вашего ответа.

Уважающий Вас

М. Протопопов.

Мой адрес: Забалканский просп. д. № 50, кв. № 37²³.

Михайловский об этих происках Протопопова, конечно, не знал. Он, правда, мог заметить, что в качестве заглавия серии своих

²³ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3502. Л. 4–6.

фельетонов в «Одесских новостях» Протопопов использовал слова «Жизнь и литература» — намеренный перевертыш названия рубрики Михайловского в «Русском богатстве»: «Литература и жизнь». При этом следует отметить, что у них обоих заглавие рубрики выступало и названием статей. В 1901 г. Протопопов опубликовал в трех номерах «Русского богатства» (№ 7, 8, 10) рецензии в «Новых книгах», и на этом его отношения с журналом прекратились.

3

Когда в январе 1904 г. Михайловский умер, Протопопов напечатал в журнале «Беседа» некролог. Считается (вполне правдоподобно), что в этом некрологе он использовал ту статью о Михайловском, в публикации которой ему отказал в свое время Суворин [4]. В отличие от авторов других некрологов Михайловскому, которые не скрывали своей горести²⁴, Протопопов старался проявить объективность, но за этой внешней объективностью обнаруживалось равнодушие к утрате. Приведем самое начало и конец статьи:

Умер Михайловский. Когда утром 29 января я прочел в газете известие об этом... недоброе чувство было совсем заслонено и затушено чувством самого теплого соболезнования и даже искреннего горя. Тут именно уместно было сказать прекрасными словами поэта:

Я еще вчера перо мое точил,
Я еще вчера от гнева трепетал,
А сегодня ум мой крылья опустил,
Потому что я боец, а не нахал²⁵.

Без всяких фраз, без рисовки, вполне искренно скажу, что я отдал бы несколько месяцев (больше не могу, — самому уж мало осталось) своей жизни, лишь бы опять увидеть, как много раз прежде, седую, серебряную голову Николая Константиновича, склоненную над письменным столом в упорном неустанном труде. Даже не серебряная, а, по истине золотая это была голова, и об ней-то я больше всего и сожалению. Как писатель Михайловский, по всей вероятности, уже сказал свое последнее слово, но он был всё еще нужен

²⁴ О некоторых из них см.: [14].

²⁵ Цитата из стихотворения Я.П. Полонского «Литературный враг» (1866).

как «муж совета», как знаменосец-шестидесятник, как некоторый центр, около которого группировались представители целых трех поколений. После смерти Михайловского осталась весьма заметная пустота, заполнить которую можно будет только в очень нескором времени. «Н.К. Михайловскому — осиротелая редакция», такова была, по сообщению газет, надпись на серебряном венке от журнала «Русское богатство»²⁶, и эта надпись отнюдь не была только фразой: Михайловский в своей редакции являлся наиболее яркой и сильной индивидуальностью как в литературном, так (в особенности) и в житейском смысле. <...>

Его труду — этим толстым, увесистым 8–10 томам, — нельзя пророчить прочное влияние, долгую жизнь, им нельзя даже обещать новых читателей; но в свое время свое дело они сделали. Это дело было ответственное, боевое. Сказать, что Михайловский стоял «На славном посту» — без сомнения, значит преувеличить с дружеским пристрастием его роль в литературе: вспомним, что даже бесцеремонный Гейне сравнивал себя всего только с храбрым барабанщиком в военной армии борцов за человеческое счастье. Но, не пускаясь ни в какие изыскания на счет литературных рангов и чинов, я скажу словами поэта: «уснул потрудившийся в поте!» И всякий читатель, конечно, прибавит к этому: «за подъятый труд — спасибо тебе, Николай Константинович!»²⁷.

Протопопову, как обычно, не хватило такта: о покойнике ничего, кроме хорошего, во всяком случае — над свежей могилой. Может быть, Протопопов и правильно оценил наследие Михайловского. Но, как сказочный дурак, не к месту, не вовремя. Не стоит писать некролог, если на каждую слезу приходится по скептическому сообщению в адрес покойного. Пускай это сделают другие.

Короленко, который оказался теперь у руля «Русского богатства» со всем бременем ответственности за свалившееся на него наследство, был раздражен. Он помнил, что Михайловский принял Протопопова в «Отечественные записки» и пригласил позднее в «Русское богатство», он помнил, что Михайловский повысил Протопопову гонорар, хотя никогда не был вполне удовлетворен его работой (сам Короленко тоже не был вполне доволен и правил тексты Протопопова). Он помнил необязательность Протопопова и его способность

²⁶ См., например: Новое время 1904. № 10024, 30 января (12 февраля). С. 5.

²⁷ Протопопов М.А. Н.К. Михайловский // Беседа. 1904. № 3. С. 288.

разрушать издательские планы журнала. Наконец, вспомнил он и обвинения в свой адрес по поводу мултанского дела, возможно, узнал и о намерении Протопопова уже в 1898 г. напечатать фельетон о Михайловском, остановленном кем — Сувориным! И в статье «Г. Протопопов о Н.К. Михайловском» (раздел «Случайные заметки») возразил Протопопову, прежде всего, с точки зрения бытовой этики:

Эти стихи были перепечатаны некоторыми газетами, и, таким образом, вместе с известиями о последних днях жизни и о смерти Михайловского читатели узнали также, что г. Протопопов «боец, а не нахал», что он намерен щадить память покойного, почему и не даст теперь воли своему «гневу». Это очень великодушно, но, без сомнения, во многих и очень многих читателях вызвало чувство значительного недоумения. В самом деле, г. Протопопов сам называет Н.К. Михайловского своим «восприемником от литературной купели». Под портретом М.А. Протопопова, которым г. Ясинский благосклонно украсил февральский № «Беседы», стоит подпись: «Михаил Алексеевич Протопопов, известный критик, продолжатель Писарева (sic), сотрудник “Отечеств. записок”, “Русской мысли”, “Русского богатства” и др.» Как видите, все журналы, в которых работал и Николай Константинович Михайловский. И вдруг — над свежей могилой последнего г. Протопопов считает своевременным сообщить, что он «питал к покойному недоброе чувство» и даже «трепетал от гнева» и «точил против него свое перо»... <...>

В самом деле, последующие страницы той же первой посмертной заметки заставляют думать, что патетические строки, продиктованные г. Протопопову известием о смерти Михайловского, должны скорее характеризовать доброту души пишущего, и что сам Михайловский едва ли заслужил столь великодушное отношение. В действительности, это был человек «холодный», «суховатый», «чопорный джентльмен», свысока относившийся к сотрудникам и дававший им *аудиенции* (курсив г. Протопопова), литературный карьерист, сильный «в особенности в житейском смысле»... Вообще, если бы у г. Протопопова потребовали ответить по совести, чем он, г. Протопопов, обязан влиянию Михайловского («влиянию, несомненно имевшему место, особенно на первых порах знакомства»), то он сказал бы, что «обязан ему только довольно прочным практическим усвоением некоторых максимумов, давно занесенных в прописи и буквари... А именно: “пальца в рот никому не клади; хорошим словам не слишком верь; надейся

только на себя; в телячий восторг никогда ни от чего не приходи, знай себе цену и блюда свое достоинство и прочее, тому подобное”». До встречи с Н.К. Михайловским г. Протопопов был наивным юношей с самыми возвышенными представлениями о литературе... А затем, — чем больше г. Протопопов «освоивался с литературным миром вообще и чем, в частности, короче узнавал Михайловского, тем меньше оставалось места для его смешной (а в сущности, скажем от себя, великолепной) наивности, для его нелепых (а в сущности, опять превосходных) розовых представлений о литературном мире как о царстве служителей идеала, о писателях — как о бескорыстных и самоотверженных деятелях, которые, по щедринскому выражению, не пьют и не едят, а всё только статьи пишут²⁸. Ах, — горестно восклицает г. Протопопов, — и пьют, и едят, и пренебрежительно манером свою карьеру устраивают»...

Да, — вот каков был этот человек, «воспринявший г. Протопопова от литературной купели», и сколько, в сущности, нужно великодушия, чтобы предложить за него несколько месяцев собственной жизни... В чем же, однако, дело?.. И чем провинился «сухой и чопорный» Михайловский перед великодушным г. Протопоповым, целые десятилетия точившим на него свое перо?..²⁹

Протопопов отвечал в августовском номере «Беседы». Следует учитывать, что номера «Русского богатства» всегда выходили в самом конце текущего месяца, цензурное разрешение майского номера — 26 мая 1904 г., значит, Протопопов смог прочитать статью Короленко только в начале июня.

Но еще до этой статьи Протопопова в августовском номере сам редактор «Беседы» И.И. Ясинский опубликовал свой ответ «Русскому богатству» в составе «Литературной хроники» в июльском номере «Беседы». Такой порядок появления этих статей: сначала редакционной, а потом авторской — не вполне ясен. Возможно, конечно, что Протопопов просто не успел написать свой ответ к июльскому номеру. Но гораздо более правдоподобно другое предположение: Ясинский решил сначала ответить только от лица журнала, чтобы избежать личной перепалки. Однако Протопопов этим не удовлет-

²⁸ Ср. в «Дневнике провинциала в Петербурге»: «Уважаю я этих господ, очень уважаю, а коли правду сказать, прескучно с ними! Не едят, не пьют, всё передовые статьи пишут!» [12, с. 417].

²⁹ В.К. Г. Протопопов о Н.К. Михайловском / В.Г. Короленко // Русское богатство. 1904. № 5. Отд. 2. С. 132.

ворился и настоял на собственном ответе, который оказался вынужденно кратким и в известной мере повторяющим некоторые тезисы редакционной статьи. Ясинский, начинавший свою литературную деятельность также в «Отечественных записках» при Салтыкове, писал:

В. К. полемизирует в «Русском богатстве» с нашей «Беседою» и старается дискредитировать беспристрастный отзыв М.А. Протопопова о покойном Михайловском. Отсылаем читателя к статье г. Протопопова «Пара слов Русскому богатству», напечатанной в 8-й книжке «Беседы».

Что же касается «путей», по которым шли мы и по которым шел М.А. Протопопов, не совпадавшим в некоторые моменты, то происходило это по недоразумению, как и очень многое в нашей журналистике. Нападки, которым мы подвергались когда-то со стороны Протопопова, — о чем упоминает г. В. К., — нам казались несправедливыми, но это не мешало нам всегда относиться к даровитому писателю с уважением.

Да и что такое «пути»? Напр., В.Г. Короленко теперь редактор, издатель, собственник и академик — неужели он идет по такому же точно пути, по какому шел четверть века назад, когда через брата своего прислал нам в журнал «Слово» свой первый рассказ? «Путь» его с тех пор, по-видимому, круто изменился, а литературный путь наш всё тот же, потому что мы никогда не дерзали идти по двум путям одновременно.

Литературные взгляды наши в основе своей остались такими же и, во всяком случае, не претерпели существенных изменений со времен «Отечественных записок»; но за это долгое время мы стали терпимее, снисходительнее к людским недостаткам и промахам и пришли к заключению, что в огромном большинстве случаев свобода, которою манят читателя наши излюбленные глашатаи и вожди, на самом деле представляет собою рабство или «сервилизм», как выражается Протопопов³⁰.

Мы привели первую часть ответа Ясинского на статью Короленко. С тезисами этой части можно спорить или соглашаться, но они не выходили за пределы тактики и были построены по принципу «сам такой». Вторая часть этого ответа переводила спор от вопросов так-

³⁰ Б. п. Литературная хроника // Беседа. 1904. № 7. С. 733-735.

тики к вопросам политики, к национальным вопросам, — но мы этих вопросов сейчас не будем касаться. Протопопов в статье «Пара слов “Русскому богатству”» начал тоже с этих национальных вопросов, и мы их тоже опустим. А далее он писал:

Для читателей «Русского богатства», не читавших моей некрологической заметки, дело должно представиться в таком виде, что я в этой заметке просто надругался над покойником. Не философ, не критик, не беллетрист, — чем же в таком случае был Михайловский? На этот естественный вопрос в моей заметке есть прямой ответ, который г. В. К. *скрыл* от своих читателей. Вот этот ответ: «чем же был Михайловский? Благодаря каким своим свойствам он занимал в литературе одно из очень видных мест? Это был один из умнейших наших публицистов, один из самых упорных литературных трудолюбцев и один из самых стойких, находчивых и искусных бойцов и полемистов. Вот его настоящее значение». Г. В. К., не скупясь вообще на цитаты из моей заметки, об этих моих словах даже не заикается.

Нет, я не дожидаясь смерти Михайловского, чтобы высказать свое мнение насчет его литературной деятельности. Подлинная правда состоит в том, что я раньше всех — раньше *всех других наших критиков* высказался о Михайловском с полной определенностью.

Дело происходило таким образом. В конце того же 1878 года Михайловский приступил к изданию своих сочинений, и как раз в это же время покойный <Д.К.> Гирс пригласил меня к сотрудничеству в его газете «Русская правда». Приняв это предложение, я сказал Михайловскому, чтобы он поторопился с изданием первого своего тома, потому что мне хотелось бы дебютировать в газете статьей о его сочинениях. Михайловскому очень понравилось это мое намерение, и он снабдил меня последними корректурами своего почти уже готового к выходу тома. По этим корректурам я и написал критический фельетон, так что он появился в «Русской правде» всего через день или два после того, как первый том сочинений Михайловского поступил в продажу. Это вышло даже неловко, но, к счастью, никто этой неловкости не заметил, хотя фельетон возбудил толки. Из этих толков я отмечу здесь (мне это сейчас понадобится) только отзыв г. Суворина в его «Новом времени», что г. Горшков в восторге от сочинений «Михайловского». (Горшков — мой тогдашний литературный псевдоним).

Все эти свои показания я делаю на память, но с совершенной уверенностью, что при надобности они могут быть доказаны доку-

ментально. Таки вот как, г. В. К.: не только я не дожидался смерти (!!!) Михайловского, чтобы дать отзыв о его сочинениях, как это утверждаете вы, я торопился с этим отзывом и дал его почти на *двадцать шесть* лет раньше, чем вы выступили с своим курьезным обвинением против меня.

А каков был этот отзыв по существу? А вот каков: приглашаю — не г. В. К. (какой уж он критик), — а самое редакцию «Русского богатства» во всё ее составе указать мне хоть *единственную существенную черту различья* между моими отзывами о Михайловском — теперешним, сделанным после смерти Михайловского, и тогдашним (в 1878 году), сделанным, так сказать прямо в лицо Михайловскому. Как тогда, двадцать шесть лет назад, в критическом фельетоне, так и теперь, в некрологической заметке, я утверждал и доказывал, что Михайловский не был одарен тою способностью к синтезу, без которой нельзя философствовать. К сожалению, у меня слишком мало места, чтобы позволить себе документальные сличения и сопоставления, но пусть это сделает г. В. К., который как обвинитель и обязан это сделать. А сделав это, г. В. К. убедится, что нарисованный им мой образ как какого-то коварного злодея, который двадцать с лишком лет злобствовал против Михайловского, «точил в темноте кинжал» и осмелился поразить только бесчувственный труп могучего богатыря, — убедится, что этот образ — нелепая и неправдоподобная карикатура. Злостная или нет, умышенная или неумышенная карикатура — этот вопрос я предоставляю решить совести г. В. К. Но по отношению к редакции «Русского богатства», в среде которой есть люди, вполне осведомленные относительно всех обстоятельств дела, я с убеждением даю утвердительный ответ: да, карикатура злостная, сознательно клеветническая.

Теперь, надеюсь, и самому г. В. К. ясно, что ему не было резона говорить обо мне «с истинною грустью», как он уверяет: что же грустного в устойчивости взглядов? А вот что действительно грустно и стыдно: это сервилизм в отношениях, который должны бы быть только товарищески-равноправными, полная неспособность отнестись критически к своему фетишу, полная духовная подавленность; и чем, как не этой психической подавленностью, можно объяснить объявление Михайловского «великим писателем» или сравнение его с Сервантесом, перо которого «провисит века»? Когда я в своей некрологической заметке назвал Михайловского «одним из умнейших наших публицистов», я опасался не того, что я не *дохвалил*, не отдал покойнику должного, а того, что я *перехвалил*, хватил через край.

Как философ, Михайловский не был ни на волос выше, напр<имер>, г. Лесевича, как литературный критик не превосходил г. Скабичевского, как социолог — не возвышался над г. Кареевым и Южаковым, как публицист ничуть не заслонял собою таких публицистов, как гг. Арсеньев и Стасюлевич. Так неужели все эти писатели — «великие писатели» и их перья «провисят века»? Ни один из них, конечно, даже не подумает сказать это о себе³¹.

Короленко решил сопоставить оба высказывания и 1 сентября 1904 г. писал А.В. Пешехонову:

Хочу просить у Вас маленькой товарищеской услуги. В самом конце 70-х годов (7879) в Петерб<урге> издавалась Гирсом «Русская правда», газета, в к<ото>рой сотрудничал Протопопов. Там есть его фельетон, посвященный Михайловскому (подписан или Протопопов, или Горшков). Газета издавалась недолго, и разыскать фельетон будет нетрудно (в Публ<ичной> библиотеке). Если возможно, — наймите за мой счет переписчика, и пусть точно спишет весь фельетон. Не знаю, буду ли что-нибудь отвечать Протопопову (оно можно: дескать «вернувшись с летней поездки» и т. д., но должно ли, — посмотрю после). Однако это материал, характерный и не в виду данной полемики. Итак, — если можно, — сделайте³².

Статья Протопопова очень важна для осмысления эволюции общественного восприятия Михайловского. Это едва ли не первое критическое осмысление Михайловского из дружественного лагеря:

Г. Михайловский — журналист до мозга костей, если не по натуре, то по воспитанью жизнью, по судьбе — не мог, да по нашему мнению, и не должен был, раз назвавшись груздем, избежать общего кузова. Увлекаемый общим потоком, он разменялся или разменивается на мелочь, даже до того, что не брезгует не только полемической, но и беллетристической, и даже фельетонной формой. <...>

Свойства литературного таланта г. Михайловского таковы, что — скажем им же самим недавно употребленным выражением — «всероссийским фаворитом» ему никогда не сделаться даже при желании, а у него, что главное, нет даже и самого желания этого.

³¹ Протопопов М. Пара слов «Русскому богатству» // Беседа. 1904. № 8. С. 758 763.

³² РГБ. Ф. 225. Карг. 3. Ед. хр. 35. Л. 31 34 об.

Надо отдать справедливость г. Михайловскому: он всегда пишет *густо*. Чтобы он ни писал — философскую статью или беллетристический очерк, критический разбор или полемический фельетон, в его писаниях есть всегда серьезная идея, над которой стоит остановиться и задуматься. Но... опять-таки «но» — он лишен того умения сделать свою идею рельефною до осязательности, каким обладали настоящее мастера нашего слова. <...> ...г. Михайловский гораздо более аналитик, нежели синтетик, и это также одна из причин его непопулярности, точнее — его недостаточной популярности... <...>

Общественный социологический идеал г. Михайловского совершенно совпадает с его индивидуальным, этическим идеалом. <...> Г. Михайловский, как читатель видит, защищает личность в ее «борьбе за индивидуальность», потому что требует для нее «высокого и целостного» развития, которое бы освобождало ее от всяких искусственных или случайных уз — кастовых, сословных, национальных: «не дворянин, не мужик, не мещанин, не сапожник, не офицер (не немец, не француз, — забыл прибавить г. Михайловский), а просто человек» дорог ему, человек, в полном и всестороннем развитии его способностей. Но он не отрицает (т. е. в идеале) общества как союза не только равноправных (до степени обоюдного понимания, по крайней мере) единиц: та «любовь», которую он обуславливает взаимным «пониманием» и взаимным всепрощением, по самому существу своему, по своей психологической основе есть, очевидно, связующий цемент и не разрушающий молот. Повторяю: я не критикую, даже не полемизирую, я только характеризую³³.

Среди ровесников Михайловского или близких ему по возрасту людей помимо тех, кто был безоговорочно предан ему, как С.Н. Южиков [9] и Н.Ф. Анненский [10], были и те, кто претендовал на свою независимую точку зрения, как С.Н. Кривенко [7; 8] и В.В. Лесевич [6; 13, с. 1751]. Протопопов относился к этим последним. И со всеми этими прежде близкими людьми Михайловский постепенно разошелся, когда возглавил «Русское богатство». Говоря об этом, мы тем не менее считаем безосновательной и несправедливой ту ревизию Михайловского («жандарм литературы»), которую предложил В.В. Блохин [2]. Свою независимую позицию Протопопов заявил уже, как видим, в 1878 г. Содержание этой позиции могло меняться, но сохранялось главное — она была независима от Ми-

³³ Горшков Александр. Сочинения Н.К. Михайловского. Том I. СПб. // Русская правда. 1878. № 76, 15 (27) декабря. Фельетон «Русской правды».

хайловского и менялась, возможно, именно в целях сохранения этой независимости.

Так что если Протопопов был нетактичен у свежей могилы Михайловского, он был последователен в своей независимой позиции. Обвинение Короленко, будто Протопопов четверть века копил старую обиду на Михайловского, было опровергнуто. И Короленко продолжать полемику не стал. Другое дело, что позиция Протопопова по национальным вопросам на самом деле изменилась (или стала более четко выраженной). И возможно, это изменение было спровоцировано стремлением не подпасть под влияние Михайловского. Но это уже отдельная тема.

Литература

1. Биск А. Одесская Литературка (Одесское Литературно-артистическое общество) // «Дом князя Гагарина...»: сб. ст. и публикаций. Одесса: Афина, 1997. Вып. 1. С. 114–140.
2. Блохин В.В. Жандарм литературной республики. Н.К. Михайловский: жизнь, литература, политическая борьба. М.: Весь мир, 2019. 256 с.
3. Геворкян А.В., Строганов М.В. Неизвестные тексты В.Г. Короленко 1904 г. о патриотизме и национализме // Шаги/Steps. 2023. Т. 9. № 3. В печати.
4. Зубарев Л.Д. М.А. Протопопов // Русские писатели. 18001917: биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 161–163.
5. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Т. 107: Журнал «Русское богатство» Н.К. Михайловского. Из переписки членов редакции, авторов и современников. 1890–1903: в 2 кн. Кн. 1: 1890–1899. 680 с.
6. Матюшко Б. Крупнейший украинский позитивист // Лесевич В.В. Сочинения: в 4 т. / ред. Н.Г. Мозговая, А.Г. Волков. Мелитополь: Издательский дом Мелитопольской городской тип., 2013. С. 5–51.
7. Мокшин Г.Н. Идеи и жизнь «артельного человека». С.Н. Кривенко (1847–1906). 2-е изд., испр. и доп. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2012. 196 с.
8. Мокшин Г.Н. История одной дружбы: Н.К. Михайловский и С.Н. Кривенко // Н.К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения): сб. научных трудов. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 49–62.
9. Орлова Н.К. Социологическая доктрина С.Н. Южакова // Южаков С.Н. Социологические этюды / сост. Н.К. Орловой и Б.Л. Рубанова. М.: Астрель, 2008. С. 3–45.
10. Протасова О.Л., Бикбаева Э.В. Н.Ф. Анненский — общественный и политический деятель либерального народничества // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 38–44. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.7>
11. Протопопов М.А. Литературно-критические характеристики. СПб.: Изд. редакции журнала «Русское богатство», 1896. 523 с.

12. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 10. 839 с.

13. *Стейла Д.* Наука и революция: Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.). М.: Академический проект, 2013. 363 с.

14. *Строганов М.В.* «Памяти Н.К. Михайловского». Особенности некрологического стихотворения // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 183–198. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-183-198>

Research Article and Publication of Archival Documents

On the Truth and Ethics of the Obituary: V.G. Korolenko and M.A. Protopopov in 1904

© 2023. Armen V. Gevorkyan, Mikhail V. Stroganov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article deals with the relationship between V.G. Korolenko and M.A. Protopopov and their controversy over the heritage of N.K. Mikhailovsky. This controversy unfolded at a transitional moment in the history of “Russian Wealth,” when Korolenko became the main face of the magazine and had to establish himself as a leader. The article examines an early attempt to publish a revealing article by Protopopov about Mikhailovsky, proposed to A.S. Suvorin in 1898, in this context. The critic was refused, but later used it in an obituary about Mikhailovsky, in which, with all the objectivity, there was indifference to the memory of the deceased. Korolenko remembered how much Mikhailovsky did for the writer and objected to Protopopov from the point of view of everyday ethics. In his response, Protopopov claimed that he first criticized Mikhailovsky in 1878: this was the first critical article about Mikhailovsky from a friendly camp. He refuted accusations that for a quarter of a century he accumulated resentment against Mikhailovsky. After that, Korolenko did not continue the polemic. The article introduces into scientific circulation previously unpublished diary entries by Protopopov on the margins of his book “Literary Critical Characteristics” (1896), as well as his letter to Suvorin, revealing Protopopov’s identity.

Keywords: N.K. Mikhailovsky, V.G. Korolenko, M.A. Protopopov, A.S. Suvorin, journal “Russian wealth,” “Conversation,” obituary, literary life, epistolary.

Information about the authors: Armen V. Gevorkyan — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2658-4580>

E-mail: armenvar@mail.ru

Mikhail V. Stroganov — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436>

E-mail: mvstroganov@gmail.com

For citation: Gevorkyan, A. V., Stroganov, M. V. “On the Truth and Ethics of the Obituary: V.G. Korolenko and M.A. Protopopov in 1904.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 238–265. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-238-265>

References

1. Bisk, A. “Odessaia Literaturka (Odesskoe Literaturno-artisticheskoe obshchestvo)” [“Odessa Literature (Odessa Literary and Artistic Society)”]. “*Dom kniazia Gagarina...*”: *sbornik statei i publikatsii* [“*The House of Prince Gagarin...*”: *Collection of Articles and Publications*], issue 1. Odessa, Afina Publ., 1997, pp. 114–140. (In Russ.)
2. Blokhin, V.V. *Zhandarm literaturnoi respubliki. N.K. Mikhailovskii: zhizn', literatura, politicheskaiia bor'ba* [Gendarme of the Literary Republic. N.K. Mikhailovsky: *Life, Literature, Political Struggle*]. Moscow, Ves' mir Publ., 2019. 256 p. (In Russ.)
3. Gevorkian, A.V., and M.V. Stroganov. “Neizvestnye teksty V.G. Korolenko 1904 g. o patriotizme i natsionalizme” [“Unknown Texts by V.G. Korolenko 1904 on Patriotism and Nationalism”]. *Shagi/Steps*, vol. 9, no. 3, 2023. In print. (In Russ.)
4. Zubarev, L.D. “M.A. Protopopov” [“M.A. Protopopov”]. *Russkie pisateli. 1800–1917: biograficheskii slovar'* [Russian Writers. 1800–1917: *A Biographical Dictionary*], vol. 5. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 161–163. (In Russ.)
5. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 107: Zhurnal “Russkoe bogatstvo” N.K. Mikhailovskogo. Iz perepiski chlenov redaktsii, avtorov i sovremennikov. 1890–1903: v 2 kn. [N.K. Mikhailovsky's Journal “Russian Wealth.” From the Correspondence of Members of the Editorial Board, Authors and Contemporaries. 1890–1903: in 2 books], book 1: 1890–1899 [1890–1899]. Moscow, IWL RAS, 2022. 680 p. (In Russ.)
6. Matiushko, B. “Krupneishii ukrainskii positivist” [“The Largest Ukrainian Positivist”]. Lesevich, V.V. *Sochineniia: v 4 t.* [Works: in 4 vols.], ed. N.G. Mozgovaia, A.G. Volkov. Melitopol, Melitopol'skaia gorodskaia tipografiia Publ., 2013, pp. 5–51. (In Russ.)
7. Mokshin, G.N. *Idei i zhizn' “artel'nogo cheloveka.” S.N. Krivenko (1847–1906)* [Ideas and Life of the “Artel Man.” S.N. Krivenko (1847–1906)]. 2nd ed., rev. and enl. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2012. 196 p. (In Russ.)
8. Mokshin, G.N. “Istoriia odnoi družby: N.K. Mikhailovskii i S.N. Krivenko” [“The Story of One Friendship: N.K. Mikhailovsky and S.N. Krivenko”]. *N.K. Mikhailovskii: Chelovek. Myslitel'. Obshchestvennyi deiatel' (k 175-letiiu so dnia rozhdeniia): sbornik nauchnykh trudov* [N.K. Mikhailovsky: *A Man. A Thinker. A Public figure (To the 175th Anniversary of His Birth): Collection of Scientific Works*]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2017, pp. 49–62. (In Russ.)
9. Orlova, N.K. “Sotsiologicheskaiia doktrina S.N. Iuzhakova” [“The Sociological Doctrine of S.N. Yuzhakov”]. Iuzhakov, S.N. *Sotsiologicheskie etudy* [Sociological Studies], comp. by N.K. Orlova and B.L. Rubanov. Moscow, Astrel' Publ., 2008, pp. 3–45. (In Russ.)

10. Protasova, O.L., and E.V. Bikbaeva. “N.F. Annenskii — obshchestvennyi i politicheskii deiatel’ liberal’nogo narodnichestva” [“N.F. Annensky — Social and Political Figure of Liberal Narodnik Movement”]. *Manuskript* [*Manuscript*], vol. 13, issue 3. Tambov, Gramota Publ., 2020, pp. 38–44. <https://doi.org/10.30853/manuskript.2020.3.7> (In Russ.)

11. Protopopov, M.A. *Literaturno-kriticheskie kharakteristiki* [*Literary-critical Characteristics*]. St. Petersburg, Izdanie redaktsii zhurnala “Russkoe bogatstvo” Publ., 1896. 523 p. (In Russ.)

12. Saltykov-Shchedrin, M.E. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [*Collected Works: in 20 vols.*], vol. 10. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1970. 839 p. (In Russ.)

13. Steila, D. *Nauka i revoliutsiia: Retseptsiia empiriokrititsizma v russkoi kul’ture (1877–1910 gg.)* [*Science and Revolution: The Reception of Empirio-Criticism in Russian Culture (1877-1910)*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2013. 363 p. (In Russ.)

14. Stroganov, M.V. “Pamiati N.K. Mikhailovskogo.’ Osobennosti nekrologicheskogo stikhotvoreniia” [“‘In Memory of N.K. Mikhailovsky.’ Features of an Obituary Poem”]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 183–198. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-183-198> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 11.05.2023
Одобрена после рецензирования: 06.06.2023
Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 11.05.2023
Approved after reviewing: 06.06.2023
Date of publication: 25.09.2023

«Левада» Владимира Нарбута: опыт дешифровки сложного стихотворения

© 2023, О.А. Лекманов

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека,
Ташкент, Узбекистан

Аннотация: В статье выявляются гоголевские подтексты и реминисценции в стихотворении Владимира Нарбута «Левада» (ранняя редакция 1910 г., переработано, вероятно, в 1930-е). Сам поэт в 1913 г. склонен был возводить родословную своего художественного метода к Гоголю и называл себя «виевцем». Топика и поэтический словарь стихотворения во многом восходят к повестям «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода», но в нем угадываются отсылки и к другим гоголевским текстам, вплоть до «Выбранных мест из переписки с друзьями». Украина Гоголя предстает в «Леваде» желанным краем красоты, изобилия и силы, она проступает как константа сквозь будничную и часто пугающую и отталкивающую картину современного упадка страны.

Ключевые слова: Владимир Нарбут, Н.В. Гоголь, Украина, поэтический словарь, художественные реминисценции, анализ поэтического текста.

Информация об авторе: Олег Андершанович Лекманов — доктор филологических наук, профессор, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Университетская ул., д. 4, Ташкент, 100174 г. Ташкент, Узбекистан.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0784-5930>

E-mail: lekmanov@mail.ru

Для цитирования: Лекманов Олег. «Левада» Владимира Нарбута: опыт дешифровки сложного стихотворения // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 266–279. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-266-279>

Стихотворение «Левада» было впервые опубликовано в марте 1911 г. в восьмом номере журнала «Gaudeamus». Впоследствии Нарбут его радикально переделал и дополнил. Этот, более поздний вариант, и будет подробно рассмотрен в нашей статье (текст стихотворения: [4, с. 116–118]).

«Левада» не обойдена вниманием исследователей и комментаторов¹. Тем не менее, и общий смысл стихотворения, и некоторые его загадочные строки, по-прежнему, остаются не проясненными. Задача нашей статьи — предложить ключ к пониманию как «Левады» в целом, так и ее темных строк.

Сразу же нужно отметить, что ключ этот содержится в самом стихотворении, причем Нарбут и не думает прятать его от читателя. Уже во второй строфе упоминается главный герой повести Гоголя «Вий» Хома Брут, а в пятой — сам Гоголь. При этом в роли нового Хома выступает «я» стихотворения, что, как кажется, позволяет увидеть в авторе «Левады» не только гоголевского персонажа, но и «нового Гоголя», глядящего на современную ему Украину гоголевскими глазами и пользующегося целым арсеналом гоголевских слов и словечек. И совпадения с Гоголем, и зазоры с его видением Украины оказываются для стихотворения «Левада» первостепенно важными.

В ходе дальнейшего анализа могут возникнуть закономерные сомнения в том, действительно ли все предлагаемые нами параллели между стихотворением Нарбута и гоголевскими текстами убедительны. Ведь у автора «Левады», в отличие от нас, не было под рукой интернета с его поисковыми возможностями. Ответом на эти сомнения, кроме прямых упоминаний в «Леваде» о Гоголе и его персонаже, могут послужить две самоаттестации Нарбута из его писем к Михаилу Зенкевичу 1913 г. Первая — из письма от 7 июня: «...мы — и не акмеисты, пожалуй, а — *натуралисто-реалисты*. Бодлер и Гоголь, Гоголь и Бодлер!!!! — Не так ли? Конечно, так! Ура, Николай Васильевич!» [1, с. 240]. Вторая — из письма от 17 декабря: «Ведь мы с тобой — *виевцы* (принимая “Вий” за единицу настоящей земной, земляной жизни)» [1, с. 243].

* * *

Попробуем теперь, вооружившись гоголевским ключом, внимательно, строфа за строфой, прочитать интересующее нас стихотворение.

Его название — украинизм, который в «Словаре української мови» под редакцией Б. Гринченко разъясняется следующим образом: «Окопанное или огороженное место для сенокоса вблизи

¹ См.: Бялосинская Н., Панченко Н. Примечания [4, с. 408–409; 3].

усадьбы» [4, т. 2, с. 349]. В корпусе украинских текстов Гоголя это слово встречается дважды — в повестях «Иван Федорович и его тетушка» («Ты знаешь тот лесок, что за нашею *левадою*...») [2, с. 215]² и «Заколдованное место» («Ну, так! не говорил ли я, — подумал дед, — что это попова *левада*?») [2, с. 222].

В стихотворении Нарбута левада предстает как раз заколдованным местом и одним из символов Украины.

Увидеть это помогает уже первая строфа:

Ой, левада несравненная
Украинския земли!
Что мне Рим? И что мне Генуя,
Корольки и короли?

Нарбут сразу же задает пространственный масштаб для левады, не только сравнивая ее с городом-государством (Римом) и большим итальянским городом (Генуей), но и почти прямо объявляя леваду метонимией всей Украины.

Взгляд на первую строфу сквозь гоголевскую призму отчетливо выявляет в ней полемику с любимым нарбутовским прозаиком, который, как известно, от изображения красот Украины в пору писательской зрелости перешел к воспеванию Италии. В отрывке «Рим» Гоголь уделил особое внимание не только итальянской столице, но и Генуе:

Трудно было изъяснить чувство, его обнявшее при виде первого итальянского города, — это была великолепная Генуя! В двойной красоте вознеслись над ним ее пестрые колокольни, полосатые церкви из белого и черного мрамора и весь многобашенный амфитеатр ее, вдруг обнесший его со всех сторон, когда пароход пришел к пристани. Никогда не видал он Генуи. Эта играющая пестрота домов, церквей и дворцов на тонком небесном воздухе, блиставшем непостижимою голубизною, была единственна. Сошедши на берег, он очутился вдруг в этих темных, чудных, узеньких, мощенных плитами улицах, с одной узенькой сверху полоской голубого неба. Его поразила эта теснота между домами высокими, огромными, отсутствие экипажного стуку, треугольные маленькие площадки и между ними, как тесные коридоры, изгибающиеся линии улиц,

² Курсив в цитатах из Гоголя везде наш.

наполненных лавочками генуэзских серебрянников и золотых мастеров. Живописные кружевные покрывала женщин, чуть волнующие теплым широко; их твердые походки, звонкий говор в улицах; отворенные двери церквей, кафельный запах, несшийся оттуда, — все это дуло на него чем-то далеким, минувшим. Он вспомнил, что уже много лет не был в церкви, потерявшей свое чистое высокое значение в тех умных землях Европы, где он был. Тихо вошел он и стал в молчании на колени у великолепных мраморных колонн, и долго молился, сам не зная за что, — молился, что его приняла Италия, что снизошло на него желание молиться, что празднично было у него на душе, и молитва эта, верно, была лучшая. Словом, как прекрасную станцию унес он за собою Геную: в ней принял он первый поцелуй Италии [2, с. 390–391].

Но откуда в последней строке первой строфы стихотворения «Левада» появились «корольки и короли»? Ответить на этот вопрос позволяет сличение итоговой редакции стихотворения Нарбута с более ранней, из журнала «Gaudeamus», в которой из Италии читатель стремительно переносился во Францию:

Ой, левады пенносенныя
Украинския земли
Что мне Рим? И что мне Генуя
И в Версале короли? [4, с. 409]

У последней строки первой строфы этого варианта стихотворения Нарбута, возможно, тоже имеется гоголевский подтекст — фрагмент из его письма к матери от 15 февраля 1837 г.:

Я более полуторы недели не думаю оставаться в Париже. Болезнь в Италии давно прекратилась, и время становится благоприятным для путешествия. Я в Париже все обсмотрел уже, что есть замечательного. Успел побывать и в Версале (в 25 верстах от Парижа), этом великолепном обиталище французских королей, составляющем большой город (около 50 тысяч душ). Дворец, сады, парки без всякого сравнения великолепнее нашего Царского Села и построены с большим вкусом³.

³ Письма Н.В. Гоголя / ред. В.И. Шенрок: в 4 т. СПб.: А.Ф. Маркс, 1901. Т. 1. С. 430. В.Г. Беспрозванный указывает на подтекст из Григория Сковороды в строке Нарбута о Версале [7, р. 189]. Приношу глубокую благодарность В.Г. Беспрозванному за замечания, дополнения и уточнения, высказанные при обсуждении моей статьи.

Для Нарбута «несравненными» оказываются не воспеваемые Гоголем красоты Европы, а красота левады-Украины.

Во второй и третьей строфах стихотворения, как мы уже отмечали, отсылки к Гоголю из подтекста переносятся в текст:

В косовицу (из-за заработка)
 В панские пойду дома.
 Спросит девушка у парубка:
 — Кто вы?
 — Брут.
 — А звать?
 — Хома.

Усмехнется темно-розовым
 Ртом — и спрячется в дверях.
 И уйду Хомой-философом,
 Весельчак и вертопрах.

Косовица (косовица) — еще один украинизм, который в словаре Б. Гринченко определяется так: «Время уборки сена» [4, т. 2, с. 291]. Слово это отыскивается в письме Гоголя к матери от 29/17 июня 1836 г. из Гамбурга: «Напишите, что делается теперь у вас: началась ли *косовица*, каково идет, хороши ли травы и хорош ли хлеб?»⁴. Встречается у Гоголя и не самое употребительное существительное «вертопрах»: «Ну, что было в этом *вертопрахе* похожего на ревизора?» («Ревизор») [2, с. 621].

Однако важнее обратить внимание на второй и вполне гоголевский символ Украины в этих двух строфах — Украина подменяется в них девушкой, кокетничающей с парнем (далее девушка тоже по-гоголевски превратится в страшную ведьму).

В следующей, четвертой строфе «Левады» начинается сказочно-ведьмовское преобразование обыденной площадки для сенокоса в «заколдованное место». Заурядная птица в этой строфе предстает то ли земноводным, то ли пресмыкающимся чудовищем:

Иволга визжит средь зелени, —
 Нет, не птицы *так* поют.
 Крокодил торчит в расселине:
 Ящеричный там приют.

⁴ Письма Н.В. Гоголя / ред. В.И. Шенрок: в 4 т. Т. 1. С. 387.

Параллель к этой строфе обнаруживается в статье Гоголя «О малороссийских песнях»:

Но лучшие песни и голоса слышали только одни украинские степи: только там, под сенью низеньких глиняных хат, увенчанных шелковицами и черешнями, при блеске утра, полудня и вечера, при лимонной желтизне падающих колосьев пшеницы, они раздаются, прерываемые одними степными чайками, вереницами жаворонков и *стенящими иволгами* [2, с. 99].

Преображение украинской левады в царство зловещих экзотических существ продолжено в пятой-седьмой строфах «Левады», где насекомое медведка (максимальный ее размер — восемь сантиметров), откладывающая яйца, называется «гадом» и «земляным раком»:

Свинтусу расстаться с лужею
Очень, очень не легко:
Дышит грудью неуклюжею,
Набирает молоко.

Супоросая!.. Под веткою
(Глубоко от клюва птиц)
Гадом, лысою медведкою,
Сотня сложена яиц.

Пресмыкайся, земляной рак,
Созревай, яйцо-икра!
Мох — не мох, а мягкий войлок:
Яйца высидеть пора.

Медведка у Гоголя не упоминается ни разу, однако в пятой, а также в зачине шестой строфы возникает характерно гоголевский образ супоросой (т. е. — беременной) свиньи — еще одного, сниженного символа изобильной Украины в стихотворении. Свиньи изображаются во многих украинских повестях Гоголя (в т. ч., в «Вие»), а в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» важную роль играет именно супорос(н)ая свинья: «... чтоб на главной улице, на площадь втесалась *супоросная свинья*, это такое дело...» [2, с. 319]. В.Г. Беспрозванный подсказал нам, что

к предисловию к гоголевским «Вечерам на хуторе близ Диканьки», может быть, восходит само слово «свинтус», представляющее собой образец бурсацкого жаргонизма: «...один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на ус. Лопата у него — лопатус, баба — бабус» [2, с. 136]⁵.

В восьмой, трехстрочной и как бы оборванной строфе «Левады» Нарбут прямо ссылается на Гоголя:

Сколько кочек! Их не трогали,
Их не тронут косари:
Пусть растут, как и при Гоголе...

Еще Р.Д. Тименчик в давней статье отметил, что здесь «реминисцируется фраза из “Вия”» [6, с. 311]:

За плетнем, служившим границею сада, шел целый лес бурьяна, в который, казалось, никто не любопытствовал заглядывать, и коса разлетелась бы вдребезги, если бы захотела коснуться лезвием своим одеревеневших толстых стеблей его [2, с. 303].

В девятой строфе, отчасти по контрасту с пятью предшествующими, интонация стихотворения меняется на торжественную (как уже было в первой строфе):

Ты со мной поговори,
Украина!
Конским волосом,
Бульбой был бунчук богат...
Отчего же дочка голосом
Кличет маму из-за хат,
Пробираясь наугад
Меж крапив и конопляников?
А на ярмарке — одёж
Для красуль, монист и пряников
Тоже прежних не найдешь...

Бунчук в словаре Б. Гринченко определяется как «один из знаков гетманского достоинства: древко с металлическим яблоком на конце,

⁵ У Гоголя существительное «свинтус» употребляется в переносном значении (в «Мертвых душах»: [2, с. 433]).

под которым свешивался лошадиный хвост» [4, т. 1, с. 111]. Бульба, согласно словарю, это «водяной, мыльный пузырь» [4, т. 1, с. 109]. Очевидно, что в стихотворении «Левада» под бульбой подразумевается металлическое яблоко на конце бунчука. Ясно и то, почему Нарбут заменяет яблоко именно бульбой. Использованный в четвертой строке девятой строфы глагол «был» явно указывает на славное историческое прошлое Украины, о котором подробно рассказывается в повести Гоголя «Тарас Бульба». Упоминаются в этой повести и бунчуки:

Восемь полковников вели двенадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунчужный ехали вслед за гетьманом. Генеральный хорунжий предводил главное знамя; много других хоругвей и знамен развевались вдаль; бунчуковые товарищи несли *бунчуки* [2, с. 186].

Во второй части девятой строфы «Левады» славному прошлому Украины противопоставляется ее настоящее. Вместо пышной картины военного парада, метонимически представленного бунчуком, изображается «дочка», которая «кличет маму из-за хат». Эти строки, как подсказал нам Р.Г. Лейбов, восходят не к Гоголю, а к поэме Тараса Шевченко «Катерина» (1838), где рассказывается о печальной участи украинской девушки, соблазненной и брошенной русским парнем:

Не слухала Катерина
 Ні батька, ні неньки,
 Полюбила москалика,
 Як знало серденько.
 Полюбила молодого,
 В садочок ходила,
 Поки себе, свою долю
 Там занастила.
 Кличе мати вечеряти,
 А донька не чує;
 Де жартує з москаликом,
 Там і заночує⁶.

⁶ Кобзарь Тараса Шевченка. Львів: С друк. Товариства імени Шевченка, 1893. Ч. 1. С. 57–58.

Нарбут использует тот же глагол «кличет», что и Шевченко, только у него не мать кличет дочь, а дочь призывает мать.

В финале девятой строфы стихотворения Нарбута тема жалкого положения современной Украины вновь оркеструется скрытыми отсылками к Гоголю: если в старину украинские ярмарки изобиловали товарами, способными удовлетворить вкус самых привередливых красавиц, то на современных ярмарках товаров «прежнего» качества уже не найдешь. Читатель, воспринимающий стихотворение «Левада» сквозь гоголевскую призму, неизбежно вспоминает тут о гоголевской повести «Сорочинская ярмарка», во второй главе которой в перечне ярмарочных товаров упоминаются и «пряники» [2, с. 138]. В нескольких украинских повестях Гоголя в качестве украшения женщины фигурирует монисто [2, с. 149, 155, 156, 165, 180, 191, 205, 238].

В зачине десятой строфы стихотворения Нарбута тема угасания величия Украины, начатая в предыдущей строфе, воплощается через образ стареющей женщины:

Украина! Ты не та уже,
Все кругом в тебе не то...
На тебе — очипок: замужем!
Пусто молоко: снято!..

Очипок из третьей строки, это «головной убор замужней женщины — вроде чепчика» [4, т. 3, с. 82]. У Гоголя очипок как примета замужней женщины упоминается в повестях «Сорочинская ярмарка» [2, с. 138, 139], «Вечер накануне Ивана Купала» [2, с. 153] и «Вий» [2, с. 293, 298]. А соседняя со строкой об очипке строка о «молоке», «которое снято», провоцирует читателя вспомнить о супоросой свинье из пятой строфы стихотворения, копившей молоко для еще не родившихся поросят⁷.

Нелишним будет отметить, что в повести Гоголя «Вий» одно из упоминаний об очипке [2, с. 293], как и в стихотворении Нарбута «Левада», соседствует с развернутым описанием катания Хомя Брута лунной ночью на горбу страшной ведьмы. У Нарбута это описание, безусловно, восходящее к повести Гоголя, разворачивается во второй половине десятой строфы и в начале следующей:

⁷ По наблюдению В.Г. Беспрозванного, строка «Пусто молоко: снято» содержит эротическую метафору.

Как же быть Хоме с левадою,
 Парубку: косить траву?..
 Бурсаком на горб я падаю —
 В лунном бреде, наяву.

Подыму полено медленно,
 Стану бить по масти ведьминой —
 От загривка до бедра...

Сравним в «Вие»:

Обращенный месячный серп светлел на небе. Робкое полночное сияние, как сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось на земле. <...> Такая была ночь, когда философ Хома Брут скакал с непонятым всадником на спине. <...> Наконец с быстротою молнии выпрыгнул из-под старухи и вскочил, в свою очередь, к ней на спину. Старуха мелким, дробным шагом побежала так быстро, что всадник едва мог переводить дух свой. Земля чуть мелькала под ним. Все было ясно при месячном, хотя и не полном свете. Он схватил лежавшее на дороге полено и начал им со всех сил колотить старуху. После нескольких ударов заметил он, что бег ее становился медленнее и медленнее. Философ сгоряча крестил ее еще более. Наконец ведьма была не в силах переносить ударов, зашаталась и упала. <...> Вставши на ноги, он взглянул на лежавшую на земле и едва дышавшую ведьму — и сам не мог растолковать своего чувства: он видел, что в лице ее показались молодые черты, сверкнула снежная белизна и как будто бы она была уже вовсе не старуха: какая-то приятная и вместе неприятная мина показалась на губах ее и врезалась ему в самое сердце. Он чувствовал что-то похожее на жалость, но не захотел и минуты оставаться и скорее направил путь свой в город, раздумывая об этом странном происшествии [2, с. 292–293].

Эта более чем отчетливая перекличка стихотворения с повестью, как представляется, позволяет понять, зачем Нарбуту в стихотворении «Левада» понадобилось *переписывать* Гоголя. Сегодняшняя Украина видится автору «Левады» в образе старухи-ведьмы, безвозвратно утеравшей бóльшую часть своего прежнего обаяния. Но сквозь этот безобразный лик, как и у Гоголя, проступают «молодые черты» Украины-девушки, которые врезаются «я» стихотворения и его автору «в самое сердце».

В двух последних строках одиннадцатой строфы стихотворения речь вновь заходит о прошлом Украины, причем гоголевское в этих строках подсвечивается автобиографическим, нарбутовским:

В Глухове, в Никольской, гетмана
Отлучили от Петра...

Подразумевается анафема, которой гетман Мазепа был предан 12 ноября 1708 г. в присутствии царя Петра I. По преданию, это произошло в церкви Св. Николая в городе Глухове⁸. Глухов дважды упоминается в гоголевском «Тарасе Бульбе» («...не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах» [2, с. 274]; «Отвсяду поднялись казаки: от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны днепровской и от всех его верховий и островов» [2, с. 286]) и один раз — в «Страшной мести»: «В городе Глухове собрался народ около старца-бандуриста, и уже с час слушали, как слепец играл на бандуре» [2, с. 203]. Прочитанный фрагмент из «Страшной мести» Нарбут выбрал в качестве эпиграфа к разделу «В городе Глухове», который должен был войти в его книгу стихов «Спираль»⁹. Сам поэт родился на хуторе Нарбутовка Глуховского уезда и окончил в Глухове гимназию.

В двенадцатой–тринадцатой строфах стихотворения поэт возвращает читателя в ситуацию второй и третьей строф, сигналом чего служит зачин двенадцатой строфы («А теперь...»):

А теперь — играй ресницами
Перед свежим женским ртом
Там, за бойней, за резницами,
Где мелкопоместный дом.

А теперь — косою, жаркою
От песка (с водой лохань),
Парубок, по травам шаркаю.
Подле — реченька Есмань...

⁸ См. гоголевский набросок под условным названием «Размышления Мазепы», впервые опубликованный П.А. Кулишом в «Записках о жизни Гоголя» (СПб., 1856. Ч. I. С. 128–129; параллель подсказана нам В.Г. Беспрозванным).

⁹ См. примеч. Н. Бялосинской и Н. Панченко: [4, с. 405].

Украинизм «різниці» в словаре Б. Гринченко расшифровывается как «бойни, скотобойни» [4, т. 4, с. 23]. А в последней строке тринадцатой строфы вновь возникает автобиографическая тема, проявленная через гидроним. Город Глухов стоит на реке Есмань (Эсмань).

Понять смысл финальной, четырнадцатой строфы стихотворения Нарбута, на наш взгляд, тоже помогает выявление гоголевского подтекста:

Ой, левада!
 Супоросого
 Края бульбу держишь ты...
 Доведешь ты и философа
 До куриной слепоты!

В начале строфы Нарбут соединяет в одной картинке несколько ключевых образов стихотворения, до этого встречавшихся по отдельности. «Левада» предстает держательницей «бульбы», которая, как напомнил нам В.Г. Беспрозванный, означает не только пузырь, но и клубень/луковицу — устойчивый символ плодородия. Поэтому Украина и названа в заключительных строках стихотворения «супоросым», т. е. изобильным и плодовитым «краем».

А две заключительные строки стихотворения «Левада», как представляется, восходят к следующему фрагменту гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями»:

Жизнь нужно показать человеку, — жизнь, взятую под углом ее нынешних запутанностей, а не прежних... <...> Велико незнание России посреди России. <...> Очнитесь! *Куриная слепота на глазах ваших!* <...> Потому и любимо так сильно дитя матерью, что она долго его носила в себе, все употребила на него и вся из-за него выстрадалась. Очнитесь! Монастырь ваш — Россия! [2, с. 827]¹⁰.

Итак, для Владимира Нарбута как автора стихотворения «Левада» Украина гоголевского времени и времени, описываемого Гоголем, — это тот легендарный край изобилия и воинской славы, с которым он сопоставляет нынешнюю, пришедшую в упадок Украину. Если вслед за В.Г. Беспрозванным предположить, что раннюю редакцию

¹⁰ В этом фрагменте имплицитно тоже присутствует тема выкармливания молоком — вслед за упоминанием о беременности матери говорится о том, что мать «употребила на» ребенка «все и вся».

стихотворения Нарбут обновлял в 1930-е гг. — в страшные годы голодомора, противопоставление изобильной «гоголевской» Украины и голодающей современной Украины (Украины первой редакции стихотворения и Украины второй редакции) станет предельно ясным и трагическим. Но подобно тому, как гоголевский Хома Брут в облике страшной старухи угадал черты прекрасной девушки, Нарбут в нынешней Украине угадывает черты прежней.

Литература

1. Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 330 с.
2. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. / под ред. П.В. Быкова. СПб.; М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1910. XXVIII, 968 с.
3. *Зайка В.В.* Глухівські мотиви вірша В. Нарбута «Левада» // Сіверщина в історії України. Київ: Глухів, 2011. Вип. 4. С. 356–358.
4. *Нарбут В.И.* Стихотворения / вступ. ст., сост. и примеч. Н. Бялосинской и Н. Панченко. М.: Современник, 1990. 445 с.
5. Словарь української мови: в 4 т. / за ред. Б. Грінченка. Київ: Друк. акційного товариства Н.Т. Корчак-Новицького, 1907–1909.
6. *Тименчик Р.Д.* Храм премудрости Бога: стихотворение Ахматовой «Широко распахнуты ворота...» // *Slavica Hierosolymitana*. Jerusalem: Magnes Press, Hebrew University, 1981. Vol. 5–6. С. 297–317.
7. *Besprozvany V.* “Skovoroda’s Way” in the Russian Symbolist and Post-Symbolist Tradition // *Socrates in Russia. Contemporary Russian Philosophy*. 2022. Vol. 5. P. 167–195. https://doi.org/10.1163/9789004523326_010

Research Article

“Levada” by Vladimir Narbut: An Experience of Deciphering a Complex Poem

© 2023. Oleg A. Lekmanov
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract: The article reveals Gogol’s subtexts and reminiscences in Vladimir Narbut’s poem “Levada” (an early edition is dated 1910, revised one is presumably the 1930s). The poet himself in 1913 was inclined to trace the lineage of his artistic method to Gogol and namely his novella “Viy.” Topoi and the thesaurus of the poem

in many aspects go back to the stories “Evenings on a Farm near Dikanka” and “Mirgorod,” but it also contains references to other Gogol’s texts, up to “Selected Passages from Correspondence with Friends.” Gogol’s Ukraine appears in “Levada” as a desirable land of beauty, abundance and strength. It emerges as a constant through the everyday and often frightening and repulsive picture of the modern decline of the country.

Keywords: Vladimir Narbut, N.V. Gogol, Ukraine, poetic dictionary, artistic reminiscences, analysis of poetic text.

Information about the author: Oleg A. Lekmanov — DSc in Philology, Professor, National University of Uzbekistan, 4 Universitetskaya St., 100174 Tashkent, Uzbekistan.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0784-5930>

E-mail: lekmanov@mail.ru

For citation: Lekmanov, Oleg. “‘Levada’ by Vladimir Narbut: An Experience of Deciphering a Complex Poem.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 266–279. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-266-279>

References

1. Vladimir Narbut. *Mikhail Zenkevich. Stat'i. Retsenzii. Pis'ma* [Vladimir Narbut. Mikhail Zenkevich. Articles. Reviews. Letters]. Moscow, IWL RAS Publ., 2008. 330 p. (In Russ.)

2. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], ed. by P.V. Bykov. St. Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo tovarishchestva M.O. Vol'f Publ., 1910. XXVIII, 968 p. (In Russ.)

3. Zaïka, V.V. “Glukhivski motivi virsha V. Narbuta ‘Levada’.” [“Glukhiv Motifs of V. Narbut’s poem ‘Levada’.”]. *Siversshchina v istorii Ukraini* [Siversshchyna in the History of Ukraine], issue 4. Kyiv, Glukhiv Publ., 2011, pp. 356–358. (In Ukrainian)

4. Narbut, V.I. *Stikhotvoreniia* [Poems], introd. article, comp. and notes by N. Bialosinskaia and N. Panchenko. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 445 p. (In Russ.)

5. Grinchenko, B., editor. *Slovar' ukrains'koi movi: v 4 t.* [Dictionary of the Ukrainian Language: in 4 vols.]. Kyiv, Drukarnia akcyjnego tovarystva N.T. Korchak-Novyc'kogo Publ., 1907–1909. (In Ukrainian)

6. Timenchik, R.D. “Khram premudrosti Boga: stikhotvorenie Akhmatovoi ‘Shiroko raspakhnuti vorota...’” [“Temple of the Wisdom of God: Akhmatova’s Poem ‘The Gates are Wide Open...’”]. *Slavica Hierosolymitana* [Slavica Hierosolymitana], vol. 5–6. Jerusalem, Magnes Press, Hebrew University Publ., 1981, pp. 297–317. (In Russ.)

7. Besprozvany, Vadim. “‘Skovoroda’s Way’ in the Russian Symbolist and Post-Symbolist Tradition.” *Socrates in Russia. Contemporary Russian Philosophy*, vol. 5, 2022, pp. 167–195. https://doi.org/10.1163/9789004523326_010 (In English)

Статья поступила в редакцию: 22.05.2023

Одобрена после рецензирования: 14.06.2023

Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 22.05.2023

Approved after reviewing: 14.06.2023

Date of publication: 25.09.2023

«Зажечь критическую мысль»: дискуссии 1934–1935 гг. о романе А.Н. Толстого «Петр Первый»

© 2023, А.С. Акимова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются критические отзывы, посвященные выходу второй книги романа А.Н. Толстого «Петр Первый» в начале 1934 г., а также приводятся материалы трех дискуссий с участием московских и ленинградских критиков и историков. Анализируются основные вопросы, затронутые в дискуссиях: проблема жанра советского исторического романа, исторической концепции романа и образа Петра I. Две дискуссии о «Петре Первом» были инициированы московскими журналами «Октябрь» и «Литературный критик» в 1934 г., еще одна прошла в секции критиков Союза советских писателей в январе 1935 г., ее краткий обзор с выборочными цитатами был представлен в журнале «Литературный критик» (1935. № 2). В дискуссии приняли участие ведущие советские критики О.М. Брик, В.Р. Гриб, И.Л. Гринберг, В.А. Катанян, С.Д. Кржижановский, М.Ю. Левидов, А. Лежнев, Р.Д. Мессер, М.И. Серебрянский, В.Б. Шкловский и др. Более полные характеристики и оценки романа, высказанные в ходе обсуждения, зафиксированы в стенограммах, которые впервые вводятся в научный оборот, предворяя научную публикацию с развернутым комментарием и справочным аппаратом.

Ключевые слова: литературная критика, А.Н. Толстой, роман «Петр Первый», дискуссия об историческом романе.

Информация об авторе: Анна Сергеевна Акимова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0732-1854>

E-mail: a.s.akimova@mail.ru

Для цитирования: Акимова А.С. «Зажечь критическую мысль»: дискуссии 1934–1935 гг. о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 280–292. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-280-292>

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00303 «Советский исторический нарратив 1920–30-х гг.: содержание, акторы и механизмы конструирования» (<https://rscf.ru/project/23-18-00303/>).

Первая книга романа А.Н. Толстого «Петр Первый» была опубликована в журнале «Новый мир» в 1929–1930 гг., отдельное издание вышло в ноябре 1930 г. в издательстве «Прибой». Вскоре появились первые отклики писателей и критиков в периодике и в письмах (см.: [1]). В опубликованных в периодической печати шести рецензиях, посвященных роману Толстого, были предложены основные подходы к оценке романа и образа Петра I: концепция царя-одиночки, решение проблем современности на материале эпохи рубежа XVII–XVIII вв. (исторический параллелизм), роль «торгового капитала» в романе. Они получили дальнейшее развитие после публикации в «Новом мире» в 1933–1934 гг. второй книги романа¹.

Публикация второй книги «Петра Первого» началась со второго номера журнала². Одним из первых на выход начальных глав новой книги откликнулся А.О. Старчаков³. Он отмечал, что Толстой пытался преодолеть недостатки первой книги, среди которых критик называл слабо прописанную «буржуазно-демократическую» линию, бледность и эпизодичность вымышленных образов купцов и крестьян (Ивана Бровкина, купца Жигулина и др.)⁴. Впоследствии критик писал о том, что во второй книге автор полнее показал «“демократическую” линию романа» в истории семьи купца Бровкина, по-новому изобразил раскол в образах предпринимателя, хозяина скита Андрея Денисова и «преодолевшего сектантство» Андрея Голикова⁵. Другое важное отличие между первой и второй книгами, по мысли Старчакова, заключалось в изображении царя Петра: «От трагически-одинокого героя, титана, изнемогающего под бременем непосильного дела, обреченного на неудачу, в романе не остается и следа. В романе не только исторически обусловлено дело Петра, но и оправданы те огромные издержки, которыми сопровождалось это

¹ Отдельные главы и фрагменты второй книги «Петра Первого» публиковались с конца 1932 г. в таких периодических изданиях, как «Вечерняя Москва», «Огонек», «Литературный Ленинград», «Красная газета» и др. Авторская дата завершения работы над второй книгой 22 апреля 1934 г. Отдельным изданием она вышла в июне 1934 г. в ленинградском отделении Государственного издательства художественной литературы.

² Новый мир. 1933. № 2. С. 5–28.

³ См. также: [2, с. 106–115].

⁴ Старчаков А.О. Творческий путь Ал. Н. Толстого. Историческая проза // Новый мир. 1933. № 5. С. 274.

⁵ Старчаков А.О. «Петр I» Ал. Толстого. О второй части романа // Известия. 1933. 22 сентября. С. 4.

дело. Герой больше не одинок»⁶. «Меняется и самая историческая обстановка. В первой части романа мы видели Петра, идущего к власти. Во второй части дан разгром Петра при его первом вооруженном столкновении с Западом <...> Преодоление этого разгрома, подготовка к будущей борьбе в обстановке поражения, борьба с “паникерами и саботажниками” (выражаясь современными терминами) и является содержанием второй части», — заключал критик⁷.

Второй книге романа были посвящены еще две рецензии, опубликованные весной 1934 г.: З.Я. Штейнмана «Второй том “Петра I”»⁸ и Н.А. Коварского «Читая “Петра Первого”»⁹. А 16 мая 1934 г. в газете «Известия» было обнародовано Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г.¹⁰ Вслед за его появлением одна за другой вспыхивали дискуссии об историческом романе, главным «героем» которых неизменно становился роман Толстого «Петр Первый». Признавая важную роль исторических романов в «деле социалистического воспитания масс реалистическим, правдивым показом прошлого»¹¹, редакция московского журнала «Октябрь» признавала, что критика не уделяла должного внимания проблемам исторического романа, интерес к которому среди писателей и читателей возрос в последние годы. В дискуссии «Социалистический реализм и исторический роман», которую инициировал журнал «Октябрь», приняли участие историки (Г.С. Фридлянд, В.Т. Дитякин), литературные критики и писатели (Е. Вейсман, А. Лежнев, Д.П. Мирский, И.Н. Бороздин, Е. Ланн)¹².

Г. Фридлянд, говоря о соотношении между исторической наукой и художественным изображением эпохи, признавал, что исторический роман во все времена «был огромной остроты орудием политического воспитания широчайших масс»¹³. Он восторженно

⁶ Старчаков А.О. Творческий путь Ал. Н. Толстого. Историческая проза. С. 275.

⁷ Старчаков А.О. «Петр I» Ал. Толстого. О второй части романа. С. 4.

⁸ Штейнман З.Я. Второй том «Петра I» // Красная газета. Веч. выпуск. 1934. 7 мая. С. 2.

⁹ Коварский Н. Читая «Петра Первого» // Литературный Ленинград. 1934. 8 мая. С. 1.

¹⁰ Известия. 1934. 16 мая. С. 1.

¹¹ Октябрь. 1934. № 7. С. 195.

¹² Материалы дискуссии «Социалистический реализм и исторический роман» см.: Октябрь. 1934. № 7. С. 195–241.

¹³ Там же. С. 197.

отозвался о книге Толстого, называя ее образцом «талантливого исторического романа»¹⁴, однако отметил не отраженные на страницах произведения недавно обнаруженные факты о восстании рабочих судостроительных верфей, горожан и крестьян в эпоху Петра¹⁵, а также заметил, что писателю еще только предстоит овладеть жанром исторического романа, так как «вопрос о внутреннем отстранении прошлого, о его преодолении касается Толстого еще больше, чем Тынянова»¹⁶. Историк выделил ряд недостатков произведения: во-первых, «эпоха сведена автором в конечном счете к судьбе одного человека», Петра, фигура которого доминирует над другими лицами и событиями; во-вторых, вслед за М.Н. Покровским Толстой преувеличил роль торгового капитала в романе; в-третьих, писатель принизил роль Карла XII, этого «запоздалого средневекового рыцаря»; в-четвертых, показал народные массы «в виде изуверов, фанатиков, сектантов», среди которых нет индивидуальностей¹⁷.

Е. Вейсман назвал вторую книгу романа Толстого «гибридом», романом-хроникой и сюжетным романом: «Там драматизирована хроника до таких пределов, когда в ней самой начинает двигаться сюжет, как отражение судеб отдельных людей и не только одного Петра»¹⁸. В качестве исторических источников первой книги он выделил труды С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, второй — Покровского¹⁹.

В. Ваганян говорил о «Петре Первом»: «Книга очень культурна, очень талантлива, проникновенна, художественна, я не намерен развенчивать Толстого. Но ее основная идея не порождена эпохой Петра, она — продукт наших дней, нашей революции, нашей практики <...> Солдат Петра Первого выглядит солдатом 1917 года, потому что сам Петр призван утверждать идею, порожденную нашей революцией в голове интеллигента-попутчика»²⁰. По мнению критика, «Петр Первый» — роман не исторический, так как в нем

¹⁴ Там же. С. 206.

¹⁵ Там же. С. 200.

¹⁶ Там же. С. 241.

¹⁷ Там же. С. 207. См. также: *Фридлянд Г.С.* Отразить величайшие мировые события в художественной литературе // За коммунистическое просвещение. 1934. 14 августа. С. 3.

¹⁸ Октябрь. 1934. № 7. С. 210.

¹⁹ Там же. С. 211. См. также: *Вейсман Е.* Медный всадник и Петр Первый // Литературная газета. 1934. 4 июня. С. 2–3; *Вейсман Е.* Петр Первый // Красная звезда. 1934. 17 июля. С. 3.

²⁰ Октябрь. 1934. № 7. С. 218.

решается нерешенный в романе «Восемнадцатый год» вопрос о количестве жертв ради революции: «Две части “Петра Первого” свидетельствуют, что Алексей Толстой нерешенный вопрос восемнадцатого года решил в том смысле, что есть обстановка, при которой можно принести огромные жертвы для реализации общественно необходимых целей»²¹. И «Петр Первый» и «Энергия» Ф.В. Гладкова, считал Ваганян, «одинаково ставят перед собой задачи сегодняшнего дня, одинаково решают их: один — на материале первой пятилетки, другой — на материале XVII–XVIII века»²². В том же видел «порочность» романа историк В. Дитякин, который считал, что «взятая Толстым тема (деятельность Петра Первого по перестройке России) для изображений коллизии современности, коллизии наших дней, дней пролетарской революции, не состоятельна, не подходит»²³.

В.А. Катанян в статье «Что, собственно, было?» обратился к выступлениям, прозвучавшим в ходе организованной «Октябрем» дискуссии, и высказал свое несогласие с выводом В. Ваганяна, который назвал роман Толстого не историческим: «Слишком конкретен исторический материал в романе, слишком много в нем истории, чтобы весь этот материал имел одно иллюстративное значение. Субъективно — в нем могут быть заложены и та современная проблема, о которой говорил тов. Ваганян, и еще какие угодно аналогии с современностью, но этим одним нельзя дезавуировать роман, как исторический. Объективно он им остается. Этим можно объяснить отдельные исторические ошибки Толстого, может быть общую его историческую концепцию. Полностью же “снять” историчность романа можно, только конкретно доказав, шаг за шагом, все его исторические неточности и искажения, доказав антиисторичность подхода автора к изображаемой эпохе»²⁴.

Д. Мирский назвал роман Толстого «неудовлетворительным», так как писатель «мог бы не путаться, не заблуждаться в трех соснах: Ключевского, Милюкова и Покровского, а сам решать — кто прав, и почему Покровский прав или не прав»²⁵. Предложенная критиком концепция «исторической аналогии» вызвала возражения

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 236.

²⁴ Знамя. 1934. № 11. С. 205.

²⁵ Там же. С. 223.

А. Лежнева, который отметил мастерство писателя в изображении эпохи: «Возьмите типы его купцов, возьмите годы молодости Петра, возьмите Карла XII, немецкую колонию в Москве — во всем этом есть определенный колорит эпохи»²⁶. Итоги дискуссии подвел Г. Фридлянд, отметив необходимость говорить о недостатках «талантливового» романа Толстого, «о той специфической гипертрофии идеи государственности, которая в “Петре I” заслоняет эпоху в ее конкретности»²⁷.

В 1934 г. статьей ленинградского критика Р.Д. Мессер «А. Толстой и проблема исторического романа»²⁸ московский журнал «Литературный критик» открыл дискуссию об историческом романе. Р. Мессер оправдывала многочисленные описания казней и пыток в первой книге тем, что, в отличие от трагедии Толстого «На дыбе», в романе «все жестокости Петра, все его расправы крепко связаны с характером всей его деятельности»: «Хруст ломающихся костей — естественный для эпохи аккомпанемент, под который становилась на ноги власть русского торгово-феодалного капитала. Зверства даны именно как типические обстоятельства. Через них реализована мера классово-исторической ограниченности европеизаторской деятельности Петра, деятельности в рамках крепостнических отношений, в целях их укрепления, а не ломки»²⁹. Большое внимание критик уделила образу Петра. Говоря об изображении Толстым его «трусливости, эпилептической дрожи, слез бессильной злобы», критик отмечала «нагромождение его зверств и эпилептических выходов», но без «следов физиологического натурализма»: «Самое замечательное для романа в личном облике Петра — рост его личности, вытекающий из этапов роста его самосознания и практики. Сначала — он тщедушный, тонконогий неврастеник, потом растет в нем мелкое самолюбие вместе с трусостью и звериной жадной жизни и власти. Потом — цинизм, вероломство и рядом — страстность, настойчивость, историческая сознательность»³⁰. Писала Р. Мессер и о развитии техники

²⁶ Там же. С. 225.

²⁷ Там же. С. 241.

²⁸ Литературный критик. 1934. № 5. С. 89–112.

²⁹ Мессер Р.Д. А. Толстой и проблема исторического романа // Литературный критик. 1934. № 5. С. 26; см. также: Мессер Р. Борьба за стиль. Л.: ГИХЛ, 1934. С. 177–209.

³⁰ Литературный критик. 1934. № 5. С. 27; см. также: Мессер Р.Д. А.Н. Толстой. Критический очерк. Л.: Худож. лит., 1939. С. 88.

как основе реформ Петра, что поддержал в своем отзыве о романе В. Мицкихин³¹.

Другой участник дискуссии, М.Ю. Левидов, приводил мнения читателей, которые считали вторую книгу романа слабее первой, что, на его взгляд, неверно, так как обе книги одинаковые, равнозначные, во второй книге даже меньше стилистических погрешностей³². Сравнивая «Петра Первого» с «Войной и миром» Л.Н. Толстого, критик писал, что произведение А.Н. Толстого выигрывает оттого, что помимо большого количества исторического материала — путеводной нитью, соавтором писателя была «эпоха, мудрость эпохи, мировоззрение эпохи»: «Мировоззрение эпохи — вот эта нить, марксистский метод видения истории, осознания событий прошлого, понимания ушедшего с точки зрения сущего, приближения века биноклем дня, — вот соавтор Толстого Алексея. Уберегает этот соавтор от капризного субъективизма, спасает от дешевого скептицизма, гарантирует от вялого квиетизма. И обеспечивает ясность целевой установки»³³. По мнению М. Левидова, в изображении Петра и, в частности, его исторического масштаба, нет пушкинской романтико-героической традиции и «толстовский Петр — не пушкинский Петр, не “весь как божия гроза”»³⁴. Отказался Толстой и от следующей за пушкинской традицией, толстовской, в изображении исторических лиц — метода снижения, который классик применил к образу Наполеона (пример, описание «жирной спины» Наполеона), в то время как современники Толстого — Д.С. Мережковский и М.А. Алданов — в своих исторических романах его использовали³⁵.

В начале января 1935 г. в секции критиков Союза писателей СССР состоялись две дискуссии о романе «Петр Первый». Стенограммы заседаний от 9 и 16 января 1935 г. сохранились в РГАЛИ³⁶. Вел оба заседания редактор Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ) И.М. Беспалов. В дискуссии 9 января принимали участие критики О.М. Брик, В.А. Катанян, С.Д. Кржижановский,

³¹ Мицкихин В. Политика обращена в прошлое // Профработник. Новосибирск, 1934. № 16. С. 36.

³² Левидов М.Ю. Алексей Толстой и его соавтор // Литературный критик. 1935. № 2. С. 136.

³³ Там же. С. 137.

³⁴ Там же. С. 140.

³⁵ См.: Там же. С. 141.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 39. 67 л.; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 40. 79 л.

М. Левидов, А. Лежнев, М.И. Серебрянский, В.Б. Шкловский, историк Г. Фридлянд. На втором заседании присутствовали московские (В.Р. Гриб) и ленинградские критики и филологи (И.Л. Гринберг, И.М. Зельцер, Р.Д. Мессер), а также литературовед, редактор Ленинградского отделения ГИХЛ Л.В. Цырлин.

Оба «диспута» осветил в обзорной статье журналист Я.Н. Эйдельман. Выступавшие В. Гриб, И. Беспалов, А. Лежнев, Р. Мессер, В. Гоффеншеф, В. Дынник, М. Серебрянский, В. Ермилов, Г. Серебрякова и др., по сообщению Эйдельмана, говорили не только о причинах ошибок Толстого, но и отметили «положительную тенденцию его художественного развития»³⁷. Другие — О. Брик, М. Левидов, Г. Фридлянд, В. Черняк, В. Шкловский, В. Катанян, И. Зельцер — «Петра Первого» не приняли. «Это не исторический роман — это лишь фантазия на историческую тему», — приводил слова Брика Эйдельман³⁸. Основная претензия Брика к произведению заключалась в отсутствии в нем идейной концепции: Петр в романе, на взгляд критика, — царь-одиночка, так как другие фигуры не имеют самостоятельного значения.

Открывая дискуссии 9 января, Брик говорил о «Петре Первом»:

Роман Толстого, по-моему, написан с большим художественным мастерством. Очень интересен, очень увлекает, пользуется большим успехом в широких читательских кругах. Его читают, мало интересуясь соответствием повествования с фактами исторической действительности. Его читают, увлекаясь красочностью персонажей и их деятельностью. В героях романа видят, может быть, не исторических деятелей, видят вообще людей того времени, и, если бы это было просто фантазия на исторические темы о людях малоизвестных, вымышленных, о событиях не обязательно исторических, то, может быть, это, как вещь, характерная для эпохи, в какой-то части и могла бы иметь свое значение, но, поскольку Толстой сам подчеркивает и исторические события и персонажи, подчеркивает, что имеет дело с историческими событиями и людьми, такого рода неправдоподобная и неверная историческая концепция лишает роман того значения, который он мог бы иметь. Это фантазия на исторические темы, но не исторический роман³⁹.

³⁷ Эйдельман Я.Н. Москва за месяц // Литературный критик. 1935. № 2. С. 253.

³⁸ Там же. С. 254.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 39. Л. 12–13.

Развивая идею, предложенную еще И. Гринбергом в статье 1932 г., об обреченном на одиночество «человеке-герое, о создании которого мечтает А.Н. Толстой»⁴⁰, Брик назвал свой доклад «Повесть о царе-одиночке»:

Все остальные фигуры, выведенные в романе, никакой самостоятельной жизни не имеют. Они существуют, как будто только для того, чтобы еще лучше оттенить одиночество Петра. И благодаря этому вся концепция романа, историческая концепция получается чрезвычайно упрощенной, получается так, что есть Петр, великий преобразователь, около него несколько иностранцев и кучка случайных сподвижников-авантюристов <...> Только какие-то безродные деклассированные проходимцы и т. д. приветствуют преобразования Петра⁴¹.

Предваряя дальнейшие выступления, И. Беспалов сформулировал основные вопросы для обсуждения. Во-первых, вопрос о жанре исторического романа: насколько роман Толстого соответствует историческим материалам; во-вторых, каким должен быть советский исторический роман; в-третьих, вопрос о теме романа, о концепции: «есть там концепция — нет концепции»⁴². «Это три наиболее важных вопроса, которые должны зажечь критическую мысль», — подытожил он.

М. Левидов считал, что Петр не является героем романа, и называл произведение Толстого — «романом без героя», при создании которого автор увлекся методом карикатурного снижения образа, используя физиологические и натуралистические детали, не показал Петра, «познавшего необходимость преобразований и сумевшего эти преобразования совершить»⁴³:

Вы назвали это романом царя-одиночки. Если бы я хотел названием выразить свою мысль, я бы сказал — это роман без героя.

«Петр I» Толстого представляется мне потому неудовлетворительным, что там нет Петра. Там есть человек, называющийся

⁴⁰ Гринберг И.Л. Заметки о творчестве А.Н. Толстого (от «Петра Первого» до «Путешествия в другой мир») // Звезда. 1932. № 7. С. 185.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 39. Л. 2.

⁴² Там же. Л. 17.

⁴³ Эйдельман Я.Н. Москва за месяц. С. 254; см. также: Левидов М.Ю. Алексей Толстой и его соавтор. С. 130–150.

Петром, но нет подлинного Петра. И вот об этом позвольте мне сказать. Очень много социальной среды, очень хорошо дана социальная среда, и абсолютно отсутствует герой. Для меня и, я думаю, не только для меня, но и для многих других, основной жанр — не то, что жанр, а основной метод, которым надо работать исторический роман — это метод марксистский, который в данном случае в чем заключается? Как надо этот метод приложить к материалу, которым пользовался Толстой <...>

Я заметил, при каждом появлении Петра оно сопровождается либо тем, что у него конвульсии, либо у него грязные ногти или штанина порвана, или он рагочет, ощерился и т. д. Нет ни одного появления Петра, которое не было бы снижающей натуралистической деталью. И это у него снижающая деталь. Нет ни одного появления Петра, где бы он не был в этом смысле ошельмован. В самой трагичной обстановке: столкновение с действительностью, с боярами, с собственной женой, он дает Петра таким образом — карикатурно сниженным⁴⁴.

В. Шкловский обвинил Толстого в незнании истории России XVII в., ее технической оснащенности, в приверженности писателя «традиционной версии о второсортной стране», из которой «не вытекает Октябрьская революция»⁴⁵. Он говорил:

Полное незнание истории, конкретной истории, что такое была Россия 17-го века и ее недооценка и заодно недооценка Петра, но он лучший человек этой эпохи. Поэтому и производит впечатление некоторой двойственности. Двойственности никакой нет. Дикая, плохая страна с историческим Петром, который старается подтянуться. Полное непонимание⁴⁶.

В заключение Шкловский добавил об авторе «Петра»: «В то же время — это страшно талантливый человек. Этот роман для него не халтурный»⁴⁷.

В. Черняк полагал, что идейная концепция в романе есть, но она восходит к буржуазной историографии⁴⁸. В выборе фактов Толстой

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 39. Л. 22–23, 28.

⁴⁵ Эйдельман Я.Н. Москва за месяц. С. 254.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 39. Л. 66.

⁴⁷ Там же. Л. 67.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 40. Л. 4.

идет за С.Ф. Платоновым, в их освещении — за С.М. Соловьевым, метод снижения, натуралистическое изображение Петра заимствует у К. Валишевского. Р. Мессер не соглашалась с позицией «зубодробительного отношения к роману А. Толстого «Петр I»». В стенограмме дискуссии от 16 января приведены ее слова:

Я лично считаю, что в романе «Петр I» есть позиция, есть историческая концепция, носящая очень конкретный характер, реализованная в обрисовке персонажей, ситуаций и разработанная в сюжете романа.

«Петр I» — роман, большой по объему поднятых проблем. Недаром на его материале возникла возможность постановки общих проблем советского исторического романа. Этот роман играет роль как звено в цепи творчества А. Толстого. Это не праздный вопрос, а вопрос, относящийся к ряду проблемы исторического романа⁴⁹.

Достоинствами романа Мессер называла новый подход в соотношении хроники и драматургии, «т. е. в соотношении роли очень известных исторических событий и судеб индивидуальных, вымышленных или невымышленных героев»⁵⁰, и работу автора с исторической деталью, которая подчинена концепции романа (в качестве примера критик привела по-разному функционирующие в тексте батальные сцены)⁵¹. Однако, Мессер, «наиболее горячий защитник романа»⁵², признавала ограниченность исторической концепции автора: Толстой, по ее мнению, «не продумал до конца роль крестьянской революции в петровскую эпоху»⁵³.

Итоги дискуссии подвел И. Беспалов. Он отметил плодотворность сотрудничества историков и критиков в обсуждении проблем исторического романа, выразил надежду на привлечение писателей к дальнейшим дискуссиям и напомнил вопрос критика Л. Цырлина, оставшийся без ответа:

...почему появилось такое большое количество исторических романов и даже в Ленинграде, как он говорит, 3/4 писателей пишут исторические романы.

⁴⁹ Там же. Л. 12.

⁵⁰ Там же. Л. 23.

⁵¹ Там же. Л. 29–30.

⁵² Эйдельман Я.Н. Москва за месяц. С. 254.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 40. Л. 33.

(С места: Потому что о прошлом врать можно, а о современности нельзя.)

Я думаю, что это объясняется не этим, а какими-то другими интересными и важными причинами⁵⁴.

В дискуссиях 1934–1935 гг. лейтмотивом звучала мысль о том, что роман Толстого «Петр Первый» популярен, его читают, спрашивают в библиотеках, однако чем вызвана такая любовь народа к произведению без «твердой исторической концепции», не построенному «на фундаменте марксистско-ленинской теории»⁵⁵, — критики не могли объяснить. Не пытаясь разгадать тайну читательской любви, В. Катанян констатировал: «Конечно, Петра Первого у нас будут знать больше по Алексею Толстому, чем по Покровскому; Пугачева знают больше по “Капитанской дочке”, эпоху 1812 года — по “Воине и миру”; покорение Кавказа — по Пушкину, Лермонтову, Толстому. С этим фактом нельзя не считаться...»⁵⁶.

Литература

1. Акимова А.С. «Старался тот же Алексей...»: историческая концепция первой книги романа А.Н. Толстого «Петр Первый» в оценке советской критики // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69, № 4. В печати.

2. Старчаков А.О. Ал. Н. Толстой. Критический очерк. Л.: ГИХЛ, 1935. 116 с.

Research Article

“To Spark the Critical Idea”: Debates on A.N. Tolstoy’s Novel *Peter the Great* in 1934–1935

© 2020. Anna S. Akimova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: This study supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-18-00303 “Soviet Historical Narrative of the 1920s–30s: Content, Actors and Construction Mechanisms” (<https://rscf.ru/project/23-18-00303/>).

⁵⁴ Там же. Л. 79.

⁵⁵ Эйдельман Я.Н. Москва за месяц. С. 255.

⁵⁶ Катанян В.А. Что, собственно, было? // Знамя. 1934. № 11. С. 203–204.

Abstract: The article examines the literary and critical reviews devoted to the publication of the second book of the novel by A.N. Tolstoy *Peter the Great* in early 1934, as well as the materials of three discussions with the participation of Moscow and Leningrad critics and historians. The article discusses the main issues raised in the discussions, such as the problem of the genre of the Soviet historical novel, the historical concept and the image of Peter I. Two discussions about the historical novel *Peter the Great* were proposed by the Moscow journals *October* and *Literary Critic* in 1934. The other was held at the critics section in the Union of Soviet Writers in January 1935. Its brief review with selected quotations was published in the *Literary Critic* journal (1935, no. 2). More complete characteristics and assessments of the novel expressed during the discussion, which was attended by leading Soviet critics O.M. Brik, V.R. Grib, I.L. Grinberg, V.A. Katanyan, S.D. Krzhizhanovsky, M.Yu. Levidov, A. Lezhnev, R.D. Messer, M.I. Serebryansky, V.B. Shklovsky, etc. are introduced for the first time in scientific circulation, anticipating the publication of transcripts with scientific commentary and reference apparatus.

Keywords: literary criticism, Aleksey N. Tolstoy, the novel *Peter the Great*, debates on the historical novel.

Information about the author: Anna S. Akimova — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0732-1854>

E-mail: a.s.kimova@mail.ru

For citation: Akimova, A.S. “‘To Spark the Critical Idea’: Debates on A.N. Tolstoy’s Novel *Peter the Great* in 1934–1935.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 280–292. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-280-292>

References

1. Akimova, A.S. [“‘The Same Alexey Wrote...’: The Historical Concept of A.N. Tolstoy’s First Book *Peter the Great* in the Assessment of Soviet Criticism”]. *Vestnik slavianskikh kul’tur*, vol. 69, no. 4, 2023. In print. (In Russ.)

2. Starchakov, A.O. *Al. N. Tolstoi. Kriticheskii ocherk* [A. N. Tolstoy. *Critical Essay*]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1935. 116 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.05.2023

Одобрена после рецензирования: 14.06.2023

Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 12.05.2023

Approved after reviewing: 14.06.2023

Date of publication: 25.09.2023

«Уплывало семеро романтиков». Первая поездка группы советских журналистов в США эпохи «оттепели»

© 2023, О.И. Щербинина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации,
Москва, Россия

Аннотация: В статье анализируется поездка семерых советских журналистов в США по приглашению Госдепартамента в октябре-ноябре 1955 г. Возглавляемые Б. Полевым, делегаты стремились ознакомиться со «всем, чем гордится американский народ», проведя долгие часы в беседах с арizonскими фермерами, мормонами, переселенцами — поволжскими молоканами, индейцами и т. д. Хотя вставки этнографического характера играют весомую роль в травелогах, написанных по итогам поездки, в данной статье мы обращаемся к рассмотрению фактов литературной истории, а именно, встречам журналистов с писателями «прогрессивного лагеря», переговорам по выплате гонораров, полемике по поводу конкурентоспособности советской литературной продукции на американском рынке. Изнанка этих процессов раскрывается в документации для служебного пользования, отложившейся в российских архивах (РГАЛИ и РГАНИ). В приложении к статье публикуется отчет о поездке, направленный советскими журналистами в Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС.

Ключевые слова: советско-американские литературные контакты, Б. Полевой, Б. Изаков, Н. Грибачев, травелоги, холодная война и «оттепель», архивные материалы.

Информация об авторе: Ольга Ивановна Щербинина — младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 82, корп. 2, 119571 г. Москва Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2102-547X>

E-mail: olga-scherbinina24@mail.ru

Для цитирования: Щербинина О.И. «Уплывало семеро романтиков». Первая поездка группы советских журналистов в США эпохи «оттепели» // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 293–322. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-293-322>

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Летом 1955 г. состоялся первый раунд Женевских переговоров, в ходе которых СССР, США, Великобритания и Франция заявили о готовности преодолеть международную напряженность и разрушить барьеры, воздвигнутые холодной войной. «Дух Женевы» единодушно приветствовали в СССР: с передовиц советских газет не сходили призывы к «взаимному доверию», «честному сотрудничеству», «победе сил мира»¹. В числе прочего страны договорились о возобновлении тесных писательских, научных и студенческих контактов. И хотя базовое советско-американское соглашение было заключено только в 1958 г.², обмен делегациями стартовал уже в 1955 г. Так, в 1955 г. СССР посетили ветераны встречи на Эльбе, американские фермеры, пересекшие страну от Кавказа до Новосибирска, а также возглавляемые Уильямом Рэндольфом Херстом журналисты, взявшие интервью у представителей советского руководства — Молотова, Хрущева, Жукова и Булганина. В свою очередь, в США отправилась советская делегация под руководством министра сельского хозяйства В. Мацкевича. Большое турне семерых журналистов ведущих периодических изданий СССР, состоявшееся в октябре-ноябре 1955 г. по приглашению Госдепартамента, вошло в ряд подобных инициатив.

Более чем за месяц Б.Н. Полевой, Б.Р. Изаков, А.И. Аджубей, Н.М. Грибачев, А.В. Софронов, В.В. Полторацкий, В.М. Бережков пересекли Штаты с Востока на Запад и обратно, побывав в Нью-Йорке, Кливленде, Солт-Лейк-Сити, Рено, Виргинии-Сити, Сан-Франциско, Лос-Анжелесе, Фениксе, Вашингтоне. В глазах американцев эти

¹ Женевское совещание положило начало новому этапу в международных отношениях // Правда. 1955. 25 июля.

² Так называемое «соглашение Лейси-Зарубина». См.: Agreement Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical and Educational Fields. URL: <https://api.bigenc.ru/storage/14d9d3efeaba917190feb0edcd9b8b86.pdf> (дата обращения: 02.06.2023).

семеро выглядели «хорошо сыграншейся футбольной командой»³, однако в реальности каждый из них являлся весьма своеобразной фигурой: Б. Полевой — председатель Иностранной комиссии Союза Советских писателей; «автоматчик партии» Н. Грибачев и убежденный сталинист А. Софронов, дважды лауреат Сталинской премии (оба принимали активное участие в кампании против космополитов и в травле Пастернака); Б. Изаков — известный международник, оказавшийся «не у дел из-за пятого пункта»⁴; В. Полторацкий — также лауреат Сталинской премии, знавший «по-английски всего одно слово — “йес”»⁵; А. Аджубей — яркий журналист-реформатор, «считавший себя частью партийной номенклатуры»⁶; В. Бережков — представитель «Нового времени», переводчик Сталина в годы Второй мировой войны. По горячим следам, обращаясь к еще живым впечатлениям, вояжеры написали ряд заметок для изданий, от которых были командированы⁷, а также выпустили несколько травелогов⁸. В них ответственные работники советской печати попытались предстать ироничными любопытствующими путешественниками, подбадривающими себя «коллективно-самодеятельными песенками», типа такой:

По бушующим волнам Атлантики,
Получив в редакциях аванс,
Уплывало семеро романтиков
Пакетботом «Иль де Франс».

Здравствуй, ветра песенка печальная,
Терпкий вкус бургундского вина,
Путь-дорога трансконтинентальная
И чужая сторона.

.....⁹

³ *Изаков Б.* Летучие годы, дальние края. От 20-х до 80-х: Записки старого журналиста. М.: Политиздат, 1988. С. 274.

⁴ *Черная Л.* Косой дождь. М.: НЛО, 2015. С. 383.

⁵ *Полевой Б.* Американские дневники. М.: Сов. писатель, 1956. С. 200.

⁶ *Поляновский Э.* Пять принципов Алексея Аджубея // Известия. 2004. 9 января.

⁷ Например: *Полевой Б.* Фермер из Аризоны // Правда. 1955. 23 ноября; От океана до океана // Правда. 1955. 16 декабря; Откровенный разговор // Правда. 1956. 9 января; *Изаков Б.* Пять встреч // Советская культура. 1955. 15 декабря; *Полторацкий В.* 5000 миль по США // Известия. 1955. 18 ноября. Очерки Н. Грибачева появлялись в специальной рубрике на страницах «Литературной газеты».

⁸ «Американские дневники» Б. Полевого, «Серебряная кошка» А. Аджубея, «Семеро в Америке» Н. Грибачева, «Америка как таковая» А. Софронова.

⁹ *Аджубей А.* Серебряная кошка. М.: Молодая гвардия, 1956. С. 13.

Материалы этой литературно-журналистской командировки (в том числе, ряд архивных документов) уже привлекали внимание американских и отечественных историков. В своих монографиях и статьях они останавливались на ряде сюжетов, отобранных в соответствии с задачами своего исследования¹⁰. Рассматривая этот материал с позиции истории литературы, а не социальной истории, мы проанализируем эффект, произведенный поездкой советских журналистов на «литературные поля» в США и СССР.

С началом оттепели в СССР жертвы антизападной сталинской кампании — «буржуазные» писатели и «рenegаты», такие как Э. Хемингуэй, Дж. Стейнбек, Э. Колдуэлл, У. Фолкнер, стали возвращаться в печать. Тектонические сдвиги таких масштабов не всегда осуществлялись по команде, спущенной «сверху». Энтузиасты на местах — переводчики, редакторы журналов, либерально настроенные критики «раскачивали лодку», пытаясь познакомить советского читателя с современной иностранной литературой.

Свою лепту в дело «реабилитации» американских писателей внесли и представители побывавшей в США делегации. В этом процессе они оказались и исполнителями уже оформившегося запроса на десталинизацию и интересантами, преследовавшими свою личную и профессиональную цель. Так, вплоть до осени 1955 г. в столе у Б. Изакова и его жены Е. Голышевой — давних поклонников творчества Э. Хемингуэя, пылился перевод повести «Старик и море», выполненный в 1952 г. «на свой страх и риск, без всякого заказа и без надежды на заказ» [2, с. 38]. После смерти Сталина, набравшись смелости, Б. Изаков и Е. Голышева решительно заявили: «Мы считаем, что повесть Э. Хемингуэя “Старик и море” не получила справедливой оценки со стороны левой критики в США, отозвавшейся о ней недоброжелательно. Наряду с сектантским подходом к произведению писателя другого направления, в этом, вероятно, сказалась и сила инерции: поскольку Хемингуэя в прошлом критиковали за ряд его произведений, кое-кто не смог отрешиться от привычного подхода к нему и при оценке новой книги. Между тем, каждое новое произведение любого писателя заслуживает самостоятельного и объективного разбора»¹¹. В сентябре 1955 г. перевод

¹⁰ О работе отделений ТАСС в Америке и устаревших советских пропагандистских практиках написала Дина Файнберг в книге о корреспондентах холодной войны [6]. В 2019 г. появилась монография Розы Магнусдоттир, в которой освещались тезисы коллективного отчета семерых писателей в ЦК КПСС, касающиеся советских посольств и дипломатов, центра информации для иностранных корреспондентов в Москве, «Аэрофлота», приема иностранных граждан в СССР [7].

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 4. Ед. хр. 1261. Л. 2.

уже был напечатан¹², но большая работа по освоению творческого наследия Хемингуэя была еще впереди — и эту перспективу Б. Изаков, надеявшийся на возвращение своего кумира в орбиту советского интереса, всячески приветствовал. Воздвигнутые холодной войной барьеры мешали и Б. Полевому выполнять свои рабочие обязанности. Почти весь 1954 г., предшествовавший поездке, он работал над подготовкой Второго съезда советских писателей, однако обеспечить массовое присутствие американских авторов на съезде ему не удалось. В интервью «Литературной газете» Полевой объяснялся: «Жаль, конечно, что до сих пор культурное общение с этой большой и интересной страной все еще затруднено. Мы приглашали в свое время американских писателей принять участие в нашем съезде, в различных культурных юбилеях и просто погостить. Почти во всех случаях мы получали самые добрые ответы. Но, к сожалению, эти писатели не смогли приехать к нам по причинам, от них не зависящим»¹³.

В этом контексте предложение Б. Полевого возродить тесные связи с американскими писателями кажется обусловленным всей логикой «оттепельных» реформ. В записке для служебного пользования по итогам поездки в США он предлагал Союзу писателей пересмотреть советскую издательскую политику: «За последнее время в американской литературе наметились некоторые сдвиги. В творчестве крупнейших буржуазных писателей — Эрнест Хемингуэй, Уильям Фолкнер, Артур Миллер, Лилиан Хеллман и др. — стала сильнее звучать антивоенная и социальная темы. Наши издательства и журналы, и в первую очередь Издательство иностранной литературы, проходят мимо этих явлений, заслуживающих моральной поддержки путём публикации такого рода произведений в СССР»¹⁴.

В своих травелогах участники делегации закрепляли статус рукопожатных для авторов, которых в советской прессе еще недавно поливали грязью. Уважительно-сдержанно о них высказался даже «ортодокс» Н. Грибачев: «Нам так и не удалось повидать Хемингуэя. Мы много слышали о его общительности и гостеприимстве, но, по одним сведениям, он находился в это время на Кубе, по другим — плавал где-то на своей яхте. Страстный рыбак и путешественник, он редко живет на одном месте. По этой причине и не состоялась

¹² Хемингуэй Э. Старик и море / пер. Е. Голышевой и Б. Изакова // Иностранная литература. 1955. № 3. С. 95–136.

¹³ Полевой Б. О международных литературных связях советских писателей // Литературная газета. 1956. 15 марта.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3826. Л. 18.

наша встреча. Стейнбек, автор книги “Гроздь гнева”, книги, широко известной советским читателям, живет в южных штатах. По причинам, нам неизвестным, посещение этих штатов иностранцами не поощряется. Мы были иностранцами — этим все сказано»¹⁵. Примечательно, что через четыре года, планируя дальнейшие поездки советских писателей в США, советская сторона будет добиваться встречи с крупнейшими «буржуазными» писателями на самом высоком административном уровне. Об этом свидетельствует беседа 1-го секретаря посольства СССР в США М.П. Федорина с представителями Госдепартамента, который от лица советских литераторов просил организовать встречи с У. Фолкнером, Дж. Стейнбеком, А. Маклишем, Л. Хьюзом, К. Сенбергом, А. Миллером, Л. Хеллман, Дж. Керуаком, Э. Симонсом, А. Кейзинсом и П. Чаевским¹⁶.

Если «реабилитации» таких фигур, как Хемингуэй и Стейнбек, «семеро» способствовали лишь косвенным образом, то возвращение «маленькой старушки» Л.Э. Войнич в жизнь советских читателей состоялось исключительно благодаря их посредничеству. По наводке филолога и переводчицы Е. Таратуты журналисты отыскивали живого классика, которой на тот момент исполнился 91 год. Свидетели и очевидцы, имевшие отношение к этому сюжету, признавали: встреча с Войнич — колоссальная удача и результат счастливых совпадений. Еще до поездки своих коллег в США Таратута напечатала статью о творчестве писательницы. В ней она удивлялась непостижимой загадке полного забвения ее имени в США: «Книги о Войнич нет, нет и статей. У себя на родине она забыта. В огромной и подробнейшей Британской Энциклопедии о Э.Л. Войнич нет ни одной строчки. В трудах по истории американской литературы ее имя никогда не упоминается. Книги ее не переиздаются. Да и у нас при всей популярности “Овода” о его авторе известно тоже очень немного»¹⁷. В Нью-Йорке тем временем П.П. Борисов, сотрудник советской миссии в ООН, дававший частные уроки русского языка, предложил своей американской ученице ради практики прочитать статью Таратуты. На удивление оказалось, что ученица лично знала Л.Э. Войнич. В результате Борисов разыскал писательницу, и та пригласила советских журналистов к себе в гости. А. Аджубей, Н. Грибачев и Б. Полевой посвятили отдельные главы своих трагедий памятной встрече с Войнич, которая и не подозревала о своей

¹⁵ Грибачев Н. Путешествия. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 97.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3985. Л. 2.

¹⁷ Таратута Е. Роман «Овод» и его автор // Огонек. 1955. Апрель. С. 25.

популярности в СССР. Н. Грибачев заверил советских читателей в том, что десятилетия спустя историческая справедливость была восстановлена и Войнич получила «советские издания ее романа, гонорар, копию фильма “Овод” и узкоплечный киноаппарат для его демонстрации»¹⁸. С тех пор связь с Войнич не обрывалась. В мае 1956 г. она отправила в СССР свой последний роман «Сними обувь твою», фотопленки, 20 страниц ответов на вопросы Таратуты о своем творчестве¹⁹, в 1958 г. вышел двухтомник ее избранных произведений, а в 1959 г. Б. Полевой приглашал ее на 3-й Съезд советских писателей²⁰.

Во время своего турне долгие часы советские литераторы провели в беседах с представителями «прогрессивного лагеря». Делегация посетила П. Робсона, Г. Фаста, Л. Фейхтвангера, А. Кана, М. Голда. Как следует из коллективного отчета, «дружественные» авторы не довольствовались символическим капиталом, которым СССР щедро расплачивался за их сочинения. Литераторы требовали денежных выплат: «На встречах с прогрессивными писателями Америки тяжелым моментом был разговор о гонораре. Всё это люди, которые из-за своих убеждений, из-за дружбы с Советским Союзом дискриминированы, лишены возможности издаваться на родине, а если издаются, то доходы их в связи с блокадой книгопродавцев мизерные. Из Советского же Союза гонорары присылаются лишь после нескольких унижительных просьб и напоминаний, а то и не высылаются вовсе»²¹.

Было ли финансовое положение «друзей СССР» в Америке патовым и насколько адекватное представление о нем могли составить представители журналистской делегации? С одной стороны, все семеро транслировали штампы советской пропаганды, использовавшей тезис о тяготах жизни «прогрессивных» зарубежных деятелей как важный идеологический козырь. В своих травелогах Н. Грибачев и А. Софронов воспроизводили этот нарратив: «в США талантливому публицисту Майклу Голду приходится работать на конвейере, чтобы свести концы с концами, а Полку Робсону и Говарду Фасту рассчитывать каждый доллар»²²; «Майкл Голд — седой худощавый человек, по внешнему виду которого можно было сразу определить, что ему не сладко живется. Еще бы! Этот любящий свою страну, широко известный в мире писатель, вместо того чтобы целиком отдаться

¹⁸ *Грибачев Н.* Путешествия. С. 97.

¹⁹ *Таратута Е.* Наш друг Этель Лилиан Войнич. Москва: Правда, 1957. С. 16.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4003.

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 734. Л. 145. См. Приложение.

²² *Грибачев Н.* Путешествия. С. 91.

литературному труду, вынужден работать на заводском конвейере»²³. Кроме того, авторы травелогов нарочито подчеркивали простоту жизненного уклада своих американских коллег: в доме Фастов они не нашли «ничего показного»²⁴, а вилла Фейхтвангера с видом на Тихий океан казалась им «маленьким домиком на берегу», в котором вместо стен стояли книжные полки²⁵.

С другой стороны, представление о своем бедственном финансовом положении поддерживали и сами американские писатели — жертвы маккартистских преследований. Попав в «черные списки» и лишившись выгодных контрактов, они терпели большие расходы, связанные с партийной деятельностью. Им требовались деньги «для массовых демонстраций, для судебных процессов, на оплату адвокатов и на плакаты для пикетчиков, на почтовые и организационные расходы, на периодическую печать и на тысячи других вещей»²⁶. Причитавшиеся им советские гонорары могли оказаться значительным финансовым подспорьем, поэтому они выражали надежду на личное посредничество своих влиятельных советских визави в этом вопросе.

Иногда ради своих честно заработанных денег прогрессивным американским писателям приходилось идти на манипуляции и шантаж. Так, в коллективном отчете журналисты докладывали ЦК: «Следовало бы перевести какие-нибудь суммы драматургу Лириан Хеллман, которая настолько возмущена отсутствием гонорара из Советского Союза, что отказалась встречаться с советской делегацией, и мы едва уговорили ее не обращаться тут же по этому поводу к печати и не устраивать скандала»²⁷. По-видимому, свои деньги Хеллман смогла получить только в 1966 г., когда лично приехала в Москву: вместе с сотрудницей Иностранной комиссии Союза писателей Фридой Лурье она явилась в бухгалтерию, где ей выдали десять пачек рублей за издание пьес, но не за их постановку в театре²⁸.

Еще более сложную игру вел Г. Фаст. В личной переписке с Б. Полевым он с завистью размышлял о беспрецедентных привилегиях советской творческой интеллигенции, у которой, в отличие от

²³ Софронов А. Собр. соч. М.: Искусство, 1972. Т. 5. С. 285.

²⁴ Полевой Б. Американские дневники. С. 351.

²⁵ Аджубей А. Серебряная кошка. С. 97.

²⁶ Г. Фаст — П. Павленко. 26 апреля 1951 г. Цит. по: [4, с. 313].

²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 734. Л. 145. См. Приложение.

²⁸ Хеллман Л. Сырой материал: Мемуары: Главы из книги / пер. с англ. М. Кан // Иностранная литература. 1999. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1999/9/syroj-material.html> (дата обращения: 23.06.2023).

американских литераторов, были «время и деньги, чтобы писать»²⁹. Сокрушаясь о своей беспросветной нищете, Фаст приbedнялся. В 1950-х г. уровень его дохода позволял арендовать просторные апартаменты на Манхэттене, отправлять детей в летние лагеря, регулярно устраивать домашние вечеринки и даже держать прислугу [8, р. 297]. Не случайно и то, что открытый разрыв писателя с коммунистическим движением пришелся на февраль 1957 г. К тому времени СССР сполна расплатился с Фастом, перечислив ему 20 000 \$ Сталинской премии, а также солидный гонорар за издание романа «Спартак». Впоследствии корыстные мотивы ренегатства Фаста будут вскрывать Б. Изаков и Н. Грибачев, с которыми в 1955 г. он делил дружескую трапезу в маленькой, но уютной нью-йоркской квартире П. Робсона. В своей разгромной статье Б. Изаков вспоминал, как во время поездки в Америку их делегация посетила могилу Вашингтона: «Я упомянул об историческом романе “Непобежденные”, в котором выведен генерал Вашингтон, и назвал его автора. Говард Фаст. “Говард Фаст? — переспросили корреспонденты. — Кто он такой?” Ни один из них не знал этого имени. Сегодня же Говарду Фасту делают в Америке пышную рекламу. Жить ему будет доходней и прелестней»³⁰. В свою очередь, Н. Грибачев успокаивал советских читателей: заработать на клевете и отступничестве Фасту, «крякающей подсадной утке мистера Даллеса», не удастся, так как его книга «Обнаженный идол», представляющая собой «197 страниц интеллектуальной окрошки и эклектической неразберихи», не оправдала надежд буржуазной печати, и даже ее первый тираж вряд ли разойдется»³¹.

Обвиняя Фаста в пропаганде американского образа жизни, означавшего «истерию войны и гонки вооружений, атомные авантюры, новый колониализм и старый расизм, высшую в мире статистику преступлений, патологические и растлевающие юношество фильмы, новую волну обездоленных с новым приливом безработицы, упадок образования и многое, многое другое»³², Н. Грибачев забывал урок, который делегаты вынесли из своей поездки. В коллективном отчете в ЦК они признавали устарелость антиамериканских пропагандистских клише: «Мы убедились, как нам вредит плохое знание американской жизни, поверхностное, вульгарное освещение процессов,

²⁹ Г. Фаст – Б. Полевому. 29 апреля 1955 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3845.

³⁰ *Изаков Б.* Две исповеди Говарда Фаста // Иностранная литература. 1958. № 2. С. 218.

³¹ *Грибачев Н.* Говард Фаст — псаломщик ревизионизма // Литературная газета. 1958. 30 января.

³² Там же.

как мешают установлению добрых отношений наше всегдашнее педалирование на темные стороны американской жизни, проводящееся к тому же в духе бесконечного повторения одних и тех же устаревших мотивов»³³. В случае с Фастом обещание отказаться от «публицистических ухарств» делегаты не сдержали — уж слишком далеко зашел и дорого стоил этот «взбесившийся мелкий буржуа»³⁴. Тем не менее, опубликованные по итогам поездки материалы были, как и условились между собой коллеги-журналисты, «строго выдержаны в духе Женевы». Авторы травелогов стремились «не уступить ни одной из принципиальных позиций и при этом осветить наиболее интересные достижения американского народа»³⁵.

К принципиальным позициям, поступиться которыми советская сторона была не готова, относились следующие аксиомы: в Советском союзе нет антисемитизма, концлагерей и «черных воронок», арестовывающих людей по ночам. Говоря о литературе, делегаты сообщали, что советские писатели были вольны выбирать интересующие их темы без оглядки на партию. По словам Полевого, присутствие партии в жизни литератора имело не полицейский, а стимулирующий характер. Так, например, именно благодаря партии, указавшей на вредоносность «теории бесконфликтности», писатели смогли обратиться к изображению «правды жизни» со всеми ее противоречиями³⁶.

В интервью американскому журналисту Полевой и Бережков прославляли советских дух самокритики, пронизывавший все сферы общественной жизни. Они утверждали, что пресса может свободно критиковать членов ЦК, «Известия» — «Правду», писатель — редактора и т. д. На представителей западного мира это правило не распространялось, о чем свидетельствует встреча с Глебом Струве, профессором Калифорнийского университета, «белоземгрантом», осуждавшем советскую литературу за скуку, однообразие и серость. Из плоскости научной дискуссии разговор Струве с делегатами о литературных новинках быстро перешел в брань. Вспоминая эту встречу, Н. Грибачев негодовал, зачем их посадили рядом с сыном ренегата, от которого «разило, как от бочки с протухшей свиной»: «Полевой пытался терпеть, отвечая вежливыми шпильками. Глеб

³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 734. Л. 134–135. См. Приложение.

³⁴ Петров А. «Эх, Говард!» (История одного неотправленного письма) // Знамя. 1992. № 8. С. 177.

³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 734. Л. 137.

³⁶ A Quiz of Russia's Opinion Makers // U.S. News and World Report. 1955. November 11. P. 84.

Струве наглед и в конце концов заявил, что он ненавидит и советских людей и советскую литературу. Тогда, соблюдая полный декорум вежливости, Полевой сказал ему: “Можете продолжать в том же духе... Но в советской литературе вы разбираетесь не более, чем евнух в вопросах любви!”³⁷.

При всей предвзятости «семеро романтиков» не могли отрицать, что советская литературная продукция неконкурентоспособна на американском рынке: «В неоднократных беседах о распространении советских книг и журналов в Америке выяснилось, что общество “Межкнига” не занимается пропагандой и рекламой советских изданий. Рассылаются только списки, в которых указывается фамилия автора, название книги и количество страниц. О журнале в лучшем случае указывается, какие вопросы и как он освещает, каким спросом у населения пользуется, какие статьи или какие произведения видных авторов в нём публикуются. Один из прогрессивных издателей в Нью-Йорке заявил, что при таких условиях переводить книги и распространять журналы в Америке невозможно. “Нужно рассказывать об авторе, о содержании, о том, в каком тираже книга разошлась и какие отклики прессы получила”, — сказал он. Библиотеки в Америке, которые получают советские книги для справок, жалуются, что книги издаются в безвкусных переплетах, которые коробятся и пахнут клеем, что фотографии и портреты излишне ретушируются, в результате чего лица пожилых людей выглядят, как лица подростков, а фотографии теряют убедительность и достоверность жизненных документов», — констатировал в служебной записке Б. Полевой³⁸.

Несмотря на неудовлетворительную работу «Межкниги», именно это агентство обладало государственной монополией на экспортно-импортные торговые операции с литературной продукцией. Поэтому, когда Б. Полевой задумался над изданием своих «Американских дневников» в США, ему не оставалось другого выбора, кроме как обратиться к посредничеству «Межкниги». В письме Г. Фасту Полевой сообщал: «Получил письмо из Нью-Йорка от г-на Эдвина С. Смита, который сообщил мне, что к нам вскоре приезжает г-н Эллиот Макрай, главный редактор издательства “Е.П. Даттен энд компани”. Г-н Смит пишет, что передал ему право на издание “Американских дневников”. Я, разумеется, не возражаю, чтобы они вышли в США, тем более, что господин Смит представ-

³⁷ Грибачев Н. Как зажигают свечку // Литературная газета. 1956. 7 января.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3826. Л. 11.

ляет А/О “Межкнига” в США»³⁹. Эллиот Макрай прибыл в СССР в мае 1956 г., чтобы убедить Хрущева написать автобиографию. Все попытки связаться с советским лидером через посредников не привели к желаемому результату, и Макрай был вынужден вернуться ни с чем⁴⁰. На английском языке травелог Полевого так и не был издан, а вот в СССР он появился в журнальном варианте в «Октябре» и в 1956 г. — отдельной книгой. Как отмечал американский советолог, в «Американских дневниках» был создан самый привлекательный и достоверный образ Соединенных Штатов из всех доступных советской аудитории в постсталинскую эпоху [5, р. 298]. В том же 1956 г. вышли травелоги А. Аджубея и Н. Грибачева⁴¹. Впоследствии Грибачев снабдил первое издание книги парой уточняющих сносок, в которых он «с глубоким прискорбием» сообщал о выходе Фаста из компартии. Из травелога А. Софронова «Америка как таковая» все упоминания о Фасте были удалены. В числе участников вечеринки П. Робсона Софронов упоминал только «прогрессивных» публицистов А. Кана, Дж. Норса, Э. Смита и М. Голда⁴².

Все семеро делегатов позже неоднократно посещали США. В апреле 1958 г. Б. Полевой прибыл в Америку в составе делегации ветеранов Второй мировой войны, Н. Грибачев и А. Аджубей — в сентябре 1959 г. вместе с Хрущевым, А. Софронов — в 1964 г. в составе делегации шестнадцати деятелей культуры, Б. Изаков, работая членом редколлегии журнала «США — экономика, политика, идеология», не раз ездил в командировки в США в середине

³⁹ Б. Полевой — Г. Фасту. Май 1956 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3845.

⁴⁰ См. *Kalb M.L. The Birth of Victory* // *Saturday Review*. 1960. 27 February. P. 21. Интерес к советской литературе Макрая не угасал, и в 1957 г. он подписал контракт с В. Дудинцевым, который согласился разрешить «E.P. Dutten & Co» выпустить его роман «Не хлебом единым» в США. В 1958 г. издательство купило эксклюзивные права на продажу в США военной переписки Сталина, которая вышла в печати годом раньше. См.: *Correspondence between the Chairman of the Council of Ministers of the U.S.S.R. and the Presidents of the U.S.A. and the Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War of 1941–1945*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1957. 412 с. В 1959 г. после триумфального турне Хрущева по США «E.P. Dutten & Co» напечатало собрание речей, выступлений и интервью советского лидера. См.: *Khrushchev N. For Victory in Peaceful Competition with Capitalism*. New York: E.P. Dutten & Co, 1960. 842 p.

⁴¹ Его книга во многом строится на цикле статей, опубликованных в «Литературной газете»: «Через океан» (3 декабря 1955), «Среди небоскребов» (8 декабря 1955), «Кливлендские контрасты» (13 декабря 1955), «Три кита Лос-Анжелоса» (27 декабря 1955), «Как зажигают свечку» (7 января 1956), «Улетаю из Аризоны» (12 января 1956), «В Вашингтоне» (21 января 1956).

⁴² *Софронов А.* На пяти континентах. Путешествия и встречи. М.: Сов. писатель, 1958. С. 405–406.

1960-х – 1970-е гг., В. Бережков, исполняя обязанности главреда того же журнала, подолгу жил в Америке, куда в итоге эмигрировал.

Командировка «семерых» в США в 1955 г. положила начало интенсивным культурным обменам, проходившим вплоть до конца 1980-х гг. Особый интерес для историка литературы представляют поездки писателей, которые в «оттепельную» эпоху приезжали «в гости» к советской власти (Дж. Стейнбек, Р. Фрост, А. Гинзберг, У. Сароян, Дж. Олдридж, Т. Капоте, Л. Хеллман, А. Миллер, П. Вирек, И. Стоун, А. Кан, Ф. Боноски, Г. Аптекарь и т. д.), и ответные визиты советских авторов (Е. Евтушенко, В. Катаева, В. Розова, Ю. Трифонова, В. Коротича, Ч. Айтматова и др.). Материал, относящийся к теме литературных обменов, чрезвычайно обширен: это хранящиеся в архивах переписки с Инкомиссией Союза писателей, журналами, издательствами, театрами, личная корреспонденция, стенограммы творческих встреч и литературных бесед, отчеты и записки советских гидов, сопровождавших американских писателей в СССР, и многое другое. Описать динамично менявшийся литературный ландшафт послесталинской эпохи невозможно без этих принципиально значимых литературных фактов. Курсирование делегаций по маршруту «Нью-Йорк — Москва» и обратно оказывало значительное влияние на советское и американское литературные поля: менялись позиции агентов, перенаправлялись потоки капитала, возникали новые тексты (травелоги, журнальные статьи, интервью), закреплявшие смену нарратива — и поездка семерых журналистов ведущих советских газет не стала исключением из этого правила.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В ЦК КПСС

О Т Ч Е Т

о поездке делегации советских журналистов по США

Делегация советских журналистов в составе А. Аджубея («Комсомольская правда»), В. Бережкова («Новое время»), Н. Грибачева («Литературная газета»), Б. Исакова («Международная жизнь»), А. Софронова («Огонек»), Б. Полевого («Правда» — глава делегации) и В. Полторацкого («Известия») в течение 33-х дней совершила большую поездку по

Соединённым Штатам, дважды, по различным маршрутам, пересекла страну от океана до океана. Следуя полученной директиве, делегация в основном придерживалась маршрута, заранее предложенного Госдепартаментом и принятого нами. В этом маршруте только Чикаго был заменён поездкой в столицу мормонского штата Солт-Лейк-Сити, что мы были принуждены сделать в связи с тем, что сопровождавшие нас представители Госдепартамента после известного инцидента, происшедшего в Кливленде¹, заявили, что в Чикаго антисоветские демонстрации. Таким образом, в орбиту деятельности делегации вошли города: Нью-Йорк, Кливленд, Солт-Лейк-Сити, Сан-Франциско, Лос-Анжелес с Голливудом, Феникс и Вашингтон, где официально закончилась поездка, причем в каждом из этих пунктов делегация совершала выезды в окрестные поселки и фермы.

Во время поездки делегация ознакомилась с работой столичной и провинциальной печати, радио, телевидения, познакомилась с постановкой газетного дела и подготовкой журналистских кадров в Колумбийском и Калифорнийском университетах. Везде делегацию приветствовали и принимали владельцы, издатели и главные редакторы газет, телевизионных компаний, руководители кафедр, университетская профессура. При этом в их речах и приветственных словах неоднократно подчеркивалась желательность восстановления и укрепления культурных связей, обмена опытом, взаимного ознакомления и расширения обмена делегациями. В частности, профессура журналистских факультетов выразила желание обменяться опытом и завести постоянные контакты с теми советскими университетами, где идёт подготовка журналистских кадров.

В ходе поездки делегация старалась знакомиться с культурными сокровищами Америки, посещала музеи, картинные галереи, присутствовала на концертах лучших оркестров, выезжала на заводы и рудники, посещала фермы. Печать, как правило, широко и доброжелательно освещала эти посещения.

Выполняя директиву, делегация старалась, по возможности, использовать различные трибуны для публичных выступлений с разъяснением советской точки зрения по различным проблемам, для пропаганды советского образа жизни, политики сосуществования и мира. В каждом большом городе делегаты неоднократно устраивали пресс-конференции, выступали по радио и телевидению, давали радиointервью, выступали на публичных форумах-диспутах, ведя дискуссию с американскими журналистами. Причем на этих форумах, как это было, например, в Сан-Франциско, допускалась широкая публика. Характерно было то, что в этих спорах слушатели почти всегда поддерживали советских журналистов, явно выражая симпатии к советским ораторам. В заключение

поездки в Вашингтоне такой форум был устроен в помещении крупнейшей телевизионной компании. Участниками форума были советские делегаты и несколько вашингтонских журналистов, причем <теле>аудитория в этом случае, как писали газеты, составила пять миллионов человек. Аналогичная дискуссия была проведена также в столичном национальном пресс-клубе в присутствии пятисот журналистов. Мы и наши хозяева задавали друг другу вопросы и тут же отвечали на них. По требованию журналистов это собрание было продлено, причем ответы советских делегатов неизменно вызывали доброжелательную реакцию присутствующих. Характерно было и то, что несколько явно провокационных вопросов, посланных двумя изменниками родины Волковым² и Коряковым³, подвизающимися в американской печати, председатель собрания, он же президент пресс-клуба, не оглашая, спрятал в карман.

Опыт проведения таких публичных выступлений, а также большая тяга к ним со стороны американцев, говорят, как нам кажется, о том, что эти формы нужно практиковать, по возможности шире, при наличии, конечно, квалифицированных спорщиков с нашей стороны.

Выполняя директиву, делегация также выступала со статьями и интервью в печати, радио и по телевидению, используя и самые реакционные органы, в том числе херстовскую печать⁴, журнал Давида Лоуренса «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд рипорт»⁵, обычно занимающий во внешнеполитических вопросах антисоветскую позицию. Последний поместил интервью членов делегации, ответивших почти на сто вопросов. Это интервью размером в полтора печатных листа сооружалось корреспондентом этого журнала в течение нескольких дней. Каждое утро он получал из Вашингтона по телеграфу все новые дополнительные вопросы, которые, как полагала, вероятно, редакция, должны были поставить делегацию в тупик. В конечном счёте интервью было опубликовано и, как нам сказал впоследствии министр иностранных дел Чехословакии тов. Давид⁶, находящийся сейчас на сессии ООН, произвело в дипломатических кругах большое и серьёзное впечатление.

Вообще следует отметить, что печать — столичная и провинциальная — за редким исключением, хотя и в несколько странных порой, на наш взгляд, формах в общем объективно освещала пребывание делегации и охотно предоставляла трибуну для выступления советских делегатов, которые, к сожалению, из-за перегруженности программы не смогли ответить на приглашения многих газет написать для них. Всего за время пребывания делегации ей были посвящены сотни статей и заметок, которые мы дошли отдельно, как они только придут диппочтой. Был случай, когда весьма популярный журнал «Тайм», давая репортаж о пресс-конференции, проведённой делегацией

в Нью-Йорке, явно и преднамеренно исказил ответ делегатов, на что делегация ответила открытым письмом в редакцию, правда, журналом ещё не опубликованным⁷.

В плане, данном Госдепартаментом, не было предусмотрено общения делегатов с рядовыми американцами. Выполняя директиву, делегаты твёрдо поставили этот вопрос перед представителями Госдепартамента, сопровождавшими нас во всей этой поездке, и в результате почти все вечера делегация, разбившись на две и даже на три группы, проводила в семьях американцев. Это дало нам наиболее ценный материал о жизни и настроениях подлинной Америки, тем более что — в особенности на первом этапе — руководители поездки всячески старались, под разными предлогами, изолировать нас от общения с народом. Люди, к которым мы ездили в гости, были различны по своему социальному положению. Это были простые ремесленники, конторщики и миллионеры, редакторы и издатели крупнейших газет и рядовые литераторы, страховые агенты, мелкие фермеры и владельцы больших процветающих хозяйств и ранчо, тузы и заправилы Голливуда и рядовые артисты. Самым ценным нашим впечатлением от этого общения с американцами было то, что все, с кем нам довелось говорить, искренно приветствуют «дух Женевы», что хотя у многих из них не ликвидированы навеянные холодной войной опасения якобы коварных намерений Советского Союза (нам часто говорили: «Мы вас боимся»), тем не менее людям этим холодная война надоела, и все они высказывались за возобновление и расширение культурного общения, за обмен делегациями, за то, чтобы двери для туристов в обе страны были более открыты. Мы видели, что великое уважение, которое советский народ завоевал своим подвигом в дни второй мировой войны, не убито, что оно продолжает жить, и что чувства эти являются тем верным адресом, к которому должна обращаться наша пропаганда, направленная на восстановление взаимопонимания и доверия между народами. Можно с уверенностью заявить, что эти встречи с сотнями американцев в домашнем кругу, хотя американцы эти, несомненно, были предварительно процежены сквозь малое сито нашими спутниками из госдепа, происходили в дружественной обстановке и выявили стремление американцев дружить с Советским Союзом.

В то же время, в часы этих встреч гораздо выразительнее, чем во время встреч официальных, мы убедились, как нам вредит плохое знание американской жизни, поверхностное, вульгарное освещение процессов, происходящих в стране, и — в частности — поверхностный анализ её экономики, как мешает установлению добрых отношений наше всегдашнее педалирование на темные стороны американской

жизни, проводящееся к тому же в духе бесконечного повторения одних и тех же устаревших мотивов.

— Ради бога, не защищайте вы негров методами Бичер-Стоу, — сказал нам Поль Робсон⁸, в искренности которого, как нам кажется, сомневаться не приходится. — В негритянском вопросе всё гораздо сложнее, чем тогда. Сейчас нужно выступать — и резко выступать — вместе со всем миром по частным поводам, как например, по делу об убитом негритянском мальчике и оправдании судьями его убийц. Здесь вы будете выступать вместе со всем культурным человечеством. Но не надо писать, не разобравшись в этом деле, о проблеме дискриминации, так как за последнее время здесь буржуазия сделала ряд существенных уступок, чем американцы очень гордятся. Защита вообще негров от белых нам только вредит, а вас дискредитирует и ссорит с людьми.

Думается, что пришла пора пересмотреть систему пропаганды на американские темы, отказаться от всяческих публицистических ухарств и перейти к принципиальному, но глубокому и спокойному освещению проблем американской жизни. Началом такого освещения могло бы послужить печатание материалов членов делегации в их газетах и журналах, для чего, разумеется, нужен большой и серьезный предварительный разговор в Центральном Комитете <КПСС>.

Хочется отметить, что на всём пути следования делегации руководители провинциальной и столичной администрации — мэры городов, губернаторы штатов — встречали делегацию с подчеркнутым вниманием, беседовали с ней, охотно отвечали на вопросы журналистов и отвечали в духе взаимопонимания и дружбы. То же мы встретили в Торговой палате в Сан-Франциско и у отдельных финансистов и промышленников, как, например, у руководителя кливлендской финансовой группы, мультимиллионера Сайруса Итона⁹, и даже у такого человека, как руководитель весьма могущественной в США секты мормонов «пророка» Мак Кей¹⁰, который обычно иностранцев не принимает. Создавалось впечатление, что в предвидении улучшения американско-советских отношений все эти люди хотят подчеркнуть и занести в свой актив добрую встречу, которую они в своё время оказали одной из первых групп советских людей, приехавших в Соединённые Штаты. На эту мысль наталкивает и то обстоятельство, что эти встречи всегда становились достоянием репортёров и широко освещались в газетах.

Характерным кажется нам и такое обстоятельство: на всём пути своего следования делегация всё время как бы ощущала на себе влияние двух рук, возможно, принадлежавших одному организму, а именно — Госдепартаменту. Одна рука, в лице Фрэнка Клокхуна¹¹, всячески старалась содействовать успеху поездки, заботилась о том, чтобы мы

видели больше интересного, хотя, разумеется, положительного, заботилась о широкой и благожелательной прессе. Другая рука, представленная представителем той же организации Эдмундом Гленом¹², действуя, вероятно, независимо от первой, стремилась всячески гадить нам, несомненно, была прикосновенна к организации выступлений разнообразной шпаны, в виде т. н. «перемещённых лиц»¹³ из бывших власовцев, бандеровцев, эстонских и латышских националистов, и организации пикетов, хулиганских выходов. Насчёт организованности всех этих, якобы стихийных, выступлений у нас не было никаких сомнений, ибо они всегда следовали за самыми тёплыми и дружественными приёмами, оказанными нам, и несомненно, имели целью нейтрализовать то политическое впечатление, которое производило появление делегации в том или другом штате. Служили они также и оправданием того, что нам не следует (ибо это очень опасно!) отклоняться от данного нам маршрута, уезжать куда-нибудь без провожатых, и оправдало то, что за нами ходили дюжие детективы с карманами, оттопыренными огромными револьверами, как это было в Сан-Франциско и Фениксе. В Нью-Йорке нас, например, встретили 39 полицейских и три официальных детектива, в чем не было никакой нужды, так как в последующие дни мы ходили совершенно свободно, ни разу не встретив с чьей-либо стороны явно враждебные отношения или открытой неприязни.

Во всех разговорах с американцами, в выступлениях по радио, телевидению, в интервью, даваемых для печати, мы, соответственно директору, неизменно сохраняли простоту, дружеский тон и лишь однажды в провокационно устроенном нам разговоре с сенатором О'Махони¹⁴, организованным, к слову сказать, тем же Гленом, когда О'Махони позволил себе оскорбительный выпад против советской печати и высказал несколько невежественных суждений о советской конституции, мы принуждены были изменить тон и дать ему сердитый и обоснованный отпор, который на следующий день, к нашему удивлению, был объективно отмечен вашингтонской печатью.

Из прогрессивных культурных деятелей делегация посетила Поля Робсона, Говарда Фаста, Лиона Фейхтвангера, престарелого автора романа «Овод» Лилиан Войнич, виделась с Альбертом Каном¹⁵ и группой прогрессивных писателей и публицистов.

Материалы, собранные во время поездки, беседы с американцами, усиленное изучение обстановки, какое, конечно, не могло быть достаточно глубоким из-за ограниченности времени, позволяет нам вынести на рассмотрение следующие вопросы.

1. Нам кажется, что материалы, которые члены делегации будут публиковать в своих газетах и журналах, должны быть строго выдержаны

в духе Женевы, в духе достижения взаимопонимания между советским и американским народами, и должны быть написаны так, чтобы в какой-то мере задать тон новому освещению американской жизни. Не уступая ни одной из принципиальных идейных позиций, мы, как нам кажется, должны объективно осветить жизнь и наиболее интересные достижения американского народа. Помимо очерков в периодической печати, мы считаем целесообразным написать одну коллективную книжку о путешествии по Америке, которая могла бы быть издана и в США, что, конечно, не исключает того, что кто-нибудь из ездивших сам напишет со временем книгу.

Для осуществления этого мы просим санкционировать для членов делегации творческий отпуск, хотя бы на 3–4 недели, который они могли бы целиком посвятить написанию книги об Америке.

2. Нам кажется, что пора, наконец, по-настоящему научиться пропагандировать в Соединённых Штатах достижения советской политики и советского образа жизни. Опираясь на те очень ограниченные и изолированные от масс группы друзей Советского Союза, этого не достигнешь. Пора вырваться к широкой аудитории, а этого можно достичь, только коренным образом перестроив поведение советских граждан, находящихся в США.

На Западе принято, чтобы послы, ответственные работники посольств, передовые иностранные журналисты, аккредитованные в той или другой стране, время от времени выступали в крупнейших университетах, по радио, по телевидению с изложением точки зрения своей страны по тем или другим политическим вопросам, с рассказом о её достижениях, о её культуре, искусстве. По своему опыту мы можем сказать, что это не только возможно, но и необходимо для советских людей. В приглашениях для таких выступлений недостатка не будет. Между тем, за последние годы советские посольские работники, не говоря уже о журналистах, аккредитованных в Нью-Йорке и Вашингтоне, ни разу не использовали этой возможности. В международных журналистских кругах их за это зовут «раками-отшельниками». Мы спрашивали, почему так? Нам отвечали: А как же иначе, как мы можем сказать слово или дать тот или другой ответ, не согласовав предварительно текстов «наверху»? Беда в том, что люди совершенно разучились доверять собственной голове и собственным, подчас немалым, познаниям и совершенно забыли, что советские дипломаты и журналисты в тридцатых годах и, в особенности, во время войны в той же Америке широко использовали эти формы пропаганды советского образа жизни для установления взаимопонимания между народами. Здесь нужно что-то сделать и сделать решительно, ибо это касается не

только США, а и других капиталистических стран, и на этом мы много теряем и даём пищу для различных антисоветских легенд.

3. Нужно решительно укомплектовать отделение ТАСС в Нью-Йорке. В последнее время его сильно раскулачили, убрав оттуда руководителя этого отделения¹⁶, который, по отзывам журналистов, был весьма компетентным в американских делах. Теперь там все люди новые, слабо знающие язык и мало ориентированные в американской жизни¹⁷. Всё держится на трёх американцах. По заведенному в ТАССе, по нашему мнению, совершенно не соответствующему духу времени, порядку, работники его больше всего на свете боятся проявить какую-нибудь, хотя бы и самую добрую инициативу. На пресс-конференции они, как правило, молчат, вызывая этим всеобщее удивление среди журналистов. Это кажется невероятным, но это факт, что, когда на обычной еженедельной пресс-конференции у Эйзенхауэра представитель ТАСС рискнул задать президенту вопрос, журнал «Лайф» посвятил этому целую страницу, дав её под заголовком: «Эйзенхауэр впервые услышал голос Москвы». В материальном отношении ТАСС поставлен по сравнению с аналогичными зарубежными агентствами в нищенское положение. Сотрудники его ездят на совершенно устаревшей машине, построенной «на заре автомобилестроения», как отметила однажды одна из нью-йоркских газет. Здесь, в стране, где машина 1952 года считается устаревшей и продаётся с торгов за бесценок, езда на подобной «антилопе-гну»¹⁸ наносит ущерб уже политический. Один из руководителей Ассошиэйтед пресс, не раз бывавший в Советском Союзе, очень — и не без основания — советовал, чтобы в США для обмена опытом и для установления связей приехал бы с ответственным визитом тов. Пальгунов¹⁹. Мы тоже считаем, что это было бы интересно.

4. По статистике, добытой нашей делегацией и в полном объеме переданной нами в Советское посольство в Вашингтоне, 8–10 процентов граждан Соединённых Штатов являются выходцами с современной территории Советского Союза, в большинстве своём выходцами дореволюционными. До войны, и в особенности во время войны, между ними и их многочисленными родственниками в Советском Союзе шла более или менее регулярная переписка, которая, как нам на многих примерах удалось установить, являлась неплохим источником пропаганды советского образа жизни, пропаганды тем более убедительной, что шла она по неофициальным каналам от простых людей. С начала пятидесятых годов эта переписка почти прекратилась, и это является одной из основ для развертывания антисоветской агитации, одним из подтверждений легенды о «железном занавесе». Восстановление этой переписки, хотя

бы частичное, имело бы, по нашему мнению, огромное пропагандистское значение. Правильная же организация переписки, направление её в определённое русло сыграет огромную роль для пропаганды советского образа жизни, расположит многие тысячи людей к Советскому Союзу.

Параллельно с налаживанием индивидуальной переписки необходимо, по нашему мнению, чтобы различные наши культурные организации — студенческие и научные общества, музеи, филармонии, университеты, Красный Крест, женские и религиозные организации — взяли на себя инициативу обмена с соответствующими организациями США научными материалами, альбомами, литературой, опытом. В том случае, если ведомство почты США, как это имеет место, будет препятствовать доставке этих материалов, это будет лишь лишним козырем в наших руках и даст возможность и общественности США атаковать снизу и ведомство почты и установленные им порядки.

5. В Америке почти не издаётся советских книг, и происходит это не только потому, что буржуазные издатели отказываются это делать. Фаст, Кан и другие писатели говорили нам, что это происходит в значительной степени от того, что «Международная книга» не умеет рекламировать предлагаемые ею к изданию книги. Она посылает куцые списки с ничего не говорящими заглавиями. В Америке же для того, чтобы хорошую книгу рекомендовать, надо обязательно давать краткую и броскую аннотацию, указывая на успех книги у советского читателя, писать, какие отзывы и какую прессу книга получила и т. д. Кроме того, в библиотеках, которые мы посетили, жаловались, что Межкнига вообще равнодушно относится к различным запросам и либо вовсе на них не отвечает, либо отвечает сухо, казённо.

6. Во время пребывания в Голливуде и встреч с его руководящими деятелями мы рассказывали о том, с каким успехом в нашей стране проходили фестивали французских, итальянских, индийских фильмов²⁰. Сразу же возникал вопрос об организации в 1956 году фестиваля лучших американских кинофильмов, в обмен на соответствующий же фестиваль советских фильмов в Америке. Это поддерживалось горячо и артистами и руководителями студий, и теми, кого мы привыкли называть «заправилами» Голливуда. Говорилось, что они готовы приложить все силы, чтобы сломить любые рогатки для обмена подобными фестивалями. Думается, что было бы правильно устроить такой фестиваль, пригласив на него ведущих артистов, режиссёров, операторов. В индивидуальных беседах лучшие из них изъявили желание приехать в Советский Союз.

7. При изучении постановки дела на факультетах журналистики мы встретились с очень интересным, на наш взгляд, опытом подготовки журналистских кадров в Колумбийском университете. В отличие от

других университетов США — и увы! — от наших университетов, там в подборе слушателей этого ответственного факультета руководствуются способностями, проявленными юношей или девушкой к научному предмету, а также деловой рекомендацией трёх видных журналистов, ручающихся за профессиональные способности поступающего. Факультет журналистики существует как дополнительный, пятый курс, на который принимаются люди, окончившие другие гуманитарные факультеты, проявившие в ходе учёбы склонность к газетному делу. Учеба тесно связана с практикой, с работой в редакциях газет. Студенты всё время в учебном порядке сами выпускают свою газету, комплектуют её материалами, обрабатывают эти материалы, дают шапки, посылают в набор. Периодически бригады студентов в порядке практики направляются в провинцию и проводят там выпуск обычных провинциальных газет. Всё это требует более детального освещения, и мы, конечно, готовы его представить, если это потребует ЦК <КПСС>. Но думается, что применение этого опыта поможет связать наши журналистские факультеты с практической жизнью и превратить их из обычных гуманитарных факультетов, какими они являются сейчас, в действительную школу по воспитанию профессионально грамотных журналистов.

Ряд вопросов хотелось бы поставить перед ВОКС'ом, Интуристом и Аэрофлотом, работа которых, как показали нам беседы с американцами, побывавшими в Советском Союзе, значительно отстаёт от тех требований, которые предъявляет им теперь страна.

8. Фермер Джон Джекобс²¹, человек очень хорошо настроенный к Советскому Союзу, сделавший о поездке в СССР несколько интересных докладов и написавший около десяти статей, проникнутых духом дружелюбия и взаимопонимания, говорил нам, что Аэрофлот, как «ворота страны», никуда не годится. «Если ворота плохие, значит и на ферме ничего хорошего ждать нельзя — так всегда думают, — говорил Джекобс. — А ворота у вас очень неважные, несмотря на все достижения вашей науки и техники, в которых я сам убедился». В самом деле, иностранец, только что пролетевший часть пути по американским или европейским линиям, попав в Праге или Хельсинки на советский самолёт, сразу же видит резкую разницу в обслуживании. Мы уже не говорим о том, что наши «Иль» технически отстали от самолётов, которыми обслуживаются авиалинии капиталистических государств. Это давно известно. Речь идёт об обслуживании, о том, что включено в понятие «сервис». На любой зарубежной авиационной линии считается скандалом, если отправка самолёта задержалась на несколько минут. Наша делегация, которая прилетела через Швейцарию в Прагу, была вынуждена ожидать самолёта, вопреки расписанию, восемь часов из-за того,

что командир одного из экипажей накануне заболел. Никаких мер к тому, чтобы своевременно заменить его, принято не было: «чего вы волнуетесь, есть транзитная гостиница». Экипаж следующего рейса буквально «выпихнули» из Праги, заведомо с тем, чтобы он ночевал в Вильнюсе. Борт-проводницы на самолётах составляют резкий контраст со своими зарубежными коллегами. Они не знают языков, не могут предложить газет или журналов и вообще не обращают внимания на пассажиров. Завтраки подаются без салфеток, прямо в картонных коробках, причем еда не свежая, позавчерашняя, захваченная из Москвы и изрядно высохшая. Эти девушки рассказывали нам, что им на базах выдают сахар по кускам, по два кусочка на пассажира, чтобы не попасть в неловкое положение в том случае, если пассажиру вдруг захочется выпить два стакана чаю, девушки сами на свои деньги покупают сахар и чай. Это смешно, но это факт. Это скопидомство тем более не оправдано, что улучшение обслуживания пассажиров на советских авиалиниях можно было бы сделать за счёт удорожания билета, как это делают иностранные авиакомпании. Вопрос этот не новый. Некоторым из нас не раз уже приходилось писать на эту тему. Создаётся впечатление, что существующее руководство Аэрофлота не способно справиться с решением этой задачи, что сейчас, когда поток туристов движется в Советский Союз, наносит нам серьезный и даже политический ущерб.

9. В каждом, самом маленьком городе, куда бы мы ни приезжали, мы видели в киосках небольшую красочную брошюрку об этом городе, о его достопримечательностях, при которой была карта города с указанием отелей, театров, музеев, ресторанов, фотографии наиболее интересных зданий, видели открытки, которые приезжающие всегда покупают как сувениры. Многим из нас уже не раз доводилось писать о том, что даже в наших крупнейших центрах ничего подобного не существует, что даже в Москве только ещё раскачиваются с выпуском путеводителя. Теперь, когда поток туристов двинулся к нам в страну, нужно быстро решить этот вопрос, тем более, что затраты моментально окупятся, само это дело даст государству прибыли и послужит пропаганде наших достижений.

10. В связи же с этим стоит подумать об интересной форме приёма иностранных гостей, применённой в США, в частности, в отношении нашей делегации. Во всех городах делегацию встречали так называемые «местные комитеты по встрече иностранцев». Это группы людей, добровольно принявших на себя эту миссию. Во главе такого комитета стоял дежурный член комитета, обычно местный интеллигент, пользующийся известностью среди граждан. Вместе с комитетом он составлял примерный план поездки гостей, договаривался о приёме их в домах, о посещении театров и культурных учреждений. Несомненно, что он

действует в контакте с Госдепартаментом, но внешне это выглядело как нечто вполне добровольное, государственных органов не касающееся. В связи с усилением туризма, возможно, нам стоило бы создать подобные комитеты в наиболее посещаемых туристами городах. В них могли бы войти представители местных культурных организаций, знатные рабочие, колхозники, молодежь, знающая языки. Такой комитет помог бы установить более теплый контакт с гостями и устранял бы видимость организации контроля со стороны государства, что всегда плохо действует на представителей западных стран.

11. Особенно хочется поставить вопрос о том, что наши культурные организации оставляют без ответа просьбы и запросы соответствующих культурных организаций из-за рубежа, что нам очень вредит. В качестве примера можно привести следующее. Ежегодно старейшая нью-йоркская газета «Нью-Йорк гералд трибюн» устраивает своеобразный съезд школьников всего мира. Она приглашает из каждой страны по одному школьнику, знающему английский язык. Это школьник десятого класса. Он приглашается на три месяца и будет продолжать учебу в американской школе. Живёт он обычно в семье американца. По окончании учебы вся группа школьников путешествует по стране, потом её принимает президент Эйзенхауэр. В ходе учёбы и путешествия школьники обычно делают доклады о своей родине, о её достижениях, об образе жизни. В этом году, шесть месяцев назад, редакция послала соответствующее приглашение в Советский Союз. Характерно было, что, когда перед этим производился запрос у американцев — представителя какой страны они хотели бы принять в своей семье, подавляющее большинство выразило желание принять школьника Советского Союза. Можно по-разному относиться к этому мероприятию и возможно есть причины отказаться от него. Беда состоит в том, что за шесть месяцев наши организации не удосужились даже ответить на приглашение, что уже и послужило мотивом для ряда антисоветских выпадов. В любых случаях — ответ положительный или отрицательный должен быть обязательно дан вовремя.

12. При встречах с прогрессивными писателями Америки тяжёлым моментом был разговор о гонораре. Всё это люди, которые из-за своих убеждений, из-за дружбы с Советским Союзом дискриминированы, лишены возможности издаваться на родине, а если издаются, то доходы их в связи с блокадой книгопродавцов мизерные. Из Советского же Союза гонорары присылаются лишь после нескольких унижительных просьб и напоминаний, а то и не высылаются вовсе. В связи с этим просим рассмотреть вопрос о переводе Говарду Фасту денег за издание его книг «Подвиг Сакко и Ванцетти», «Сайлас Тимбермен» («Новый мир», Гослитиздат и И<ностранный> Л<итература>)²², Ллойд Брауну за

«Железный поток», опубликованный в ИЛ, Лиону Фейхтвангеру — за опубликование «Гойя» (вышел в ИЛ). Полю Робсону за исполнение его песен в концертах и по радио. На последнего обращаем особое внимание, ибо он недавно перенёс тяжёлую болезнь, во время которой истратил на лечение остатки своих средств, и сейчас он живёт на поддержку друзей. Это гордый человек, он не попросит для себя ни копейки, он даже возмущается, когда говоришь о гонораре. По общему отзыву друзей, послать ему гонорар нужно, и немедленно.

О высылке гонорара автору «Овода» Л. Войнич мы уже ставили вопрос. Следовало бы также перевести какие-нибудь суммы драматургу Лилиан Хеллман, которая настолько возмущена отсутствием гонорара из Советского Союза, что отказалась встречаться с советской делегацией, и мы едва уговорили её не обращаться тут же по этому поводу к печати и не устраивать скандала²³.

13. В связи с внесением нами на пресс-конференции в Вашингтонском пресс-клубе, по согласованию с соответствующими инстанциями, предложения об установлении премии американскому журналисту за деятельность, способствующую взаимопониманию между народами Советского Союза и Соединённых Штатов, просим ЦК КПСС дать указание Дому журналистов оформить учреждение такой премии — полуторамесячной поездки по Советскому Союзу (с женой).

Со своей стороны, мы могли бы выдвинуть предложение о присуждении этой премии за 1955 год редактору газеты «Де Мойн реджистер»²⁴, по инициативе которого состоялся обмен сельскохозяйственными делегациями между Советским Союзом и Соединёнными Штатами.

А. Аджубей, В. Бережков, Н. Грибачев, Б. Изаков, Б. Полевой,
Б. Полторацкий, А. Софронов

29 ноября 1955 г. Москва

¹ Российский гос. архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 734. Л. 131–146.

²³ октября у гостиницы в Кливленде, где остановились журналисты, был организован антисоветский митинг. Демонстранты требовали отменить поездку «семерых». См. 7 Russians Picketed; Cleveland Crowd Threatens Journalists Here on Visit // New York Times. 1955. October 24. В своем травелоге Полевой возлагал ответственность за проведение митинга на бывших выходцев из СССР: «Легко было заметить, что в этой толпе почти не было коренных американцев. Кричали по-русски, по-украински, по-латышски. Да, это все ди-пи, как называют здесь тех, кто, совершив во время войны преступление перед родиной, побоялся вернуться домой, очутился в лагере для “перемещенных лиц”, а теперь околачивается здесь, в Америке, перебиваясь кое-как на черных работах». См.: Полевой Б. Американские дневники. С. 115.

² Леонид Волков (ум. 1974) — бывший советский военный летчик. Выжил в авиакатастрофе, управляя самолетом, летевшим из Франции в Чехословакию. В 1945 г. попросил политического убежища в США. Написал серию статей «Сталин думает, что я мертв» для «The Saturday Evening Post». Многолетний сотрудник журнала «Newsweek», выступавший экспертом-советологом.

³ Михаил Михайлович Коряков (1911–1977) — журналист, писатель. В апреле 1945 г. попал на фронте в плен к немцам, был освобожден американскими войсками, из лагеря «ди-пи» бежал в Париж, затем в Бразилию; с 1950 г. поселился в США, где по-русски и в пер. на англ. вышла его книга «Почему я не возвращаюсь в Россию» (1948). Сотрудник газеты «Русская мысль», нью-йоркского отделения радио «Свобода».

⁴ Газетная империя Уильяма Рэндольфа Херста (1863–1951) — отца «желтой» журналистики. В советской печати выражение «херстовская пресса» стало нарицательным обозначением для низкопробных «буржуазных» газет, не имевших просоветских симпатий.

⁵ A Quiz of Russia's Opinion Makers // U.S. News and World Report. 1955. November 11. P. 76–92.

⁶ Вацлав Давид (1910–1996) — министр иностранных дел ЧССР (1953–1968).

⁷ В насмешливо-ядовитой статье «Кутеж à la Russe», в частности, сообщалось о проведенной пресс-конференции: «Когда израильский корреспондент спросил об исчезновении нескольких еврейских репортеров в России, Валентин Михайлович Бережков вежливо ответил: “Спросите Молотова”. Репортер чикагской газеты “Lithuania Daily News” поинтересовался у Изакова, почему его жена находится в тюрьме в Сибири. Разозлившись, Изаков вышел из зала, фыркнув: “Что за бред!”». См. Junket à la Russe // Time. 1955. October 31.

⁸ Поль Робсон (1898–1976) — популярный в СССР афроамериканский певец, лауреат Сталинской премии мира (1952) В 1958 и 1961 гг. побывал в СССР с концертами. Встрече с Робсоном представители журналистской делегации посвятили значимые части своих тревелогов, в которых обращали внимание на бойкот, объявленный певцу: «Ни один театр, даже если бы этого хотел коллектив, не откроет своей двери перед Робсоном: театр частный, а его хозяин предупрежден, что артист находится в соответствующих списках. Когда-то, и даже не так давно, Робсон пел в негритянских церквах. Теперь он не может делать и этого» (*Грибачев Н.* Путешествия. С. 92).

⁹ Сайрус Итон (1883–1979) — американский бизнесмен, лауреат международной Ленинской премии (1960). В памятной записке Полевой докладывал: «Итон встречался с советской сельскохозяйственной делегацией, посетившей США, и передавал через неё в дар Советскому Союзу призового племенного бычка со своей фермы, стоимостью 1000 долларов. В разговоре с нами Итон сказал, что он хотел бы посетить Советский Союз, и что наиболее подходящим для него временем был бы май–июнь 1956 года» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3826). Сообщения о выступлениях Итона в американской печати, в которых он призвал остановить угрозу ядерной войны, регулярно помещались в советских газетах. См.: В этом они согласны // Литературная газета. 1957. 15 октября; Американский промышленник о существовании // Литературная газета. 1956. 27 марта; Трезвые голоса // Огонек. 1957. Декабрь. С. 27.

¹⁰ Дэвид Маккей (1873–1970) — глава мормонской церкви (1951–1970). Принимая советскую делегацию, Маккей интересовался, возможно ли купить землю в СССР, построить храм и начать проповедовать учение мормонов. В ответ он услышал, что в Советском Союзе «земля – собственность народа, поэтому не продается и не покупается, в дела религиозные государство не вмешивается», и ему следует обратиться в Совет по делам религиозных культов (*Полевой Б.* Американские дневники. С. 138).

¹¹ Фрэнк Клокхун (Frank Kluckhohn, 1907–1970) — ведущий корреспондент «The New York Times», с 1955 по 1961 г. — консультант Госдепартамента. В майском

номере «Reader's Digest» 1966 г. Клокхун опубликовал статью «Путешествуя по США с семьей красными». В ней он утверждал, что В. Бережков не был корреспондентом, а являлся «коммунистическим боссом» под прикрытием, что другие делегаты, захватив из Москвы фотографии красивых манекенщиц и юных киноактеров, выдавали их за своих жен и детей. Ознакомившись с этим материалом, советские журналисты лишились дара речи: ведь именно Клокхуна они считали «самым приятным, деятельным и симпатичным американцем» (Полевой Б. Американские дневники. С. 345). Спасая положение, Б. Полевой снабдил свой травелог дополнительным примечанием, в котором изобличал ложь Клокхуна.

¹² Резкие отзвывы об Эдмунде Глене оставили все участники поездки, прямо называя его сотрудником американских спецслужб (см., например: *Грибачев Н.* Путешествия. С. 35–36).

¹³ Перемещенные лица (displaced persons — «ди-пи») — граждане, в том числе военнопленные, старобайтеры, коллаборационисты, оказавшиеся за пределами СССР к концу Второй мировой войны. Для многих «ди-пи» насильственная репатриация означала судебные преследования, обвинения в шпионаже, ГУЛАГ и расстрел.

¹⁴ Джозеф Махони (1884–1962) — американский сенатор от штата Вайоминг. На встрече с журналистами Махони, критикуя свободу слова в СССР, заявил, что «в США ни один государственный чиновник не посмел бы указывать редактору, что печатать в газете» (Senator Chides Soviet Newsmen // *New York Times*. 1955. 13 November).

¹⁵ Альберт Кан (1912–1979) — американский журналист, член КП США. Автор ряда книг, резко критикующих политику и работу спецслужб США, в частности, направленную против СССР. В 1959 г. Кан побывал в СССР, где планировал договориться о написании еще двух книг. Одна из них должна была быть написана от имени его сыновей и рассказать о Советском Союзе американскому юношеству, другая — о Большом театре (см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 3986).

¹⁶ Иван Иванович Беглов (1904–1968) — с марта 1950 г. по май 1955 г. возглавлял корреспондентский пункт ТАСС в Нью-Йорке. После двухлетнего пребывания в Москве, в 1957 г. Беглов вновь вернулся на пост руководителя нью-йоркского отделения бюро.

¹⁷ В дополнительных материалах к отчету Б. Полевой конкретизировал: «Отозван ведущий корпунктом Беглов, хорошо знающий экономику Америки, и опытные корреспонденты Федоров, Косов, Карев. Вместо них заведующим прислан Величанский, никогда не занимавшийся Америкой и совершенно не знающий страну, Алябьев — специалист по Латинской Америке, знающий только испанский язык, и вместо сокращенной американки прислан Паромонов, человек способный, но совершенно лишенный опыта корреспондента». См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 734. Л. 148.

¹⁸ «...он купил по случаю такой старый автомобиль, что появление его на рынке можно было объяснить только ликвидацией автомобильного музея. <...> предлагаю присвоить машине название — *Антилопа. Антилопа-Гну*» («Золотой теленок». Ч. 1, гл. 3).

¹⁹ Николай Григорьевич Пальгунов (1898–1971) — советский журналист, редактор, работал корреспондентом в Иране, Финляндии, во Франции, зав. отделом печати НКВД СССР, генеральный директор ТАСС в 1943–1960 гг., в 1956–1961 гг. член ЦРК КПСС.

²⁰ Фестиваль индийского кино в Москве (1954), итальянского кино в Ленинграде (1955), неделя французских фильмов в Москве и Ленинграде (1955).

²¹ Джон Джекобс (1897–1966) — арizonский фермер. В «Американских дневниках» Полевой сообщал, что письма Джекобса своей жене Марте были напечатаны в газетах и прокомментированы по радио и телевидению в Штатах. Эти письма, в которых развенчивались многие антисоветские мифы, были напечатаны

в «Огоньке» (*Джекобс Дж.* Глазами американского фермера // Огонек. 1956. Август. С. 17–19).

²² Сохранился документ, согласно которому 8 марта 1952 г. было оформлено решение о выплате гонорара Говарду Фасту за роман «Дорога свободы» и книгу «Пикскилл, США» в сумме 15 218 руб. в долларах США. См.: [1, с. 264]. В апреле 1954 г. Фаст получил 25 000 \$ Сталинской премии в «хрустальном зале» отеля Макальпин в Нью-Йорке.

²³ В 1946 г. Л. Хеллман встречалась с Константином Симоновым во время его поездки в США с Илей Эренбургом и генералом Михаилом Галактионовым. Вместе они участвовали в митинге русско-советской дружбы, а потом Хеллман устроила прием в честь советских писателей, где обсуждались вопросы советской и американской литературы. Она передала Симонову доверенность на получение гонораров, причитающихся ей за постановку пьес «Стража на Рейне» и «Лисички» в СССР. В том числе она просила купить сувениры, напоминающие ей о России, например, «народные вышиванки или вышитое сукно». См.: [3, с. 43]. По-видимому, Симонов не исполнил волю Хеллман, так как в письме Р. Орловой от 30 декабря 1968 г. она интересовалась своими гонорарами за пьесы.

²⁴ Лорен Сот (Lauren Soth, 1910–1998) — редактор ежедневной утренней газеты города Де-Мойн, шт. Айова. В своей редакционной статье он предложил Хрущеву командировать в Айову советскую делегацию, которая бы «вывела всю подноготную, узнав, как выращивать скот, свиней, овец и кур» (*Soth L.* If the Russians Want More Meat... // *The Des Moines Register.* 1955. 10 February). За свою статью Сот получил Пулитцеровскую премию в номинации «редакционный комментарий». Летом 1955 г. он вместе с одиннадцатью американскими фермерами совершил поездку в СССР. См.: *US Farm Group in Soviet Capital* // *The New York Times.* 1955. July 16.

Литература

1. *Костырченко Г.* Тайная политика Хрущева. М.: Международные отношения, 2012. 528 с.
2. *Орлова Р.* Хемингуэй в России. Ann Arbor: Ardis, 1985. 86 с.
3. *Щербинина О.И.* А. Мальц, Г. Фаст, Л. Хеллман и СССР: литературные контакты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 190 с.
4. *Щербинина О.И.* Говард Фаст и советские писатели. Статья первая. «Рука дружбы, протянутая через океан»: 1949–1955 гг. // *Литература двух Америк.* 2023. № 14. С. 285–314. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-285-314>
5. *Barghoorn F.C.* The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960. 362 p.
6. *Fainberg D.* Cold War Correspondents. Baltimore: Johns Hopkins University, 2020. 376 p.
7. *Magnúsdóttir R.* Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945–1959. Oxford: Oxford University Press, 2019. 240 p.
8. *Sorin G.* Howard Fast: Life and Literature in the Left Lane. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2021. 528 p.

“Seven Romantics Sailing Away.” Soviet Journalists on the First Cultural Exchange Visit to the US during the Khrushchev “Thaw”

© 2023. Olga I. Shcherbinina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial supported of the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00393 “Russia / USSR and the West Viewing Each Other: Literature in the Context of Culture and Politics in 20th Century” (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Abstract: The article reconstructs the tour across the US made by seven Soviet newsmen in October–November, 1955. Headed by B. Polevoy, they arrived to study “the best of things in American life.” The delegates spent long hours in conversations with Arizona farmers, Mormons, Volga Molokans relocated to the US, Indians, etc. Although these ethnographic passages play a significant role in the travelogues written after the tour, the article focuses on the matters related to literary history, i. e. meetings of journalists with “progressive writers,” negotiations concerning pending royalties, discussion of Soviet literary production in the American market. To get the low-down of these processes, we turn to the confidential documents deposited in the Russian archives (RGALI and RGANI). The appendix to the article publishes delegation’s report on the trip sent to the Department of Propaganda and Agitation of the CPSU Central Committee.

Keywords: Soviet-American literary contacts, B. Polevoy, B. Izakov, N. Gribachev, travelogues, Cold War and the political Thaw, archival documents.

Information about the author: Olga I. Shcherbinina — Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82/2 Vernadskogo Pr., 119671 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2102-547X>

E-mail: olga-scherbinina24@mail.ru

For citation: Shcherbinina, O.I. “‘Seven Romantics Sailing Away.’ Soviet Journalists on the First Cultural Exchange Visit to the US during the Khrushchev ‘Thaw’.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 293–322. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-293-322>

References

1. Kostyrchenko, G. *Tainaia politika Khrushcheva [Khrushchev's Secret Policy]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012. 528 p. (In Russ.)
2. Orlova, R. *Kheminguei v Rossii [Hemingway in Russia]*. Ann Arbor, Ardis Publ., 1985. 86 p. (In Russ.)
3. Shcherbinina, O.I. *A. Mal'ts, G. Fast, L. Khellman i SSSR: literaturnye kontakty [A. Maltz, G. Fast, L. Hellman and the USSR: Literary Contacts: PhD Dissertation]*. Moscow, 2023. 190 p. (In Russ.)
4. Shcherbinina, O.I. "Govard Fast i sovetskie pisateli. Stat'ia pervaiia. 'Ruka družby, protianutaia cherez okean': 1949–1955 gg." ["Howard Fast and Soviet Writers. Article 1. 'A Friendly Hand Reaching out Across the Ocean': 1949–1955"]. *Literatura dvukh Amerik*, no. 14, 2023, pp. 285–314. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-285-314> (In Russ.)
5. Barghoorn, Frederick Charles. *The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1960. 362 p. (In English)
6. Fainberg, Dina. *Cold War Correspondents*. Baltimore, Johns Hopkins University Publ., 2020. 376 p. (In English)
7. Magnúsdóttir, Rósa. *Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945–1959*. Oxford, Oxford University Press, 2019. 240 p. (In English)
8. Sorin, Gerald. *Howard Fast: Life and Literature in the Left Lane*. Bloomington, IN, Indiana University Press, 2021. 528 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 08.06.2023
Одобрена после рецензирования: 15.07.2023
Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 08.06.2023
Approved after reviewing: 15.07.2023
Date of publication: 25.09.2023

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт.
2023. № 3 (29)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (29), 2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 82-3
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-323-352>
<https://elibrary.ru/RGXNCP>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

К рецепции немецкого экспрессионизма в СССР: Неизданная статья П. Когана о И. Бехере

© 2023, С.И. Панов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье исследуется ранняя рецепция творчества Иоганнеса Р. Бехера в советской критике в контексте восприятия в СССР немецкого экспрессионизма. Если А.В. Луначарский, П.С. Коган в целом сочувственно оценивали это литературное направление 1910-х гг., подчеркивая революционные интенции экспрессионистов не только в творчестве, но и в их общественной позиции (антибуржуазный активизм, близость к рабочему классу и коммунистической партии), то критики, ориентировавшиеся на программу журнала «На литературном посту», связанные с Коммунистической академией, склонны были отвергать экспрессионизм как упадническое явление буржуазной культуры. Они решительно выводили Бехера за его рамки. Рассматривается также интерес к экспрессионизму сотрудников Государственной Академии художественных наук (ГАХН), президент которой П. Коган в 1926 г. выступил в ГАХН с докладом «Иоганнес Бехер. (Страница из истории немецкого экспрессионизма)», текст которого впервые публикуется в приложении к статье.

Ключевые слова: экспрессионизм, немецкая поэзия, советская литературная критика, рецепция европейской литературы в СССР, ГАХН, И.Р. Бехер, П.С. Коган, А.В. Луначарский.

Информация об авторе: Сергей Игоревич Панов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7240-7219>

E-mail: sergeipanov@mail.ru

Для цитирования: Панов С.И. К рецепции немецкого экспрессионизма в СССР: Неизданная статья П. Когана о И. Бехере // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 323–352. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-323-352>

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

1

На совещании в Коммунистической академии в январе 1927 г. критик-марксист И.И. Анисимов напомнил, что в первые пореволюционные годы «была установка на то, чтобы дать нашему новому читателю пролетарскую, революционную западную литературу, чтобы его в переводе познакомить с наиболее интересными писателями Запада. <...> Правда, в этот период у нас давалась западноевропейская литература буржуазной школы, выражавшая недовольство интеллигенции войной, и также преподносилась как чисто пролетарское течение. Я напомним вам, как у нас преподносились в это время немецкие экспрессионисты. Они преподносились как основоположники, как предтечи пролетарской литературы на Западе»¹. Трактовка немецкого экспрессионизма как течения революционного, а значит — союзного пролетариату, имела свои очевидные причины. «Дело в том, что экспрессионизм крайне революционен. Смертельная вражда против консерватизма традиций, борьба со всем старым и броски, бурные броски в новое — все это отмечает собою каждый шаг экспрессиониста. Мало того: и в сфере политической экспрессионисты выступают в качестве самых решительных радикалов; социализм, анархизм, коммунизм пестреют на их знаменах; их ненависть к буржуазии и капитализму не знает предела и конца; их любовью, их надеждой является ...пролетариат!», — отмечал в статье «Экспрессионизм как социальное явление» (1922) Борис Арватов [8, с. 467].

В том же 1922 г. в Советской России появляется ряд работ, по-разному оценивающих феномен экспрессионизма, его итоги и перспективы. Начинает выходить журнал «Современный Запад», сыгравший главную роль в первоначальном знакомстве русского читателя с поэзией немецкого экспрессионизма². В первой его книге о новом направлении в немецком искусстве рассказывается в двух статьях: Н. Радлов пишет о живописи, А. Гвоздев о драме. Оба автора — профессора Института истории искусств, стараются объяснить внутренние установки художественной практики экс-

¹ Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 134. Л. 6.

² О восприятии поэзии немецкого экспрессионизма в советской России см.: [13], обзор А.В. Чёрного «“Сумерки человечества” в русских переводах 1920-х годов» [6, с. 192–204]. О русской версии экспрессионизма см. пионерские статьи В. Маркова [14] и Т.Л. Никольской [5], а также монографию В.Н. Терёхиной [9] и составленный ею сжатый очерк вопроса [12, с. 496–503]; тексты русских экспрессионистов: [8].

прессионистов («драма ищет новых средств *дематериализации и уничтожения иллюзии реальности*»³). При этом Радлов скептичен, считает громкий эксперимент завершенным: «История экспрессионизма — это история удачного термина, развившегося в теорию и разбитого фактами»⁴; Гвоздев же акцентирует перспективы разработки подходов и приемов драмы экспрессионизма, сочувственно ссылаясь на Оскара Вальцеля («маститый исследователь... искренне приветствует молодых») ⁵. В 1922 г. в Петрограде вышел перевод четырех глав из труда Вальцеля «Немецкая литература после смерти Гёте» (1920), посвященных импрессионизму и экспрессионизму, с попыткой разобраться в философских и мировоззренческих основаниях этих направлений. Причем Вальцель особо оговаривает, что экспрессионисты смогли свой творческий активизм применить в действии — в ходе германской революции 1918–1919 гг.⁶ Новым, развивающимся явлением называет экспрессионизм в предисловии к книге В.М. Жирмунский⁷.

Одновременно в журнале «Книжный угол» (1922. № 8) появляется продолжение «Записок о западной литературе» Ю.Н. Тынянова, посвященное экспрессионизму. Критик отмечает принципиальную эклектичность, отсутствие художественной доминанты в практике этой школы и констатирует ее конец: «Экспрессионизм расплылся» [10, с. 131].

В том же году выходят статьи, в которых обсуждаются социальные корни и политическая программа немецкого экспрессионизма. В этом вопросе мнения тоже разделились. А.В. Луначарский с горячим энтузиазмом приветствует новое литературное направление. В «Известиях» (1922. 2 авг.) он отвергает утверждение немецкого критика Лео Райна о «смерти» течения; Луначарский подчеркивает бесспорные достижения драматургии экспрессионизма, «способной к прекрасному дальнейшему развитию», и анонсирует появление русских переводов пьес Г. Кайзера и К. Штернгейма⁸. Эту новую

³ Гвоздев А. Экспрессионизм в немецкой драме // Современный Запад. 1922. Кн. 1. С. 114.

⁴ Радлов Н. Современное искусство Франции и Германии // Современный Запад. 1922. Кн. 1. С. 102.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ Вальцель О. Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии (1890–1920). Пб.: Academia, 1922. С. 82–83.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Луначарский А. Театр и революция. М.: ГИЗ, 1924. С. 89.

драму экспрессионизма, полагает Луначарский, можно «назвать действительно современной и соответствующей современным настроениям», она «резка до грубости, остроумна до эксцентризма», а главное — классово близкая: «Может быть, она не всегда коммунистическая, но она определенно антибуржуазна. При этом она бьет наотмашь не только мещанство, <...> но с презрением и ненавистью хлещет крупный капитал, военщину, государство и т. д.»⁹ О «ярко выраженной антибуржуазности» немецкого экспрессионизма Луначарский подробнее пишет в предисловии к русскому изданию драм Кайзера¹⁰, отмечая: «В литературе левый фланг экспрессионизма очень велик и не только примыкает к коммунизму, но даже в некоторой степени распространяется дальше налево, довольно легко заражаясь детскими болезнями левизны. Не удивительно поэтому, что первые революционные поэты в Германии, в свою очередь, очень часто заражаются экспрессионизмом.

Это явление совершенно параллельное, скажем, коммунистическим пьесам т. Маяковского. <...> Экспрессионисты должны были бы признать Маяковского своим родным братом» [4, т. 5, с. 413]¹¹.

Чуть позже Луначарский обобщит: «Очень большое количество экспрессионистов стало на явно антиимпериалистическую, антибуржуазную точку зрения. Высшие классы были признаны виновниками бедствия <мировой войны>. Очень немногие зато нашли путь к подлинной революции <...>. Поэтому рядом с сравнительно немногими поэтами-революционерами в полном смысле слова, то есть коммунистами или близко подошедшими к коммунизму, мы имеем большую группу буржуазных поэтов, неопределенных протестантов, а за ними пацифистов...»¹².

В статье «Западная интеллигенция» (впервые: Печать и революция. 1922) Луначарский утверждает, что левая радикальная интеллигенция Европы (называет имена экспрессионистов) объек-

⁹ Луначарский А. Последние пьесы Г. Гауптмана // Современник. 1922. Кн. 1. Цит по: [4, т. 5, с. 397–398].

¹⁰ Впервые частично опубликовано: Заметки о западной литературе. I. Несколько слов о германском экспрессионизме // Жизнь. 1922. № 1.

¹¹ «По-справедливости», полагает Луначарский, экспрессионистами должны также называться «Каменский, Асеев, Третьяков, отчасти Пастернак». Он считает, что присутствие души и «внутреннего содержания» выгодно отличает экспрессионизм от «теории производственного искусства», экспериментов Татлина и Малевича [4, т. 5, с. 415, 420, 424].

¹² Предисловие к кн.: Современная революционная поэзия Запада. М.: Огонек, 1930. С. 4.

тивно сближается с «рабочими интернационалами» и даже вливается в ряды коммунистов [4, т. 5, с. 427, 444]. Впрочем, в курсе лекций «История западно-европейской литературы в ее важнейших моментах» (1924) он даст коррекцию: «Толковать экспрессионистов как людей, которые нам могут указать какие-нибудь пути, нельзя, но мы чувствует, что у них в груди настоящее страдание. Хотелось бы их выручить, но выручить их можно только дальнейшими победами коммунизма» [4, т. 6, с. 356]. При этом Луначарский трактует классовую основу экспрессионизма как «антибуржуазную» растерянную интеллигенцию, противопоставляя ее насквозь «буржуазным» символистам. В «Письмах с Запада» (1926) Луначарский вновь настаивает, что союз коммунистов с представителями экспрессионизма — органичен (Г. Грос, Э. Пискаатор, Л. Рубинер, Бехер), что многие представители берлинской интеллигенции не враждебны пролетариату [4, т. 6, с. 385]¹³.

В противоположность взглядам Луначарского Борис Арватов видел в искусстве экспрессионизма абсолютное выражение формалистического разложения с четко выраженной классовой основой: «Это песни одурманивающей себя буржуазии»; революционная Россия противопоставила экспрессионизму жизнеутверждающее производственное искусство «материальных конструкций» (Малевич, Татлин)¹⁴. Свое понимание вопроса Арватов развил в цитированной статье «Экспрессионизм как социальное явление»: «Социальным носителем конструктивизма является передовая революционная, главным образом, техническая интеллигенция; социальным носителем <...> экспрессионизма является <...> интеллигенция отсталая, идеалистическая, беспочвенная. И не случайно, конечно, что конструктивизм пустил корни в Советской России, а экспрессионизм — в шейдемановской и стиннесовской Германии» [8, с. 469].

Точка зрения Арватова восторжествовала, и во второй половине 1920-х гг. в советской критике сомнений в «буржуазности» (пусть с оговорками) экспрессионизма уже не было. Оторвать писателя от его буржуазных корней можно было, лишь выведя его за границы экспрессионизма.

¹³ См. также в статье О. Россиянова «Пролеткульт и экспрессионизм» [12, с. 458–459].

¹⁴ Печать и революция. 1922. № 6. С. 308.

2

Искусство экспрессионизма привлекло пристальное внимание искусствоведов и историков литературы Государственной Академии художественных наук (ГАХН). 14 июня 1922 г. на пленарном заседании философского отделения с докладом «Об экспрессионизме» выступает искусствовед и музейщик М.И. Фабрикант. В 1921–1923 гг. в театральной секции «исследованы были почти все драматурги немецкого экспрессионизма», с докладом «Современная экспрессионистическая драма в Германии» 6 июня 1922 г. выступил П.А. Марков. В секции пространственных искусств доклад «Об экспрессионизме» 10 марта 1924 г. представила В.А. Сидорова, в подсекции живописи в 1924 г. о немецких художниках докладывал М.И. Фабрикант («К стилистике экспрессионизма», 3 октября), о русских (в частности, о М.К. Соколове) — М.Н. Тарабукин («О русском экспрессионизме», 14 ноября)¹⁵. В 1924 г. в Москве прошла 1-я Всеобщая Германская художественная выставка, в отчете о которой ученый секретарь ГАХН А.А. Сидоров центральное место уделил эмоциональной оценке живописи немецкого экспрессионизма («От выставки, куда мы приходили искать экспрессионистов, выносилось впечатление, что, может быть, — ужасно признаться! — его и нет вовсе и не было, быть может»)¹⁶. Весной 1926 г. с докладом о «первом русском художнике-экспрессионисте» Н.П. Ульянове выступила К.А. Зеленина (3 апреля), в комитете кино доклад «Конрад Вейд и экспрессионизм» сделал К.Н. Державин (17 апреля)¹⁷. Осенью 1926 г. два доклада были посвящены «немецкому революционному поэту-экспрессионисту И.Р. Бехеру»: Д.С. Усов остановился на его переводах на немецкий стихов В. Маяковского и Д. Бедного (доклад «Русская литература октябрьской эпохи в Германии» в комиссии по изучению революционного искусства 1 октября), президент ГАХН П.С. Коган прочел доклад «О Бехере — страница из истории

¹⁵ Отчет ГАХН. 1921–1925. М.: Тип. «Мосполиграф», 1926. С. 20, 32, 34, 49, 51.

¹⁶ Бюллетени ГАХН. М.: [Б. и.], 1925. Вып. 1. С. 26.

¹⁷ Бюллетени ГАХН. М.: [Б. и.], 1926. Вып. 4–5. С. 57, 92. Элементы экспрессионизма в живописи П. Пикассо рассматривала Н.В. Яворская в докладе 27 сентября 1927 г. (Бюллетень ГАХН. М.: [Б. и.], 1927/1928. Вып. 10. С. 28); «уловить обще-турецкий <тюркский> экспрессионизм» в архитектурных формах азербайджанского искусства пытался В.М. Зуммер (27 января 1927), с докладом «Экспрессионизм в скульптуре» выступил В.Н. Домогацкий (9 июня 1927 г.) (Бюллетень ГАХН. М.: [Б. и.], 1927/1928. Вып. 8–9. С. 60, 39), «Натюрморт у экспрессионистов» — В.А. Сидорова (16 мая 1928 г.) (Бюллетень ГАХН. М.: [Б. и.], 1928. Вып. 11. С. 52).

немецкого экспрессионизма» (в подсекции всеобщей литературы 3 ноября); коллектив сотрудников ГАХН подготовил сборник переводов современных «революционных» поэтов Европы и Америки, в котором широко были представлены немецкие экспрессионисты, и в 1926 г. Академия организовала в Москве Выставку революционного искусства Запада¹⁸.

Также в подсекции всеобщей литературы с проблемным докладом «Мироощущение немецкого экспрессионизма» 30 ноября 1927 г. выступил Е.Л. Ланн. Он «дал обобщающее философское обоснование немецкому экспрессионизму, охарактеризовав настроения технической и художественной интеллигенции предвоенной Германии (бессилие урбанического футуризма вывести литературу из тупика субъективизма). Война вызвала новый внутренний опыт художника, привела к краху субъективизма и наметила выход в реализм. Это наметило пути и методы экспрессионизма, ярко окрашенного революционным мироощущением»¹⁹.

Сохранился протокол заседания, на котором слушался доклад П.С. Когана:

ПРОТОКОЛ № 2

Заседания п/секции всеобщей литературы литературной секции
ГАХН

от 3 ноября 1926 г.

Присутствовали: И.И. Гливенко, П.С. Коган, Г.А. Рачинский, В.А. Дынник-Соколова, М.Д. Эйхенгольд, Д.С. Усов, С.И. Арсеньев, А.Я. Цинговатов, И.А. Кашкин, Б.В. Шапошников, С.С. Игнатов, С.В. Шервинский и 10 человек гостей.

Председатель: И.И. Гливенко Секретарь: С.В. Шервинский

Заслушан был доклад П.С. Когана на тему: «Бехер: страница из истории немецкого экспрессионизма» (см. приложенные тезисы).

В прениях по докладу принимали участие: Д.С. Усов, Г.А. Рачинский, А.Я. Цинговатов, М.Д. Эйхенгольд, Б.В. Шапошников.

¹⁸ Бюллетени ГАХН. М.: [Б. и.], 1927. Вып. 6–7. С. 14, 42. О работе Д. Усова в ГАХН и его перевод из Бехера см.: [11, с. 330, 471–499], на основе доклада опубликована статья: Усов Д. Русская новейшая литература в Германии // Искусство. 1927. № 1. С. 83–94. Каталог выставки революционного искусства Запада / ГАХН, ВОКС. М.: Мосполиграф, 1926. Поэтическая антология, подготовленная в ГАХН, вышла в 1927 г. [7].

¹⁹ Бюллетень ГАХН. М.: [Б. и.], 1927/1928. Вып. 10. С. 21–22.

Д.С. УСОВ — добавляет к докладу справку, что для нас Бехер еще интересен как переводчик Дем. Бедного и Маяковского²⁰. Бехер передает их «логическим ритмом», со всеми приемами экспрессионистической техники, причем он экспрессионистически добавляет от себя к данности автора. Следует отметить применение рифмы и усиленный гиперболизм. Переводы Бехера — «Um dichtungen».

Г.А. РАЧИНСКИЙ — касается вопроса о связи кризиса формы с кризисом идеологии в практике экспрессионизма. Экспрессионисты не отрицают примата бытия над сознанием, но принимая сознание как подвергаемый формовке продукт бытия, не совершают ли они некоторой подмены в сторону идеализма. Так как «КАК» относится к чужому «ЧТО», то возьму свое «ЧТО», чтобы создать свое «КАК»... Это — путь, а не достижение.

А.Я. ЦИНГОВАТОВ — указывает, что Бехер перешел сначала к прозе ритмической и постепенно освобождается от экспрессионизма в пользу реалистической агит-прозы.

М.Д. ЭЙХЕНГОЛЬЦ указывает на роль революционной группировка «Акция», на ее эволюцию и на изменение ее отношений к Бехеру, ныне вылившееся в вражду; интересен момент перехода от разных форм экспрессионистического стиха к деловой агит-прозе. Оппонент выражает пожелание, чтобы п/секция систематически разработала эту проблему.

Б.В. ШАПОШНИКОВ — указывает на нечеткость тезиса, утверждающего «выражение» основным тезисом экспрессионизма. Считает противопоставление экспрессионизма натурализму — неправильным. Как натурализм есть натуралистическое изображение внешней природы, так экспрессионизм — натуралистическое изображение мира внутреннего. Поэтому экспрессионизм — тот же натурализм. Необходимость выражать революционное содержание естественно уводит Бехера от экспрессионизма.

П.С. КОГАН — отвечает, что новый стиль должен сложиться, и сущность его — поставить жизнь на место искусства... «Когда мне больно и хочется кричать, то пусть мне не навязывают никакой

²⁰ Ранее на переводческой работе Бехера кратко остановилась А. Запровская, отметив: «Переводы его являются весьма неточными. Переводы Маяковского как более близкого Бехеру по форме и стремительности удаются лучше, но особенно страдает в переводе Бехера Демьян Бедный, своею уравновешенностью и спокойствием совсем не похожий на переводчика. <...> Можно предполагать, что к Маяковскому Бехера привлекает напряженность и новизна мысли <...>, к Демьяну Бедному та простота и ясность, к которой в последнее время стремится и сам Бехер» (На литературном посту. 1926. № 4. Май. С. 40).

формы»²¹... Будут кричать так, как кричится. Это характеризует и сюрреализм, и другие бунтующие течения. Но этого не разрешить на Западе, этого не достичь интеллигентским группировкам. Бехер почувствовал, что достичь этого можно только через коммунизм. Докладчик не согласен с Б.В. Шапошниковым, но признает, что экспрессионизм ближе к натурализму, чем символизм. Экспрессионизм выражает только реакции на действительность; для экспрессионизма действительность ценна только как толчки. Сюрреалисты — те же экспрессионисты, только доведенные до конца. Экспрессионизм — полный разрыв с действительностью; они друг другу — полярны. В основе высший утилитаризм, даже не агитация, а деловое построение. У Бехера с Маяковским есть родство; перевод же Д. Бедного — недоразумение, возникшее вследствие общего интереса к СССР.

<подписи председателя, секретаря>²²

Доклад Когана это попытка конкретизировать наблюдения по поводу художественных интенций и поэтики экспрессионизма на примере творчества одного автора. В написанной несколькими месяцами ранее статье «Экспрессионизм в Германии» он попытался в афористичной форме представить эстетическую программу экспрессионизма, трактуемого как мироощущение и стиль эпохи 1910-х гг. При этом Коган не углублялся в проблемы политики и классовой борьбы, оценки писателями мировой войны; лишь в конце статьи затронул вопрос «об отношении экспрессионистов к революции», с которой у них «было много точек соприкосновения» в плане художественного пафоса. Указав на революционизирующую роль журнала «Die Action», Коган особо выделил три имени: Франц Пфемферт, Курт Гиллер и Людвиг Рубинер²³. Бехер упомянут в статье вскользь.

3

Можно предположить, что к осени 1926 г. фигура Бехера актуализировалась для Когана в связи с подготовкой в ГАХН упомянутой антологии революционной поэзии [7], а также появившимися в советской печати статьями о немецком поэте, который привлек особое

²¹ В своей предшествующей статье Коган приводит эту сентенцию «одного из французских сюрреалистов» в таком виде: «Когда я чувствую боль, я хочу кричать, как кричится, не спрашиваясь, в какие формы следует облекаться выражению этой боли» (Советской искусство. 1926. № 7. С. 27). Источник цитаты не установлен.

²² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 48. Л. 11–13. Тезисы доклада в деле отсутствуют. Первоначально он был запланирован на 20 октября (там же. Л. 7).

²³ Советское искусство. 1926. № 7. С. 29–30.

внимание критики своим новым романом « $(\text{CHCl}=\text{CH})_3\text{As}$ (Levisite) oder Der einzig gerechte Krieg» (1926). Во второй половине года до СССР дошло и известие о готовящемся в Германии суде над Бехером по обвинению в государственной измене и возбуждении классовой ненависти — по этому поводу в 1927–1928 гг. будет подана масса протестов, включая призыв М. Горького встать на защиту «честного и талантливомго» писателя²⁴.

В журнале РАПП «На литературном посту» вышла статья молодого критика-германиста Анны Запровской «Иоганнес Бехер», в которой творчество поэта было четко разделено на три этапа — в соответствии с его политическими установками и симпатиями: 1912–1917 гг. (мелкобуржуазная богема), революционные события 1918–1919 гг. в Германии (всплеск социальной активности), 1920-е гг. — коммунистический период²⁵. Эта эволюция иллюстрировалась сменой тем и образов в произведениях Бехера. Спустя год она вернулась к теме и постаралась прояснить главный вопрос: «насколько Бехер действительно близок рабочему классу, насколько он действительно является поэтом пролетариата»²⁶. «Германский пролетариат знает Бехера как энтузиаста революции, как пламенного стихотворца, отзывающегося в своем творчестве на все острые вопросы политической жизни. Бехер пользуется доверием и уважением пролетариата»²⁷. Но для этого «богемец-интеллигент» Бехер должен был пройти трудный путь очищения и возмужания. Даже когда «коммунизм стал его целью», «экспрессионистическая форма выражения» мешала верности образов и ясности изложения в стихах и прозе писателя. Излечиться ему помогли усердные занятия политграмотой: «С 1923–24 года начинается его углубленная теоретическая работа над вопросами марксизма <...>. Бехер становится идеологически выдержанным» и создает лучшее свое произведение «У гроба Ленина». Поэт «сознательно оценил и отошел от своего прошлого <“богема”> и стал скромным функционером германской коммунистической партии»²⁸, что дает ясный ответ на главный вопрос статьи.

²⁴ Известия. 1928. 20 января.

²⁵ Запровская А. Иоганнес Бехер // На литературном посту. 1926. № 4. Май. С. 36–40.

²⁶ Запровская А. Иоганнес Р. Бехер. (К приезду И.Р. Бехера в СССР и к судебному процессу против него в Германии) // Новый мир. 1927. № 12. С. 218.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 221, 223.

Некоторым диссонансом звучит в 1926 г. сочувственная оценка экспрессионизма в статье «Об Иоганнесе Бехере» в журнале «Печать и революция», впрочем, — простительным, если учесть, что ее автор Б. Рейх — это Бернхард Райх, немецкий театральный режиссер и критик, друг Брехта и Беньямина, эмигрировавший в СССР в 1925 г. По Райху, поставив себя «на службу партии», Бехер изжил «буржуазно-экспрессионистскую манеру письма», но экспрессионизм дал и много ценного, что пригодилось поэту-коммунисту: во-первых, адекватный словарь, «чтобы передать духовные ценности XX века», во-вторых, ораторскую установку: «Писатель-экспрессионист признает трибуну и в качестве слушателей — тысячи и миллионы». Эволюция Бехера прорисована в статье как путь от расплывчатых фантастических образов и сложной схемы стиха к простоте, четкости, маршевым ритмам, опоре на факты и утилитарной задаче. Теперь это «политический писатель», который стремится «стать репортером и пользоваться актуальностью как материалом»²⁹. Особое место в статье уделено роману «Люизит», который получает самую высокую оценку — при всей авантюрной увлекательности это, прежде всего, честный «репортаж». В итоге Бехер подверстывается к левовской «литературе факта», писатель становится рабочей профессией³⁰.

Признавая, что экспрессионизм обогатил немецкую литературу «выразительностью», Стефан Грюнберг решительно записывает это художественное направление в «приспешники крупной буржуазии», отмечая, что восстановление экспрессионистами самооценности формы в итоге выродилось в «чистое искусство». «На смену ему идет новое искусство <...> — реализм Гросса и Бехера»³¹.

В фигуру первой величины в современной литературе Германии выдвигает Бехера В.М. Фриче, называя в числе ее «главных проявлений» — В. Ферсгофена в прозе, Г. Кайзера в драме, Бехера в поэзии. Эволюция последнего: «От декадентства к богоискательству, от религиозно ощущаемого коммунизма к подлинному марксизму-ленинизму»³². Экспрессионизм трактуется предельно широко, как

²⁹ Печать и революция. 1926. № 6. С. 93, 96.

³⁰ Ср. характерное заглавие очерка о Бехере: «От смокинга к прозодежде» (Живов М. Пролетарские залпы. М.: Огонек, 1930. С. 14–21).

³¹ Грюнберг С.А. Экспрессионизм и после экспрессионизма // Новый мир. 1927. № 1. С. 227–229.

³² Фриче В. Западно-европейская литература XX века в ее главнейших проявлениях. 2-е изд. М.; Л.: ГИЗ, 1928. С. 110.

антитеза импрессионизму и натурализму по основным установкам мировидения; это уже пройденный этап немецкой культуры.

Последователи Фриче, критики, аффилированные с Коммунистической академией, упростили подход к оценке писателя, поставив во главу угла классовое и партийное, художественную же манеру (экспрессионизм) считая не мотивировкой, а следствием, явлением внешним и факультативным. Иван (Янош) Маца намечает эволюцию Бехера пунктиром: он «в первом периоде своего развития был полит-поэтом и слишком пропитался идеологией и формами своей группы»³³. Понятие «политический поэт» (по заглавию стихотворения Вальтера Газенклевера) дискредитировано тем, что группа журнала «Die Aktion» была тесно связана с немецкой социал-демократией³⁴, с которой Бехер порвал, вдохновленный Октябрьской революцией, решительно встал в ряды пролетариата и неуклонно (правда, медленно) усваивал дух коммунистической партийной программы. Выразить ее в стихах поэту пока труднее, чем в прозе, роман «Люизит» — образцовое с классовой точки зрения сочинение, его отличает «строго объективный реализм». «В настоящий момент Иоганнес Р. Бехер, как прозаик, безусловно является самым развитым, самым близким нам из всех прозаиков, которые передали свои силы революционному пролетариату. Он понимает диалектику общественной жизни и революции...»³⁵

Главным толкователем Бехера из числа «комакадемиков» стал И.И. Анисимов. Он выступил с развернутой статьей о поэте через год после того, как Бехер осенью 1927 г. приезжал в Москву и принимал активное участие в создании Международного бюро революционной литературы³⁶, став безоговорочным «другом СССР». Анисимов подробно прослеживает, как смена классовой ориентации отражается в творчестве поэта. В сборнике «Распад и торжество» (1914) у автора, предстающего как «поэт-богема», критик вскрывает глубоко спрятанные «классовые корни» «бюргерского сына»: «Бехер

³³ Маца И. Литература и пролетариат на Западе. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927. С. 171.

³⁴ Вскоре литературоведы Комакадемии поставят приоритетной задачей разоблачение «социал-фашизма» в литературах Запада. Готовившийся коллективный труд издан не был, только в 1935 г. вышла книга А.Я. Запровской «Художественная литература германской социал-демократии», в которой термин «социал-фашизм» уже был снят. Бехер в этом обзоре не упоминается.

³⁵ Маца И. Литература и пролетариат на Западе. С. 110.

³⁶ См. его речь на учредительной конференции МБРЛ: На литературном посту. 1927. № 22–23. С. 6–8.

был художником деклассирующейся мелкой буржуазии», каким он оставался и в овеянном войной сборнике «К Европе» (1916)³⁷. Период 1918–1922 гг. — время классовой раздвоенности: решительно примкнув к революции, Бехер при этом мечется, на грани психоза, между пролетариатом и мещанством, после сборника «Ко всем» (1919) со стихами о героях спартаковского движения выходит сборник «К Богу» (1921) — «последний итог мещанских исканий Бехера»³⁸. В 1920-е в его творчестве «наступает настоящий переворот», который Анисимов кратко описал в статье для «Литературной энциклопедии» так: «Он начинает упорную глубокую работу над собой, очищая свое творчество от шелухи старого мирозерцания. Подлинный революционный поэт в сущности только теперь начинает формироваться» [3, т. 1, стб. 474]. Через плакат, газету и документ, определяющий построение сборника «Груп на троне» (1925), Бехер идет к прозе, и одновременно он «*пришел* к рабочему классу», хоть и «со стороны». «Люизит» — «первое большое подлинно революционное произведение». Сборники «Голодный город» (1927) и «В тени гор» (1928) свидетельствуют о том, что родимые пятна «бюргерского сына» почти сошли. «Есть будущее. Ответственный, трудный, но радостный путь пролетарского художника»³⁹.

Впутывать в творческую биографию Бехера еще и экспрессионизм И.И. Анисимову казалось излишним. Довольно было и преодоления писателем своих мелкобуржуазных («бюргерских») социальных корней. Экспрессионизм же представлялся однозначным буржуазным «клеймом». Спустя 30 лет Анисимов напишет новую большую статью о Бехере — поводом стало посещение им в 1960 г. выставки «Экспрессионизм. Литература и искусство. 1910–1923» в Мюнхене, где была и витрина, посвященная Бехеру, которая привела ученого в негодование. Он решительно отверг попытку «замазать» Бехера экспрессионизмом и развернул очерк «целеустремленного» пути писателя к социалистическому реализму, на котором он рано впитал ценный опыт советской литературы и культуры, в чем автор убедился, лично познакомившись с писателем уже осенью 1927 г. [1, с. 430–462].

³⁷ Анисимов Ив. Творчество Бехера // Вестник иностранной литературы. 1929. № 1. С. 185–187.

³⁸ Там же. С. 190.

³⁹ Там же. С. 194–195.

Трактовка П. Коганом в докладе 1926 г. Бехера как экспрессиониста, пусть и коммуниста, возможно, самому автору вскоре показалась неактуальной. В это же время он работает над предисловием к антологии революционной поэзии (тут он особо выделяет «непреклонного и законченного в своей революционности Бехера» [7, с. 7]), в котором нашел новый подход к теме — анализировать творчество писателей не по «признакам эстетическим» и «с точки зрения литературных группировок» [7, с. 7], а по их отношению к социальным процессам, к революции. В докладе же он явно балансирует между социологическим подходом и формальной герменевтикой, которую разрабатывали в ГАХН искусствоведы-философы круга Г.Г. Шпета. Последней работой Когана о немецком экспрессионизме стала глава в посмертно изданной истории европейского театра. «Сверкнув ослепительным метеором, экспрессионизм быстро стал клониться к своему закату. <...> Экспрессионисты, так решительно ополчившиеся на все устои буржуазной культуры, не связались прочными связями с классом, творящим новые формы жизни в недрах старого, смертельно больного общества. Вследствие отсутствия этой связи бунт экспрессионистов на сцене остался бунтом аристократически-интеллигентским, и его творческая энергия не стала организующей силой в планомерной борьбе пролетариата...»⁴⁰

Текст статьи-доклада публикуется по машинописи с авторской правкой из архива П.С. Когана: РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 2. Ед. хр. 34. В прямые скобки [] заключен текст, зачеркнутый автором, в том числе — большой фрагмент с середины первого абзаца раздела I по середину первого абзаца раздела II. По-видимому, эти пассажи предполагалось опустить в ходе выступления в ГАХН.

⁴⁰ Коган П.С. Очерки по истории западно-европейского театра. [М.:] Academia, 1934. С. 262–263.

ПРИЛОЖЕНИЕ

П. С. К о г а н

Иоганнес Бехер

(Страница из истории немецкого экспрессионизма)

I

Не только немецкая, но и вся европейская поэзия переживает в настоящее время важный поворотный момент своей истории. Этот поворот связан с империалистической войной. Она сыграла решающую роль в том сдвиге сознания, который начался еще до нее. Не только поэты, родившиеся в течение последнего десятилетия истекшего века, сознательная жизнь которых начинается вместе с войной, но и старшее поколение поэтов связали свое творчество с мировой катастрофой. [Можно сказать, что в широком смысле этого слова в Европе нет в настоящее время поэзии не революционной. Совесть и разум требуют ответа, стремятся разгадать искаженный лик современной цивилизации, во всех своих противоречиях представшей в безумии войны. Европейская поэзия стала революционной, если под революцией подразумевается стремление разрушить все формы существующих отношений, все материальные и «духовные» устои.

Буржуазия упорно защищает основы порядка в экономике и в праве, но ей не на кого опереться в поэзии. С тех пор, как на всех концах Европы европейские легионы расстреляли веру в демократию, в отечество, во всевозможные свободы и прочие «священные» слова, обывателю-мещанину нечем занять своего внимания: он потерял ряд красивых слов, еще недавно окутывавших идеалистической дымкой его копеечные интересы, а теперь ставших стертой монетой, обесцененной даже на толкучке.

Мятежные настроения, окрашивающие современную европейскую поэзию, не однородны. За ними можно угадать, с одной стороны, изуродованные тела миллионов людей, потерявших глаза, руки, ноги, калек, принесенных в жертву алчности банкиров и честолюбию династий, слезы матерей, тоскующих о погибших сыновьях, изможденные лица рабочих, изготавливающих части дредноутов и воздушных эскадрилий для грядущей, еще более страшной войны. С другой — бунтующую мысль аристократов духа, высшие слои рафинированной интеллигенции, потрясенной зрелищем противоречий современной жизни, слишком

ясно раскрывшихся, — взволнованной пластами лжи, на которой еще держится капиталистическая цивилизация.

II

Этими двумя источниками революционного брожения художественной мысли определяются два крупных стиля современной поэзии. В разгаре войны при первых хаотических взрывах революции, перебрасывавшихся из одного конца Европы к другому, трудно было разглядеть намечающиеся два несходных течения. Те поэты, которые почувствовали начало великого сдвига сознания, поэты наиболее чуткие, — единственные, которых мы здесь имеем в виду, — не выходили за пределы неопределенных протестов против всех форм существующего уклада жизни.] Первое время казалось, что вся передовая литература превратилась в собрание мятежных манифестов, призывов к борьбе с господствующими представлениями и верованиями, патетических мечтаний о близящемся царстве божием. И сначала европейский обыватель испугался. Ему чудилось, что пришел конец мира, что его самые надежные устои, в виде купонов и охраняющей их полиции, теряют свой кредит. Но страхи обывателя продолжались недолго. В течение истекшего века буржуазия очень быстро справлялась с литературными революциями, поскольку они носили революционно-интеллигентский характер. В свое время она усыновила натурализм, сумела превратить в предмет увлекательного чтения романтический бунт символистов и декадентов, которые начали грозными манифестами, а кончили поставками острых и пряных художественных приправ для посетителей театральных премьер, вернисажей и отдельных кабинетов. Эти же безвредные итоги приходится подвести европейскому футуризму: утонченный мещанин, сначала несколько смущенный желтыми кофтами и неприкрытым в обществе жаргоном, позднее не без удовольствия любовался тем искусством, с которым футуристы изошрялись в эпатировании буржуа, в словесных атаках капитализма.

По-видимому, эта бесславная участь ожидает немецких экспрессионистов и французских сюрреалистов, и всех других «революционеров», [которые не хотят или не умеют протянуть нити от своей художественной «революции» к революционной практике эксплуатируемых классов]. Их разрушительные идеи, их пламенные призывы к ненависти и мщению, их желчный хохот над уродливыми гримасами современной цивилизации и самый свист сатирического бича, падающего на головы сытых и праздных, становятся предметом интересного чтения и нарав-

не с кабарежными танцовщицами и шампанским только развлекают обывателя [после трудового дня].

Лучшие дарования, писатели чуткой совести, творческие гении, задыхающиеся в атмосфере обывательщины, снова торжествующей после военных и революционных потрясений, — они не заметили, как в сотый раз попались на удочку буржуазии и покорно сложили к ее ногам искреннейшие порывы своего духа, благороднейшие движения своего ума. Они сыграли реакционную роль своим восстанием, потому что послужили своего рода громоотводом, унося сознание в те сферы, где опасная электрическая энергия, накопившаяся в современном обществе, разряжается легко и безболезненно. Поэзия, грозившая потрясти современный порядок, извилистыми путями причудливой диалектики стала опорой этого порядка.

Быть может, лучшее определение природе такого революционизма дал Фридрих Вольф: «Разрушение есть религиозное понятие. Революция это значит — бог, жизнь, горение, упоение, хаос, а следовательно, новое рождение. Долой поэтому порядок, во что бы то ни стало. Беспорядочное, не знающее законов есть рождение новых законов. Что такое революция, как не постоянная новая попытка преобразования материи духом»¹. Творческий гений усмотрел в революции только простор для своего собственного выражения. Он не стремится сопоставить свободу и необходимость, свой порыв с объективным движением событий. Рубинер² увидел в картинах «кубиста Пикассо» свидетельство того, что «можно без власти, без средств, без реальности, только из духа — осуществлять огромные царства». На позиции этой отвлеченной революционности стояла и знаменитая группа «Action»³, журнала, поставившего себе целью проводить величественную идею «организации интеллигенции».

Такая революционность не требовала нового стиля. Под ее знаменем прекрасно уживались и основатели «Аббатства»⁴, унанимисты и мистики, и романтики, и реалисты. В самом деле, эта поэзия вместо того, чтобы звать к действию, вместо четкой программы извлекала из зрелища уродливых противоречий современной жизни те выводы, которыми в течение веков довольствовалось идеалистическое сознание. Как удобно и выгодно современной буржуазии, забывшей уроки недавнего прошлого, наслаждающейся непрочным социальным миром, подобное направление мыслей: как хорошо, если на поле битвы при виде изуродованных человеческих тел мысль поэта обращается не к виновникам преступления, а начинает задумываться над несовершенством человеческой природы, над жестокостью человеческого жребия, расплываться

в туманных мечтаниях о грядущем братстве, которое неизвестно откуда снизойдет на нашу грешную землю. А если к этому присоединяется жуткое настроение, ощущение инфернальных сил, незримо влияющих на судьбы человечества, если прокляв эгоизм капиталиста, ложь дипломатов и политиков, поплакав над тяжелой долей рабочего, поэт от печальной действительности по привычке заглядывает в небеса и ищет там старого, как мир, бога, то чего желать классам, благополучие которых построено на основах этих традиционных методов мышления. Нестрашна революционная поэзия, революционность которой заключается в остром и красивом описании жестокостей войны и омерзительных форм эксплуатации, в размышлениях над вечными проблемами, в отвлеченных призывах и в мистических упованиях. Любой сборник революционной поэзии является свидетельством невинности этих порывов.

Революция послужила только новым материалом для использования излюбленных приемов. Революционные стихи Аркоса в его «*Le sang des autres*» («Чужая кровь»), эти страшные стихи о кровавом трехлетии, чем в сущности отличаются они от интимной лирики этого же поэта времен «Аббатства», от настроений «*La vie unanime*»?⁵. Если даже поэт и видит теперь то, чего он не видел тогда, обманутое человечество, которое зовут «ковать свои собственные оковы», видит, как со всех эстрад и трибун люди, одетые в сюртуки, требуют «шестнадцатилетних подростков и тело больного, и женское тело, — все, все для кладбища — последняя ныне война», то это ничего не меняет. Старые романтические приемы воскресли в изображении новых кошмаров, саперов, не успевающих изготавливать кресты на беспредельные кладбища Шампани, Артуа, Босфора и Селуни⁶. И есть что-то от социальной романтики Гюго в прекрасной поэме «Памяти друга». Несмотря на страстную обличающую злобу, проникающую эту поэму, она разрешается неопределенными грезами, надеждой на неведомые страны, где

... факелов выше, колеблемых гневом,
Раскинулось тихое море,
Расцветшее зыбью огней,
Раскинулась область эфира...⁷

Безвредными, отвлекающими настроениями обвеяна поэзия и Жюля Ромена, и Дюамеля, и Вильдрака, и Жува, и Шеневьера, и многих других выдающихся поэтов Франции, мятежных, ищущих выхода из тупика, в который зашла современная культура, ищущих всюду, кроме творческих классов, кующих формы новой жизни.

III

[Можно было бы многочисленными примерами доказать, что] Бунтарство немецкого экспрессионизма носит столь же отвлеченный и безвредный характер.

Он из цистерн глубоких подземелий
Парами белыми с усиьем дышит.
Из кранов хлещет кровь его, пропели
В гудках его стенанья тем, кто слышит⁸.

Так определяет Газенклевер политического поэта. Он ничем не отличается от пушкинского пророка. Он «идет небесною стезею на землю для земного дела, в очах его, исполненных восхода, ночь, хаос принимают формы света, в его объятиях изменится природа под лаской духа нового поэта». Картины тирании, голода, восстаний пробуждают его. Он становится вождем. Но его проповедь смутна. Его армия не организована. Он зовет и будит, но неизвестно — куда, и, кажется, больше думает о потомках, сплетающих ему венок, чем об организации своих современников. Когда ложь и насилие становятся слишком невыносимы,

... тогда на самой высшей башне
Распято сердце в зареве востока,
И медною трубой, трубою страшной,
Гремят слова: встань, слушайся пророка!⁹

Едва ли нужно доказывать, что не из этого течения должен был возникнуть новый стиль европейской поэзии. Не здесь лежал путь от нового бытия к сознанию. Это был старый путь идеализма: от сознания к бытию, от внутреннего мира поэта к той новой страшной действительности, которая развернулась в исторические дни, протекшие с августа 1914 года. Сюда война и революция донеслись раскатами, переложеными в симфонии. Экспрессионизм не мог и не сумел бы на основании опыта, добытого кровавыми уроками, организовать новое сознание. Мне уже приходилось говорить в другом месте¹⁰, что экспрессионизм был прежде всего восстанием против формы, не только против существующих художественных форм, но и против всякого оформления вообще. Порыв к разрушению всех застоявшихся форм, непосредственное ощущение своей энергии, жажда выражения своей внутренней силы — характерные черты экспрессионизма. Быть может, никогда еще не было таким

стремительным бегство внутрь своего собственного духа, как следствие безумной тоски среди ненавистных, окаменевших форм окружающей жизни.

По определению Зиммеля, смысл экспрессионизма заключается в том, чтобы внутренняя подвижность художника продолжалась в произведении, или точнее, произведением, так же непосредственно, как она переживается. Причем это не должно осуществляться на какой-нибудь форме или отливаться в какую-нибудь форму, которая бы навязывалась каким-либо реальным или идеальным бытием извне. Экспрессионизм отвергает всякое оформление, которое художник получает откуда-то извне, от традиции или приема, от образа или установленного принципа. Это борьба жизни за свою самобытность; она хочет всюду, где она выражается, выражать именно лишь самое себя, и поэтому прорывает всякую форму, которая должна быть на нее наложена со стороны какой-либо иной действительности, значимой ради своей действительности, или со стороны закона, значимого ради закона. Это, по образному сравнению Зиммеля, по отношению к живописцу душевная подвижность, которая непосредственно продолжается в руку, держащую кисть, — подобно тому, как жест выражает внутреннее движение, как крик выражает страдание, — движение руки повинуется ей без сопротивления, так что образование, слагающееся в конце концов на полотне, является непосредственным осадком внутренней жизни, недопустившей в своем развертывании ничего внешнего и чуждого¹¹. Экспрессионизм был восстанием против натурализма и импрессионизма. Если первый является искусством наблюдения, второй — искусством впечатления, то экспрессионизм следует определить прежде всего как искусство выражения. И натуралисты, и импрессионисты воспроизводили внешний мир и изображали чувства, возникающие из созерцаний явлений действительности. Экспрессионисты не знают ничего, кроме стремления дать выход своему душевному напряжению, выразить внутренний мир, «растворить предмет в идее с тем, чтобы освободиться от него и найти избавление в ней» (Albert Sörgel. *Dichtung und Dichter der Zeit*)¹².

Ясно, что не в стиле экспрессионизма и — более широко — не в стиле интеллигентского революционизма могли найти свое художественное выражение устремления класса, которому история предназначила дело коренного преобразования жизни. Нужна была поэзия не отвлеченных призывов, а строгого учета действительности, поэзия отчетливых лозунгов. Основной конфликт нашей эпохи необходимо было очистить от всех фантастических и идеалистических наслоений, закрывающих его ясный

[роковой] смысл. Не борьба Ормузда и Аримана, темных и светлых сил, нравственного и безнравственного человечества, — необходимо было вложить прямое содержание во все эти старые мифы. В наши дни они приняли ясные формы. Лицом к лицу стали капитализм и рабочий класс. Иоганнес Бехер принадлежит к числу немногих поэтов, которые вступили на этот путь. Подобно Мартинэ¹³ и Вайяну-Кутюрье, из сферы индивидуальных порывов и бурных хаотических протестов он пришел на твердый путь организованной борьбы и программных действий. А вместе с тем он наметил и черты нового поэтического сдвига.

Этим объясняется необычайный успех Бехера. Он — истинный поэт, но он почти единственный из немецких экспрессионистов, который не поколебался при торжестве реакции, не превратил революционных вспышек своей юности в бенгальские огни, в предмет развлечения для скачущей буржуазии. В то время как обыватель с удовольствием смотрит драмы Кайзера и Штернгейма, почитывает революционные стихи Газенклевера, Бехер вошел в ряды коммунистической партии и получил от «людей порядка» прозвище «Zerbrecher»¹⁴.

Новый стиль, намечающийся сейчас в европейской поэзии, явление необычное. Оно идет вразрез со всеми традиционными представлениями об искусстве, и пройдет, вероятно, немало времени, прежде чем профессионалы, художники и «избранные» читатели признают его стилем, а эту новую литературу — литературой. Ведь речь идет о совершенно новой установке, о замене вопроса «как» сделано другим вопросом «для чего», «в чьих интересах» сделано. Традициям пред-революционного модернизма, а может быть, и господствовавшей веками точке зрения на поэзию наносится могучий удар. Ее преобладающей целью был внутренний мир человеческой личности, его обогащение, ее идеалом — полное осуществление личности, неограниченное выражение творчески сил. Только в течение XIX столетия человеческая личность так остро осознала, что торжество этого идеала находит неодолимые препятствия в социальных условиях, что революция общественная должна предшествовать преобразованию личности, и потому так часто в противоположность античным поэтам поэты XIX века (Байрон, Диккенс, Гейне, Фрейлиграт, Толстой, Короленко и др.) бросали лиру для меча, становились публицистами. В лице Бехера этот процесс находит свое законченное завершение. До него даже в политической поэзии лучших поэтов-борцов было немало самолюбования. Актуальнейшие из них, проникнутые боевым задором, любили революции и социальные потрясения как некий фон, на котором расцветали богатства человеческой души, даже те из них, кто принимал

ская обработка, совершенство формы, занимающее читателя больше вопросом «как» изображено, чем вопросом «что» изображено. Она объявляет репортаж, голый отчет о фактах ремеслом второго сорта. Таким же второсортным считает она всякое художественное произведение, материалом которого является актуальность, неприкрытые вопросы современности. Ей неудобно все, что лишено «эстетизма», т. е. фразеологии, поддерживающей эту систему, все, что не отвлекает внимания в сторону извечных проклятых вопросов, что не насыщено запутывающими обманами и т. п., хотя бы даже мировоззрение автора не выходило из круга буржуазной идеологии.

Тактика пролетариата заключается, напротив, в том, чтобы забыть об этих вечных вопросах и выдвинуть вопрос дня — что надо делать в *данный* момент. «Пролетарским массам нужен писатель, материал которого актуален, который регистрирует всякое событие, как только оно произошло, и фиксирует его боевую ценность. Им нужен хроникер их боевых действий», никакие усыпляющие фантазии, гипнотизирующие ритмы и затемняющая сознание восторженность «не нужны для бойцов, верящих в “чудо” необходимости, для армии пролетариата, готовящейся занять свое место в последнем решительном бою. Нужным стихотворение станет, когда не только общий смысл его будет носить известную окраску, но когда каждое слово его будет иметь этот смысл, когда каждое слово станет лозунгом». Все дело в фактах, в действиях, а не в поэтических измышлениях, не в фантастических конструкциях, не в безумных образах, как говорит сам Бехер в предисловии к своему новому роману «Люизит»¹⁷.

Благодарной задачей для историка литературы могло бы послужить исследование процесса, как в недрах романтически-революционного стиля рождался новый стиль обличительного протокола, как возникал он вместе с новой установкой, с новыми подходами, как умирало содержание бехеровской поэзии, вдохновлявшее его первые сборники: «Разрушение и победа», «Пэан против современности», «Европе», «Всем» и т. д. («Verfall und Triumph», «Päan gegen die Zeit», «An Europa», «An alle» и т. д.), как от религии он пришел к отречению от этого дурмана, как неопределенный романтический термин «народ» сменился четким классовым понятием пролетариата, как грезы о «новом Иерусалиме», «мировом граде» приняли форму конкретного идеала единого трудового общества, организованного на принципах коммунизма, таинственная «судьба» превратилась в программу коммунистической партии, а красивая антитеза гибнущего старого мира и манящей вдали земли

обетованной оказалась организованной борьбой рабочего класса против капиталистов.

Новое содержание требовало и новых выразительных средств. Бехер эпохи «разрушения и победы» во власти кошмаров большого города. Его образы хаотичны. Он не в силах отыскать целесообразности и порядка в несмолкающем движении современной цивилизации. Еще страшнее кажется жизнь, ее загадочные противоречия среди безумия войны. Поэтому над его фантазией витают все духи прошлого, все исчадия мифологии и романтики. Религия, мистика, магия, сны и экстазы приносят ему все свои сокровища, использованные мечтателями всех времен и народов, поэтами ужасов, больными скитальцами столичных улиц, натуралистами, копающимися в гнойных ранах современного общества, одинаково — Бодлерами, Эдгарами и Мопассанами. В эти времена, изображая насилие, он повинен именно в том усыплении внимания, против которого он так решительно восстанет в наши дни: «Вы — насильники. Вас на жалованье взял темный рок, в чьем злате — кал». Источник зла — «темный рок». Освобождение придет от светлых сил. Старый спор Озмунда и Аримана. Пусть убивают насильники. Они должны. Но придет день весны, «майский день и добрый плод»:

Звуки мира – братский хор.
Полный воздуха простор
Человечеству открыт¹⁸.

Тогда «задрожит свора угнетателей перед судом...» Каким — неизвестно. Но этот суд настанет, потому что «за ложь и цепь обид справедливость вечно мстит».

V

Эта трогательная вера в «справедливость», которая как-то в конце концов сама мстит за ложь и обиды, переплетается с пессимизмом и отчаянием. Отсюда обилие слов, выражающих тошноту, мертвечину, отвращение, отсюда гимны утопии, проклятия старшему поколению — первородному греху. В стиле этого периода нет чувства меры, дисциплины, отбора. Образы теснятся один за другим, обгоняют друг друга, нагромождаются в хаотическом движении. Приходится, раздвигая ветки, царапая руки, пробираться сквозь чащи реплик, гримас и чудовищ, прилетевших из сферы бесконечного. Этот стиль соответствует экспрессионистскому содержанию. Откуда было взять четкие слова,

реальные картины поэту, который метался между призывами к братству и взрывами отчаяния?

Экспрессионистская манера Бехера отразилась и на строении его стиха. Его первые сборники это стройные колонны правильных размеров. Первое стихотворение сборника «Ко всем», вышедшего в 1918–1919 году, озаглавленное «Sturm», написано правильным четырехстопным ямбом. Экспрессионистский путь Бехера постепенно прорывает стройность традиционных ритмов и выражается в хаотическом смешении всевозможных размеров. В тщательной работе Нейштадта «О рифме Бехера»¹⁹ показано на одном этом частном вопросе, как порывал этот поэт с поэтической традицией. Только тщательное исследование частных проблем бехеровского стихосложения раскроет во всей полноте формальную революцию, которой на наших глазах сопровождается революция идейного содержания поэзии.

Пройдя стадию традиции и хаотического бунта, Бехер в последних своих произведениях становится ярким выразителем нового стиля. Он преодолевает в себе свою интеллигентскую сущность и возвращает поэзии то значение, которое она имела во времена, когда ритмическая речь облекала законы Солона или военные приказы Тертея. Чтобы понять пропасть, отделяющую Бехера эпохи «Разрушения и победы» <1914> от Бехера наших дней, достаточно взглянуть на его новейшие произведения «У гроба Ленина», «Груп на троне» и пр. Рассеялись все фантастические образы, изобретенные человеческим воображением. Все стало простым и четким:

У гроба твоего, о, мертвый Ленин,
Задумчиво несем мы почетный караул <...>
Ленин!
Рабочие поминают тебя не словами,
Рабочие устали от бесчисленных слов.
Рабочие чествуют тебя делами, Ленин <...>
Без прикрас была твоя кристальной граненая речь,
Сухая, серая речь. Так стал ты сознанием
Боевых рабочих отрядов.
Друг всех рабочих на свете, товарищ Ленин!
Мыслью указывал им ты дорогу. Ибо
И мысль была для тебя — инструмент. С этим
Оружьем в руках идут теперь за тобою
Миллионы пролетариата...

В своей простой рабочей одежде
Лежит в гробу Ленин ²⁰.

Эти слова — эстетическая программа нового Бехера. Когда-то Либкнехт привлекал его «устаами ангельского экстаза, замкнутыми щетинистым кулаком палача», а Роза Люксембург была — «святая жена», которой он «нес дары хваления в мирах, тело сняв с креста и пеленой чистойшей увивая»²¹.

От этих библейских образов не осталось ничего. Художественному слову ставится новая задача. Оно служит для того, чтобы указывать дорогу. Оно должно быть простым и деловым. В нем не должно быть ничего самодовлеющего. Бехер не знает ничего о той автономной звуковой жизни слова, которую так ценят наши формалисты. Поэт и политический вождь ничем не разнятся между собой. Мир вступил в стадию борьбы, вступил надолго, а в такие периоды не до переживаний, не до украшений, не до тонких чувств. Подъем, красота и пафос в агитации, в организации борьбы. Новые задачи поэзии требуют и нового подхода к ритмической речи. Новый ритм — скорее логический, чем тонический. Он не зависит от звуковой природы слова, от ударений, долготы, краткости. Он определяется содержанием слова. Стих это — часть мысли, строфа это — законченный круг мыслей. Человек борьбы делает передышки и остановки по окончании той или другой части работ. Его цезуры связаны с его целями, с заданным себе уроком. Формальные законы заменяются художественным чутьем поэта, его стиль свободен, не стеснен ничем, ни размерами, ни рифмами. Новый класс начинает работу сначала, ничего не принимает на веру, подвергает накопленные ценности огненному испытанию своих исторических стремлений. Только те поэты, которые чувствуют это биение пульса нового времени, могут найти пути к созданию нового стиля. Только перед ними открыты творческие возможности. Бехер — один из них.

1926

¹ Творчество Фридриха Вольфа (1888–1953) почти не освещалось в советской критике 1920-х гг. (в отличие от последующих десятилетий). Его ранние пьесы написаны в духе экспрессионизма, революционному преобразованию мира посвящена драма «Это ты» (*Das bist du*, 1919).

² Людвиг Рубинер (1881–1920) — поэт-экспрессионист, драматург, литературный, художественный и музыкальный критик, переводчик (в том числе, русской литературы). Сотрудник «*Die Aktion*», редактор журнала «*Zeit-Echo*» (1917), соучредитель Союза пролетарской литературы (Берлин, 1919).

³ «*Die Aktion*» — литературный журнал, издававшийся в 1911–1932 гг. Францем Пфемфертом. Один из главных органов экспрессионизма. «Этот журнал сыграл большую роль в литературной жизни Германии военного и революционного времени, и его

именем — активизмом — называется целое литературное течение. <...> С 1920 А. превращается в чисто политический, коммунистический журнал. <...> После введения нэпа в России А. становится “левее” коммунистической партии, усматривая в ее политике поправение и оппортунизм. А. превращается в антикоммунистический журнал, в жалкий антикоммунистический листок, нападающий наряду со всей буржуазной прессой на Советский союз и Коминтерн. Он теряет всякое значение, между тем как в свое время А. был передовым журналом левой интеллигенции <...>. Среди мракобесов довоенной и военной Германии А. имел большое революционизирующее значение. Но, не имея твердой классовой идеологической базы, он это значение потерял и должен был распасться» (А. Запровская [3, т. 1, стб. 82–84]). Ср. высокую оценку роли журнала в предисловии П. Когана [7, с. 17].

⁴ Основателями парижского литературного объединения «Аббатство» в 1906 г. были Р. Аркос, Ж. Дюамель, А. Глез, А. Мартен и Ш. Вильдрак, к которым вскоре примкнул Ж. Ромен, ставший лидером унитаристов.

⁵ «Le sang des autres» (1916) — стихотворный сборник Рене Аркоса; «La Vie unanime» (1908) — дебютная книга Жюля Ромена.

⁶ Селунь (Солунь) — греческий город Солоники, рядом с которым было создано воинское мемориальное кладбище Зейтенлик для захоронения павших в первой мировой войне.

⁷ Аркос Р. Памяти друга / пер. Е. Лох [7, с. 26].

⁸ Первая строфа стихотворения Вальтера Газенклевера «Политический поэт»; пер. А. Луначарского [7, с. 135].

⁹ Там же.

¹⁰ Коган имеет в виду свою статью «Экспрессионизм в Германии» (Советское искусство. 1926. № 7. С. 26–30).

¹¹ Коган в свободной манере пересказывает пассаж работы Георга Зиммеля «Конфликт современной культуры» (1918). Ср. в пер. Е.М. Арсенева (Пг.: Начатки знаний, 1923. С. 20–21), в новом пер. Г.А. Шевченко [2, с. 500–502].

¹² Цитата из второго тома капитального труда Альберта Зергеля (1880–1958) «Dichtung und Dichter der Zeit: eine Schilderung der deutschen Literatur der letzten Jahrzehnte» — «Neue Folge: Im Banne des Expressionismus» (Leipzig, 1926). На этот труд Коган ссылается и в других статьях этих лет, характеризуя его как «замечательное исследование немецкого экспрессионизма» [7, с. 17].

¹³ Марсель Мартинэ (1887–1944), однако, не удержался на платформе пролетарского поэта — обличителя мировой войны и друга Советской России (сборник «Pour la Russie», 1920). «Литературная энциклопедия» в 1934 г. констатировала: «В настоящее время Мартинэ примыкает к троцкизму, являя собой типичный пример перехода от мелкобуржуазной революционности в лагерь, борющийся против пролетарской революции» [3, т. 7, стб. 25]. Л. Троцкий написал предисловие к русскому переводу (С. Городецкого) антивоенной пьесы Мартинэ «Ночь» (М.: ГИЗ, 1922).

¹⁴ Т. е. «разрушитель», «ломщик», от глагола zerbrechen (нем.).

¹⁵ Бехер И. Гимн большого красного марша. Из боевой драмы «Рабочие, крестьяне, солдаты» / пер. Б. Горнунга [7, с. 96–97].

¹⁶ Reix B. Из немецкой литературы. Об Иоганнесе Бехере // Печать и революция. 1926. № 6. С. 92.

¹⁷ В «Einleitung» к роману «(CHCl=CH)₃As (Levisite) oder Der einzig gerechte Krieg» (Wien; Berlin: Agis Verlag, 1926) Бехер заявляет: «Эта книга не дитя того духа, который “парит над водами”; она порождена действительностью и несет на себе правдивую, для каждого видимую, вполне отчетливую печать этого ада. Ее языковая масса — сера, как сталь, изрублена, истерзана; суставы сведены судорогой боли <...>. Кровавые мускулы играют <...>. Это не классическое изнеженное тело, не раздущенная танцевальная кукла эпохи мешанного благополучия, но мечтательный бездельник романтизма: это сплошь покрытое ранами тело страстотерпца — трудового народа, распинаемого на кресте <...>. Миллионголосый крик, песнь мятежа и скорби, которую поют миллионы металлических огненных языков» (Иоганнес Р. Бехер. Грядущая война, или (CHCl=CH)₃As.

(Люизит). Роман / пер. с нем. под ред. Д. Выгодского. Л.: Прибой, [1926]. С. 5–6). В последней главе романа («Навстречу советской Европе»), приводя в пример Ленина, Бехер поет гимн коммунистической партии как авангарду пролетариата: «Ваш долг, интеллигенты, поднять голос и тем самым помочь нам привести в движение классовые силы <...>. Ваш долг — вместе с нами работать над освобождением энергии пролетариата <...>. ... революция не есть только пламенная и восторженная преданность революционному идеалу. Революция — не только вооруженное восстание, не только вспышка массового возмущения, революция — и в мелкой изнуряющей партийной работе, революция — в расклейке плакатов. Революция — это легальность и нелегальность <...>. Революция — самое глубокое, самое точное знание, самая суровая, самая смелая и страшная тренировка для жизни в этом мире; она требует от тебя дисциплины, требует выдержки, втягивает тебя целиком, до последнего нерва; забирает всего, без остатка» (там же. С. 183–184). — «Все дело в фактах, в действиях...» — Коган пересказывает по статье: *Рейх Б.* Об Иоганнесе Бехере // Печать и революция. 1926. № 6. С. 94.

¹⁸ *Бехер И.* Насильники / пер. Д. Усова [7, с. 85].

¹⁹ Эюд «О рифме И.Р. Бехера» в кн.: *Нейштадт В.* Чужая лира. Заметки об экспрессионизме. Переводы из одиннадцати современных немецких поэтов. М.; Пг.: Круг, 1923. С. 134–138.

²⁰ *Бехер И.* У гроба Ленина / пер. А. Ромма [7, с. 86–87].

²¹ Сборник «An alle» (1919) Бехер посвятил «Розе Люксембург, К. Либкнехту и революционному пролетариату», в него вошло цитируемое стихотворение «Гимн Розе Люксембург».

Литература

1. *Анисимов И.* Новая эпоха всемирной литературы. М.: Сов. писатель, 1966. 688 с.
2. *Зиммель Г.* Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 1: Философия культуры. 671 с.
3. Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Изд-во Ком. академии, 1929–1939.
4. *Луначарский А.В.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1963–1967.
5. *Никольская Т.Л.* К вопросу о русском экспрессионизме // Тыняновский сборник. Четвертые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1990. С. 173–180.
6. Поэзия сумерек, или Симфония человечества: новые прочтения и интерпретации антологии «Сумерки человечества»: коллективная монография / сост. Н.В. Пестова, Т.В. Кудрявцева. М.: Культурная революция, 2022. 352 с.
7. Революционная поэзия современного Запада. М.: Моск. рабочий, 1927. 228 с.
8. Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / сост. В.Н. Терехина. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 511 с.
9. *Терехина В.Н.* Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Гenezис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 319 с.
10. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
11. *Усов Д.С.* «Мы сведены почти на нет». Т. 1.: Стихи. Переводы. Статьи / сост. Т.Ф. Нешумова. М.: Эллис Лак, 2011. 672 с.
12. Энциклопедический словарь экспрессионизма. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 736 с.

13. *Belentschikow V.* Russland und die deutschen Expressionisten 1910–1925. T. 1–2. Frankfurt a M.: P. Lang, 1993.

14. *Markov V.* Expressionism in Russia // *California Slavic Studies*. 1971. Vol. 6. P. 146–154.

Research Article and Publication of Archival Documents

On the Reception of German Expressionism in the USSR: Unpublished Article by P. Kogan about Johannes Becher

© 2023. Sergei I. Panov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00393 “Russia / USSR and the West Viewing Each Other: Literature in the Context of Culture and Politics in 20th Century” (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Abstract: The article examines early Soviet criticism of Johannes R. Becher’s works in the context of Soviet reception of German Expressionism in the 1920s. A.V. Lunacharsky and P.S. Kogan were mainly positive in their assessments of this literary movement of the 1910s, emphasizing its revolutionary intentions, typical for Expressionists’ works and social position (anti-bourgeois activism, closeness to the working class and the Communist Party). On the contrary, critics that stuck to the program of the magazine “Na literaturnom postu” and associated with the Communist Academy tended to reject Expressionism as a decadent phenomenon of bourgeois culture. They decisively separated Becher from this literary movement. The article also dwells on the Expressionist studies conducted by the research team of the State Academy of Artistic Sciences (GAKhN); in 1926 its president P. Kogan presented his research paper “Johannes Becher. (A page from the history of German Expressionism)” which is published for the first time in the addendum.

Keywords: Expressionism, German poetry, Soviet literary criticism, Soviet reception of European literature, State Academy of Artistic Sciences (GAKhN), J.R. Becher, P.S. Kogan, A.V. Lunacharsky.

Information about the author: Sergei I. Panov — PhD, Senior researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7240-7219>

E-mail: sergeipanov@mail.ru

For citation: Panov, S.I. “On the Reception of German Expressionism in the USSR: Unpublished Article by P. Kogan about Johannes Becher.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 323–352. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-323-352>

References

1. Anisimov, I. *Novaia epokha vseмирnoi literatury* [New Era of World Literature]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1966. 688 p. (In Russ.)
2. Zimmel', G. *Izbrannoe* [Selected], vol. 1: *Filosofia kul'tury* [Philosophy of Culture]. Moscow, Iurist Publ., 1996. 671 p. (In Russ.)
3. *Literaturnaia entsiklopediia: v 11 t.* [Literary Encyclopedia: in 11 vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii, 1929–1939. (In Russ.)
4. Lunacharskii, A.V. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1963–1967. (In Russ.)
5. Nikol'skaia, T.L. “K voprosu o russkom ekspressionizme” [“On the Issue of Russian Expressionism”]. *Tynianovskii sbornik. Chetvertye Tynianovskie chteniia* [Tynyanov Collection. Fourth Tynyanov Readings]. Riga, Zinatne Publ., 1990, pp. 173–180. (In Russ.)
6. *Poeziia sumerek, ili Simfoniia chelovechestva: novye prochteniia i interpretatsii antologii “Sumerki chelovechestva”: kollektivnaia monografiia* [Poetry of Twilight, or Symphony of Humanity: New Readings and Interpretations of the Anthology “Twilight of Humanity”: Collective Monograph], comp. N.V. Pestova, T.V. Kudriavtseva. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ., 2022. 352 p. (In Russ.)
7. *Revoliutsionnaia poeziia sovremennogo Zapada* [Revolutionary Poetry of the Modern West]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1927. 228 p. (In Russ.)
8. *Russkii ekspressionizm: Teoriia. Praktika. Kritika* [Russian Expressionism: Theory. Practice. Criticism], comp. V.N. Terekhina. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 511 p. (In Russ.)
9. Terekhina, V.N. *Ekspressionizm v russkoi literature pervoi treti XX veka: Genезis. Istoriko-kul'turnyi kontekst. Poetika* [Expressionism in Russian Literature of the First Third of the 20th Century: Genesis. Historical and Cultural Context. Poetics]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009. 319 p. (In Russ.)
10. Tynianov, Iu.N. *Poetika. Istoriiia literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 574 p. (In Russ.)
11. Usov, D.S. “My svedeny pochti na net” [“We are Reduced to Almost Nothing”], vol. 1: *Stikhi. Perevody. Stat'i* [Poems. Translations. Articles], comp. T.F. Neshumova. Moscow, Ellis Lak Publ., 2011. 672 p. (In Russ.)
12. *Entsiklopedicheskii slovar' ekspressionizma* [Encyclopedic Dictionary of Expressionism]. Moscow, IWL RAS Publ., 2008. 736 p. (In Russ.)
13. Belentschikow, Valentin. *Russland und die deutschen Expressionisten 1910–1925*, T. 1–2. Frankfurt a M., P. Lang, 1993. (In German)
14. Markov, Vladimir. “Expressionism in Russia.” *California Slavic Studies*, vol. 6, 1971, pp. 146–154. (In English)

Статья поступила в редакцию: 18.06.2023
 Одобрена после рецензирования: 15.07.2023
 Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 18.06.2023
 Approved after reviewing: 15.07.2023
 Date of publication: 25.09.2023

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2023 № 3 (29)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская

Подписано в печать 25.09.2023

Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л.22,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н